

Редакторы тома

Л. А. ДЕМКИНА, Ю. В. ЛУКОНИН

Утверждено к печати
Институтом Африки АН СССР

772683-2

История Замбии в новое и новейшее время.—

И 90 М.: Наука. Главная редакция восточной литературы,
1990.— 292 с.: ил.

ISBN 5-02-016855-6

Первое в советской литературе исследование истории Замбии в новое и новейшее время. В книге анализируются основные этапы развития народов Замбии, процессы становления, эволюции колониального общества, методы и формы британского господства. Большое внимание уделяется истории зарождения и развития национально-освободительного движения, приведшего к крушению колониального режима в Замбии, а также политическому, социальному и экономическому развитию страны в период независимости. Исследуются проблемы современной идеологической и политической борьбы, становления национальной культуры. Показаны место и роль Республики Замбии в системе международных отношений, ее связи с Советским Союзом.

И 0503000000-108
013(02)-90 135-90

ВБК 63.3 (63ам)

ISBN 5-02-016855-6

© Институт Африки АН СССР, 1990

Эта монография входит в серию аналогичных работ, посвященных истории отдельных стран Африки. В книге ставится задача осмыслить место Замбии в африканском и мировом сообществе, проследить пути ее внутреннего политического, социального, экономического и культурного развития от доколониальных времен (XVII в.) до наших дней.

Замбия расположена на юго-востоке Центральной Африки и имеет общую границу с Заиром, Танзанией, Малави, Мозамбиком, Зимбабве, Ботсваной, Анголой и Намибией.

Территория Замбии составляет 752,6 тыс. кв. км — почти в три раза больше Великобритании. С побережьем Атлантического океана она связана Бенгельской железной дорогой, пересекающей Заир и Анголу, а с Индийским океаном — железной и автомобильной дорогами, проходящими по территории Танзании. Водные пути не играют существенной роли в развитии народного хозяйства страны. Почти все реки Замбии принадлежат бассейну реки Замбези, в том числе ее самым крупным притокам — Луангва и Кафуэ. На реке Замбези известен крупнейший водопад Африки — Виктория, расположенный большей частью на замбийской территории, а большей — на территории Зимбабве. Граничит территория Замбии с озерами: Танганьика, Мверу, Бангвеулу и др. На реке Замбези имеется водохранилище Кариба, образовавшееся в ходе строительства гидроэлектростанции.

Население страны — 6,44 млн. человек (1984 г., оценка). Официальный язык — английский. Около 99% населения страны составляют коренные жители. Несмотря на то что они относятся к бантуязычным народам, их этнолингвистическая характеристика отличается большой сложностью. В настоящее время насчитывается свыше 70 племен и народов, принадлежащих к подгруппе бенуэ-конго группы нигер-конго нигеро-кордофанской семьи языков. Это банту центральные (бемба, тонга, луба, субиа), банту восточные (малави, фипа, суахили), банту западные (лунда, луэна, лучази, мбунду луимбе, нкойя, мбуэла), банту юго-восточные (лози, ангони). Последние два народа лишь условно отнесены к юго-восточным банту. Лози говорят на языке юго-восточной группы, но по происхождению и культуре ближе к центральным и западным банту. Напротив, ангони, предки которых пришли сюда из Южной Африки, смешались с различными бантускими народами и утратили свой

Как независимое государство Замбия появилась на политической карте Африки 24 октября 1964 г. Но ей предстояло еще вести упорную борьбу, чтобы отстоять и упрочить национальную независимость. «Когда Замбия стала независимой в октябре 1964 г., — говорится в правительственном издании, — она получила в наследство колониальную структуру, которая служила иностранным интересам. Политику определяли иностранцы, они же были и ее исполнителями. Замбия во всем была „иностранной“, за исключением того, что ее территория расположена в Африке и населена преимущественно ее коренными жителями — африканцами, которые, однако, не несли ответственности за свою судьбу».

Перед молодым государством во весь рост встала сложная задача, как, опираясь на собственные силы и используя факт своего участия в ООН, ОАЕ и в Движении неприсоединения, гарантировать реализацию завоеванных прав на государственный суверенитет и на эксплуатацию природных ресурсов в национальных интересах, обеспечить социально-экономическое развитие страны, использование внешнеполитических, торгово-экономических и культурных связей.

Курс замбийского руководства на социальную и экономическую деколонизацию столкнулся с многими трудностями. Поскольку частичные меры на первых порах не принесли избавления от пут неокOLONиализма, замбийское правительство и ЦК Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) сделали вывод, что достичь успехов можно, действуя лишь одновременно в экономической, социальной и политической областях. При этом они отдавали себе отчет, что ликвидация последствий колониализма потребует длительного времени и серьезных усилий. «Акт политической независимости, — говорится в программном документе ЮНИП „Гуманизм в Замбии“, — означает лишь первую часть чрезвычайно длительного процесса деколонизации. Вероятно даже, что его невозможно завершить при жизни одного поколения».

Особенно трудно протекал процесс деколонизации в экономической и социальной сферах. Наряду с общими для большинства бывших английских колоний чертами — господством иностранного капитала в промышленности, кредитно-банковском деле, внешней и внутренней торговле, низким уровнем развития производительных сил, полунатуральным характером сельского хозяйства, отсталыми социальными службами и нехваткой национальных технических кадров, недостаточным развитием средств сообщения, неравномерным развитием районов, узостью внутреннего рынка и базы для накоплений в национальном секторе — имелись специфические, присущие только Замбии особенности*.

* Эта характеристика экономики Замбии — результат полевых исследований, проведенных в 1968 г. советским африканистом Л. В. Гончаровым.

Страна в 1924—1964 гг. была, по существу, переселенческой колонией. Численность европейской общины превышала порой 85 тыс. человек. По законам 1904—1936 гг. лучшие земли передавали белым, а африканцев принудительно переселяли в «резерваты», где условия жизни и занятия сельским хозяйством были неблагоприятными. Европейцы фактически монополизировали производство не только экспортных культур, но и значительной части продовольственных, а также товарной продукции животноводства. Африканская деревня стала главным источником дешевой рабочей силы для горнодобывающей промышленности, хозяевами которой выступали преимущественно английские монополии, а также для европейских ферм. Чтобы прокормить себя и семью, погасить налоги, купить промышленные товары, африканцы-мужчины временно мигрировали в города и в промышленные центры Северной и Южной Родезии, в Южно-Африканский Союз. Число работников в сельской местности заметно сокращалось. Все это способствовало закреплению натурального и полунатурального характера хозяйства африканской деревни, консервации в ней архаичных производственных отношений, усилению процесса урбанизации. Чтобы прокормить все возрастающее городское население, помочь монополиям закрепить на предприятиях африканских рабочих, часть европейских фермеров переключилась на производство продовольственных культур в ущерб экспортным.

Отходничество сельского населения не всегда играло негативную роль. Нередко оно нарушало изоляцию деревни, способствовало ослаблению социального и политического застоя в ней. Многие отходники, выехавшие, например, в Южно-Африканский Союз, прошли большую школу борьбы в рядах рабочего класса этой страны, познакомились с освободительными идеями Африканского национального конгресса (АНК) и Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП). Вернувшись домой, они внесли вклад в формирование классового самосознания горняков «Медного пояса», других отрядов трудящегося, приняли участие в становлении и развитии профсоюзного и кооперативного движения, сыгравшего важную роль в освободительной борьбе народов Замбии.

Имелась определенная специфика и в политическом развитии Замбии. В 1924 г. Северная Родезия была провозглашена протекторатом. Но в рамках этого протектората существовал другой протекторат — Баротселенд, своеобразная «администрация в администрации». Создавалась такая система колонизаторами — целью раскола национально-освободительного движения, противопоставления его отдельных отрядов друг другу. Естественно, что раскол порождал сепаратизм, негативное влияние которого остро ощущалось уже в первые годы независимого существования Замбии.

Из бывших английских владений только Замбии и Малави пришлось пройти через тяжелые испытания колониальной феде-

рации, где интересам белого меньшинства одного члена федерации было подчинено черное большинство трех. Ограбление Северной Родезии в интересах Южной проходило открыто: Северная Родезия передала в федеральный бюджет около 100 млн. ф. ст., из которых львиная доля пошла на развитие Южной. В результате развитая экономика, сконцентрированная преимущественно в Южной Родезии, использовалась для извлечения прибылей неафриканским меньшинством.

Наследие федерации надолго наложило отпечаток на независимую Замбию. Бывшая метрополия практически полностью сохранила армию федерации в руках властей Южной Родезии, оставив Замбию беззащитной. Хотя железные дороги и гидроузел Кариба должны были по соглашениям управляться совместно Южной Родезией и Замбией, фактически они эксплуатировались единолично частной компанией, причем исключительно в интересах акционеров. Федерация, по замыслу Лондона, создавалась якобы ради социального и культурного развития страны. Между тем в 1964 г. у молодого замбийского государства не было национальной технической интеллигенции, а из 100 жителей 89 не умели ни читать, ни писать, остальные же 11 владели знаниями в объеме программы начальной школы. Такое наследие и поныне тормозит экономическое, социальное и культурное развитие страны.

Колониализм оставил Замбии деформированную и зависимую экономику, отсталое крестьянство, большая часть которого ведет полунатуральное и натуральное хозяйство, рабочий класс с его слабым классовым сознанием. К этому следует прибавить торгово-экономическое и военное давление, оказываемое расистским режимом Претории, а также агентуру ЮАР, пытающуюся дестабилизировать политическую обстановку в стране, опорочить программу правящей партии ЮНИП и усилия правительства К. Каунды.

В течение почти четверти века руководство Замбии в трудных условиях сначала полуокружения расистскими режимами, а в последующие годы враждебного соседства с ЮАР последовательно проводило курс на достижение политической и экономической независимости страны. И на этом пути оно добилось крупных достижений.

Республика Замбия — африканское государство, для которого характерна традиционная стабильность режима. Бесспорно, заслуга в этом принадлежит президенту ЮНИП и республики К. Каунде, обладающему в стране большим авторитетом. По его инициативе в 1972 г. была принята политическая программа, включающая следующие важные пункты: создание госсектора и кооперативов, ликвидацию эксплуатации человека человеком, достижение всеобщего равенства и социальной справедливости. «Если 60-е годы были для Замбии периодом выработки решений и определения курса, — писал К. Каунда, — то 70-е годы стали годами осуществления и усиления тех мер, которые мы

приняли. Проводя в жизнь меры, ведущие нас к экономической самостоятельности, мы надеемся донести плоды независимости до нашего народа, особенно в сельских районах, где примерно 80% людей живут в большой нужде» [16, с. 11].

Успехи Замбии могли быть более весомыми, однако этому помешали как внутренние, так и внешние условия. Стране недостает современной техники, инженерных и квалифицированных рабочих кадров. В обществе все еще живучи консервативные традиции и обычаи, нередко ошибки и просчеты руководителей республики.

Замбия — одно из звеньев мирового капиталистического хозяйства. Ее благополучие зависит от конъюнктуры мирового капиталистического рынка, она испытывает удары в результате энергетического, сырьевого, продовольственного кризисов, эгоистической политики транснациональных корпораций. Так, падение цен на медь — главную экспортную статью (95% валютных поступлений) повлекло за собой значительное сокращение импорта. Многие предприятия работали с недогрузкой, причем часть из них пришлось закрывать. Неуклонно возрастала задолженность государства: в 1987 г. внешний долг Замбии достиг 5,8 млрд. долл.

Ухудшение экономического и финансового положения Замбии в 70—80-е годы повлекло за собой усиление экономической зависимости страны от Запада и Южно-Африканской Республики (ЮАР), тормозило попытки замбийцев усилить базу независимого развития.

Социально-экономические преобразования в таких странах, как Замбия, и других «прифронтовых» государствах имеют важное значение с точки зрения общеафриканских интересов. От упрочения их национальных позиций зависит успех борьбы за очищение Африки от колониализма, а ЮАР — от позорной системы апартеида. «В трудных условиях прифронтовой обстановки Замбия вносит достойный вклад в борьбу за ликвидацию последних очагов колониализма и расизма, мужественно противопоставит режиму апартеида ЮАР, который при поддержке иностранных империалистических кругов ведет необъявленную войну против свободолюбивых государств Юга Африки» [331, 25.10.1986].

Стратегическое положение Замбии на границе между «черным» освободившимся Севером и борющимся колониальным Югом и, главное, антиимпериалистическая, антиколониальная направленность внешней политики ее руководства предопределили активную роль замбийского государства в африканских делах, и особенно в решении задачи полной деколонизации континента, в проблеме ликвидации режима апартеида.

Являясь надежным тылом для национально-освободительных организаций ЮАР, Анголы и Зимбабве, будучи влиятельным членом Комитета освобождения Организации африканского единства (ОАЕ), Республика Замбия координирует свою дея-

тельность с Танзанией, Ботсваной и другими независимыми государствами. В рамках ООН и Движения неприсоединения она внесла весомый вклад в дело освобождения Мозамбика, Гвинеи-Бисау, других колониальных стран. Особенно заметным было участие Замбии в освобождении Зимбабве.

Будучи «прифронтовым» государством, Замбия как член ОАЕ активно участвовала в решении многих проблем континента, в том числе в разблокировании региональных конфликтов и в оздоровлении экономического положения.

В новейшей истории отношения Замбии с Советским Союзом занимают видное место. СССР руководствуется положениями Программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии. «Практика отношений СССР с освободившимися странами, — говорится в этом документе, — показала, что существует реальная почва для сотрудничества и с молодыми государствами, которые идут по капиталистическому пути. Это — общая заинтересованность в сохранении мира, укреплении международной безопасности и прекращении гонки вооружений. Это — обостряющееся противоречие между интересами народов и империалистической политикой диктата и экспансии. Это — понимание молодыми государствами того факта, что политические и экономические связи с Советским Союзом способствуют укреплению их независимости» [6, с. 42].

Научная литература по проблемам Замбии весьма обширна. В 60-е годы публиковались комплексные работы западных авторов, посвященные вопросам, актуальным в канун достижения страной независимости и в первые годы самостоятельного развития. Так, монография Р. Холла «Замбия» (1965 г.) охватывает широкий круг вопросов историко-этнографического характера, особенностей колониального правления, становления и развития африканского национализма, генезиса политической системы независимой Замбии и ряд проблем экономической истории страны. Значительный интерес представляет книга «Замбия. Независимость и становление» (1966 г.) — сборник выступлений президента республики К. Каунды, относящихся к периоду деятельности африканского правительства до начала «родезийского кризиса». Узловым проблемам отношений африканских политических партий, в том числе становлению Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП), анализу их позиций по конституционным вопросам посвящена работа Д. Мулфорда «Замбия. Политика независимости. 1957—1964» (1967 г.).

По мере стабилизации политической обстановки в Замбии на рубеже 60—70-х годов характер работ об этой стране, выходящих на Западе, менялся. Исследования чисто политических вопросов постепенно вытеснялись трудами по социальной и экономической проблематике. Анализу проблем, связанных с горнодобывающей промышленностью, в частности с перспективами развития Кошпербелта, формированием африканского пролетариата, профсоюзного движения в Замбии, отводится большое

место в работах А. Бэйтса, Дж. Хэйлера, М. Болдвина и др. В исследованиях по сельскому хозяйству Дж. Хеллена, С. Ломбарда, К. Диксона и др. преобладал интерес к дуалистическому характеру аграрного сектора, к становлению мелкотоварных и капиталистических хозяйств в африканской деревне, к аграрной политике правительства Замбии.

Изменения в структуре хозяйства и обществе, происходившие в ходе осуществления новой экономической политики, а также становление политической системы Замбии после провозглашения «однопартийной демократии участия» исследованы в работах М. Палмберга, А. Мартина, А. Бевериджа и А. Обершолла, М. Бюровей, Р. Скляра и др. Диапазон их политической и теоретической ориентации широк — от социал-реформистской до буржуазно-консервативной.

Особо следует выделить исследования замбийских авторов. Среди них привлекают внимание труды известного ученого Бен Турока, политического деятеля Г. Миибело, преподавателей университета в Лусаке М. Кашоки, Х. Мванзы, Л. Тембо. К этой же группе исследователей можно отнести ученых развивающихся стран — П. Оллаву, А. Гупту, Ф. Сорменкуну, М. Бфагавану и др. Работы названных авторов призывают к полной деколонизации и к социальной справедливости.

В 60—80-е годы историки, этнографы и социологи Замбии углубленно изучали историческое прошлое своей страны. Особое внимание они уделяли исследованию устной традиции, этнические процессы, традиционных религий, деятельности афро-азиатских сект и обычного права (работы М. Маинга, М. Кашоки, М. К. Сангамбо, Дж. Макунго, Н. Налуманго, М. Ндуло, М. Мвунга, Ф. Кингсли и др.).

История возникновения политических объединений местных народов в XVII—XIX вв. и раннеклассовых государственных образований получила освещение в работах М. Маинги (ныне — Т. Балл) и ее коллег по Лусакскому университету и Институту африканских исследований.

В трудах национальных ученых в последние годы все более сказываются тенденции разработать оригинальную и независимую от европейских научных школ концепцию исторического развития народов Замбии, этнических процессов и закономерностей культурного строительства.

Для оценки политического развития и основных направлений политики и идеологии руководства Замбии исключительно важное значение имеют программные документы и материалы ЮНИП, работы и выступления партийных и государственных деятелей, прежде всего К. Каунды. Эти публикации позволяют достаточно полно осветить различные этапы эволюции теории «замбийского гуманизма», характер и особенности межпартийных и внутрипартийных противоречий.

Источниковедческая база данной монографии включает различные национальные статистические материалы и переписи,

планы развития страны, а также экономические издания, протоколы ООН, ЮНЕСКО, МОТ, ежегодники, справочники и другие документальные публикации. Ценные сведения почерпнуты авторами книги из замбийской и западной периодики.

Наряду с африканскими исследователями в Замбии трудятся западные африканисты А. Робертс, Т. Рейнджер, Э. Колсон, Б. Рейнолдс, Т. Мэттьюз и др. Их исследования по древней, новой и новейшей истории явились существенным вкладом в развитие замбийской исторической науки, они способствуют взаимодействию и взаимообогащению африканских и европейских исторических школ.

В советской литературе исследовательские работы по Замбии стали появляться в начале 60-х годов. Среди них этнографические и исторические работы Л. Д. Яблочкова, Л. А. Демкиной, Н. А. Ксенофоновой, А. Б. Летнева; труды ученых-экономистов Л. В. Гончарова, И. А. Сванидзе, Ю. М. Иванова, В. И. Березина, М. А. Чуваевой. Историческим, социальным и идеологическим проблемам современной Замбии посвящены работы Е. Б. Перышкина, Н. С. Илларионова, С. И. Кузнецовой. Комплексное освещение основных периодов истории, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, современного этапа борьбы за преодоление отсталости было осуществлено в подготовленном Институтом Африки АН СССР справочнике «Республика Замбия» (1982 г.).

Данная монография, несомненно, привлечет внимание читателя, интересующегося проблемами национально-освободительного движения на юге Африки, программой и путями решения задач экономического и социального развития Замбии — молодого африканского государства, поставившего целью создание демократического строя на принципах «замбийского гуманизма» — уникальной философской доктрины.

Авторский коллектив: Л. А. Демкина — гл. 3, Н. А. Ксенофопова — гл. 1 и 7, С. С. Новиков — гл. 2 и 3, С. А. Слипченко (руководитель авторского коллектива) — гл. 6, М. А. Чуваева — гл. 4, 5, 6 и 7. Техническую подготовку рукописи осуществили М. В. Кислякова и В. П. Хохлова.

ДОКОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Древнейшее население.

Складывание традиционного общества (до середины II тысячелетия н. э.)

Этнический состав населения современной Замбии начал складываться в конце XVII—начале XVIII в., т. е. в период вступления человечества в эпоху, называемую ныне новой историей.

Этническая дробность и пестрота Замбии объясняется тем, что начиная с первых лет нашей эры и до середины XIX в. ее территория была ареной многочисленных и интенсивных миграций племен, идущих с севера, северо-запада и с юга. Одни из них осели в этом регионе навсегда, другие ушли дальше—на восток и север.

Первобытная история. Данные палеонтологических, антропологических и археологических исследований в этой части африканского континента с 20-х годов до настоящего времени относят первобытную историю Замбии ко времени происхождения человека (см. [176]). На территории страны обнаружены орудия труда, бытовавшие 1—2 млн. лет назад и сопутствующие самому раннему человеку—*Homo habilis*. Наиболее древние стоянки охотников раннего каменного века находятся в окрестностях Виктория-Фолс и Каламбо-Фолс (см. [194; 195; 224]).

Весьма интересны находки эпохи верхнего палеолита, обнаруженные в 1921 г. на шахте Брокен-Хилл (ныне Кабве). Считается, что найденные костные останки принадлежат ископаемому человеку, жившему 125 тыс. лет назад. Специалисты полагают, что «брокенхиллский» (или «родезийский») человек жил в пещерах, охотился с помощью деревянного копья с кремниевым наконечником, использовал в быту каменные орудия (остроконечные отщепы) и владел огнем [103, с. 371—373].

Ко времени около 20 тыс. лет до новой эры относится распространение на Африканском континенте, включая территорию Замбии, человека современного типа. Процесс формирования *Homo sapiens* в верхнем палеолите был одновременно процессом и расообразования. В период мезолита и неолита континент почти полностью заселяется человеком различных расовых типов.

Палеоантропологические находки, относящиеся к XIII—II вв. до н. э., говорят о том, что наиболее древними представителями

Номо sapiens на исследуемой территории были предки современных бушменов (койсанская группа). Около V в. до н. э. в описываемом регионе наиболее распространенным физическим типом человека оставался бушменский, приспособленный к охоте в открытых саваннах и сухих лесах Восточной и Южной Африки (см. [224; 219]). Многочисленные его останки обнаружены на стоянках эпохи неолита. В этот период совершенствуются каменные орудия труда, жители наряду с охотой и собирательством переходят к культивированию дикорастущих растений и к одомашниванию животных.

Из памятников верхнего каменного века наиболее значительным является стоянка в пещере Мумбва, открытая в 1925 г. В ходе исследования в 1931—1938 гг. археологи А. Гатти, Р. Дарт, де Н. Гранде и Дж. Кларк обнаружили там ряд последовательно сменявших друг друга культурных отложений, которые свидетельствуют о нескольких периодах заселения пещеры, относящихся к различным эпохам и культурам: среднего каменного века (культура стилбей), позднего каменного века (культура уилтон) и раннего железного века (см. [192; 205]). Пещера Мумбва дала в руки исследователей коллекцию орудий каменного века, характерных для Восточной и Южной Африки. Кроме того, эта стоянка — единственный в своем роде памятник, где можно проследить развитие хозяйства, ремесла и культуры на протяжении нескольких тысячелетий.

К периоду позднего каменного века специалисты (Дж. Кларк, Кук, Гудэлл) относят зарождение первобытного искусства на территории Замбии. Наиболее древние памятники датируются IV тысячелетием до н. э. Первыми их творцами считаются предки бушменов. Наскальные росписи и петроглифы, обнаруженные в основном в северных и восточных районах страны, имеют много общего с гравюрами Катанги и росписями Зимбабве. И, как считает известный советский искусствовед В. Б. Мириманов, эти изображения составляют периферийную ветвь мощного южноафриканского наскального комплекса, охватывающего территорию от Намибии до Мозамбика и Драконовых гор. Наиболее интересны те из них, которые расположены в пещере Чифубва около городов Солвези и Нзалу в дистрикте Серендже и в других местах близ г. Чипата. Рисунки выполнены минеральными красками (чаще всего красной, желтой, черной и белой). Наиболее древние росписи относятся к натуралистическому и полунатуралистическому искусству. Затем следует комплекс схематичных изображений зверей, птиц, людей, сцен охоты, относящихся к середине I тысячелетия до н. э.; встречаются также красочные сочетания кривых и прямых линий (см. [280]).

Несмотря на то что человеку эпохи неолита было еще очень далеко до господства над природой, которое обусловило и сопровождало великие миграции периода железного века, произведенные им сдвиги в каменной индустрии позволили подготовить переход к земледелию и скотоводству.

Железный век. В Африке к югу от Сахары период с 500 г. до н. э. по 1000 г. н. э. ознаменован для многих ее народов переходом от присваивающих форм хозяйства (собирательства) к производящим (земледелию и скотоводству). Этот этап был связан прежде всего с распространением железных орудий труда, которые сменили каменные.

Исследования историков, в частности Б. Фэгана и Р. Оливера, доказали, что применение железных орудий и переход к производящему хозяйству создали благоприятные условия для роста населения в различных регионах континента, увеличения его плотности. Все это послужило толчком к началу крупных миграций бантуязычных племен (негрский тип) — носителей культуры железного века (см. [143]).

Территория современной Замбии была одним из наиболее пригодных для заселения земледельцами районов Африки южнее Сахары: она обладала богатой флорой и фауной, благоприятным климатом. Начало миграций племен банту в указанный регион ученые относят к концу I тысячелетия до н. э. — началу нашей эры. Банту приходили сюда в основном из района, расположенного к северу от бассейна р. Конго. Они окончательно заселили плодородные земли современных Южной и Центральной провинций Замбии около I тысячелетия н. э., а спустя 3—4 столетия и остальные районы страны.

Как считают Б. Фэган и Р. Оливер, люди, говорившие на языках банту с преобладающим негрским физическим типом, к 1000 г. н. э. утвердились на большей части территории страны, занимаемой ныне их потомками [143, с. 77]. Они утверждают, что «в сравнительно быстром росте численности населения с производящим хозяйством и заключается главная причина растворения в нем древнего населения охотников и собирателей и соответственно сложения многих народов банту, появившихся в Африке в течение предшествующей тысячи лет» [143, с. 140]. Эти выводы получили в свое время большой политический резонанс, так как были направлены против расистских теорий, утверждавших, что народы банту не являются автохтонным населением Восточной и Южной Африки.

Взаимодействие людей каменного века с мигрантами с севера — носителями культуры железного века происходило в течение длительного времени. На это указывают многочисленные археологические и антропологические находки. Обнаруженные стоянки и другие археологические памятники, где соседствуют и сосуществуют различные культурные слои, относящиеся к позднему каменному и раннему железному векам, говорят о непрерывности исторического процесса в Замбии. Особенно типичны с этой точки зрения пещера Мумбва и стоянка в Каламбо, где найдены человеческие останки, в которых сочетаются бушменоидные и негроидные черты [263, с. 81—90]. Негроидные племена постепенно вытесняли охотников каменного века в менее благоприятные районы Замбии. Одна часть бушменов ас-

симилировалась с пришельцами, другая — ушла в зону тропических лесов или в пустыню Калахари. В отдаленных и малопродуктивных районах на юго-западе исследуемого региона до сих пор сохраняются остатки этих племен, живущих за счет охоты и собирательства. Предполагается, что современное племя батва, живущее в болотах Бангвеулу, Кафуэ и Луканги, наряду с бушменами является прямым потомком первых поселенцев в этом районе, которые пережили вторжение племен банту, прячась в болотах.

До недавнего времени было трудно точно установить, когда местные племена освоили выплавку металла на территории Замбии, поскольку археологические данные были фрагментарны. Серьезное изучение периода железного века начал лишь в 50-е годы нашего столетия Д. Кларк, обнаруживший в Мачили и в верхних слоях стоянки Каламбо-Фолс следы керамики и железные орудия (см. [193; 195]). Систематические исследования вели Б. Фэган и Дж. Вогель в ходе раскопок Инскила в 1957 г. близ Каломо и других памятников в южных районах страны в 1960—1970 гг. [216, с. 157—177; 314, с. 77—78]. В других районах проводил раскопки Д. Филипсон [277, с. 191—211; 278, с. 87—105; 281, с. 93—128]. Проведенные изыскания позволяют утверждать, что население Юго-Восточной части Африканского континента самостоятельно пришло к открытию металлургии железа в I в. до н. э. — I в. н. э., минуя эпоху бронзы.

Одним из древнейших центров возникновения металлургии железа в Тропической Африке теперь по праву считается Замбия. Здесь ученые смогли проследить непосредственный переход от неолитической культуры к плавке железа. Наиболее интересными в этом смысле являются напластования культурных слоев в пещере Мумба, где найдены одна из древнейших на территории континента железоплавильных печей, остатки шлака и крицы, орудий и оружия из железа, керамические изделия, датируемые 3—4 вв. н. э. Все эти орудия и предметы по своему типу весьма близки культурам Зимбабве и Северного Трансваала (см. [205]).

Вопрос о времени появления металлов в Африке южнее Сахары и их использовании для изготовления орудий труда еще не так давно был одним из острых спорных вопросов древнейшей истории континента. От правильного его решения зависело понимание проблем путей исторического развития африканских народов.

Овладение мастерством металлургии железа и металлообработки явилось поворотным пунктом, мощным толчком для кардинальных изменений как в хозяйственной, так и в социальной жизни древнего общества. Вытеснение каменного инвентаря, входившего в большой микролитический набор в неолитических комплексах, железными орудиями оказало сильное воздействие на улучшение техники охоты и рыбной ловли, облегчало добычу животной пищи, положительно сказалось на по-

вышении эффективности земледелия и скотоводства. В домашнем быту железные орудия произвели переворот в ремесленном производстве (в выделке кож для одежды, в изготовлении лука для циновки и корзин и т. д.), в строительстве жилищ.

Увеличение производства пищи и расширение земледельческих площадей способствовали, в свою очередь, с одной стороны, росту численности населения и его оседлости, а с другой — интенсификации миграционных процессов, что свидетельствовало о сегментации общин и поиске ими новых территорий для поселения. Доказано, что примерно в середине I тысячелетия н. э. в некоторые области Замбии хлынула новая волна мигрантов, которая поглотила первых земледельцев.

Археологические находки и радиоуглеродные датировки позволяют предположить, что в период примерно с III по V в. н. э. сеть поселений раннего железного века распространилась на территории современной Замбии по дуге, простирающейся с северо-востока на юго-запад страны [143, с. 98]. Следует заметить, что свойственная жителям этих памятников керамика, являющаяся в археологической науке важнейшим определяющим элементом той или иной культуры, указывает на связь этих поселений с культурами, бытовавшими в тот период истории на территориях современных государств Руанды, Бурунди, Зимбабве, восточной части Заира, отдельных районов ЮАР [196, с. 354—371]. Все это свидетельствует, по мнению Р. Оливера и Б. Фэгана, о том, что «керамика раннего железного века и древнейшая технология железа шли в район распространения языков банту бок о бок, причем из одного общего очага» [143, с. 99].

Самым ранним из датированных поселений железного века в Замбии считается Мачили на восточных границах Баротселенда в пустыне Калахари [122, с. 155—156]. Эта стоянка датирована 96 ± 212 гг. н. э.; она дала тип керамики «с прорезным орнаментом», характерным для памятников раннего железного века, распространенных на севере и северо-востоке страны. К этим памятникам принадлежит и древнее поселение в Каламбо-Фолс (345 ± 40 гг.), в котором найдены железный шлак, зернотерки и остатки жилищ из жердей и глины. Различные культурные слои этого памятника и их датировка свидетельствуют о том, что люди здесь жили постоянно в IV—XI вв.

Подобные поселения обнаружены в центральных (вблизи Лусаки, Капвиримбве и Твикенхэм-роуд) и в южных (на плато Батока, на холмах Гунду и Калунду, вблизи Каломо) районах страны. Образцы керамики, найденные в этих памятниках, указывают на существование в раннем железном веке Замбии четких локальных различий и типологического разнообразия культур.

Жители этого исторического периода выращивали хлебные злаки (кукуруза, просо, сорго, рис), разводили овец и коз, изготовляли украшения из меди и железа. В V—VI вв. они на-

чали разработку месторождений меди в районе Коппербелта и соли в районе Санги (близ оз. Кисали в Заире). Найденные на холме Кулунду в округе Каломо (IV в.) и в слое V в. на холме Гунду раковины-каури, а на южном берегу Замбии импортные стеклянные бусы говорят о торговых контактах с побережьем Индийского океана. Археологи и этнографы, опираясь на косвенные данные, почерпнутые из устной традиции жителей исследуемого района, предполагают, что в течение I тысячелетия н. э. здесь складывалась торговля медью и солью с районами современного Заира [218, с. 1—15].

Исследователи полагают, что большая часть жителей той поры обитала в небольших по размеру поселениях. Самое же густое население располагалось, по-видимому, в южных районах страны, отличавшихся плодородными почвами и хорошими пастбищами.

Археологи установили, что непрерывная культурная традиция раннего железного века оборвалась около XI в., когда прежняя керамика была вытеснена керамикой железного века, которую Д. Филипсон называл традицией Луангва [282, с. 1—25]. По мнению исследователей, она «исходна для традиций живущего современного населения этого региона — чева, нсенга, нгони, тумбука, соли, лала, ламба, биса, бемба, лунгу, мамбве и восточных лунда» [143, с. 119]. Предки этих народов, производящих керамику указанного типа, пришли в Центральную Замбию, по-видимому, из района Южного Заира и принесли сюда более совершенные методы обработки металлов. В их хозяйствах скотоводство доминировало над земледелием.

В южных районах страны появился в тот период другой тип керамики — «каломо». Представители культуры позднего железного века «каломо» расселились в южной и центральной частях плато Батока и занимали территорию от среднего течения р. Замбези на востоке до границ Баротселенда на западе [314, с. 77—88]. Раскопки Дж. Вогеля, Дж. Эгана и других археологов в Исаму Пати, Калунду, Камангоза и Симбузенга (долина верхней Замбези) дали богатую информацию об уровне и образе жизни тех далеких поселенцев. В земледельческом производстве они использовали не только палки-копалки с грузами-утяжелителями, но и железные мотыги. Разводили крупный рогатый скот, кур, имели прирученных собак. Керамика «каломо» отличалась простотой форм и безыскусным орнаментом. Фигурки людей и животных, которые воспроизводили ремесленники той поры, были весьма примитивны по стилю. Поселения — в плане круглые или овальные — представляли собой хорошо организованные деревни. Они группировались вокруг загонов для скота. Жилища представляли собой столбовые постройки со стенами из жердей, обмазанных глиной, имели соломенные крыши, зернохранилища строились на сваях, хозяйственные ямы для продовольствия выкапывались в грунте. Многие жители того времени занимались разработкой полезных ископаемых —

меди, железа, золота, которые добывались открытым способом. Металл шел на изготовление украшений, орудий труда и оружия, он являлся предметом межплеменного и межрегионального обмена. Как свидетельствуют исследователи, торговля сырьем в долине Замбези к концу I тысячелетия была хорошо налажена [122, с. 163], а к середине II тысячелетия получила дальнейшее развитие, способствовала установлению культурных связей между народами исследуемого региона, районами Заира, восточного побережья Индийского океана и государством Мономотапа, находившимся на территории современного Зимбабве. По долинам рек и горным проходам сюда устремлялись местные торговцы и агенты, связанные с арабскими купцами.

Существовали даже торговые центры, связывающие внутренние районы Замбии с побережьем. Один из них — Ингомбе Иледе, обнаруженный археологами в районе слияния рек Замбези и Кафуэ, отнесен ими к XIV—XV вв. [279, с. 199—204]. Это был процветающий торговый центр. Среди находок здесь выделяются первые медные деньги («ханда») в виде крестов, а также бусы импортного производства из золота, раковин и стекла, фрагменты дорогих привезенных и местных лубяных тканей. В обмен местные жители предлагали соль и слоновую кость. Вследствие своего удобного географического положения обитатели Ингомбе Иледе контролировали торговлю на значительной территории.

Этот памятник замечателен и в другом плане. Большинство археологических свидетельств, обнаруженных на территории Замбии и относящихся к первой половине II тысячелетия, дают скудные сведения, не позволяющие реконструировать тип социальной организации жителей той поры. Иное положение в поселении на Ингомбе Иледе, где найдено погребение 11 лиц племенной аристократии. Их костяки украшены бусами, золотыми и медными изделиями, знаками отличия вождей. Такие находки свидетельствуют о начавшемся в общине процессе социальной дифференциации. Религиозные верования той поры сосредоточивались в основном на вере в духов сил природы и духов предков [292, с. 56—62].

В восточной части долины р. Кафуэ обнаружены следы предков современных народов ила и тонга. Орудия труда и керамика из районов Себанзи Хил и с холма Гунду близ Батоки говорят о том, что эти этносы принадлежат к наиболее древним народам, поселившимся на территории Замбии в XI—XII вв. Вопрос об их происхождении не совсем ясен. Легенды утверждают, что их предки пришли с северо-востока от оз. Танганьика и в течение длительного времени имели контакты с племенами из страны Луба (Заир) (см. [243]). Ила и тонга поселились сначала на территории современного дистрикта Мазабука, а затем распространились к югу, поглотив жителей плато Батока и долины р. Замбези. Они обитали здесь «еще во времена миграции могущественных племен конго в Замбию и, возможно, являют-

ся одним из последних сохранившихся анклавов земледельцев раннего железного века в Южной и Центральной Африке» [122, с. 162]. На протяжении веков ила и тонга жили на этих землях, постоянно подвергаясь разорительным набегам соседних народов (ангони, машона, матабеле, макололо, лози и др.), миграционные пути которых пролегли через территорию этого племени. По-видимому, по этой причине тонга не смогли создать единой политической организации. С тех пор они живут разобщенными деревенскими общинами со слабо развитой имущественной и социальной дифференциацией. И даже то, что позже через их земли пролегли караванные пути арабских и португальских торговцев, не оказало заметного влияния на их обособленный образ жизни. Главными занятиями ила и тонга были скотоводство, переложное и подсечно-огневое земледелие, охота. Их рацион состоял из кукурузной каши, кислого молока, «сибванту» (подобия кваса), кукурузного или просяного пива (см. [201; 221; 261]). Эти народы успешно развивали традиционные ремесла: изготавливали деревянную домашнюю утварь, мебель, музыкальные инструменты. Популярна была многоцветная роспись стен хижин. Славилась тонга также керамикой, имевшей многовековые традиции. Предполагают, что они явились самыми ранними на территории Замбии производителями тканей из хлопка, первое появление которых относят к периоду не позже XIV в. [292, с. 55].

Таким образом, историю ила и тонга и непрерывное развитие их самобытной культуры современные исследователи могут наблюдать на протяжении 9—10 веков.

К середине II тысячелетия н. э. население современной Замбии продолжало свое формирование. Как считают историки, большая часть страны заселена в настоящее время народами, имеющими родственные связи с мигрантами, пришедшими сюда 600—700 лет назад из бассейна р. Конго и с территории Анголы.

Одной из первых в этом миграционном потоке была группа племен марави, или малави (ньянджа, чева, тумбука), достигшая территории современной Восточной провинции Замбии к востоку от р. Луангва в XIV в. Окрестное население оз. Ньясы дало этой группе прозвище «малави», что означает «пламя». Предполагается, что это прозвище связано с высоким развитием у малави кузнечного ремесла. Европейские путешественники XIX в. отмечали у этих племен высокое искусство выплавки железа и производства из него изделий [137, с. 90]. К тому же в одном из районов их поселения, в нижнем течении р. Шире, находились разработки железных руд. В XV—XVII вв. отдельные их этнические группы отпочковались и поселились на территории районов современных Малави и Мозамбика.

Другая миграционная волна из бассейна р. Конго в середине II тысячелетия н. э. достигла территории современных Северо-Западной и Центральной провинций. Это были предки ны-

нешних народов лувале, южных лунда, каонде, ламба, соли, мамбве, лала и др. Их проникновение сюда шло на протяжении нескольких столетий.

**Особенности
социально-экономического развития
народов.
Формирование политических объединений
и раннеклассовых обществ
(XVI — середина XIX в.)**

Миграции на территории Замбии в XVI — середине XIX в. имеют иную качественную характеристику, чем движение племен в более древние времена. Они определялись не только потребностями экономического и демографического порядка, но и политическими причинами. И результатами этого процесса были не только ассимиляция одного этноса другим или взаимное обогащение культур, но и переход социально-политических организмов на более высокую историческую ступень.

Уровень общественного развития населения исследуемого региона в указанный исторический период был далеко не одинаков. Племена, у которых начался процесс разложения первобытнообщинного строя и динамично развивались социально-экономические отношения, начинают создавать межплеменные территориальные объединения — вождества, управляемые верховными вождями. При этом наблюдались тенденции либо к слиянию близкородственных племен на паритетных началах, либо к поглощению слабых более сильным соседом.

В Тропической Африке «вождество» — ранняя форма социально-экономической организации, политических институтов и власти. В основу этого социального организма были положены разные принципы. Вождества могли быть и объединенные в племя родственные роды (бельгийский миссионер Г. Хюльстаерт называл их «племенными государствами» [240, с. 46]), и территориально-политические объединения различных родов или племен (в англоязычной литературе их определяют как «chiefdom» — «вождество» или «territorial chiefdoms» — «территориальные вождества»).

Во главе таких объединений становился вождь, являвшийся ранее руководителем деревенской общины, главой родственной группы или удачливым военным предводителем, т. е. деятелем, которого общество выделило за его исключительные деловые и человеческие качества. Этот вождь, с одной стороны, брал на себя обязательство отвечать за благополучие всего социально-политического объединения и обеспечивать удовлетворение потребностей и интересов всех его членов, а с другой — должен был следить за тем, чтобы они строго соблюдали общественные и религиозные нормы, установленные традициями. Вследствие

этого в число его функций входили следующие: главного распорядителя и организатора сельскохозяйственных работ, наделяющего общинников земельными участками, администратора и политического лидера, налаживающего отношения с соседями, военного предводителя и жреца, осуществляющего связь живых с духами умерших предков, судьи, разрешающего внутриобщинные и межплеменные конфликты, хранителя преданий и традиций, обеспечивающего культурную преемственность поколений, и т. д. Постепенно роды таких вождей занимали более высокое положение и выделялись из себе подобных. Основатели родов или выдающиеся лидеры почитались наравне с духами предков, их имена превращались в наследственные титулы верховных вождей, а роды — в правящие династии. Среди подобных вождей было Марави.

Марави — одно из первых политических объединений, возникшее на рубеже XV в. в юго-восточной части Замбии. Один из матрилинейных родов племени чева — Пири, ведущий свое происхождение от правителей государства Лунда (Заир), становится основателем правящей династии. Имя вождя этого аристократического рода — Калонга стало именем-титолом верховного правителя «калонго». Верховные правители чева были известны также под именем «марави», которое позже дало название современному народу малави. Согласно устной традиции, вождество Марави возникло в результате брака одной из представительниц рода Пири с главой родовой группы одного из автохтонных племен [251, с. 104—122; 300, с. 91—103].

В XVI в. брат калонго — Унди I уходит из родительского дома и основывает новую столицу Мано, где дает начало новой династии Унди [250, с. 1—23].

Как свидетельствуют португальские источники, один из калонго династии Унди, правивший в 1614 г., сумел расширить свое политическое объединение, включив в его состав других членов рода Пири и соседние племена (мканда, нсенга и др.). Он проводил самостоятельную и независимую политику в регионе оз. Ньясаленд, контролировал здесь торговлю слоновой костью с побережьем Индийского океана.

Вождество Марави делилось на несколько округов, во главе которых стояли вожди, назначенные калонго из числа его родственников. Каждая деревня платила вождю округа дань сельскохозяйственными продуктами и частью добычи от охоты. Хотя вождь и распределял пахотные наделы, земля оставалась общинной собственностью и принадлежала семьям до тех пор, пока они ее обрабатывали [305, с. 44]. Постепенно земельные участки стали закрепляться за отдельными семьями, получил развитие межплеменной обмен. Соплеменники, совершившие какое-либо преступление, превращались в домашних рабов. Все эти складывающиеся в обществе отношения свидетельствовали о переходном характере общества, о разложении общинного строя и зарождении социального неравенства.

Ядро деревень чева составляли родственники по материнской линии. Вождем деревенской общины становился старший мужчина этого рода. По обычному праву власть и имущество в родовой группе наследовал старший сын сестры вождя. В племени чева был широко распространен обычай инициации девушек, во время которого чева исполняли характерный только для них танец, когда участники выстраиваются в виде подковы, а за ними стоят барабанщики и хор.

Чева верили в верховное божество, связь общинников и родичей с ним осуществлялась через посредников-медиумов; в их роли выступали в основном женщины-жрицы.

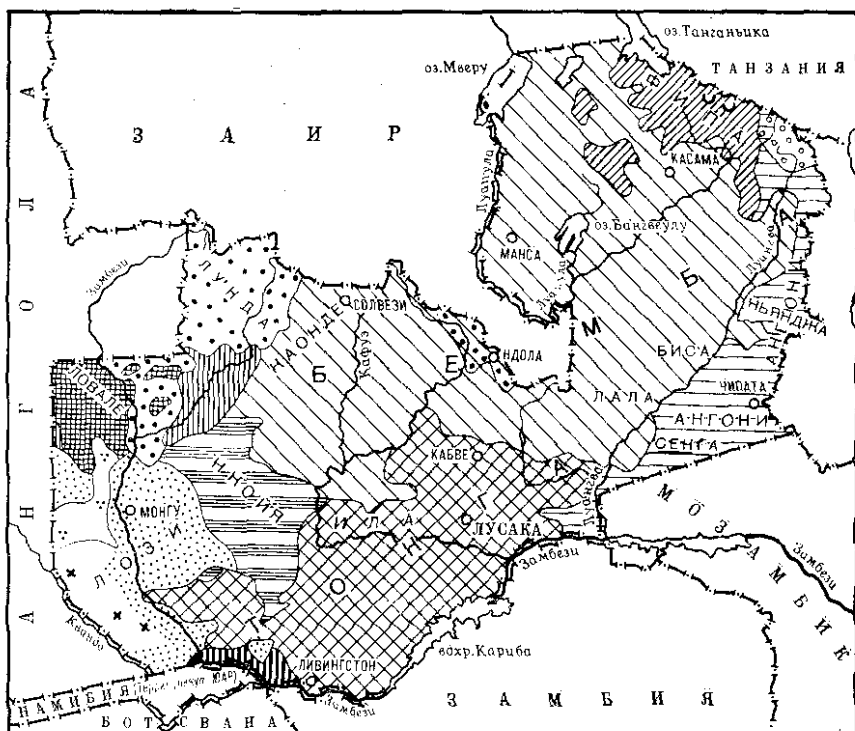
Члены вождества Марави вели активную торговлю с соседними племенами и с арабскими купцами. В обмен на соль, скот, железные изделия и сельскохозяйственные продукты они получали дорогие ткани, украшения. Среди ремесел наряду с металлургией и металлообработкой получили развитие ткачество, плетение, производство керамики.

Как описывал посетивший земли чева Д. Ливингстон, основная тяжесть сельскохозяйственного труда лежала на плечах женщин, обрабатывавших земельные участки, на которых выращивали кукурузу, просо, рис, бобы, ямс. В хозяйстве чева значительную роль играл крупный рогатый скот [137, с. 89—94].

В XVIII в. политическое влияние Марави в регионе существенно ослабло. Вождества вступали в период упадка.

Социально-политические корни вождеств. Как считают многие исследователи, корни ранних политических социумов уходят в историю раннеклассовых государств, располагавшихся на юго-западе современного Заира, в провинции Шаба, и в сопредельных районах Анголы, граничащих с территорией Замбии [292, с. 82—86]. Устные традиции ее народов связывают происхождение политических объединений в центральной и северо-западной частях страны с «империей» Луба, а в северо-восточной и в южной — с «государством» Лунда, или Муата Ямво. Датами основания их признаны соответственно XV и XVI вв. К XVII—XVIII вв. они достигают вершины своего могущества. Интенсивные процессы социально-экономического развития народов луба и лунда привели к созданию раннеклассовых обществ, в которых власть могущественных вождей передавалась по наследству по материнской линии. В этих обществах выделялись группы поземельной знати, существовал институт рабства, развитая административно-территориальная система и специальные военные дружины [109, с. 35—44, 46—49].

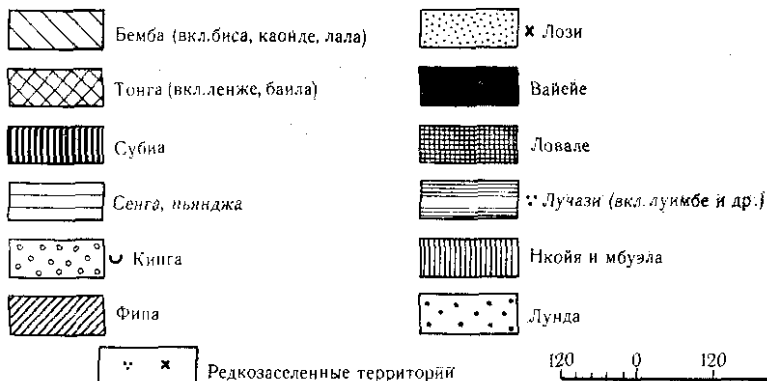
Советский африканист А. С. Орлова отмечает, что в рассматриваемых государствах в пору их расцвета «шли параллельные процессы: непрерывная борьба за власть, сопровождавшаяся кровавыми междоусобицами, и постепенное расширение границ государства в результате военных походов» [109, с. 66]. На вновь освоенных территориях создавались «княжества» во главе с вождями из балуба и балунда. Для государства Луба была харак-

НИГЕРО-КОРДОФАНСКАЯ СЕМЬЯ

ГРУППА НИГЕР-КОНГО

Народ банту:

120 0 120 240 км

Этнический состав африканского населения

терна насильственная «балубаизация» покоренных иноплеменных и расселение общин балуба на захваченных территориях. Так племена балуба, бемба, нзенга и биса появились в Замбии [173, с. 47—67; 175]. В 30—80-е годы XVIII в. некоторые «княжества», пользуясь ослаблением метрополии, стали выходить из подчинения центральной власти и даже вести военные действия против нее.

К XVII—XVIII вв. государство Лунда осуществило большие территориальные завоевания, в том числе на землях современной Замбии. Последние некоторое время входили в его состав. На них селились племена лунда, луйи и др.

В конце XVII — начале XVIII в. правители Лунда регулярно посылали военные отряды в северные районы нынешней Замбии, где находились богатые месторождения меди и соли, и создавали там «княжества»-данники. Некоторые из них быстро обретали независимость.

Политические объединения на окраинах государства Муато Ямво нередко возглавляли военачальники Лунда — казембеили муата казембе. Все эти общества образовывались в результате сложного этнического, социального и культурного взаимодействия племен лунда с автохтонным населением, восходящим своим происхождением к периоду раннего железного века, и этносами, пришедшими сюда из Заира и Анголы в XI—XV вв. Со временем покоренные народы смешались с пришельцами. Нередко казембе заключали браки с женщинами из местных аристократических родов. И многие из этих новых правителей, создавая впоследствии собственную генеалогию, выводили происхождение своих предков и династий из тех районов Замбии, которыми они управляли. По-видимому, этот акт имел идеологический смысл в стремлении узаконить свою власть над местным населением и политический, состоявший в том, чтобы отстоять независимое существование от метрополии. Подобное явление наблюдалось в истории ранних политических объединений и государств в Межозерье и в других районах Африканского континента [134, с. 13—33].

Покорив местные племена и став наследными самостоятельными правителями, вожди-казембе продолжали платить дань своим бывшим царькам лунда, которая нередко была чисто символическим актом.

Казембе. Одно из вожеств, основанное в конце XVII в. на северо-востоке Замбии в районе р. Луапула и оз. Мверу, во второй половине XVIII в. превратилось в сильное независимое государство под названием Казембе [188, с. 526—527, 571]. Его этническим ядром было племя луунда, родственное балунда.

Муато Ямво, послав экспедицию во главе со своим братом Муганда Джембейембе в этот район, рассчитывал на создание там «княжества», которое будет играть роль торгового агента и приносить большой доход «королевству». Однако названный

военачальник, обнаружив в Кесила, в верхнем течении р. Луалаба, большие залежи соли, скрыл этот факт и отказался вернуться назад. Тогда правитель Лунда, присвоив Нганда Билонге, молодому человеку из царского рода, титул «казембе», приказал ему найти и убить ослушника. Покорив несколько племен в районе р. Луалаба, он умер, а его отряд вернулся в метрополию (см. [204]).

В 1740 г. Муато Ямво вновь направил в этот район современной Замбии отряд во главе с братом и наследником умершего Чинджанта, который стал Казембе II (ум. в 1760 г.). Ему удалось разгромить племя бвилиле и вождя Шила и основать к югу от оз. Мверу столицу нового политического объединения. Став независимым правителем, он тем не менее продолжал платить дань метрополии солью и медью. Позже это «государство» превратилось во влиятельного торгового посредника между внутренними районами современных Замбии, Заира и Анголы и побережьем Индийского океана, причем предметами торговли были не только местное сырье (слоновая кость, соль, медь, железо), но и рабы, которых вывозили из страны Лунда [188, с. 554].

При Казембе III (1760—1804) и Казембе IV (1805—1850) территория их владений значительно расширилась. Они установили контакты с португальцами через местных торговцев из племен биса и яо и португальских мулатов — помбейруш [188, с. 597—700]. Однако многократные попытки португальских купцов и миссионеров проникнуть в глубь их владений оказались безуспешными. Казембе не позволили им продвинуться и обосноваться в этом регионе, поскольку сознавали опасность установления контроля со стороны европейцев внутри континента [203, с. 61—76].

Благоприятные географические и климатические особенности территории «государства» Казембе позволяли его жителям собирать богатые урожаи маниоки, в изобилии ловить рыбу. Численность населения быстро увеличивалась, причем наиболее высокая его плотность наблюдалась в восточных районах, где удачное сочетание плодородных земель и водоемов позволяло не только обеспечивать жителей страны продуктами питания, но и производить излишки. Централизованный контроль за их распределением осуществляла правящая верхушка общества [292, с. 95].

По сохранившимся запискам португальских исследователей можно составить картину общественного устройства этого политического объединения. Так, в 1798 г. губернатор владения Сена (Мозамбик) Ф.-Ж. ди Ласерда-и-Алмейда предпринял с торговыми целями экспедицию из центра Тете на р. Замбези во владения Казембе и оставил описания его военной и административной организации, характера даннических связей с государством Муато Ямво и его посреднической роли в работоторговле в Центральной и Восточной Африке [187, с. 42—43].

Структура Казембе сильно напоминала государственное устройство Муато Ямво. Наследование титула и власти верховного правителя шло обычно от отца к сыну. Казембе правил от имени духов предков. Другие члены правящей династии, назначенные им, могли либо творить правосудие, либо выступать в роли военачальников. Однако к важным наследственным должностям территориальных правителей их не допускали.

Центральная часть государства, расположенная в долине р. Луанула, была разделена на небольшие области, во главе которых стояли правители. Их власть была наследственной, и, что самое главное, они назначались из числа родов, не принадлежавших к «королевскому» роду лунда. Основной обязанностью такого вождя были сбор дани, отправлявшейся в столицу, и выполнение функций судий. Вождь сохранял свое место до тех пор, пока обеспечивал сбор дани и доставку ее в центр.

Часто Казембе созывал совет вождей областей и обсуждал с ними важные внутривластные вопросы. Верховный правитель распределял между ними часть собранной во всех районах страны дани, оплачивая таким образом исполнение ими административных функций. Некоторым вождям областей, наиболее проявившим себя, присваивалось звание «почетного лунда».

Во главе деревенских общин стояли вожди, большинство которых принадлежало к различным матрилинейным родам. Условием для них было длительное проживание в соответствующих районах Замбии.

Верховный вождь считался «собственником земли», хотя по обычному праву он не обладал реальными поземельными правами. Земли казембе и представителей знати были закреплены не за конкретным человеком, а за его титулом. Вождь мог распорядиться судьбой любого своего подданного, однако не располагал правом отчуждения земли у общины.

Вожди разных уровней, относящиеся к роду лунда или к другим, были связаны между собой родственными или матрилинейными узами. В стране не было постоянной армии, но, когда назревала военная угроза, правители областей и лично сам Казембе ставили в строй необходимое количество воинов.

Как отмечают историки, Казембе было, по существу, государством, основанным на завоеваниях [292, с. 96]. Поглотив и ассимилировав множество местных племен, говоривших на языках бемба, мигранты лунда представляли собой небольшую замкнутую группку. Их язык сохранялся в качестве «дворцового», т. е. языка аристократии, и лунда ревностно сохраняли свои привилегии.

Подданные, которыми управляла аристократия лунда, принадлежали к этносам, имевшим характерные культурные и политические традиции, отличные от рода правителей. Среди них исследователи называют бвилили, шила, группу племен ауши, чишинга, мукулу и бемба.

Интересно отметить, что прямой потомок казембе XVII—XVIII вв. управляет народом лунда, проживающим и ныне в современной Замбии.

Государство Лози (Баротсе). Другим весьма влиятельным политическим образованием в исследуемом регионе Африки было государство Лози, возникшее в юго-западных районах Замбии и имевшее много общих черт с Казембе. Правда, если последнее было дочерним образованием от Муато Ямво, то первое имело с ним, по-видимому, только ограниченные связи. На этот счет нет в науке единого мнения. Да и устная традиция баротсе и окружающих их народов противоречива в этом вопросе: по одним преданиям, правители Лози восходят к династии Муато Ямве, по другим — только к верховным вождям Казембе или ндембу [255, с. 238—247; 256, с. 7—8].

Предполагают, что межплеменной союз луйи — основатель и ядро рассматриваемого вождства — появился в указанном районе страны в начале или в середине XVII в. либо из района бассейна Конго, либо из Анголы. По преданию, они (луйи) когда-то жили на р. Кабомпо. По-видимому, отсюда и пошло их название «алуий» и самоназвание «луйяна» — «речные люди». Не исключено, что это название связано с их расселением на затопляемых равнинах р. Замбези.

Этническая, политическая и культурная жизнь луйи заполнена сложными, полными противоречий событиями. Формирование этого этноса и возглавляемого им потестарного общества являлось закономерным следствием и ярким отражением миграционных процессов, которые протекали в Центральной, Восточной и Южной Африке в XVI—XIX вв. По драматичности события, в которых участвовали лози, напоминают все происшедшее в тот же период в государствах Межозерья.

Крупницы сведений, собранных этнографами и лингвистами, позволяют создать лишь приблизительную картину ранней истории лози. Среди множества предположений нам представляются наиболее интересными выводы известной замбийской исследовательницы (по происхождению балози) М. Маинги (Теодоры Бал). Проанализировав мнения ряда африканских и западных ученых, она считает, что этнос луйи и его ведущий род (династия) сформировались в результате объединения двух различных по происхождению и языку этнических групп, которые до этого акта жили небольшими автономными вождствами [237, с. 11—14]. Одна из этих групп пришла в район современного Баротселенда с севера. В ее составе были племена муеньи, имилангу, ндундулу, мбове, лиува, симаа, макома и ньенго.

Предполагают, что они говорили на языке, похожем на силуяна, который дошел до наших дней как язык царского дома правителей Баротселенда. Интересна гипотеза Ф. Коилара о тесных связях между языками силуяна и чишони (язык народа шона в Республике Зимбабве). Автор утверждает, что лози

XIX столетия понимали многое из того, что говорили шона [198, с. 224].

Другая группа в составе племен сибийя, мбукуши, тока, то-тела, шаньо и фве прибыла сюда из южных районов страны и по своему языку тесно связана с группой тонга, живущей на юге Замбии. Исследователи предполагают, что представители этих этносов ведут свое происхождение от автохтонных поселенцев страны периода раннего железного века [217, с. 17]. Например, М. Маинга считает, что потомки этих племен до сих пор хранят в памяти свою историю, свои корни и имена своих предков.

Первоначально, как гласят легенды, во главе луйи, поселившихся в долине р. Замбези, стояла женщина — Мвамбва. О значительной роли женщин в этом обществе говорит и факт существования в течение длительного времени матрилинейного счета родства, что характерно для многих племен Центральной Африки. Среди луйи была распространена билатеральная система (когда счет велся и по материнской, и по отцовской линиям).

По другим преданиям, основателем рода — руководителем вожества был вождь Мбуйу, тесно связанный с царствующим домом державы Муато Ямво. Один из его сыновей, Мбоо, стал верховным вождем племенного союза и получил титул «литунга» [242, с. 5]. Как гласят легенды, литунга управляли от имени Верховного бога — Ньямбе, который, по-видимому, олицетворял дух предка племени, чья могила якобы находится близ первого поселения луйи на территории современной Замбии, в районе г. Калабо.

Устная традиция сохранила много имен вождей и военачальников луйи, но наиболее выделился из них десятый по счету — Муламбва (1790—1835), которому удалось расширить свою территорию и упрочить политическое влияние в долине. Он вел успешные войны с племенами пустыни Калахари ила и ловале. Ему удалось отразить набеги также соседних племен, пришедших из Анголы.

К началу XIX в. власть и влияние луйи распространились на огромную территорию вплоть до водопада Виктория и оз. Луканги. Около 25 покоренных племен не только платили им дань, но и восприняли их язык и культуру.

На основе межплеменного союза, возглавляемого вождями луйи, к XIX в. сложилось мощное политическое объединение, которое в Тропической Африке по развитости социально-политической структуры можно сравнить лишь с Бугандой. Несмотря на то что сведения о социально-экономическом развитии луйи той поры недостаточны, можно все же предположить, что ко времени прихода этих племен на территорию Замбии у них уже начался процесс разложения первобытнообщинного строя и зарождения раннеклассового общества. И хотя, как считают историки, государство луйи находилось корнями в империи Лунда, его уст-

ройство и структура заметно отличались от последней, отражая местную специфику. Данные о социально-политических институтах этого социума носят фрагментарный характер и почерпнуты в основном из свидетельств путешественников и миссионеров конца XVIII — начала XIX в.

Родовая знать, сохранявшая билатеральный счет родства, образовывала особый социальный слой, противопоставляя себя рядовым общинникам [228, с. 90—110]. Исследователи отмечают наличие в государстве сильной управленческой (бюрократической) прослойки, в которой различались три группы [292, с. 97—99]. Первая — это лица, обслуживавшие «царский» двор. Они выполняли ритуальные обязанности, выступали хранителями дани, отвечали за строительство лодок и барж для семьи верховного вождя. Ко второй группе относились правители областей, являвшиеся одновременно администраторами-управляющими и судьями. Военные предводители маколо составляли третью группу; они собирали войско и дань, производили набор рабочей силы.

Литунга ограничивал политические права членов «царской» семьи и его рода. Это делалось для того, чтобы обезопасить себя от политических случайностей внутри государства. Такие же порядки наблюдались, например, в Буганде, где кабака, боясь соперничества сородичей и даже своих сыновей, ссылал их в отдаленные области страны или уничтожал физически [134, с. 31].

У луйи сыновья и дочери верховного правителя исключались по обычному праву из политической жизни страны. Некоторые изменения произошли только в период правления шестого литунги Нгомбала, который разрешил своей дочери Нотулу уехать на юг страны и основать владение со столицей Налоло [242, с. 12; 255, с. 54]. Позже ее брат Мбанга, узурпировавший власть у своего племянника, провозгласил независимость, хотя связи с ядром государства луйи тем не менее сохранил.

Политическое объединение луйи отличала разветвленная государственная система. Литунга опирался на совет вождей, регулярно заседавший при дворе верховного правителя. Этот совет возглавлял председатель-нгамбела.

В 1835 г., когда литунга Муламбва скончался, усилилась борьба между группировками родовой знати и правителями отдаленных областей, что значительно ослабило былое политическое и военное могущество государства в этом районе Замбии. Это позволило усилиться соседям луйи, в результате последние были завоеваны и покорены одним из племен бечуана-бахуртсе.

Однако скоро они потерпели поражение от воинственного племени макололо — ветви народа басуто, живущего в районе современной ЮАР.

В первой трети XIX в. вследствие воинственной политики зулусского правителя (инкоси) Чаки началась массовая миграция южноафриканских племен с юга на север. Одной из значитель-

ных волн миграции было продвижение в 1835—1845 гг. воинов племени ангони под предводительством Звангендабы через Северную и Южную провинции Замбии. Часть из них ушла на территорию современного Малави, другая — под руководством вождя Мпезени, объединившись с племенем чева, обосновалась в районе нынешнего г. Форт-Джеймсон.

Еще одна миграционная волна с юга пересекла р. Замбези у современного г. Виктория-Фолс. Это было воинственное и хорошо организованное племя макололо (из группы басуто) под предводительством вождя Себитуане. Завоевав племена тонга и тока, макололо разгромили бахурутсе и, захватив земли луйи, установили здесь свою политическую власть. Часть луйи под руководством наследников верховного вождя бежали на север.

Как и большинство племен-воинов Южной Африки, макололо были скотоводами, у них преобладала патрилинейная система родства. Они проникали во все селения луйи и создавали ядро деревень. Местных юношей забирали в свои отряды. За небольшой период господства макололо (1838—1864) покоренные племена восприняли элементы их культуры и, главное, их язык — сикололо. Что касается культурного взаимодействия между завоевателями и луйи, то оно было обоюдным, произошел культурный синтез. Макололо сохранили более высокую общественную организацию луйи, на основе которой создали политическое объединение со столицей в Линьянти на р. Чобе.

Верховный вождь Себитуане (1790—1851), обладая незаурядными способностями, сумел организовать слаженное общество с регулярной дружиной. Он успешно отражал нападение со стороны зулусских племен, надвигавшихся с юга. С его авторитетом считался такой могущественный вождь матабеле, как Моселекатсе [303, с. 49—74].

При новом правителе по-прежнему сохранялась эксплуатация общинников и углублялся процесс классового расслоения, увеличивалось число рабов, используемых в хозяйстве. Родовая знать вела паразитический образ жизни, обменивая рабов на предметы роскоши, оружие и вино. И хотя при Секелету (1835—1863), сыне Себитуане, рабство было формально отменено, оно продолжало процветать. При следующих правителях власть макололо ослабевала. В 1864 г. живший в изгнании Сипопа, сын последнего независимого вождя луйи Муламбы, опершись на поддержку племен тонга, поднявших восстание, сверг власть макололо. В результате старая династия луйи была восстановлена. Сипопа, получивший, как верховный вождь, название «мулена», правил с 1864 по 1876 г.

Однако к этому времени пришельцы (бахурутсе, макололо и другие мелкие племена) настолько перемешались с местными жителями, что образовалась новая этническая общность с единым языком сикололо. В основе ее стояли луйи, утратившие свое прежнее самоназвание и язык, они стали называться батротсе, или лози, что тоже означало «речные люди». С 60-х го-

дов прошлого столетия их страна известна уже как Баротселенд.

Наследники Силопы вели многочисленные войны с ила, тонга и другими племенами, расширяли и укрепляли свое могущество. Государственное устройство и принципы общественной жизни оставались такими же, как и в начале века. С 1864 г. наместником в южной части страны назначалась обычно дочь мулены. После ряда «дворцовых» переворотов в 1878 г. верховным вождем стал Леваника I (1842—1916), основавший новую правящую династию Баротселенда, которая существует по настоящее время. В сферу его влияния в конце прошлого и в начале нынешнего века входила территория площадью около 390 тыс. кв. км, что намного превышает территорию Великобритании (244 тыс. кв. км). При этом правителе торговые пути с восточным побережьем стали более открытыми для арабских и португальских купцов, вывозивших из глубинных районов страны рабов, слоновую кость и медь.

Основной хозяйственной и социальной ячейкой нового общества баротсе являлась деревенская община, ядром же ее по-прежнему была группа кровных родственников — сородичей вождя деревни. Каждый общинник владел таким участком земли, который могла обработать его семья. Благодаря обилию влаги и плодородных земель в пойме Замбези для луйи не возникала необходимость перемещать свои деревни в районы новых неистощенных земель, как это вынуждены были делать большинство народов Центральной Африки.

Не менее важную роль, чем земледелие, играли в жизни лози скотоводство и охота. Подспорьем в хозяйстве были ремесла (различные плетения, изготовление кожаных, деревянных и керамических изделий, а также лодок). Значительная часть орудий труда и домашней утвари приобреталась у соседних племен (лунда, нкоя, квангва и др.) в обмен на продукты земледелия и скотоводства.

Несмотря на то что основным принципом социальной организации лози была общинная собственность на средства производства, и прежде всего на землю, он все чаще и чаще нарушался в угоду верховному вождю и родовой знати (ли-наби).

В сознании лози, как и любого другого африканца, земля, на которой он жил, была связана с его предками и с духами предков, представителем которых был вождь (первый среди равных), регулирующий поземельные отношения в общине. Организационно-хозяйственные функции вождей и их роль в качестве военных предводителей позволили им занять господствующее положение в обществе. Постепенно лучшие земельные участки стали закрепляться за родовой аристократией, общинная взаимопомощь и традиционные подарки общинников вождю за исполнение им организационных обязанностей превратились в зачаточные формы отработочной (12-дневные отработки

«намокао») * и натуральной ренты, экономическое содержание которых проявилось в патриархально-родовой форме. Таким образом, основным источником дохода мулены, линаби и близких к ним лиц была эксплуатация общинников, обязанных обрабатывать поля знати, пасти ее скот, ловить для нее рыбу, строить ирригационные сооружения, отдавать ей часть своих продуктов. К середине прошлого столетия мулене лично принадлежали обширные земельные владения, огороженные водоемы для рыбной ловли и охотничьи угодья, многочисленные стада.

Тщательно проанализировав огромный документальный материал, советский африканист Л. Д. Яблочков обоснованно делает вывод, что «родовая знать — семья мулены и все его родственники и родственники предыдущих правителей луйи-лози по мужской и женской линиям к середине XIX в. окончательно определились как классовая прослойка, противостоявшая рядовым общинникам» [172, с. 170]. Источники и исследования этнографов и историков позволяют проследить, как правящая династия лози и связанные с ней родством или службой вожди различных рангов благодаря монополизации общественно-административных функций выделялись из среды сограждан, а затем это позволило им монополизировать и основное средство производства — землю и скот.

В обществе лози было распространено патриархальное рабство. В роли рабов выступали в основном военнопленные, захваченные во время набегов на соседние народы. Военные трофеи и дань с подвластных племен существенно пополняли доходы вождей и аристократии.

По политическому устройству лози существенно отличались от соседей. Они первыми из жителей современной Замбии создали зачаточные формы государственности. Обычно во главе политического организма стоял мулена, сосредоточивший в своих руках военную, административную и религиозную власть. Страна делилась на две части: северную со столицей Леалуи (ею правил сам мулена) и южную со столицей Налоло во главе с наместником, назначаемым верховным вождем из числа его родственников. Кроме того, имелись мелкие административные единицы — лилало, управляемые советниками мулены. Все советники и члены семьи верховного вождя образовывали кута, т. е. совет, мулены.

Родовая знать и вожди играли руководящую роль как в межплеменном обмене, так и в торговле с арабскими и португальскими купцами.

Бемба. Второй после луйи-лози значительной политической силой был воинственный народ бемба, пришедший в первой половине XVIII в. из империи Балуба на территорию современной Замбии и заселивший всю ее северо-восточную часть [291,

* Система «намокао» была отменена только в 1924 г.

с. 65—76; 295]. Под предводительством верховного вождя Читимукулу (Большое дерево) они захватили земли местных племен (биса, лала, ачева, лунгу, табва, мамбве, сукума и др.), которые платили им дань ремесленными изделиями и продуктами земледелия и скотоводства. Наибольшую силу бемба приобрели в середине XIX в. Вступив в союз с арабами, они получили у них огнестрельное оружие. В 1820—1840 гг. и в 1860—1880 гг. бемба провели ряд захватнических войн. В результате они покорили народы, входившие в политическое объединение, возглавлявшееся вождем нгони Мпезени и пришедшее к тому времени в упадок. Завоевания соседних племен, за счет земель которых бемба значительно расширили свои владения, повлекли за собой нестабильность на севере и востоке на территории современной Замбии. К приходу английских колонизаторов в конце XIX в. бемба занимали огромную территорию, расположенную между озерами Танганьика, Ньяса, Бангвеулу, Мверу. Этот район входил в зону тропических лесов, что препятствовало вторжению в него скотоводческих племен. Поэтому бемба стали называть «люди лесов», или «люди деревьев».

К сожалению, история бемба изучена еще слабо. Все же в общих чертах попытаемся ее изложить.

Политическая система бемба — союз племен, в его основе — сложная иерархия вождей во главе с верховным правителем, носившим имя-титул «читимукулу», переходившее из поколения в поколение. Родо-племенная аристократия вела свое происхождение от главенствующего «рода крокодила» [313, с. 197—225].

К началу XIX в. бемба представляли собой переходное общество от системы военной демократии к раннеклассовым отношениям. Военная и административная власть, а также функции верховного судьи и главного жреца культа предков были сосредоточены в руках читимукулу. Для общества бемба был характерен матрилинейный счет родства, должность вождя переходила по наследству сыновьям сестры.

Резиденция верховного вождя насчитывала до 700 жилищ и располагалась в Касаме. При вожде находился совет племени, включавший 30—40 наследственных старейшин — бакабило, он ведал религиозными делами. И хотя у бемба не было регулярной дружины, как у лози или ангони, читимукулу мог ее быстро собрать, поскольку общинники были в то же время и воинами [288, с. 228—275].

Вся страна делилась на районы — чало, которые управлялись наместниками из числа родственников верховного вождя или представителей других ведущих родов. Сородичи читимукулу, принадлежавшие к «роду крокодила», занимали главенствующее положение в обществе, им подчинялись не только рядовые члены общества, но и знать других родов. Эта аристократия жила за счет подношений со стороны общинников, которые обрабатывали их поля. Немалую роль в их хозяйстве игра-

ли рабы из числа военнопленных или соплеменников, попавших в кабалу за преступления или за долги. Нередко вожди, возглавив дружицу, совершали рейды на территорию соседей, захватывали там рабов и вносили тем самым лепту в работорговлю на восточном побережье континента. За рабов знать получала металлические украшения, ткани, оружие. Столь привилегированное положение родовой верхушки свидетельствовало о выделении ее в особый социальный слой, противостоявший остальным членам общества.

Более мелкой, но также основной административной единицей была деревня-умуша. К середине прошлого столетия она утратила черты родовой общины и превратилась в соседскую, во главе которой стоял вождь, исполнявший административно-хозяйственные функции и отправлявший обязанности жреца. При вожде деревни состояли советы старейшин. В умуша существовали мужские клубы, собиравшиеся в особых общественных постройках — нсака.

Будни общинников-бемба проходили в тяжелом изнурительном труде [288, с. 277—328]. Основой их хозяйства было земледелие. А поскольку территорию покрывали кустарники и деревья, их приходилось вырубать, корчевать, выжигать траву. Такая система подсечно-огневого земледелия называется «читемене», она требует огромной затраты физических сил. Через 4—5 лет земельные участки истощались, и деревни вынуждены были перемещаться на новые места. Подспорьем в земледелии служили охота, собирательство, гончарное и другие ремесла, однако орудия труда бемба получали в результате межплеменного обмена. Постоянными предметами меновой торговли были соль, добываемая в районе нынешнего г. Мпика, и слоновая кость. Солью выплачивалась также подать верховному вождю. У арабских купцов в обмен на слоновую кость и сырье можно было получать оружие, импортные ткани для знати.

Типичные деревни бемба состояли из 30—50 хижин. Они были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Круглые жилища в плане строились из двухметровых жердей, обмазанных глиной, покрывались конической соломенной крышей. Хижину окружал навес, подпираемый столбами. Вход в нее не закрывался, поскольку у жилища не было окон. Во дворе строились цилиндрические зернохранилища. Обычной пищей бемба были просяная каша с растительными, рыбными, реже мясными приправами и просяное пиво.

Этот народ получил известность за свое художественное искусство: резьбу по дереву (скульптура, маски), многоцветную роспись домов, керамику, плетение, изготовление музыкальных инструментов.

Таковы основные вехи этнической, культурной и политической истории народов исследуемого региона в XVI—середине XIX в. Следует отметить, что к середине прошлого столетия расселение этнических групп современной Замбии практически было завершено. С этого периода наступает в истории этой африканской страны новый, трагический этап.

Проникновение европейцев и начало колониальной эксплуатации коренных жителей

Географические открытия португальцев в XVIII—XIX вв. на территории Замбии. Связь с внешним миром народов, населявших просторы современной Замбии в XVIII—XIX вв., осуществлялась через арабо-суахильских торговцев и их посредников из племен биса и яо, которые вовлекали местное население в торговлю рабами, процветавшую в этом регионе Восточной Африки. Следует заметить, что контакты африканцев исследуемых областей с арабами не сказались сколько-нибудь существенно на развитии их истории и культуры, не затронули глубоко основ их экономической, социальной и политической структуры. Подобные связи более всего напоминали широко известные отношения партнерства. Арабские купцы проводили гибкую политику в отношениях с вождями бемба, тонга, лози и других народов [290, с. 715—746].

Иная картина сложилась при контактах местных народов с европейцами. Первыми в этом регионе появились португальцы, стремившиеся объединить свои колонии на западном и восточном побережье Африканского континента (современные Ангола и Мозамбик). Поэтому проникновение их на территорию нынешней Замбии осуществлялось с двух сторон. Отношение новоявленных пришельцев к африканцам было напористым и бескомпромиссным, они никогда не учитывали политических амбиций местных правителей (см. [176; 252]). Этим, в частности, объяснялись провалы многочисленных попыток португальцев закрепиться во внутренних районах Замбии, использовать в своих интересах местные торговые пути и рынки.

Историки отмечают, что появление португальцев во внутренних районах страны относится к XVI—XVII вв. Известно, что около 1684 г. верховный правитель луйи прогнал европейцев с Родезийского плато и они могли осуществлять лишь спорадические контакты с местными племенами из своих торговых факторий Сена и Тете, расположенных на р. Замбези. В конце XVII в. португальцы основали новый торговый пункт Зумбо на р. Луангва, а в 1732 г. на противоположном берегу этой реки — факторию Фейра, сыгравшие важную роль в торговых связях

[304, с. 231—242]. Источники свидетельствуют о том, что наиболее известной фигурой в торговле золотом с государством Лози был некий житель Зумбо, доминиканский священник Педро ди Тринидад, который прожил здесь 25 лет, вплоть до 1751 г. Через эту факторию караваны следовали с золотом, медью и слоповой костью к побережью Индийского океана. В торговые операции кроме луйи были вовлечены племена тонга, ленжи, лала, ламба, амбо и др. Но, по-видимому, не всегда отношения с африканским населением были безоблачными. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1804 г. Зумбо была разрушена отрядами под предводительством вождей амбо или нсенга, а в 1836 г. португальцы вынужденно покинули и Зумбо, и Фейру.

Более успешными были контакты португальцев с одним из вожеств племени чева (юго-восток региона), возглавлявшегося династией Унди. Как считает А. Робертс, именно отсюда началось их планомерное проникновение во внутренние районы Замбии [292, с. 107—109].

Первую торговую экспедицию в Казембе предпринял в 1796 г. житель Тете, португальский купец Мануэл Гаэтану Пирейра, ставший первым европейцем, проникшим из бассейна р. Замбези в бассейн р. Конго и сообщившим подробные сведения о реках Луангве и Чамбешу, о горном кряже Мучинга и болотах Бангвеулу. Достигнув столицы Казембе, М. Г. Пирейра был благосклонно принят верховным правителем лунда, который потребовал, чтобы к нему было направлено португальское посольство с дарами. В 1798 г. путешественник вернулся в Тете в сопровождении 300 торговцев из племени биса и двух послов от казембе [203, с. 61—76]. В конце XVIII в. к северу от р. Замбези не было более удачливых торговцев, чем семейство М. Г. Пирейра, обладавших не только деловой хваткой, но и значительными познаниями о географии района и привычках местных жителей.

Именно поэтому отца и сына Пирейра включили в состав экспедиции 1798 г., которую возглавил колониальный чиновник Ф.-Ж. ди Ласерда-и-Алмейда, известный своими исследованиями в Анголе. Цель экспедиции состояла в том, чтобы установить прямые контакты с казембе, положить начало распространению торгового и политического влияния португальцев во внутренних районах, а также связать воедино контакты и торговые пути от Мозамбика до государства Муато Ямво и побережья Анголы. Кроме того, Ф.-Ж. ди Ласерда лелеял мечту доказать наличие возможности осуществлять прямое водное сообщение между восточными и западными португальскими владениями в Африке. Путешествие из Тете до Казембе заняло четыре месяца (с июля по октябрь) [187, с. 143]. Вскоре после подписания соглашения с правителем лунда Ф.-Ж. ди Ласерда внезапно скончался.

Руководство экспедицией перешло к Ф. Ж. Пинту, который, пробыв девять месяцев у лунда, лишь в ноябре 1799 г. вер-

нулся в Тете. Он привез с собой путевые дневники Ф.-Ж. ди Ласерды, которые в 1830 г. были опубликованы в Лиссабоне. В них путешественник собрал довольно значительный географический материал и сведения о политической обстановке в Казембе.

Несмотря на все попытки, ни Ф.-Ж. ди Ласерде, ни Ф. Ж. Пинту не удалось добиться разрешения правителя лунда продолжить путешествие на запад в сторону Анголы.

В этот же период в Португалии возникли опасения, что Великобритания, утвердившись на юге, сможет обратить внимание на этот регион Африки. Поэтому португальцы стали принимать попытки укрепить свои позиции на территории Замбии. В начале прошлого столетия губернатор Анголы посылает одну за другой торговые миссии в этот регион. В 1806—1814 гг. двое мулатов, страстно желающих торговцев-помбейруш — Баптиста и Жозе, добрались до столицы империи Лунда и Казембе, проникли в Тете и по тому же маршруту вернулись обратно, совершив, таким образом, первое исторически доказанное пересечение Центральной Африки от Анголы до Мозамбика. К сожалению, эти торговцы были неграмотны и после себя никаких путевых записок не оставили.

В 1831—1832 гг. маршрут Ф.-Ж. ди Ласерды (из Тете в Казембе) повторили офицеры португальской армии Ж. М. К. Монтейру и А. С. П. Гамитту, которые, впрочем, ничего существенно нового в исследование этого района Замбии не внесли. Однако они пришли к выводу, что Казембе IV Келека утратил интерес к развитию торговых связей с европейцами. Заподозрив недоброе и увидев в этих путешественниках не купцов, а солдат, Казембе ограничил в дальнейшем контакты с португальцами.

Предпринимались шаги для установления контактов и с другими народами Замбии. Так, в 1847—1848 гг., 1852—1853 гг. и в 1858 г. Антонио Франсишку да Силва (Силва Порту), португальский купец, прошел маршрутом близ столицы государства Лози через земли племен ила, ламба, биса [254, с. 136—149]. Он стал свидетелем завоеваний племенами макололо земель луйи и зафиксировал эти события в путевом дневнике. Одним из первых он проложил также торговый путь из Бенгелы через Бие к верховьям Замбези. А. Ф. да Силва повторил маршрут Баптисты и Жозе, когда пересек Центральную Африку от Атлантического до Индийского океана.

В 70-е годы прошлого века наблюдается активизация исследовательской деятельности португальцев в этом регионе Африки, в Лиссабоне создается географическое общество (1875 г.), призванное способствовать экспансии Португалии на континент. По поручению этого общества майор Серпа Пинту предпринял в 1878 г. трансафриканское путешествие от Бенгелы до Претории (см. [257]). Ему удалось тщательно изучить многие географические объекты, произвести маршрутную съемку, определить астрономические координаты соответствующих пунктов. Все это

впервые позволило положить на карту область водораздела между бассейнами рек Кванзы, Замбези и Кубанго. Особенно ценными для историков оказались посещение этим путешественником государства Баротсе в момент воцарения там на престол Леваики I и анализ политической ситуации в нем в тот период.

Давний замысел португальцев продолжить прямой путь из Анголы в Мозамбик был осуществлен в 1884—1885 гг. Э. К. ди Бриту Капеллу и Р. Ивеншем, бывшими слугами Серпу Пинту. Они поднялись вверх по долине Замбези к низовьям р. Кабомпо и прошли вдоль нее почти до истоков. Дальнейшее их продвижение было остановлено вследствие сопротивления местных жителей. Результаты географических и этнографических изысканий Э. К. ди Бриту Капеллу и Р. Ивенша были опубликованы в двухтомнике «От Анголы до противоположного берега» в Лиссабоне в 1886 г., снабженном детальными картами местности [112, с. 387].

Описанные выше исследования имели целью подготовить дальнейшую экспансию Португалии на Юге Африки, однако планы Лиссабона натолкнулись на серьезное сопротивление со стороны Англии, Бельгии и Германии.

Начало английского проникновения. Роль христианских миссий. К середине XIX в. инициатива в изучении и освоении территорий современной Замбии переходит к Великобритании. Если окинуть даже беглым взглядом историю проникновения и господства англичан в этом районе Африканского континента, то можно четко выделить в ней три периода. Первый — с середины прошлого столетия до 1889 г. — подготовительный, или предколониальный. Второй — с 1889 по 1900 г. — период заключения неравноправных договоров, навязанных местному населению, и активного военного вторжения в страну. Третий — с 1900 по 1963 г. — время создания колонии, политической и социально-экономической структуры колониального общества.

Для первого периода характерно мирное проникновение, основная задача которого состояла в сборе сведений о природных богатствах страны, о населении и политическом устройстве, в налаживании мирных контактов с африканцами. Роль первопроходцев колониализма вольно или невольно выпала на долю миссионеров, путешественников, торговых агентов, выполнявших задания различных научных, религиозных, акционерных и торговых ассоциаций и обществ, заинтересованных в получении подробных сведений о внутренних районах Африки.

Среди них следует выделить имя выдающегося ученого, путешественника и гуманиста шотландского врача Давида Ливингстона (1813—1873). По поручению Лондонского миссионерского общества он совершил три путешествия по Центральной, Восточной и Южной Африке (1841—1856, 1858—1864, 1866—1873 гг.), сделав ряд выдающихся географических открытий и ценных этнографических наблюдений (см. [137; 138; 139]).

Увлеченный научной работой и стремлением как можно большему числу коренных жителей оказать медицинскую помощь, Д. Ливингстон пренебрегал основными функциями, с которыми был послан: сеять зерна христианской религии в душах африканцев. Он считал, что последние нуждаются не в новой религии, а в реальной помощи.

Достигнув в 1851 г. верховьев р. Замбези, он поднялся затем вверх по реке к ее истокам, прошел сухим путем в бассейн р. Конго и достиг г. Луанды на западном, Атлантическом побережье Африки. В сентябре 1854 г. Д. Ливингстон отправился в обратный путь вдоль по Замбези до ее устья, т. е. совершил двойное пересечение Центральной и Восточной Африки, закончившееся в 1856 г. В результате этого путешествия ему удалось внести ясность в вопрос о Замбези, ее притоках и впервые панести их на карту, открыть водопад Виктория, который местные жители называли «Шумящий дым», описать водораздел между реками Конго и Замбези. За эти научные достижения Лондонское географическое общество присудило Д. Ливингстону золотую медаль.

Но не только эти открытия и исследования принесли ему мировую известность и благодарность потомков. Он вошел в историю благодаря своей гуманистической деятельности среди африканцев, к которым выказывал благожелательное и бескорыстное отношение. Д. Ливингстон изучал их языки, лечил, обучал их грамоте и новым приемам ведения сельского хозяйства. Известно, например, что представители племени бечуанов, среди которых он прожил несколько лет, боготворили его за добрый нрав и желание принести им пользу.

Для нас исследования этого ученого интересны тем, что он оставил подробные описания обычаев, нравов, быта, политического устройства и хозяйства макололо, покоривших к тому времени государство луйи. Д. Ливингстон со своими спутниками в течение длительного времени прожил в столице луйи-макололо Линьяти и был радушно принят верховным вождем Себитуане, а затем его сыном — преемником Секелегу, который предоставил в распоряжение ученого 27 своих подданных и позволил исследовать территорию подвластных ему владений.

Во время путешествий по побережью обоих океанов и внутренним районам континента Д. Ливингстон сталкивался с многочисленными фактами опустошения целых районов и стран в результате деятельности работорговцев. Ему много раз приходилось освобождать из неволи большие группы африканцев. Несколько миссионерских станций, основанных им, после его отъезда прекратили существование, поскольку держались только на его авторитете. «Святые отцы», управлявшие этими пунктами, не могли найти общий язык с местными жителями.

Вернувшись в Лондон в 1856 г., Д. Ливингстон, встреченный как герой, выступил с серией докладов в научных обществах и в светских салонах. Всюду он страстно обличал работор-

говлю и расизм, ратовал за идею равенства между европейцами и чернокожими жителями Африки. Он, в частности, писал: «Я сделал много открытий, но самое главное из этих открытий заключалось в том, что я открыл хорошие качества у тех людей, которые цивилизованными людьми считались племенами, стоящими на низкой ступени культуры» [138, с. 14—15]. Но эти идеи не вызывали восторга ни у его слушателей, ни в правительственных кругах. Д. Ливингстон покидает Лондонское миссионерское общество, а гонорар за первую книгу путешествий вкладывает в новые африканские экспедиции, которые принимает с женой, сыном и братом Чарльзом.

В 60—70-е годы Д. Ливингстон продолжает исследовать отдельные районы Замбии, он первым из европейцев посетил в 1867 и 1872 гг. племена бемба и описал их в правление верховного вождя читимукулу Читампанке. Как известно, воинственные бемба держали в страхе не только своих соседей. Кроме Д. Ливингстона, вплоть до конца XIX в. путь европейцам в их страну был закрыт.

Путешественник посетил также земли чева, табва, побывал в столице Казембе на р. Луапула. Смерть настигла его 1 мая 1873 г. в деревне вождя племени лала Читамбо, к югу от оз. Бангвеулу. Африканцы набальзамировали его тело и отправили через Занзибар в Англию. Сердце же Д. Ливингстона похоронено в земле Африки.

Исследования этого ученого представляют большую ценность для науки. Но одновременно они подготовили почву для проникновения в глубь материка миссионеров, насаждавших христианскую религию среди местных жителей, разного рода дельцов и авантюристов.

Среди народов современной Замбии христианство стало распространяться начиная с последней трети XIX в. Первыми сюда пришли протестантские миссионеры из Оксфордского и Кембриджского университетов, а позднее — миссионеры Римско-католической церкви, представлявшие различные монашеские ордены и миссионерские общества (Белых отцов, общество африканских миссий и т. п.) (см. [295]). Правда, следует сказать, что миссионеры не имели большого успеха у африканцев и лишь немногие из их станций просуществовали длительный срок. Среди последних можно назвать пункты, основанные французским протестантским священником Ф. Куайяром в стране лози при правителе Леваники I. Последний, хотя и не принял новой религии, не противился распространению ее среди своих подданных (см. [220]). Ф. Куайяр выполнял не только церковную миссию, он являлся одновременно агентом английских компаний, заинтересованных в распространении своего влияния среди местного населения. Деятельность миссионеров в последней четверти прошлого столетия ознаменовалась не столько обращением коренных жителей в христианскую веру, сколько созданием идеологической почвы для оправдания перед

европейской и мировой общественностью колониалистских завоеваний Англии.

Как известно, в основу религиозной доктрины, проповедуемой «святыми отцами», была заложена идея о цивилизаторской миссии европейцев-христиан, якобы несущих благоденствия африканским народам. Позднее она оформилась в теорию патернализма, по которой коренные жители считались «детьми», а представители белой расы — «отцами», призванными их опекать и «вести» за собой [260, с. 215—216]. Эту теорию колониальная пропаганда смогла широко использовать в конце XIX в., когда началось активное вторжение Великобритании в исследуемый нами регион континента.

Деятельность «Британской южноафриканской привилегированной компании». Активность англичан в этом районе вызвала беспокойство Португалии. В 1883 г. она отказалась от своего обещания, данного в 1877 г., беспрепятственно пропускать экспедиции и грузы для английских миссий вверх по течению р. Замбези. Но такие действия затруднили деятельность не только «святых отцов». Они противоречили стремлениям Великобритании освоить этот район, поскольку она вынашивала план создать единую полосу своих колониальных владений от Каира до Кейптауна. Так, в 80-е годы рассматриваемый регион Восточной Африки стал превращаться в узел острых противоречий и соперничества между Великобританией, Португалией и Германией, мечтавшей, в свою очередь, соединить свои владения в Танганьике и в Юго-Западной Африке.

На Берлинской конференции 14 держав 1884—1885 гг., посвященной колониальному разделу Африки, судьба коренного населения региона решалась за его спиной. Стремясь выработать общие принципы политики на континенте, конференция решила, что любые претензии на ту или иную часть территории Африки должны быть подкреплены фактической оккупацией соответствующего района. Так, в открытую была провозглашена доктрина, благословляющая колониальную гонку ведущих европейских государств.

Однако международная обстановка в тот период еще не позволяла ни одной из держав — участниц конференции приступить к открытому захвату земель Юго-Восточной Африки. Поэтому колониалистские круги стран — участниц конференции стремились использовать такие средства и создать такие предпосылки, которые позволили бы им быстро и более или менее «благопристойно» реализовать свои экспансионистские планы.

Наиболее эффективным методом, использованным всеми этими странами, была колонизация с помощью различных торговых компаний [111, с. 6—7]. Официально их деятельность рассматривалась как частная инициатива, за действия компаний правительства метрополий не отвечали. Однако это «свободное предпринимательство» носило отнюдь не частный характер. В большинстве случаев во главе компаний такого рода стояли

представители европейской аристократии, торговой и финансовой буржуазии, а иногда и члены королевских семей.

Представители акционерных обществ, скрываясь под личиной миссионеров, торговцев, путешественников, путем обмана, подкупа, шантажа и подлога заключали неравноправные договоры с африканскими вождями и прибирали таким путем к рукам их национальные богатства.

В районах Африки по обе стороны р. Замбези Великобритания реализовала свои колониальные замыслы с помощью «Британской южноафриканской привилегированной компании» (БСАК), основанной в 1889 г. известным идеологом и практиком британского империализма, политическим деятелем и колониальным чиновником (в 1890—1896 гг. он был премьер-министром Капской колонии), авантюристом и крупным промышленником Сесилем Джоном Родсом (1853—1902). Официальная Англия впоследствии провозгласила его национальным героем и «великим строителем империи». Мечтая о подчинении мира англосаксонской расе, он, по словам В. И. Ленина, применял «империалистическую политику с наибольшим цинизмом».

Такой цинизм был следствием вседозволенности и полной безнаказанности действий С. Родса и компании, которые были юридически санкционированы и закреплены хартией королевы Виктории, дарованной БСАК в 1889 г., и законодательными актами британского правительства 1894 г. [274, с. 3; 253, с. 16]. Подобные документы представляли компании неограниченные возможности в колониальном захвате земель Юго-Восточной Африки. Она получила право на разведку и добычу полезных ископаемых в этих районах континента, на организацию административного аппарата, создание армии, флота, полиции, акционерных обществ и банков, на строительство железных дорог и городов, на представление третьим лицам концессий на горные, лесные и другие разработки, на распределение и дарение земель и т. д.

Первоначально БСАК пыталась осуществить колониальную экспансию на территорию современной Замбии мирным способом. Ее агенты (наиболее активными и удачливыми среди них были А. Шарп и Дж. Томпсон) проникали во внутренние районы страны, где с помощью миссионеров заключили ряд обманных договоров с африканскими вождями всех рангов, от старейшин деревень до верховных вождей крупных политических объединений. В результате европейцы приобрели исключительное право на торговлю и разработку недр, а местные жители получали в обмен «покровительство британской короны». При этом названные агенты умело использовали политическую конъюнктуру, сложившуюся тогда в этом районе Африки, разногласия и борьбу местных правителей между собой.

Так, в 1890 г. А. Шарп, добравшись до оз. Мверу, заключил договор с вождем племени табва Нсама, а затем провел успешную операцию в стране Казембе, верховный вождь которой под-

писал с ним соглашение в обмен на обещание оказать ему военную помощь и поддержку в борьбе с его соперником, вождем лунда Мсири, проживающим в Катанге. Однако, продав свои земли и лишившись свободы, Казембе не получил от англичан реальной помощи.

Таким же был другой колониальный деятель, Дж. Томпсон, совершавший подобные неравноправные сделки с вождями ряда племен, расселившихся вдоль северного берега Замбези.

На несколько лет затянулись переговоры с верховным вождем лози Леваникой I. Еще в 1883 г. в его столицу Леалуи прибыл Ф. Куайяр и другие миссионеры, затем агенты Ф. Локнер и Г. Ве. Все они пытались добиться права на разработку полезных ископаемых в этой стране. Но вождь лози долго не соглашался, ведя хитрую дипломатическую игру и со «святыми отцами», и с представителями БСАК.

На него оказал давление проанглийски настроенный вождь бечуанов Кхама, грозивший агрессией в случае его отказа. Несмотря на протесты вождей и старейшин, вождь лози подписал с Шарпом и Томпсоном договор, поставив свою страну под контроль англичан. Такое подчинение позволило Леванике сохранить многие права и привилегии. Верховный вождь полагал к тому же, что союз с Англией позволит ему укрепить свои позиции перед соседями и будет способствовать развитию его народа и страны в сторону прогресса. Ведь БСАК обещала выплачивать ему ежегодно 2 тыс. ф. ст. для того, чтобы он мог успешно вести войну с ндебеле и построить на их территории школы, телеграф, развить торговлю [292, с. 160]. Однако в дальнейшем Леванике I пришлось согласиться на отчуждение земель англичанами у многих подчинявшихся ему племен. Колонизаторы захватили заодно территории тонга, ламба и других народов, населявших цепь центральных плато и никогда не входивших в состав политического объединения баротсе.

В 1891 г. департамент колоний министерства иностранных дел Великобритании утвердил соглашение между лози и БСАК, провозгласив создание протектората под названием Баротселенд. В 1897 г. в Леалуи прибыл первый колониальный чиновник — комиссар Кориндон. Тем самым подтверждалось, что Баротселенд — неотъемлемая и составная часть Британской империи. В дальнейшем Леваника I стал верным слугой колониальной администрации. В 1902 г. он был приглашен в Лондон на коронацию короля Эдуарда VII. Наряду с этим многие народы, в их числе бемба, не поддались на уговоры и посулы и не захотели иметь никаких дел с англичанами.

В этот же период в междуречье Замбези и Саби произошли острые стычки между колониальными военными отрядами англичан и португальцев, боровшихся за преобладание в Юго-Восточной Африке. Англии удалось одержать верх, и 11 июня 1891 г. был подписан англо-португальский договор о разделе бассейна р. Замбези. Он определил существующие и поныне грани-

цы между современными государствами Замбией, Малави, Зимбабве и Мозамбиком. Так отдельные части ряда племен оказались по разные стороны пограничных линий. Великобритания добилась права свободного судоходства по реке Замбези.

Антиколониальное сопротивление коренных жителей. Установление политического господства БСАК.

Захват территории современной Замбии проходил не так гладко, как хотелось бы колонизаторам. С первых же дней их появления многие племена и народы стали оказывать им сопротивление. Особенно отчаянно сопротивлялись бемба и нгони.

Вождь бемба Читимукулу до 1886 г. под угрозой смерти пресекал попытки агентов БСАК проникнуть в его страну. Однако в 1896 г. католический священник Ван Оост пробрался туда и получил разрешение вождя открыть в стране христианские миссии (см. [226]). С этого момента и началось проникновение сюда англичан. Прикрываясь гуманными целями, под предлогом борьбы с работорговлей они ввели войска и приступили к завоевательным операциям (см. [262]). Вооруженные столкновения англичан с бемба продолжались четыре года и шли с переменным успехом. Положение осложнялось тем, что не было единства между вождями. В результате войска БСАК разгромили наиболее непримиримые силы во главе с вождем Чивале, погибшим в неравной борьбе. Английские колониальные войска быстро завоевали земли бемба одну за другой, сооружая на них укрепленные форты. Все это заставило читимукулу Макумба (1896—1911) признать власть Великобритании над собой.

В 1897 г. БСАК обманным путем завладела концессией на разработку полезных ископаемых в землях нгони, которую она перекупила у агента португальских компаний Карла Визе, и начала строить на этой территории укрепленные военные пункты [253, с. 36—40]. Обманутый верховный вождь нгони Млезени III (1832—1900) осадил главную цитадель англичан Форт-Джеймсон. Африканцев, вооруженных ассегаями, вел в бой сын верховного вождя Нсингу (Нсунгу). В течение 40 дней осаждали они эту крепость и почти все погибли под пулеметным огнем. Несколько вождей было расстреляно, резиденция Млезени III сожжена, конфисковано около 5 тыс. голов скота. Значительная часть местного населения была согнана со своих земель, на них поселились фермеры-европейцы.

Так, подкупом, обманом и огнем были покорены народы и племена Замбии. Страну наводнили чиновники, миссионеры, дельцы, фермеры — выходцы из южноафриканских колоний Великобритании, из метрополии и ряда других европейских стран (см. [185; 298]). Сформировавшаяся в конце XIX в. на территории современной Замбии белая община — новый хозяин этих земель — представляла собой смешение языков и сословий. В тот период главным направлением эксплуатации коренных народов был грабёж, неприкрытая форма внеэкономического

принуждения, изъятие при помощи насилия и обмана земель, скота и других ресурсов. Земельная экспроприация явилась одной из основ установления колониальных порядков в Замбии, а впоследствии — главным каналом расхищения и утечки производимого в стране прибавочного продукта.

Деятельность БСАК в Юго-Восточной Африке одобрялась и поддерживалась министерством колоний Великобритании, официальной английской прессой. Ее завоевания сулили метрополии огромные выгоды.

В 1899 г. английское правительство признало власть БСАК над Северо-Западной Родезией, а в 1900 г. — над Северо-Восточной Родезией. В 1911 г. они были объединены в единую административную единицу — Северную Родезию. Компания получила от Лондона право на управление этой территорией, на эксплуатацию ее природных богатств. В истории народов Замбии наступил самый тяжелый период.

К началу английской колонизации народы, населявшие территорию современной Замбии, находились на разных ступенях распада первобытнообщинного строя и перехода к классовым отношениям. На западе страны (ныне Западная провинция) сложилось государственное образование Баротсе, в котором зародились и развивались элементы раннефеодального строя. Верховным собственником земли считался правитель, наделявший владениями представителей родо-племенной верхушки. Их размеры зависели от места, которое занимал получатель в сложной социально-политической иерархии [152, с. 70]. Колонизаторы сохраняли за правителем некоторые из его прерогатив, относящиеся к вопросам землевладения и землепользования [228, с. 29—32].

В договорах, подписанных Леваникой I с колонизаторами в 1900—1909 гг., был определен статус Баротселенда и земель Северо-Западной Родезии. Колонизаторы, зная, как бедны и малоперспективны земли в этих областях, пошли на гарантии против земельных отчуждений. Вскоре, однако, площадь Баротселенда была сокращена с 155 тыс. кв. км до 119,5 тыс. [152, с. 24], или на 23%. Баротселенд долгое время оставался полуавтономным государственным образованием, своеобразным протекторатом в протекторате [234, с. 110]. Что касается земель большинства племен, подчинявшихся ранее баротсе, то они стали «имуществом» английской короны.

Первые элементы капиталистических отношений проявились в Замбии с началом европейской колонизации. В 1889—1891 гг. БСАК захватила огромные земельные массивы в районе левобережья р. Замбези. Хотя начало иммиграционной волны в Замбию относится к 1898 г., основная масса колонистов стала прибывать сюда в 1904 г. в связи со строительством железной дороги [184, с. 48—49; 234, с. 95]. В 1911 г. в стране проживало уже 1,5 тыс. европейских поселенцев, а в 1921 г. население превысило 3,6 тыс. [234, с. 272]. Компания БСАК за бесценок про-

давала крупные земельные участки по обе стороны железной дороги и вокруг своих опорных пунктов, причем эти участки, находившиеся на плодородных красноземах и желтоземах, были свободны от мухи цеце. Что касается африканцев, то они сгонялись в резерваты, создание которых на юго-востоке страны относится к 1907—1910 гг. [142, с. 505].

До 1924 г. главными методами эксплуатации местного населения Замбии были земельные экспроприации и внеэкономическое принуждение, бесплатный или низкооплачиваемый принудительный труд. На первых порах колонизация не затронула традиционное хозяйство коренного населения, хотя и готовила условия для развития колониального капитализма на базе иностранных капиталовложений. Еще до первой мировой войны началась эксплуатация богатых залежей руд цветных металлов и полиметаллов, создавалась хозяйственная инфраструктура (железная и шоссейные дороги). Иностранным компаниям предоставлялись концессии, с ними заключались договоры об аренде и другие соглашения. По мере роста численности европейского населения и расширения позиций иностранного капитала возрастала потребность в формировании политических и административных структур, которые обеспечивали интересы тех и других. В 1918 г. в Северной Родезии был учрежден первый «европейский» Консультативный совет [298, с. 248].

**КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ
В СЕВЕРНОЙ РОДЕЗИИ
(1914—1945)**

**Система колониального управления.
Экономика страны
в 10—30-е годы**

Северная Родезия в первую мировую войну. 4 августа 1914 г. Великобритания объявила Германии войну, а уже 13 августа английская канонерка принудила единственное германское военное судно на оз. Ньяса сдаться без боя [319, с. 236]. Коренное население Северной Родезии помимо его воли было втянуто в войну за интересы монополистической буржуазии метрополии.

Англо-германские противоречия в Африке уже давно приобрели острый характер. Германия вынашивала планы создания «Германской Срединной Африки» в качестве естественного продолжения планировавшейся под германской эгидой «Срединной Европы». В «Срединную Африку» предполагалось включить территории, находившиеся по берегам рек Сенегал, Нигер, Конго и Замбези. К числу таких областей относилась также Северная Родезия. Немцы стремились поставить заслон проникновению аглийского влияния в северо-восточном направлении [319, с. 233]. «Германская Срединная Африка» должна была, подобно Индии в Британской империи, стать краеугольным камнем Германской империи [129, с. 237, 239].

В Германской Восточной Африке (ГВА) — в Танганьике — размещалась крупная группировка колониальной армии под командованием генерала О. Леттов-Форбека [184, с. 54] («охранная часть»). В марте 1916 г. в ней было свыше 3 тыс. военнослужащих-европейцев и более 12 тыс. африканцев [129, с. 228]. На территории Северной Родезии ей противостояли британские колониальные войска, усиленные южноафриканскими и индийскими воинскими подразделениями. Позднее в боях приняла участие также «Уэст Африкен Фронтиэр Форс», часть, сформированная из коренных жителей Нигерии, Золотого Берега, Сьерра-Леоне и Гамбии. Враждовавшие стороны включили в состав различных (как правило, вспомогательных) подразделений десятки тысяч африканцев.

В сентябре 1914 г. немцы обстреляли из орудий северородезийский поселок Аберкорн (ныне г. Мбала) [319, с. 235]. Не-

сколько месяцев спустя они безуспешно атаковали поселок Файф [184, с. 53]. В течение года военные действия ограничивались мелкими стычками патрулей на границе. Обычное для тех дней донесение о боевых действиях приводит Р. Холл: «Израсходовав большое количество пулеметных и винтовочных патронов, противник вынужден был отступить. С нашей стороны потерь нет» [235, с. 48].

В военных действиях, начавшихся в 1914 г., участвовали в основном пограничные части и африканские иррегулярные отряды, и борьба на восточноафриканском театре военных действий до 1916 г. шла с переменным успехом. Наступление войск генерала Леттов-Форбека на Кению в 1914 г. было остановлено колониальной армией и добровольческими отрядами поселенцев, однако и попытки англичан в 1914 и 1915 гг. высадиться на побережье Германской Восточной Африки не удались. В 1916 г. положение изменилось. В мае объединенные силы родезийских, британских, южноафриканских и бельгийских колониальных войск под общим командованием генерала Смэтса вторглись на территорию ГВА. С юга наступали две колонны, сформированные в Северной Родезии из подразделений северородезийской и южноафриканской полиции и южноафриканской армии. Ими командовал бригадный генерал Э. Норт [319, с. 238].

Под давлением противника германские войска в сентябре 1916 г. сдали Дар-эс-Салам [129, с. 224], а к декабрю того же года оставили опорные пункты на южных берегах оз. Таганьика. Утратив опорные базы, германские войска прибегли к маневренной войне против численно превосходившего противника (союзные войска насчитывали 73 тыс. человек). В ноябре 1917 г. им удалось укрыться на территории Мозамбика.

По мнению ряда историков-африканистов ГДР, «целью Леттов-Форбека была не столько защита Германской Восточной Африки, сколько стремление удержать часть вооруженных сил Антанты вдали от Европейского театра военных действий» [129, с. 225]. В конце 1917 г. Германия сделала попытку оказать помощь своим войскам, попавшим в затруднительное положение в Африке. С этой целью по распоряжению германского командования из Болгарии, бывшей тогда союзницей Германии, в Африку вылетел дирижабль L-59 с военными грузами для «охранной части». Он пролетел почти пять тысяч миль над Средиземным морем, Египтом и Суданом, однако затем командир корабля получил приказ прекратить полет из-за изменившейся в ГВА военной ситуации и нецелесообразности стремиться достичь района, где находились войска генерала Леттов-Форбека [362, 1958, № 5, с. 465].

Из Мозамбика через южные районы Танганьики «охранная часть» проникла в октябре 1918 г. на территорию Северной Родезии и, захватив провинциальный центр Касаму, продвинулась к Брокен-Хиллу [184, с. 56]. Безнадежность дальнейшей борьбы

против войск союзников, жестокое обращение германского командования с коренным населением областей, где разворачивались боевые действия, вызвали массовое дезертирство солдат-аскари из германских войск и их переход на сторону союзников [319, с. 239]. 14 ноября 1918 г., находясь на территории Северной Родезии, генерал Леттов-Форбек подписал приказ о капитуляции [319, с. 240].

К моменту капитуляции под командованием Леттов-Форбека осталось менее 1200 африканцев. Капитулировавшие африканцы были распущены по домам, причем многие из них заявили о своем желании вступить в британский колониальный полк королевских африканских стрелков [234, с. 100].

Всего война в Восточной Танганьике унесла 60 тыс. жизней африканцев, погибших в боях и от болезней [234, с. 102].

Ирония судьбы заключалась в том, что войну на Африканский континент, стоившую жизни многим тысячам африканцев, принесли те самые европейские правительства, которые за тридцать лет до этого навязали африканцам свою власть «во имя мира и порядка» [319, с. 240].

Несмотря на ограниченность боевых действий в основном северо-восточными районами страны, война причинила ощутимый ущерб коренному населению всей Северной Родезии. Власти неоднократно проводили принудительные мобилизации африканцев во вспомогательные войска. Свыше 312 тыс. человек, т. е. почти каждый третий взрослый африканец [253, с. 169], участвовало в доставке на фронт продовольствия и снаряжения. Нередко в переноске грузов принимали участие даже женщины. Физические перегрузки, недоедание, эпидемические заболевания привели к гибели многие тысячи африканцев. Мобилизации вызвали острую нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве, привели к снижению производства продовольствия, вызвали голод и различные эпидемии. Например, эпидемия гриппа в октябре 1918 г. унесла много жизней и временно парализовала жизнь в колонии [234, с. 102]. Тяготы войны легли на плечи африканцев, усилив колониальное бремя. Однако война способствовала и определенному экономическому развитию. В стране были созданы новые мелкие промышленные предприятия, обслуживающие армию, построены коммуникации. Работа с техникой способствовала приобщению африканцев к зачаткам технических знаний, расширяла их кругозор. Формирование африканских воинских подразделений вело к установлению более тесных межэтнических и межобластных связей. Определенное воздействие на сознание африканских солдат имела и сама служба в армии, неизбежные контакты в боевых условиях с европейцами и индийцами. Тяготы службы в армии толкали африканцев к сплочению, вели к росту их самосознания, к стихийному зарождению антиколониальных настроений [319, с. 241], которые передавались коренному гражданскому населению. Например, жители Северной Родезии относились с симпатией к вос-

станию в 1915 г. в Ньясаленде доведенных до Отчаяния крестьян и батраков под руководством Джона Чилембве против европейских колонистов и католических миссионеров [158, с. 28, 32].

Первая мировая война закончилась переделом сфер колониального господства. Экономические, социальные и политические последствия первой мировой войны оказали свое влияние на жизнь колонии в последующие годы [233, с. 49].

В 1914 г. истек срок действия хартии, предоставленной БСАК в 1889 г. королевой Викторией. Однако в связи с начавшейся первой мировой войной он был продлен на 10 лет, лишь в 1923 г. БСАК передала управление Северной Родезией правительству Великобритании. По «Девонширским соглашениям» Лондон выплатил компенсацию в размере 3,75 млн. ф. ст., приобретая значительную часть акций компании [253, с. 131].

1924 год официально признан годом завершения колонизации Северной Родезии. Страна получила статут протектората Великобритании, на нее была распространена юрисдикция министерства колоний. В Северную Родезию получил назначение в качестве английского губернатора Х. Стенли — уроженец Южной Африки. Однако БСАК сохранила за собой ряд экономических привилегий, в том числе монополию на поиск полезных ископаемых, право на 50% чистого дохода от эксплуатации принадлежащих ей земельных угодий и другого имущества.

Изменения, происшедшие в мире в результате первой мировой войны и под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, требовали от колонизаторов новых, более гибких методов эксплуатации коренного африканского населения. В Северной Родезии Англия начала с создания и укрепления позиций колониального аппарата. Администрацию протектората возглавил губернатор с прямым подчинением министерству колоний. Он был обязан обеспечить функционирование единой системы политического, экономического и военного контроля над коренным населением и всей территорией страны, опираясь на аппарат, созданный в соответствии с конституцией Северной Родезии 1924 г. В Законодательный совет 9 членов назначал губернатор, а 5 — избирали белые поселенцы [319, с. 250]. Если белые поселенцы были подданными Великобритании, то африканское население имело статус лиц, находящихся под британским «покровительством». Ордонансы, издававшиеся метрополией, предписывали белому населению «уважать законы и обычаи африканцев, кроме тех, которые мешают исполнению власти и юрисдикции английского короля». Администрацию они обязывали не принимать расовых дискриминационных законов, за исключением распоряжений, касающихся хранения оружия и боеприпасов, а также употребления спиртных напитков [319, с. 250]. Практически, однако, эти положения оставались на бумаге и служили колонизаторам не более чем пропагандистским прикрытием системы угнетения и эксплуатации коренного населения.

Метрополия заботилась о создании внутри африканского общества прочной и надежной социальной базы своего господства. Этой цели должна была служить система «косвенного управления». В 1924—1929 гг. британские власти осуществили подготовительные мероприятия для ввода ее в действие. Каждый народ возглавляла «верховная туземная власть», в ее состав входили «верховный», или «старший», вождь, которому помогал «туземный» совет, сформированный из числа подчиненных вождей округов. На низшей ступени иерархической лестницы стояли деревенские вожди, или старейшины. Одни из них назначались, другие утверждались как наследственные обладатели того или иного поста [152, с. 197]. Но высшая прерогатива назначать, утверждать (и смещать) верховных вождей и вождей округов принадлежала губернатору. При «верховных» вождях и реже — вождях округов действовали британские резиденты — советники, которые, по существу, и являлись подлинными хозяевами положения. В обязанности вождей «входило проведение в жизнь постановлений и приказов властей, обеспечение «закона и порядка» [152, с. 197].

В 1929 г. в Англии были изданы ордонансы о «туземной администрации» и «туземных судах», положившие начало официальному введению на части Северной Родезии системы «косвенного управления» [184, с. 70]. Свои действия британские власти объясняли стремлением развить туземные социальные и политические институты, повысить политическое сознание африканцев сначала в рамках племени, а затем — всей территории. Отныне в функции вождей входили сбор налогов, судопроизводство на базе традиционного обычного права, подавление недовольства с помощью собственной полиции [319, с. 263—264]. Особую роль в привлечении африканской знати на сторону политики «косвенного управления» власти отводили правителю литунге Баротселенда Леванике.

Туземная администрация стала органической частью колониального аппарата управления. На конференции уполномоченных Северной провинции в 1942 г. утверждалось, что «вожди — это прежде всего слуги администрации» [235, с. 54]. Колониальные власти, возглавлявшие созданные в конце 20-х годов провинции, округа и дистрикты, не только руководили традиционными вождями, но и подменяли их при выполнении тех или иных функций. К этому надо добавить, что система «косвенного управления» охватила лишь часть территории Северной Родезии, а другая оставалась под прямым управлением колониальной администрации [319, с. 265]. «Туземные власти» находились под строгим контролем колониальной администрации, служили лишь передаточным механизмом, призванным содействовать осуществлению целей и задач колонизаторов. Вожди и старейшины выступали перед европейцами как представители африканцев, а перед африканцами — как представители европейцев [111, с. 111]. Как и в других африканских колониях [131,

с. 152], «туземные власти» становились центром притяжения консервативно настроенных сил, стремившихся использовать колониальные порядки в своих интересах. Со своей стороны, администрация благосклонно смотрела на известное усиление роли вождей, видя в этом усиление своих вассалов и, следовательно, укрепление собственных позиций. В целом управленческий аппарат протектората — английский по составу — представлял собой часть государственного аппарата метрополии со своими функциями, с особыми полномочиями и источниками доходов. Хотя колониальная администрация и приобрела ряд черт, характерных для местной африканской традиционной власти (нерасчлененность управленческих функций, судопроизводство на основе местных обычаев и т. д.) [111, с. 105], фактически она оставалась для африканцев чужеродным образованием.

В колониальный период прежние порядки претерпели изменения, однако основные задачи «косвенного управления» — держать африканцев в повиновении, обеспечивать монополистической буржуазии метрополии прибыльную эксплуатацию людских и природных ресурсов Северной Родезии — оставались неизменными. Африканское население, лишенное элементарных политических прав, фактически не было представлено в политической падастройке страны. До окончания второй мировой войны и в первые послевоенные годы в исполнительном и законодательном советах Северной Родезии не было ни одного африканца. Даже в этих, по существу, совещательных органах интересы африканцев формально представляли европейские поселенцы [191, с. 5; 235, с. 59]; при формировании органов власти в Северной Родезии в основу был положен расистский принцип, существование «цветного барьера» распространялось на все области социальной жизни протектората (хотя законодательства о расовом барьере, например, в промышленности не было). Африканцы подвергались политической, социальной, экономической, культурной и даже религиозной дискриминации [200, с. 21]. Естественно, что британская администрация в этих условиях была в глазах африканцев олицетворением насилия и деспотизма.

Сдержанно, если не сказать враждебно, относились к системе «косвенного управления» и белые поселенцы [152, с. 7]. Их лидеры утверждали, что при наличии сплошной неграмотности и нищеты коренного населения передавать какие-либо функции управления допустимо лишь в руки белых. Они претендовали поэтому на полный контроль над политической и экономической жизнью протектората.

Первая мировая война ускорила вовлечение Северной Родезии в мировое капиталистическое хозяйство. В 20-е годы началась интенсивная эксплуатация богатейших медных месторождений. Первая современная шахта вступила в строй в Копербалте в 1926 г. [366, 1978, № 44, с. 8]. В добычу меди включились западноевропейские, американские и южноафриканские капиталы. Исключительное право на разведку полезных иско-

паемых БСАК предоставила компаниям «Родезиен Конго Бордер Консешн» и «Нкана Консешн». Добыча и производство меди, кобальта и полиметаллов контролировались гигантской монополией «Англо-Американ Корпорейшн» через ее филиал «Родезиен Селекшн Траст» [319, с. 257]. Иностранные компании получили огромные прибыли на капиталы, вложенные в разработку природных богатств Северной Родезии — одной из отсталых стран, в которых, как писал В. И. Ленин, «прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы» [2, с. 360]. Горнодобывающая промышленность, транспорт и сфера услуг остро нуждались в дешевой рабочей силе, особенно в области неквалифицированного труда. Интенсификация промышленного производства в 20—30-е годы происходила за счет увеличения численности рабочей силы. Так, число африканских рабочих в 1927—1930 гг. возросло с 8 до 23 тыс. человек [319, с. 257].

До середины 20-х годов спрос на рабочую силу удовлетворялся главным образом за счет принудительного труда. Его применение было вызвано отсутствием в стране наемной рабочей силы. Социальные и экономические порядки в условиях общины делали африканцев материально независимыми от европейцев. Поэтому до первой мировой войны, а также в конце 10-х — начале 20-х годов власти обычно прибегали к лишению африканцев земли, сгону их на строительные и другие работы, а также к вербовке рабочей силы с помощью вождей.

Однако принудительный труд не мог удовлетворить все возросший спрос на рабочую силу. К тому же его применение было сопряжено с рядом проблем экономического и социального характера. Во-первых, принудительный труд был малопродуктивен, поскольку африканцы не проявляли заинтересованности в его конечном результате, во-вторых, принуждение к тяжелому бесплатному или низкооплачиваемому физическому труду в антисанитарных условиях вызывало протест у африканцев, угрожающий перерасти в социальный взрыв; в-третьих, принудительный труд лишал африканскую деревню значительной части рабочих рук, наносил ущерб хозяйствам отходников. Недовольство трудовой повинностью африканцы выражали по-разному: убегали из родных мест, дезертировали с работы, бунтовали. Все это неизбежно вело к глубокому кризису системы принудительного труда.

Колониальные власти вынуждены были сделать ставку на усиление отходничества сельских жителей на заработки. Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы. К первым относилось прежде всего проникновение в деревню товарно-денежных отношений, чему содействовало формирование в Северной Родезии колониально-капиталистического уклада. Среди вторых особую роль играл денежный налог. И не случайно колониальные власти отмечали, что налоги заставили аф-

риканцев искать оплачиваемую работу и выращивать сельскохозяйственные культуры для продажи.

В Замбии в колониальный период на ранних ступенях развития капитализма основным типом рабочего-африканца был не кадровый пролетарий, занятый в промышленности или сельскохозяйственном производстве, а мигрант-отходник, сохранявший важные для него связи с деревней. В 30-е годы миграция сельских жителей в поисках заработка приобрела широкий характер. Она захватила значительную часть мужского населения, особенно Северной и Восточной провинций. В 1936 г. из 286 тыс. взрослых мужчин-африканцев в Северной Родезии наемным трудом было занято 120 тыс., или почти 42% [235, с. 75—76].

Постепенно для значительной части отходников труд по найму становился постоянным, хотя и не единственным источником существования. Он не позволял рабочему содержать семью, погашать различные обязательства перед властями. Только сочетание работы по найму с ведением хозяйства в деревне могло обеспечить достижение рабочему и его семье прожиточного минимума. Следовательно, в Северной Родезии, как и в других африканских странах, колониальный капитализм отводил африканской деревне роль поставщика дешевой рабочей силы [111, с. 88].

Мигранты-отходники стали массовой социальной группой в стране. В эти годы для многих из них работа по найму была лишь эпизодическим явлением. Другие работали по найму в течение ряда лет, особенно в городах, где на бывших крестьян кроме экономических действовали социальные факторы. Часто применялась также система контрактации рабочей силы. По контракту с вербовщиком того или иного предприятия, фермы африканец принимал на себя обязательство, отработав по найму определенный срок, вернуться на родину в деревню [106, с. 21].

Отходничество оказывало противоречивое и разноплановое воздействие на социальную и экономическую жизнь Северной Родезии. С одной стороны, оно препятствовало формированию африканского кадрового пролетариата, удерживало стоимость рабочей силы на крайне низком уровне, позволявшем иностранному капиталу извлекать сверхприбыли за счет эксплуатации дешевых рабочих рук отходников, не тратясь на модернизацию старых и создание новых предприятий. Превышение предложения рабочих рук над спросом освобождало европейских работодателей от необходимости нести расходы, связанные с воспроизводством африканской рабочей силы. Отходничество, тормозя формирование кадрового пролетариата, сдерживало рост самосознания рабочих, их сплочение и объединение на классово-основе.

С другой стороны, отходничество подрывало изоляцию деревни, приоткрывало двери для проникновения в общину товарно-денежных отношений, ускоряло социально-экономические

процессы в ней. Отходники сталкивались с новым видом производственных отношений — капиталистических, приобретали новые навыки и знания, новое видение мира. Они начинали лучше понимать суть колониальных порядков, воспринимать освободительные идеи. В целом формирование колониального общества, проникновение капиталистических отношений для африканцев были сложным процессом, имевшим важные социальные последствия.

В Северной Родезии капиталистические отношения проникали в социально-экономическую структуру общества, которое отстало в своем развитии от Европы — колыбели капиталистического способа производства. Этот процесс не сопровождался ликвидацией докапиталистических производственных отношений. Более того, колонизаторы стремились их сохранить, использовать в своих интересах. Основную массу населения Северной Родезии составляли крестьяне, продолжавшие при колониальном режиме жить в условиях общины с нарождающимися капиталистическими отношениями. Колонизация постепенно подрывала натуральный характер крестьянских хозяйств, разрушала изоляцию общин при помощи внеэкономического принуждения. После первой мировой войны, особенно в 30-е годы, на экономическую, политическую и социальную жизнь Северной Родезии все больше воздействовали колониально-капиталистические процессы. Росли темпы втягивания страны в систему мирового капиталистического хозяйства. Монополистический капитал Англии и других западных держав внес решающий вклад в создание северородезийского промышленного производства. Рост городов и промышленности стимулировал развитие европейского сельского хозяйства, ориентированного в основном на снабжение продовольствием населения, связанного с неземледельческими сферами хозяйства, а также на выращивание экспортных культур.

Создание и развитие колониально-капиталистического уклада втягивало страну в международное разделение труда, приобщало к мировому рынку [191, с. 7]. В то же время оно превратило Северную Родезию в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Внедрение капиталистических отношений в страну принимало уродливые формы. Создавался колониальный тип экономики, рассчитанный не на удовлетворение нужд внутреннего рынка, а на обеспечение потребностей метрополии. Капиталовложения направлялись в основном в горнодобывающую промышленность, а также в производство экспортных сельскохозяйственных культур. Явное предпочтение оказывалось экспортным секторам экономики. По подсчетам английского экономиста С. Френкела, в 1879—1936 гг. в Южную и Северную Родезию было вложено 102,4 млн. ф. ст., или около 4% всех иностранных инвестиций в английские владения в Африке [222, с. 119]. Приток капитала в другие отрасли хозяйства сдерживался, что препятствовало гармоничному экономическому раз-

витию страны. Прибыли монополий вывозились из Северной Родезии и вкладывались в других регионах мира. Экономическая политика колонизаторов препятствовала развитию экономики как Северной Родезии, так и других областей, хотя объективно и вызывала определенный рост товарно-денежных отношений [136, с. 72], способствовала процессу классовообразования. По мнению английского экономиста Т. Баттена, иностранный монополистический капитал вызвал в Северной Родезии такие социальные бедствия, которые намного перевесили приннесенные им выгоды с точки зрения экономического развития [179, с. 93].

В сельском хозяйстве капиталистический уклад создавался путем экспроприации земли у африканцев и передачи ее колонистам — европейцам, которые построили крупные плантации и фермы. Еще в 1899—1900 гг. БСАК в соответствии с указами английского правительства начала переселять коренных жителей в резерваты [231, с. 253]. На 1 апреля 1925 г. европейские поселенцы владели уже почти 12 млн. акров земли. В некоторых провинциях этот показатель достигал даже 50% [366, 1983, № 70, с. 25]. Земельные экспроприации были юридически закреплены законами 1928—1929 гг. [57, с. 9—12; 21, 26—30]. В соответствии с ними все плодородные и удобно расположенные земельные участки изымались у коренного населения и передавались европейским колонистам [35, с. 7]. Власти взяли курс на массовую европейскую колонизацию.

Из «районов европейского поселения», которые охватывали свыше 5% территории Северной Родезии (половина обрабатываемых земель) [152, с. 34], африканцев насильно переселяли в «резерваты» и на «земли туземного фонда» (формально африканцы должны были получать компенсацию 8—10 шилл. за акр, причем иногда эта компенсация выплачивалась им солью. Но чаще всего их переселяли на земли, в выборе которых они участия не принимали [228, с. 213, 216]). Власти лицемерно утверждали, что переселение осуществляется якобы в целях защиты коренного населения от безудержных земельных захватов со стороны поселенцев [184, с. 70]. Резерваты занимали 35% территории; земля в них была либо непригодна, либо малопригодна для ведения сельского хозяйства [67, с. 65—71], к тому же, как правило, сильно удалена от городов, промышленных центров и пунктов транспортных коммуникаций, в частности от железной дороги [65, с. 7]. Товарное производство на таких землях (экспортные культуры) практически было невозможно.

Что касается европейцев, то они получали многочисленные льготы, становились владельцами обширных земельных наделов практически за бесценок (от 9 до 48 пенсов за акр) [107, с. 31]. Как и в других африканских колониях, фермерам-европейцам предоставлялась здесь финансовая поддержка; их интересы администрация защищала различными протекционист-

скими мерами. На плантациях европейцев широко применялись наемный труд и кабальная аренда. Подавляющая часть сельскохозяйственных культур (пшеница, просо, арахис) и практически вся продукция, шедшая на экспорт (хлопок), производилась на европейских плантациях и фермах (европейцы завезли в страну такие культуры, как табак и улучшенные сорта кукурузы, которые вскоре стали экспортными [366, 1983, № 70, с. 25]). В результате политики властей Северной Родезии в области сельского хозяйства коренное население стало испытывать острейший земельный голод. В то же время в хозяйствах европейских колонистов-фермеров образовался огромный разрыв (в 1938 г. 20 : 1) [152, с. 214] между земельными наделами, находившимися в их владении, и обрабатываемой ими площадью. Только 40% использовалось под пастбища и луга, остальные земли оставались без применения [67, с. 15]; правда, европейские фермеры-колонисты, испытывая нехватку рабочей силы, и не могли эксплуатировать все земли, оказавшиеся в их владении [319, с. 262].

Африканское сельское хозяйство было представлено в основном натуральным и мелкотоварным производством. На территории резерватов сохранялось общинное землевладение на базе индивидуального землепользования. Отношения между африканским и европейским секторами строились на жесткой конкурентной борьбе и эксплуатации первого вторым [366, 1978, № 44, с. 10].

В 20—40-е годы области товарного земледелия расширились [67, с. 26] за счет Южной провинции и зоны по обе стороны железной дороги Ливингстон — Брокен-Хилл. Однако товарный сектор африканского сельскохозяйственного производства рос медленно. Его развитие сдерживалось вследствие земельной политики колонизаторов, конкуренции со стороны фермеров-европейцев, а также системы дискриминационных цен на продукты, производимые африканцами (в 1936 г. государство платило фермеру-европейцу за стандартный мешок кукурузы в 90,6 кг 7,8 шилл., а африканцу — только 5 шилл. [60, с. 18]).

Помимо преимуществ, которые крупные хозяйства европейцев имели перед мелким африканским, власти оказывали фермерам-европейцам щедрую экономическую, финансовую и техническую помощь, в то время как африканцы такой помощи не получали [159, с. 15]. В отчете официальной комиссии за 1938 г. говорилось: «Нельзя сказать, чтобы для улучшения методов африканского земледелия было сделано что-либо существенное» [67, с. 226].

Животноводство в стране также не стало преобладающим [233, с. 882]. В ряде районов даже в 50-е годы от нападений хищников и заболеваний погибало до $\frac{1}{10}$ поголовья домашних животных. У некоторых племен, например нкоя, манансе, лушанга, важную роль продолжала играть охота [258, с. 99—100].

Земельная политика колонизаторов с неизбежностью влекла за собой кризис традиционного африканского хозяйства, эрозию почв, массовое обезземеливание и разорение крестьянства. В 20—40-е годы африканское земледелие почти не развивалось (в 1938 г. африканцы произвели 250 тыс. мешков кукурузы против 290 тыс. фермеров-европейцев; в 30-е годы на 138 африканцев в стране приходился 1 европеец [366, 1983, № 70, с. 27]), почвы в резерватах истощались, а их население росло. Потеря пастбищ, переселения в области, зараженные мухой цеце, нанесли тяжелый удар по африканскому животноводству [30, с. 13—14]. В 1938—1947 гг. поголовье скота в Северной Родезии резко сократилось [243, с. 16—18, 27—28]. Страдали больше всего те народы, которые подвергались земельному ограблению (тонга, суахили, анчоли, ачева и др.), населявшие «железнодорожный пояс», а также дистрикты Аберкорн, Форт-Джеймсон. Немало человеческих жизней унес и голод, разразившийся в 1922 г. [184, с. 58].

Частые мобилизации крестьян-африканцев на принудительные работы (переноска грузов, строительство дорог, работы на частных плантациях) также ослабляли как товарные, так и натуральные хозяйства, лишая их части рабочей силы. Зачастую в деревнях оставались лишь женщины и старики [315, с. 112].

Земельная политика властей вызвала недовольство и протесты крестьян [253, с. 218]. Так, привело к возмущению применение колонизаторами «закона о землях короны и туземных резерватах» в 1928 г. тонга, населявших зону железной дороги. Они были выселены в резерваты. «Нас гонят с земли наших предков на чуждые земли», — заявляли они [235, с. 64].

Как и в других африканских колониях Англии [131, с. 168], формирование колониального общества Северной Родезии представляло собой крайне сложный и противоречивый процесс. Капиталистические отношения, привнесенные из метрополии, способствовали формированию многоукладной экономики и социально-классовой дифференциации.

Капиталистический уклад имел очаговый, «точечный» характер. Он включал прежде всего горнодобывающую промышленность, производство по первичной переработке минерального и растительного сырья, фермы колонистов, торговые и транспортные предприятия, кредитно-финансовые организации. С этим укладом были так или иначе связаны интересы различных слоев «европейского» и «азиатского» населения Северной Родезии, которые, однако, стояли на разных ступенях социальной лестницы. Господствовавшая «европейская» община делилась на крупную, среднюю, мелкую буржуазию; лиц наемного — физического и интеллектуального — труда, представителей свободных профессий. Между этими слоями существовали противоречия, нередко острые. Но в своих отношениях с «азиатами» и африканцами белая община выступала единой. Столь же еди-

ной и сплоченной во внешних контактах была и «азиатская» община, имевшая менее дифференцированную структуру, чем европейская. В ней пока отсутствовала крупная буржуазия, а средняя была слабой. «Азиаты» возмущались, что в колониальном обществе власти отводили им, с одной стороны, роль рабового и экономического буфера, а с другой — людей второго сорта. Однако по отношению к африканцам они хотели бы занимать привилегированную позицию.

Подавляющее большинство африканских народов Северной Родезии в 20—40-е годы испытывало воздействие товарно-денежных и капиталистических отношений. В своей массе они оставались на стадии докапиталистического развития. Однако устои сельской общины расшатывали включение африканской деревни в общественное разделение труда, где наиболее динамичными были капиталистический уклад и специализация (производство товарных и экспортных культур. Сельская община играла роль поставщика дешевой рабочей силы) и страдала вследствие втягивания ее в торговлю, в общественно-политическую жизнь протектората.

Социальная и экономическая политика колонизаторов в отношении африканского населения носила двойственный характер. С одной стороны, они стремились «законсервировать» докапиталистические отношения в деревне, что было удобнее для развития капиталистических производительных сил, с другой — потребности обеспечить монополистическую буржуазию метрополии наилучшими условиями эксплуатации природных и людских ресурсов Северной Родезии толкали их к проведению таких мер, которые, по существу, подрывали эти отношения, вели к ослаблению старых социальных структур и зарождению новых. Процессы формирования новых социальных сил, начало которым было положено до первой мировой войны, в 20—40-е годы получили ускорение. Чем интенсивнее становилась колониальная эксплуатация протектората, тем больше в африканское общество вторгались новые формы хозяйства, экономических и социальных связей, а значит, тем глубже затрагивались сами основы докапиталистических структур.

Африканское общество Северной Родезии в 20—30-е годы было дифференцированным и иерархичным. На его вершине находились традиционная знать (родо-племенная верхушка, состоявшая из крупных вождей) и «элита», созданная колонизаторами. К последней относились люди, вышедшие из традиционной знати, но тесно связавшие себя с колониальным режимом. Они получали образование в миссионерских школах, делали карьеру в низших эшелонах колониального аппарата управления, наконец, выдвигались властями на посты вождей. В отличие от традиционных вождей, которые были непосредственными обладателями постов, они назначались, перемещались, вознаграждались из казны протектората, а также смещались, т. е. полностью зависели от колониальной администрации. «Эли-

та» воспринимала новшества, вводимые метрополией, стремилась их сочетать с наиболее приемлемыми для тогдашнего времени традициями. Власти, пытаясь «приручить» традиционную знать, хотели сделать ее, как и «элиту», своей главной социальной и политической опорой. И это им, в общем, удалось [168, с. 14].

Однако колонизаторы были заинтересованы в определенном продвижении в африканское сельское хозяйство товарно-денежных и даже капиталистических отношений. Они нуждались в производстве товарной (кукуруза) и экспортной (хлопок) продукции. Им нужны были африканские торговцы, продвигавшие товары метрополии в деревню, которые могли бы стать и в какой-то мере стали противовесом растущей силе-торговцев-«азиатов». Короче говоря, власти стремились сформировать социальную прослойку африканских посредников, зависимую от английского капитала и обслуживающую его нужды. Так, на почве мелкотоварного земледелия и мелкой торговли формировалась африканская мелкая буржуазия, связанная со сферами производства продуктов и их реализации.

Колониальная бюрократическая машина, социальные службы были другими сферами. В них возникали африканские буржуазные элементы. Власти нуждались во вспомогательном аппарате — дешевом и послушном. Важную роль в его подготовке играли миссионерские школы — привилегированные (специальные для детей родо-племенной знати) и «общедоступные». Первые готовили людей для замещения должностей в центральной, местной колониальной и в местной «туземной» администрации. Этим людям отводилась роль «приводных ремней» и «винтиков», обеспечивающих бесперебойную работу механизма колониального управления.

Христианские миссии руководили религиозными школами, выпускавшими младших служащих клира, в том числе учителей, уделявших особое внимание религиозным дисциплинам. И те, и другие были важным звеном в системе колониального управления. Их главной задачей было идеологическое и нравственное оправдание колониальных порядков.

Целью «общедоступных» миссионерских школ было воспитание в учащихся покорности колониальным властям, принятие ими тщательно профильтрованных буржуазных ценностей метрополии. Эти школы, давая элементарные познания, должны были готовить «обученных» рабочих для администрации и европейских предприятий, сельскохозяйственных производителей, знакомых с современными методами ведения хозяйства. И то, и другое должно было служить интересам иностранного капитала.

Таким образом, колонизаторы содействовали формированию в африканском обществе образованной прослойки. На первом этапе это еще не была интеллигенция. Образованность африканца была для него скорее средством получить чистую, выгодную

работу, чем средством для постоянного наемного или «свободного» интеллектуального труда, тем более что колонизаторы всемерно препятствовали зарождению и росту подлинно национальной интеллигенции — носительницы истинно национального сознания и африканской культуры, потенциального организатора и руководителя освободительного движения.

Не менее противоречивым был процесс формирования африканского рабочего класса. Эксплуатация рудников Медного пояса привела к заметным изменениям в экономической и социальной жизни страны. В 20—30-е годы удельный вес меди в стоимости экспорта страны возрос с 6% в 1926 г. до 66% в 1936 г. [222, с. 254]. Концентрация в производстве и капиталах особенно усилилась после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. В 1933 г. «Родезиен Селекшн Траст» слился с рядом других компаний, в том числе с «Аметалко Метал Клаймекс Лимитед». Возникла гигантская монополия «Роан Селекшн Траст». В колониальный период монополии вложили в горно-рудную промышленность Северной Родезии свыше 500 млн. ф. ст. [106, с. 15], получив несравнимо большую прибыль.

В 30-е годы в промышленных и горнодобывающих центрах, расположенных в Медном поясе, было занято большое число африканских рабочих, представлявших различные народности Северной Родезии и других стран [184, с. 65]. Около 50% из них принадлежали к племени бемба [67, с. 19]. В 1930 г. на шахтах Коппербелта работало уже 30 тыс. африканских рабочих [234, с. 260]. Если в 20-е годы значительное число северородезийцев уходило на заработки в Катангу (Бельгийское Конго), ЮАС, Южную Родезию, то в 30-е годы уже свыше 50% из них работали у себя в стране.

Нарастал процесс урбанизации населения. К 1940 г. в городах и поселках городского типа проживало свыше 100 тыс. африканцев [14, с. 248], причем преобладали отходники.

Хотя большинство отходников было прочно связано с деревней, часть из них оседала в городах надолго. Некоторые из них, вернувшись в деревню и почувствовав себя там инородными элементами, вновь уходили в город. Все большее число мигрантов уже «ощущало себя горожанами» [265, с. 2]. Постепенно их связи с деревней слабели: по материалам первого послевоенного обследования семейных бюджетов, в Северной Родезии (январь 1949 г.) отходники переводили домой лишь 18% заработков (включая 7%, истраченных на собственные нужды [111, с. 90]). Таким образом, все возраставшее число отходников оседало в промышленных районах, особенно в Коппербелте [184, с. 65]. Постепенно формировалась прослойка постоянных африканских рабочих, состоявшая из различных этнических групп [105, с. 52]. Увеличение численности армии наемного труда в 30-е годы происходило в основном не в сельскохозяйственных отраслях экономики, а в промышленности, на транспорте, в связи и строительстве.

Воин из племени хамар.
Британская Центральная
Африка. 1850 г.

Давид Ливингстон (1813—1873),
английский исследователь Африки,
миссионер. Его именем назван город
на юго-западе Замбии

Дональд Сивале (1890—1983).
Ветеран борьбы за освобождение
Северной Родезии
от колониального ига

Правитель народа лози
Леваника I (1842—1916).
Провинция Баротселенд.
Западная Замбия

Встреча на аэродроме
в Москве
первой парламентской
делегации Замбии
(1967 г.)

Делегация медицинских
работников Замбии
на приеме в Минздраве
СССР (1969 г.)

Торжественное собрание
замбийской общественности,
посвященное 100-летию
со дня рождения
В. И. Ленина (1970 г.)

Социальная политика колониальных властей. Социальная политика колонизаторов проистекала из экономической цели — ограбления колонии и ее народа. В этот период фактически не было предпринято сколько-нибудь важных шагов, направленных на социальное развитие коренного населения страны, прежде всего сельских жителей, проживавших в крайней бедности и отсталости.

Условия жизни африканцев в городах, естественно, отличались от быта в сельской местности. Однако уровень жизни и горожан-африканцев был плачевно низким. В городах постоянные и временные рабочие проживали в «бидонвиллях», пригородных «туземных поселках» либо в специальных «компаундах». Большая часть африканских шахтеров, например, жила в закрытых лагерях (компаундах), расположенных близ рудников и принадлежавших государственно-колониальным или частным предприятиям. Вход и выход из компаунда строго контролировался, для поездки в город требовалось особое разрешение. На территории компаунда имелись магазины, лавки и общие столовые. Рабочих размещали в основном в бараках. Хотя в компаундах имелись также дома на одну семью [172, с. 192—193], но большинству рабочих они были не по карману.

Даже сами колонизаторы жилищные условия простых африканцев называли крайне дискредитирующими [235, с. 77]. Бидонвилли представляли собой жалкие трущобы. В «туземных поселках» африканцы строили жилища из подручных материалов — досок, кровельного железа, жердей, обтянутых мешковиной, и т. д. Поселки эти были лишены элементарной санитарно-гигиенической защиты, зачастую в них не было даже питьевой воды.

Отходники и постоянные рабочие повсеместно сталкивались с проявлением расовой дискриминации, социальной и бытовой сегрегации. «Цветной барьер» ограничивал их возможности рамками неквалифицированного и полуквалифицированного труда; за одинаковую с европейцами и «азиатами» работу они получали много меньшую зарплату [106, с. 241]. Прожиточный минимум африканского отходника, работавшего в городе без семьи и имевшего хозяйство в деревне, был, конечно, ниже прожиточного уровня европейца, но разница в зарплате была неоправданно велика. Иногда вместо денежного вознаграждения африканцы получали «натуральное», например поношенную одежду [191, с. 5], что искусственно снижало и без того низкие заработки. Зарплаты даже высокооплачиваемых горняков-африканцев не хватало для удовлетворения необходимого уровня элементарных потребностей кормильцев и их семей (1 ф. ст. 17 шилл. в месяц за работу на поверхности и 2 ф. ст. 5 шилл. за работу под землей [80, с. 245]). Всеобщим явлением было недоедание рабочих-африканцев.

В отличие от европейца африканца могли уволить в любой момент, без предупреждения и выплаты денежного пособия.

В годы экономических кризисов даже опытных африканских рабочих выбрасывали на улицу, чтобы освободить места на производстве для европейцев. Увольнение влекло за собой немедленное выселение рабочего-африканца из компаунда.

В 20—30-е годы развитие социальных учреждений для африканцев находилось на крайне низком уровне [179, с. 92]. Школьное образование в Северной Родезии продолжало оставаться почти в зачаточном состоянии. Оно было представлено в основном миссионерскими школами [366, 1978, № 44, с. 13], в которых обучались около 60 тыс. детей. В 1924—1925 гг. на «африканское образование» была затрачена смехотворная сумма — 348 ф. ст. [235, с. 83].

С 1925 г., когда колониальные власти формально приняли на себя ответственность за образование африканцев, к миссионерским начальным школам, не получавшим практически никаких субсидий, если не считать стипендий в 185 ф. ст. [235, с. 82], добавились школы, созданные администрацией [184, с. 66]. Но главную роль в образовании африканцев, как и до 1925 г., играли миссионерские школы, обучение в которых было малоэффективно. Особенно выделялись в этом отношении «лесные» миссионерские школы, не получавшие никакой помощи от властей. Между тем в них обучалось (например, в 1936 г.) около 83 тыс. детей.

Расходы на образование возросли в 1930—1931 гг. до 15 тыс. 284 ф. ст. [235, с. 83]. Но затем ассигнования резко упали в годы «великой депрессии», когда школы закрывались, а учителя соглашались на любую рабугу.

В Коппербелте власти и предприниматели долго противились сначала созданию, а затем улучшению системы школьного образования африканских детей. Первая школа в Коппербелте (г. Ндола) открылась лишь в 1931 г. В 1933 г. из 3760 детей школьного возраста в трех крупнейших поселках Медного пояса школу посещали около 250 [235, с. 84]. Подавляющее большинство школьников училось один, редко два года.

Учителя начальных школ, особенно миссионерских, готовились на краткосрочных курсах. В 1937—1946 гг. число таких наспех подготовленных учителей возросло с 593 до 3550 человек [235, с. 85—86]. Первая средняя школа для африканцев была открыта только в 1939 г. [340, 1970, № 9, с. 674].

В годы второй мировой войны в стране открылась первая школа профессионального обучения. Однако закон 1943 г. запрещал допуск африканцев в систему профессиональной подготовки [235, с. 86]. Поэтому в некоторых миссионерских школах велось преподавание различных ремесел. Так подготавливались, в частности, плотники и каменщики, однако число их было невелико [94, с. 47].

Ввиду недосыгаемости среднего образования для африканцев путь в высшие учебные заведения для них практически был закрыт.

Зарождение национально-освободительного движения

Огромное значение для зарождения и роста национально-освободительного движения в Африке имела Великая Октябрьская социалистическая революция. «Революция в России в октябре 1917 г., — писал замбийский ученый Кандеке, — явилась поворотным пунктом мировой истории» [246, с. VIII].

Глава замбийской делегации на праздновании 60-й годовщины Великого Октября в Москве, член ЦК ЮНИП Ш. Дж. Соко заявил, что революция в России «явилась мощным импульсом для революционного и национально-освободительного движения в борьбе против империализма и колониализма» [17, с. 405]. Качественно изменив расстановку сил в мире, победа революции по настоящему пробудила сознание колониальных народов. Революционный подъем, вызванный Великой Октябрьской социалистической революцией, не обошел стороной и Северную Родезию.

В 20-е годы в этой стране возникли относительно организованные и идейно осознанные формы антиколониального протеста, возглавляемые грамотными африканцами.

В жестких условиях колониального режима коренные жители не имели легальных возможностей [235, с. 58] для выражения политических требований. Их протест приобретал религиозные формы, иногда с анархистской окраской [124, с. 103—105]. Еще в годы первой мировой войны в стране появились религиозные секты, выступавшие против колониального порабощения и расовой дискриминации. Возмущаясь колонизаторской ролью христианских миссий, они требовали африканизации церкви, создания независимых афро-христианских церквей. Социальной базой сект было африканское сельское население.

Характерно, что секты в Северной Родезии возникали на базе христианства, в результате синтеза его с местными, традиционными верованиями, культами и обрядами, поскольку одни лишь культы, ограниченные племенными рамками, не могли объединить значительное число африканцев. После первой мировой войны число сект резко возросло, причем произошло это в обстановке неуверенности и тревоги, когда в стране стали рушиться под воздействием капиталистических отношений традиционные структуры родо-племенного строя. Чаще всего секты возникали как религиозные общины, противопоставлявшие свои обычаи культу наживы, царящему в капиталистическом обществе. Постепенно деятельность сект приобретала политическую окраску, они становились очагами антиколониальной пропаганды.

Как правило, в секту входило одно племя или один народ, что свидетельствовало о живучести традиций этнической со-

лидарности. Особенно активно афро-христианские секты действовали среди бемба, ила, мамбве, а также в промышленных районах, например в Медном поясе, где колониальный гнет был особенно тяжелым [340, 1970, № 9, с. 672]. Большое влияние приобрела основанная американскими неграми секта «Башня стражи» («Китавала»), ответвление секты «Свидетели Иеговы». Она получила распространение не только на территории Северной Родезии, но и в Бельгийском Конго, Тангальике, Ньясаленде и в Южной Родезии. Членом секты мог стать только африканец. Диапазон ее идей и действий был весьма широк — от выражения протеста против колониального гнета до анархического «неподчинения земным властям», от пропаганды расового равенства в труде и заработной плате до реакционных призывов к полному отказу от контактов с белыми вообще. Когда некоторые африканские ветви «Китавалы» отказались от реакционных лозунгов, свойственных «Свидетелям Иеговы», наполнили свою деятельность антиколониальным содержанием, главари «иеговистов» отреклись от секты и публично осудили ее участие в освободительной борьбе [130, с. 172].

Афро-христианские секты выдвинули свое толкование библии, заявив о равенстве белых и черных «детей бога» и обвинив официальную колониальную церковь в намеренном искажении учения Христа. Догматика и мифология сект представляла собой переработку в местном духе библейских сказаний и христианского учения. По утверждению Б. И. Шаревской [124, с. 103], ритуалы сект представляли собой «сочетание тамтамов с крещением в реке», т. е. смесь элементов местных культов с христианским богослужением; заповеди пророков о «царствии божьем» сменялись «исцелением больных», защитой от колдовства и тому подобными «чудесами». Секты призывали своих последователей верить в грядущий конец света и в связанное с ним появление на земле нового «сына божьего», подобного Иисусу Христу, но с черным цветом кожи и приходящего не ради проповеди учения, а для установления тысячелетнего царства добра и справедливости без страданий и унижений. Важным моментом в религиозной афро-христианской пропаганде было учение о том, что «новый мессия» изгонит из Африки белых людей и вернет африканцам землю их предков, что «Африка со всеми ее богатствами будет исключительно достоянием африканцев» [131, с. 404—405].

Секты расходились с официальной христианской церковью не только по идейно-теоретическим взглядам. Они были организационно независимы от нее, создавая свои храмы, учреждая собственные ритуалы и обряды. Секты враждовали с официальной церковью, считая официальную религию орудием экономического и духовного закабаления африканцев, а христианское миссионерство — агентурой колонизаторов.

В число руководителей сект входили служители культа, получившие религиозное образование на Западе или воспитан-

ные европейскими миссионерами в Африке. Как уже отмечалось, помимо основной работы — обращения африканцев в христианство — миссии занимались также культуртрегерской деятельностью: насаждали в Северной Родезии западную буржуазную культуру. Известно, что миссионеры в основном пренебрежительно относились к традиционным культурным ценностям африканского общества. В руководство сект входили также представители новых африканских социальных сил — учителя, клерки, торговцы и др. Важную роль в пробуждении национального самосознания коренных жителей Северной Родезии (и соседнего с ней Ньясаленда) сыграли проповеди Х. Синдано, И. Гондве, Дж. Сибакве, Д. Мулембвы («Башня стражи»), Т. Ньяренды («Мвана Леза»), У. Мокалалы («Церковь Сиона»), Л. Мумбы («Африканская национальная церковь»), У. Гуда («Церковь детей бога»), в которых провозглашалось братство людей всех рас, содержались призывы покончить с расовым неравенством и дискриминацией. Проповеди принимали иногда антиколониальный характер: паству призывали не работать на европейцев, не подчиняться колониальной администрации [19, с. 57], учрежденной «властью дьявола», скрываться в джунглях, создавать собственные поселения («Башня стражи»), отказываться от уплаты налогов и выполнения других повинностей, а также службы в колониальных войсках. В ряде проповедей содержались требования позитивного характера, например открыть школы для африканцев [235, с. 64].

Многие руководители сект, отвергая колониальный режим, справедливо считали его первопричиной всех бед коренных жителей страны [294, с. 136]. В проповедях они говорили о предстоящем в скором времени освобождении Африки от европейцев, о создании «справедливого правительства исключительно из африканцев и представителей негритянских религиозных сект США, при котором не будет ни налогов, ни арестов, ни смертной казни, ни принудительных работ». Их призывы нередко вызвали живой отклик, в частности в крестьянской массе. Иногда жители деревень прятались в лесах и горных районах, чтобы избежать уплаты налогов, принудительных вербовок на работу или службы в армии и полиции.

В середине 30-х годов усиление антиколониальной направленности в деятельности сект серьезно обеспокоило колониальные власти [340, 1970, № 9, с. 672]. Они обрушили репрессии на их руководителей и активистов. Последовало запрещение на издание и распространение «неофициальной» религиозной литературы. Но эти меры уже не могли помешать проникновению религиозных антиколониальных идей в сознание крестьян, рабочих-отходников, тех или иных представителей средних слоев населения. Меры властей против членов сект, особенно «Башни стражи», не приостановили быстрого роста численности сторонников афро-христианских церквей. А в таких районах, как Медный пояс, социально-политическая активность сект зачастую

преобладала над религиозной. Таким образом, афро-христианские секты нередко играли роль политических организаций.

На репрессии властей африканские массы отвечали нараставшим сопротивлением. Открыто провозглашались лозунги «Африка для африканцев» или «равная оплата за равный труд независимо от цвета кожи» [130, с. 404—406]. Сопротивление носило регулярный характер и развивалось от пассивного неповиновения до открытых бунтов [262, с. 140—148].

Особенно крупные выступления произошли в конце 1918 — начале 1919 г. [130, с. 406]. В дистрикте Файф крестьяне освободили арестованных за неповиновение властям членов секты «Китавала». Чтобы подавить крестьянские волнения в дистриктах Чинсали и Аберкорн, колониальные власти прибегали к помощи войск [340, 1970, № 9, с. 672]. Было арестовано более ста человек, в том числе Х. Синдано и ряд других проповедников, приговоренных позднее к различным срокам тюремного заключения. Открытое сопротивление властям религиозные общины оказали также и в других местах (важную роль в крестьянских движениях на плато Тонга сыграли активисты секты «Адвентисты седьмого дня» [340, 1977, № 26, с. 459, 463]).

✓ В первые послевоенные годы афро-христианские секты сыграли прогрессивную роль в развитии национально-освободительной борьбы. Их антиколониальная пропаганда с религиозной окраской показала, что, несмотря на неудачу вооруженного сопротивления колониальным захватчикам, воля африканцев не была сломлена. Но методы и формы борьбы были несовершенными: с помощью различных магических средств они рассчитывали лишить власти европейских колонизаторов. В целом же афро-христианские религиозные движения, явившиеся реакцией на колониальную действительность на определенном историческом этапе, были важной составной частью массового общественного сознания африканцев. Как и в ряде других стран Африки, это движение в Северной Родезии было этапом перехода от местных «религиозных форм политической активности к общенациональным» [109, с. 175].

Начиная с 1935 г. в сектах усилились реакционные тенденции — суеверия, мистицизм, трайбализм. Политическая сторона в деятельности сект или ослабевала [340, 1970, № 9, с. 677], или принимала иногда даже реакционный характер [294, с. 146—147].

Секты действовали в основном в сельской местности. Центрами деятельности вновь нарождавшихся социальных сил были города и промышленные зоны. В 20-е годы здесь возникли по типу ассоциаций британских рабочих XIX в. общества, получившие название «добровольных туземных ассоциаций», или «ассоциаций благосостояния» [239, с. 51].

Первая из них — «Общество благосостояния» Мвензо — была основана в поселке с тем же названием на границе с Танганьикой. Его возглавили африканцы: Дональд Сивала, Иезекия Ка-

воза, Питер Синкала и Дэвид Каунда — отец будущего президента Замбии К. Д. Каунды.

В уставе общества говорилось, что «его членами являются образованные люди», что «его целью ни в коей мере не могут быть действия, прямо или косвенно направленные против властей или законодательных учреждений, или подстрекательства к таким действиям» [235, с. 60].

Первоначально в качестве цели ассоциации декларировалось «разъяснение населению необходимости и значения, порядка и важности превращения в дисциплинированных, подчиняющихся законам граждан, а также значения прилежного труда, т. е. разъяснение смысла цивилизации в противоположность невежеству, лени, смуте и анархии» [235, с. 113]. Руководящую роль в ассоциациях обычно играли молодые образованные африканцы, выходцы из состоятельных семей. Они ставили вопросы о реформах, об упразднении «цветного барьера», о приобщении африканцев к политической жизни страны [340, 1970, № 9, с. 673].

В 30-е годы ассоциации действовали уже во всех крупных городах Колпербелта, в зоне железной дороги — в Ливингстоне, Лусаке, Ндоле, Брокен-Хилле, Луаншье. Новым было то, что их деятельность распространилась на сельскую местность, в том числе на районы Чинсале и Аберкорн. Наиболее активной была ассоциация в Ливингстоне, провозгласившая своей целью создание «братства и дружбы между африканцами, защиту интересов туземного населения» [340, 1970, № 9, с. 677]. Членами ассоциаций состояли представители молодой национальной интеллигенции, служащие, вожди племен, небольшая часть африканцев, работающих по найму. Некоторые ассоциации поддерживали контакты с афро-христианскими сектами. Важную роль в ассоциациях сыграли выходцы из Баротселенда и грамотные африканцы народности лози [227, с. 207].

Первоначально деятельность ассоциаций не вызывала беспокойства у колониальных властей, хотя наиболее дальновидные представители администрации понимали, что эти организации, как и секты, порождены «различными проявлениями нового духа, нового мышления, результатом недовольства существовавшими условиями и стремлением их улучшить» [235, с. 64]. Пока ассоциации избегали конфронтации с властями, занимались вопросами улучшения быта африканцев, созданием для них библиотек, организацией спортивных, танцевальных и других мероприятий, некоторые администраторы соглашались, что уровень культуры «африканцев необходимо поднять, добиваться, чтобы они не были слишком примитивными, однако же и не настолько, чтобы они могли конкурировать с белыми рабочими» [235, с. 63].

Что касается ассоциаций, то они не желали ограничивать свою деятельность благотворительностью и просветительством. Постепенно между ними стали устанавливаться контакты,

выявилась необходимость совместных действий. Появились также контакты с африканцами других колоний, с белыми поселенцами, сочувственно относившимися к деятельности ассоциаций, с известным борцом за права негров М. Гарви [235, с. 61]. Менялся и характер деятельности ассоциаций. Так, «Общество благосостояния» Мвензо направило комиссару дистрикта протест против увеличения подушного налога. Последний в связи с этим не без удивления писал: «Туземцы, получившие образование в различных миссиях нашего района, уже поднялись на ту ступень, когда общаются друг с другом, обсуждают политику правительства и свое положение» [235, с. 61]. На собрании Ливингстонской ассоциации в апреле 1930 г. ее вице-президент Ж. Маттако заявил: «Некоторые думают, что раз мы африканцы и у нас черная кожа, то мы — существа неполноценные и неполноценности своей никогда не преодолеем. Но это не так. Позвольте нам вести себя так, как подобает человеческим существам, уважать друг друга, сотрудничать друг с другом, и тогда обнаружатся огромные перемены, мы станем свободными, несмотря на черную кожу, и даже власти признают в нас людей... Сегодня образовалась ассоциация, которая, как канат, шаг за шагом притянет к нам каноз свободы» [235, с. 64].

В 1932 г. был предпринят первый шаг к объединению обществ благосостояния. Состоялась конференция, в заседаниях которой приняли участие представители ассоциаций в Ндоле, Ливингстоне и Луаншье. Конференция приняла решение создать организацию, охватывающую ассоциации и общества всей страны, способную ставить перед собой и решать общенациональные задачи.

В 1933 г. в г. Кафуэ состоялось собрание «Объединенной туземной ассоциации благосостояния Северной Родезии». На собрании присутствовали делегации из Лусаки, Мазабуки и Ливингстона. Председатель собрания Клеменс Мувамба из Лусаки произнес речь, в которой подчеркнул, что «ассоциация должна работать так, чтобы крепла дружба между правительством, белыми поселенцами и африканцами». Секретарь Ливингстонской ассоциации Годвин Леваника утверждал при этом, что «власти защищают африканцев, как птицы защищают своих птенцов». Собрание обратилось к правительству с просьбой начать издание газеты для африканцев, поскольку единственная выходившая в то время «Ливингстон мейл» рассчитана была только на белых. Такая газета («Мутенде» — «Мир») стала выходить в 1936 г. По замыслу издателей, она должна была конкурировать с религиозной литературой сект, особенно с публикациями «Башни стражи» [214, с. 174].

В середине 30-х годов после волнений 1935 г. в Коппербелте отношение колонизаторов к ассоциациям ухудшилось. Колониальные власти, опасавшиеся новых проявлений политической активности африканцев, попытались «загнать туземную интел-

лигенцию в ее раковину» [235, с. 66]. Они не признали «Объединенную туземную ассоциацию благосостояния Северной Родезии», воспротивились ее легальной деятельности. Последовало категорическое запрещение государственным служащим принимать участие в деятельности ассоциации под тем предлогом, что они якобы разглашают «закрытую информацию». Деятельность ассоциаций стала оцениваться как политическая, поэтому не допускалась в районах, находившихся под управлением «туземной администрации» [235, с. 66].

Несмотря на это, колониальные власти вынуждены были прислушаться к требованиям ассоциаций и провести некоторые верхушечные реформы. В целях «улучшения связей между администрацией и африканцами, работающими в городах» (африканцам не разрешалось постоянно проживать в городах), были созданы туземные консультативные советы или комитеты, в задачу которых входила «информация администрации — комиссаров дистриктов о мнении африканцев, разъяснение африканцам политики администрации и консультации по вопросу о благосостоянии африканцев». Члены советов назначались администрацией, поскольку считалось, особенно в провинции, что африканцы еще не готовы к избирательной системе [235, с. 67]. Позже были созданы провинциальные советы (первоначально называвшиеся региональными), полномочия которых распространялись как на городские, так и на сельские районы. Провинциальные советы посылали своих представителей в назначаемый властями совет африканских представителей Северной Родезии.

Не имея реальных полномочий, эти органы во всем зависели от колониальной администрации, вследствие чего коренное население им не доверяло. Ассоциации для них были намного авторитетнее и представительнее, чем названные официальные советы и комитеты, тем более что ассоциации возглавляли К. Каунда, С. Капвелве, Г. Нкумбула, в то время признанные африканские лидеры (учитель Г. Нкумбула сыграл важную роль в подъеме национально-освободительного движения в Северной Родезии в 40-е годы [197, с. 114]).

Однако все возрастающее давление колонизаторов принесло свои плоды: политическая активность «ассоциаций благосостояния» шла на спад. К началу 40-х годов многие из них прекратили существование, а оставшиеся не играли сколько-нибудь заметной роли в политической жизни протектората. Сказывалась также политическая незрелость тех новых социальных сил, которые могли бы возглавить массовое антиколониальное, антиимпериалистическое и национально-освободительное движение.

Ассоциации не вели борьбы против основ колониального режима. Они лишь требовали либерализации. Лидеры ассоциаций не могли преодолеть двойственности своей идеологии, которая выражалась, с одной стороны, в лояльности к «цивилизаторской миссии» колониализма, а с другой — в стремлении к

социально-политическим изменениям, неизбежность которых вызывалась объективной действительностью колониального общества. Преодолеть этот дуализм, стать организаторами и руководителями массового освободительного движения в 20—30-е годы они так и не смогли. К тому же они были оторваны от трудящихся масс и весьма далеки от их интересов. Для идеологической и политической платформ ассоциаций были характерны умеренность, непоследовательность, склонность к соглашению с властями. У руководителей ассоциаций отсутствовал опыт политической борьбы.

И все же ассоциации сыграли определенную роль в процессе становления национального самосознания северородезийцев, в пробуждении их политической активности. Они защищали интересы народов протектората и преодолевали племенную рознь, создавая предпосылки для организованного движения. Ассоциации, по существу, являлись первыми организациями, не ограниченными в своей деятельности родо-племенными рамками. Протест против расового и национального гнета постепенно перерастал в протест против социального угнетения. Наконец, деятельность ассоциаций помогла африканцам приобрести определенный политический опыт. Именно ассоциации 30-х годов явились предшественниками политических партий и общественных организаций, возникших в стране в 40—50-е годы (первая попытка создать африканскую политическую партию в Северной Родезии относится к 1937 г., когда Е. Миломбо и Ж. Калува, активисты секты «Адвентисты седьмого дня», пытались учредить «Северородезийский африканский конгресс». Однако власти отвергли просьбу о регистрации его в качестве политической организации) [235, с. 66]. Основанные после войны Федерация африканских ассоциаций благосостояния и первая политическая партия Африканский национальный конгресс действовали в местах наибольшей активности довоенных ассоциаций, в частности в зоне железной дороги Ливингстон—Брокен-Хилл.

В середине 30-х годов на арене антиколониальной борьбы в протекторате появилась новая социальная сила — африканские рабочие. Одним из центров активной политической жизни страны коренного населения становился главный экономический район Северной Родезии — Коппербелт. Существенное влияние на формирование политического и классового сознания африканских рабочих протектората оказала работа тысяч северородезийцев на шахтах ЮАС [227, с. 206], где они познакомились с организованными формами классовой борьбы, с более высоким уровнем политической борьбы.

В годы мировых экономических кризисов резко усилилась эксплуатация трудящихся: росли налоги, снижалась заработная плата. Рабочие вынуждены были перейти к организованному сопротивлению.

Так, в мае 1935 г. на крупнейших шахтах в Нкане, Муфу-

лире, Луаншье вспыхнула забастовка. Рабочие потребовали повысить зарплату, ликвидировать дискриминацию в оплате труда. По мнению ряда исследователей [130, с. 109], несмотря на стихийный характер забастовки, на шахтах, по-видимому, действовала инициативная группа [235, с. 62], которая еще до забастовки пыталась скоординировать действия шахтеров, сделать их более целенаправленными. 29 апреля 1935 г. на шахте Нкана распространялись листовки, в которых рабочие призывались бастовать. 24 мая, когда забастовка на этой шахте уже прекратилась, новая листовка призвала рабочих продолжить борьбу. 26 мая забастовка возобновилась, причем сопровождалась она многочисленными митингами.

Против забастовщиков власти бросили подразделения колониальных войск. В результате кровопролитных столкновений горняков с солдатами несколько человек было убито, свыше 20 — ранено, большое число рабочих было арестовано [324, 1953, № 6, с. 10]. По утверждению властей, важную роль в организации забастовки сыграли члены секты «Башня стражи» [235, с. 62].

В 1940 г. вспыхнула новая крупная забастовка. На этот раз на шахте Нчанга. Вскоре она перекинулась на шахты Медного пояса — Муфулира, Китве и Нкана. В забастовке приняли участие свыше 15 тыс. рабочих. Как и в 1935 г., она сопровождалась митингами, распространением листовок. Рабочие требовали повысить заработную плату, установить ее обязательный минимум, отменить сверхурочные работы, улучшить санитарные условия труда на рабочих местах и в компаундах, прекратить навязывание шахтерам дорогостоящих продовольственных пайков низкого качества, запретить рукоприкладство и другие злоупотребления со стороны администрации шахт [158, с. 63]. Забастовка продолжалась 10 дней, между забастовщиками, с одной стороны, полицией, войсками и штрейкбрехерами — с другой, произошли кровавые столкновения. В результате 17 человек было убито, 65 — ранено [304, 1953, № 6, с. 11]. Владелец шахт пришлось пойти на частичное удовлетворение требований шахтеров: заработная плата была им повышена.

По мнению ряда исследователей (например, И. Хендерсона [340, 1970, № 9, с. 673]), забастовки 1935 и 1940 гг. явились серьезным испытанием сил африканских рабочих. Они послужили толчком к пробуждению их классового самосознания, стали началом борьбы против колониального режима. В ходе забастовки горняков в 1940 г. была предпринята попытка создать профсоюз. Рабочие остро почувствовали тогда необходимость вести организованную классовую борьбу за свои права. Однако «комиссия Форстера», расследовавшая причины забастовки 1940 г., заявила, что у «африканских рабочих и служащих нет потребности в создании профсоюза и они не добиваются этого» [218, с. 80].

Стремление африканских рабочих к объединению власти

попытались подменить созданием в 1942 г. «комитетов надсмотрщиков» или «комитетов подручных» (они состояли из подчиняющихся администрации лиц, отвечающих за определенную группу рабочих, которые занимались только производственными делами [158, с. 123; 234, с. 133]). Комитеты просуществовали до конца 40-х годов. Еще до создания этих комитетов в Северной Родезии функционировал институт представителей племен (до 1942 г. — старейшин племен). В его компетенцию входило ведение переговоров с администрацией предприятий об условиях быта в компаундах. На шахтах Коппербелта представители племен избирались членами одного племени. Создавая упомянутый институт, колонизаторы стремились разобщить африканских рабочих, расколоть их по племенному признаку, помешать созданию подлинно классовых организаций.

Представители племен играли роль агентов колониальной администрации. Рабочие относились к ним с недоверием. Еще во время забастовки 1935 г. они утратили значительную часть своего влияния на рабочих, которые не без оснований считали, что «старейшины» состоят в сговоре с властями и хозяевами. Их вывод подтвердили события 1940 г. — старейшины племен предупредили власти о готовившейся забастовке, а когда она началась, они вновь проявили себя как соглашатели и пособники администрации.

**ИЗМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ
И РОСТ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ ЗАМБИИ
(1945—1963)**

**Экономическое
и социальное развитие страны
в конце 40-х — начале 50-х годов**

Вторая мировая война оказала заметное влияние на развитие общественно-политических и социально-экономических процессов в Северной Родезии. Ее народы внесли свой вклад в борьбу с фашизмом и милитаризмом. Людские и природные ресурсы страны широко использовались западными державами, участниками антигитлеровской коалиции.

Участие народов Северной Родезии в войне было не в последнюю очередь связано с конкретными угрозами со стороны германского империализма. К началу второй мировой войны усиление экономической мощи Германии пришло в противоречие с тогдашним распределением колониальных владений. Фашистами планировался захват обширных владений не только в Европе, но и на других континентах, создание германской колониальной державы [12, с. 14]. В Африке речь шла прежде всего о создании «срединой африканской империи», в состав которой предполагалось включить богатую минеральными ресурсами Северную Родезию [129, с. 314—315, 323]. К этим планам с симпатией относились империалисты и за пределами Германии (например, Чемберлен [363, 05.01.1969]). Однако эти планы, как известно, не сбылись. Военных действий на территории Северной Родезии и ее соседей не было. Африканцы-северородезийцы сражались на фронтах Восточной и Северной Африки, на Мадагаскаре, в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Всего войну прошло более 10 тыс. африканцев протектората [184, с. 70—71].

Экономическая жизнь Северной Родезии была поставлена на службу интересам метрополии. Вторая мировая война ускорила социально-экономические и политические процессы, начало которым было положено еще в довоенные годы. Участие африканцев-северородезийцев в борьбе за свободу и человеческое

достоинство меняло психологический климат в колонии. Рушились мифы о «превосходстве и непобедимости» белой расы. Африканцы, сражавшиеся за равенство и демократию, не соглашались дальше терпеть колониальный гнет и расовую дискриминацию на родине. В годы войны из протектората в Англию направлялось стратегическое сырье: медь и кобальт, продовольствие, а также некоторые виды оружия [142, с. 514], производство которого было налажено здесь в 1939—1945 гг. В стране был введен режим жесткой экономии. Повышенный спрос на стратегические материалы вызвал рост их производства, что, в свою очередь, потребовало дополнительной рабочей силы [106, с. 23]. В годы войны значительно выросла армия наемного труда, повысилась ее концентрация. В частности, увеличилось число африканцев, занятых на крупных предприятиях, особенно в горнодобывающей промышленности. В соответствии с законами военного времени применялась мобилизация африканцев для работы на шахтах Коппербелта, а также на европейских фермах, производивших продовольствие и растительное сырье [106, с. 23].

Интенсивная эксплуатация природных и людских ресурсов Северной Родезии в годы войны еще более усилилась в послевоенный период. Метрополия пыталась разрешить порожденные войной финансовые и хозяйственные проблемы за счет ограбления народов (и стран) своих колониальных владений. В Северную Родезию стали прибывать тысячи европейцев, поселившихся в зоне железной дороги; расовые противоречия заметно обострялись [319, с. 272].

В первые послевоенные годы производство меди резко возросло и превысило в несколько раз довоенный уровень. Ее экспорт (в стоимостном выражении) увеличился в 8 раз [234, с. 278]. Возросли доходы горнодобывающих компаний. В 1946—1953 гг. они получили чистой прибыли свыше 180 млн. ф. ст. [119, с. 47]. Однако значительная доля этих прибылей, в среднем 44,8%, ежегодно вывозилась. Велась интенсивная эксплуатация месторождений других полезных ископаемых. В 1952 г. были обнаружены залежи урановой руды, для ее переработки построен завод в Нкане. Строились и другие промышленные предприятия. Расширялась сеть автомобильных дорог, особенно для нужд предприятий горнодобывающих компаний и европейских фермеров, сдавались в эксплуатацию новые авиалинии. Но развитие промышленности и транспорта Северной Родезии диктовалось прежде всего потребностями метрополии в сырье, цель его состояла не в освобождении протектората от английской зависимости, а, наоборот, в ее сохранении и усилении. То же можно сказать о политике колонизаторов и в сельском хозяйстве.

Роль сельскохозяйственного производства в экономике страны в послевоенный период также возрастала. Если в 1950 г. на предприятиях горнодобывающей промышленности было занято

около 40 тыс. рабочих, то в сельском хозяйстве по найму трудилось свыше 47 тыс. человек. Европейский сектор сформировался, окреп и занял привилегированное положение. В 1951 г. более половины средств, отпущенных на нужды сельского хозяйства, получила тысяча с небольшим хозяйств колонистов и менее половины — 400 тыс. — африканских хозяйств [152, с. 239]. Среди европейских хозяйств 46% представляли собой крупные плантации (площадью более 1 тыс. га каждое [36, с. 10—12]), хозяйства колонизаторов производили в среднем 70% товарной продукции [366, 1978, № 44, с. 10]. На плантациях и фермах применялась система скваттерства, согласно которой работающих по найму кроме денежного вознаграждения получал в аренду участок земли. Для фермеров труд скваттера обходился значительно дешевле труда наемного рабочего. Обычно скваттер работал на хозяина по 8—10 час. в день, а получал 3—4 ф. ст. в месяц [119, с. 54]. К тому же фермер использовал труд не только самого скваттера, но и членов его семьи [153, с. 175].

Рядом с относительно процветающим европейским сектором сельского хозяйства существовал и бедствовал африканский. Последний испытывал хроническую нехватку земли, рабочих рук и материальных средств. Разорвавшиеся крестьяне пополняли растущую резервную армию наемного труда. Темпы развития товарных отношений в африканской деревне были крайне замедленными. Типичное для поселенческой колонии «непримиримое противоречие между капиталистическим производством европейских предпринимателей и африканским торговым земледелием» [123, с. 40] продолжало обостряться. Как и до войны, главным источником денежных доходов большинства крестьян было отходничество. В 1952 г., например, эти доходы более чем в 20 раз превышали доходы крестьян от продажи товарной сельскохозяйственной продукции и составили 95% общей суммы денежных доходов коренного населения страны [34, с. 478—479]. Продолжался процесс обезземеливания африканцев [366, 1983, № 70, с. 30]. В конце 50-х годов американский исследователь Р. Монкур отмечал: «Прогресс африканского сельского хозяйства Северной Родезии незначителен, усилия властей в этом направлении весьма скромны по сравнению с их помощью хозяйствам колонистов» [269, с. 37].

Развитие колониальной экономики Северной Родезии привело в конце 40-х годов к тому, что она стала наиболее урбанизированной страной Тропической Африки [340, 1970, № 9, с. 675—676]: в ее городах проживало уже 28% населения [169, с. 12].

Число африканцев, работавших по найму, в 1946 г. достигло 140 тыс. человек [178, с. 46]. Более заметным, чем до войны, был процесс стабилизации рабочей силы, особенно в горнодобывающей промышленности. Если в 1942 г. африканец работал на рудниках в среднем 25 месяцев, то в 1952 г. — уже 33 месяца [283, с. 51]. В 1947 г. с шахты увольнялся 71% рабочих, в

1956 г. — 26%. Примечательно, что почти половина вновь принимаемых на работу ранее работала на рудниках. Стабилизация рабочей силы была характерна в основном для предприятия горнодобывающей промышленности Коппербелта. Здесь контингент рабочих-европейцев уже не мог обеспечить потребностей промышленности в квалифицированных кадрах. В остальных отраслях экономики большинство по-прежнему составляли временные рабочие, преимущественно отходники.

По данным английского социолога Уотсона, в 1953 г. в среднем около $\frac{2}{5}$ мужчин в возрасте от 15 до 50 лет трудились за пределами своих деревень. Из них 49% отходников отсутствовало в течение года, 30% — от 1 года до 2 лет, 10% — от 2 до 3 лет и 11% — свыше 3 лет [315, с. 66]. В начале 50-х годов доля наемных рабочих и служащих в мужском самодостаточном населении достигла уже 60% [366, 1978, № 44, с. 12].

Урбанизация страны и стабилизация рабочей силы были составными частями процесса развития производительных сил. Численный рост армии наемного труда сопровождался слиянием отдельных разрозненных отрядов постоянных рабочих в большую социальную группу, в общественный класс. Африканское население городов росло главным образом за счет рабочих. В начале 50-х годов африканские рабочие и их семьи составляли 90% городского населения Северной Родезии [366, 1978, № 44, с. 12]. По утверждению английского социолога Ж. К. Митчелла, $\frac{2}{3}$ опрошенных (из 3,4 тыс.) африканских рабочих жили вне своего племени свыше пяти лет [265, с. 13].

Поскольку капиталистический уклад был привнесен в Северную Родезию колонизаторами, рабочий класс протектората формировался быстрее национальной буржуазии. К тому же власти тормозили рост африканской буржуазии. Иностраный же капитал господствовал как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Рост численности пролетариата сопровождался и его качественными изменениями, повышением классового самосознания. Рабочие, в первую очередь постоянные, все чаще выражали недовольство условиями труда и уровнем его оплаты. Их лидеры видели причины экономических трудностей для африканского населения не только в политике администрации протектората, но и в колониальных порядках. Рабочие протестовали против скрытых и открытых форм расовой дискриминации и социальной сегрегации [158, с. 199]. Например, в среднем заработная плата африканцев в горной промышленности была в 30—40 раз меньше зарплаты европейцев. Еще большей была разница в оплате труда на железнодорожном транспорте, где должности, требовавшие квалификации, занимали рабочие-неафриканцы [106, с. 24].

Цели социальной политики колонизаторов оставались прежними, и экономический рост даже в период «обнадеживающих прибылей» (1945—1953) не сопровождался улучшением дея-

тельности социальных служб. В послевоенный период жизненный уровень африканцев Северной Родезии оставался весьма низким. Системы здравоохранения и образования для африканцев почти не изменились по сравнению с 20—30-ми годами [130, с. 41]. На обучение, например, одного учащегося-африканца власти тратили в 50 раз меньше, чем на образование школьника-европейца [366, 1978, № 44, с. 13]. Программ развития здравоохранения и образования не существовало. Отпускавшие на социальные нужды мизерные суммы не могли улучшить положение коренных жителей. Даже в 50-е годы число грамотных не превышало 5—7% [130, с. 402].

Как и в 30-е годы, африканцы продавали свою рабочую силу по цене, едва превышавшей прожиточный минимум и позволявшей сделать лишь незначительные отчисления для семьи, оставшейся в деревне (в 1953 г. среднемесячный доход рабочего-африканца составлял 7 ф. ст., специалиста-европейца — 100 и более ф. ст. [366, 1978, № 44, с. 12]). Социальный гнет еще более усилился после введения «системы трудовых отношений», по которой африканцы-мужчины в принудительном порядке направлялись для работы на различных предприятиях, плантациях и на стройках. Их труд подлежал ежемесячному учету в специальных книжках, выдававшихся каждому взрослому африканцу [324, 1950, № 1—2, с. 38].

В Северной Родезии практически отсутствовала система социального обеспечения. Забота о престарелых и нетрудоспособных возлагалась на членов племени, на соседей по деревне и т. д. Вот как писал об этом Дж. Уоддис: «В Северной Родезии первое поколение африканцев, попавших в города, может воспользоваться системой семейного социального обеспечения; второе поколение испытывает трудности вследствие развала этой системы, а третье поколение может оказаться совершенно в отчаянном положении. Несомненно, что для всех категорий этих людей необходимо создание соответствующих форм государственного обеспечения, но в условиях колониального режима никто в этом не был заинтересован» [159, с. 179]. Только для бывших горняков шахт Коппербелта, достигших 50-летнего возраста и имеющих стаж работы не менее 20 лет, была установлена в 1954 г. пенсия в размере 48 ф. ст. в год [25, с. 395].

Колониальные власти и администрация не занимались вопросами охраны труда рабочих. Для всех промышленных предприятий в Северной Родезии предусматривались лишь 4 инспектора, но и эти вакансии длительно не замещались. По закону о заболевании силикозом 1950 г. проводилось медицинское обследование горняков. Однако получить свидетельство об этом заболевании у африканцев было гораздо меньше возможностей, чем у европейцев: в 1943—1960 гг. такие свидетельства получили 1134 африканца и 419 европейцев, хотя последние не составляли и $\frac{1}{5}$ всех горнорабочих [148, с. 449].

Становление новых социальных сил и усиление антиколониального движения

Изменение соотношения сил на мировой арене в результате разгрома фашизма и милитаризма и победы СССР в Великой Отечественной войне и образование мировой социалистической системы вызвали новый мощный подъем национально-освободительного движения. Ускорилось развитие «борьбы угнетенных народов против колониальной системы, расшатанной в ходе второй мировой войны» [12, с. 564]. Началось обострение кризиса колониальной системы. Удары этого кризиса ощутила на себе и британская империя.

Серьезно ослабленная войной Великобритания превратилась из страны-кредитора в страну-должника, утратила былые позиции в мировой политике. Начавшийся в 40-е годы распад Британской колониальной империи, потеря ею части английских владений в Азии (Индия), уход из Египта и Судана (1955—1956) вынудили английские колониальные круги приложить огромные усилия для того, чтобы сохранить и укрепить свои позиции в Африке. Колонизаторы понимали, что прежние методы управления дискредитировали себя. Например, в Северной Родезии развитие производительных сил, растущая интеграция ее экономики в систему мирового капиталистического хозяйства ускорили процессы формирования новых социальных сил, обострили антагонистические противоречия между протекторатом и метрополией. Расширилась социальная база антиколониального движения.

Оппозиция колониальному режиму усилилась со стороны африканской интеллигенции, рабочих, мелкобуржуазных прослоек и нарождавшейся национальной буржуазии. Между ними устанавливались идеологические и политические связи, а этнические и социальные противоречия отходили на второй план, все явственнее намечались тенденции к сплочению на антиколониальной основе.

Администрация протектората стремилась ослабить давление антиколониальных сил, шла на некоторые уступки. В 1946 г. был учрежден Африканский представительный совет [319, с. 270] с консультативными функциями [235, с. 70]. В 1948 г. в этом совете два места получили африканцы. Ими стали Н. Налуманго, основатель «ассоциации благосостояния» г. Ливингстона, и Г. Касоколо, священник [191, с. 6]. Однако эти шаги властей не сбили нарастающей в стране волны антиколониального движения. Чтобы сохранить свои позиции в протекторате и регионе, Англия решила осуществить давнишний план объединения Северной и Южной Родезии и Ньясаленда в Федерацию Родезии и Ньясаленда. Предполагалось, что она будет находиться под эгидой расистской Южной Родезии. Под этот проект подводилась экономическая база: колонизаторы ссылались на наличие тесных хозяйственных связей между Северной Родезией

и Южной Родезией (в начале 50-х годов 45% импорта Северной Родезии приходилось на ЮАС и Южную Родезию, на Великобританию — 36% [366, 1978, № 44, с. 11]).

План объединения трех британских территорий в Центральной Африке — Южной и Северной Родезии и Ньясаленда — впервые был выдвинут еще в 20-е годы. Но тогда против его осуществления выступали белые поселенцы Южной Родезии, увидевшие в нем попытку «переложить на их плечи финансовое бремя слабо развитых северных территорий. Кроме того, они опасались объединения с колониями из-за преобладания в них африканского населения и отсутствия сильных белых общин.

Однако открытие богатейших залежей меди в Северной Родезии и превращение Коппербелта в один из потенциальных источников капитала для промышленного развития Южной Родезии кардинально изменили взгляд южнородезийских поселенцев на идею объединения.

В 20—40-е годы позиция английских колониальных кругов по вопросу о Федерации была двойственной. С одной стороны, создание единого хозяйственного комплекса в Центральной Африке, несомненно, сулило метрополии экономические выгоды. Оно было привлекательно и с политической точки зрения, поскольку снимало вопрос о присоединении Южной Родезии к ЮАС, чего настойчиво добивались южноафриканские правящие круги и влиятельные силы белого меньшинства Южной Родезии.

С другой стороны, Лондон опасался чрезмерного усиления позиций родезийской поселенческой буржуазии с ее автономистскими построениями, стремлением к самостоятельности. Лидеры поселенцев лелеяли мечту о превращении Британской Центральной Африки в доминион. Вот почему английская «королевская комиссия» («комиссия Бледислоу»), направленная еще в 1937 г. в Британскую Центральную Африку для «изучения возможностей более тесного сотрудничества и ассоциации между территориями», не рекомендовала колонии объединять. Она мотивировала свое решение различием систем управления: Южная Родезия с 1923 г. была самоуправляющейся колонией, а Северная Родезия и Ньясаленд — протекторатами. А это-де может существенно сказаться на положении коренного населения.

Эти возражения после второй мировой войны были забыты, и отношение английских правящих кругов к идее объединения центральноафриканских владений кардинальным образом изменилось. Сложившаяся в послевоенный период международная обстановка и начавшийся распад колониальной британской империи вынудили английский империализм искать новые формы и методы удержания под своим контролем колоний. Этой цели и должно было служить создание крупных колониально-политических комплексов. Так, в повестке дня вновь появился план создания федерации в Восточной и Центральной Африке.

В основу этого плана лейбористское правительство Англии заложило вполне конкретные экономические и политические цели. Три центральноафриканские территории составляли единый экономический комплекс с общей транспортной сетью, системой связи и денежного обращения. В дальнейшем планировалось соединить обрабатывающую промышленность Южной Родезии, нуждавшейся во внутреннем рынке сбыта, с богатой минеральным сырьем Северной Родезией и трудовыми ресурсами Ньясаленда.

Но главная цель создания федерации была все же политическая — привязать Северную Родезию и Ньясаленд к Южной Родезии, которую Лондон рассматривал как надежный заслон против поднимавшегося в Восточной, Центральной и Южной Африке национально-освободительного движения.

План учреждения федерации имел в Северной Родезии противников и сторонников даже в белой общине, не говоря уже о широких кругах африканского населения. В 1949 г., например, северородезийская газета «Саут Африка пост» в редакционной статье писала: «Наших денег — вот чего хочет Южная Родезия. Поверит ли кто-нибудь хоть на мгновение, что она проявила бы желание объединиться с нами, если бы у нас не было прибыльных медных рудников?» [235, с. 92]. Противники создания федерации оказались в меньшинстве.

Большинство белой общины горячо приветствовали планируемую федерацию. Быстро растущая прослойка белых поселенцев, состоявшая из квалифицированных рабочих, инженерно-технического персонала и фермеров, настойчиво стремилась к объединению с южными соседями, мечтая узаконить южнородезийские порядки к северу от Замбези.

Идея федерации получила поддержку и у большого бизнеса, вложившего капиталы в Северную Родезию. Учредив «группу давления» под названием «Ассоциация объединенной Центральной Африки», хозяева горнорудных предприятий развили бурную деятельность в Лондоне, стремясь ускорить создание федерации Центральной Африки. Позже горнорудные компании «Бритиш саут африка компани», «Родезиэн селекшн траст» и «Англо-америкэн корпорейшн» оказали Объединенной федеральной партии большую финансовую поддержку [235, с. 97].

Иным было отношение к плану создания Федерации со стороны африканского населения Северной Родезии и Ньясаленда. Его осуществление грозило африканцам усилением режима расовой дискриминации [191, с. 18, 30], дальнейшим обезземливанием в пользу европейских колонистов. Укрепление позиций белой общины нанесло бы удар по силам национального освобождения, затормозило движение африканцев к политической независимости. Естественно, что национально-освободительные силы трех территорий рассматривали борьбу против плана создания федерации как первоочередную задачу. Подъем политической активности африканцев во второй половине 40-х годов

был обусловлен в первую очередь сопротивлением колониалистскому объединению Родезий и Ньясаленда. Угроза реализации плана о федерации резко активизировала политическую жизнь в стране, ускорила появление африканских политических организаций и профсоюзов.

Во время войны и в первые послевоенные годы в Северной Родезии наблюдался быстрый рост общественного самосознания африканцев. Создавались новые организации, способные возглавить и направить антиколониальную борьбу масс. В начале 50-х годов усилился интерес к идеям социализма и к Советскому Союзу. В. Инграмс писал в тот период, что он часто в Северной Родезии «встречался с отношением к России как чуть ли не к „земному раю“ и отмечал, что, по его мнению, «такое отношение будет усиливаться» [8, с. 35]. На базе 14 ассоциаций, возобновивших свою деятельность в годы войны, в 1946 г. возникла Федерация обществ благосостояния Северной Родезии [158, с. 36]. В 1948 г. она была преобразована в Конгресс Северной Родезии, а в 1952 г. — в Африканский национальный конгресс (АНК) Северной Родезии. Это была первая политическая партия африканцев, выступившая от имени этнических групп протектората [19, с. 61].

АНК стал выразителем общенародного протеста против создания Федерации Родезии и Ньясаленда [40, с. 47]. Его численность достигла в 50-е годы нескольких десятков тысяч человек. Членами АНК являлись рабочие, интеллигенция, служащие и некоторые вожди племен. Основу партии составляли профсоюзы и общественные организации. В руководство АНК входили представители радикальной национальной интеллигенции, национальной буржуазии и мелкобуржуазных слоев. Пестрота социального состава, противоречивость и эклектичность взглядов как в руководстве, так и в массе не могли не сказаться на политической и идеологической платформе АНК. Конгрессу были свойственны непоследовательность, колебания и нерешительность, особенно на начальном этапе. Первым президентом АНК стал Г. Леваника, выходец из аристократического рода правителей Баротселенда, вице-президентом — учитель Р. Набульято.

Главной задачей партии было провозглашено «содействие прогрессу африканского населения в области просвещения, политики, экономики и социальной жизни» [294, с. 212].

На формирование АНК, методы и формы его борьбы оказывали влияние аналогичные национальные организации ЮАС, например АНК ЮАС, и рабочие организации южноафриканцев, такие, как «Индустриальные рабочие Африки», «Союз рабочих промышленности и торговли». АНК Северной Родезии, а также аналогичные организации в Танганьике, Ньясаленде, Кении, Уганде, Баротселенде переняли у АНК ЮАС не только название, но и структуру, программы, уставные положения и методы борьбы. Имеются данные, что определенное влияние на АНК

и профсоюзы Северной Родезии оказала Компартия Южной Африки. В «Обзоре коммунизма в Африке», подготовленном МИД Великобритании и министерством колоний в 1950 г., утверждалось, что северородезийцы испытывают влияние изданий КПЮА, а в Коппербелте, в городах Ндола и Луаншья действуют тайные марксистские кружки под руководством европейцев и распространяется марксистская литература. В числе активистов-европейцев назывались имена Симона Зукаса и Роберта Робертсона [9, л. 31].

Усиление рабочего движения привело к созданию первых профсоюзов. До 1946 г. колониальные власти Северной Родезии запрещали африканцам объединяться в такие организации [107, с. 189].

Колонизаторы понимали неизбежность создания африканских профсоюзов в Северной Родезии и стремились втиснуть их в прокрустово ложе колониальных порядков. В таких условиях был создан первый профсоюз, объединявший африканцев, — профсоюз продавцов (первые профсоюзы европейских рабочих были созданы в Северной Родезии еще до второй мировой войны, в 1937 г.). Как и в других странах Африки (ЮАС, Южной Родезии, Кении), в Северной Родезии профсоюзы были расколоты по расовому признаку. В стране, например, помимо профсоюза африканских горняков существовали профсоюз горняков-европейцев Северной Родезии и «Ассоциация европейского персонала шахт». Раскол профсоюзов неизбежно ослаблял позиции рабочих в классовой борьбе, что, разумеется, было на руку колонизаторам.

В феврале 1948 г. на шахте Нкана возник первый профсоюз африканских горняков. В том же году профсоюзы появились на других шахтах и предприятиях Коппербелта — в Ндоле, Луаншье, Муфулире, Чибулуме, а также в Брокен-Хилле и Бэнкрофте. В 1949 г. они образовали единый профсоюз, который насчитывал около 30 тыс. членов. В конце 40-х — начале 50-х годов в протекторате действовало уже 15 профсоюзов, в том числе железнодорожников, работников торговли, строителей, шоферов, подсобных рабочих, медицинских служащих и др. Самым крупным и наиболее активным профсоюзом был профсоюз горняков, объединявший около 80% африканских рабочих горнорудной промышленности [107, с. 194]. В августе 1949 г. профсоюз был признан администрацией шахт. В соответствии с соглашениями между руководством профсоюза и администрацией за рабочими закреплялось право объявлять забастовку, если трудовой конфликт не удавалось разрешить иным путем. Профсоюз нередко добивался удовлетворения требований рабочих о повышении заработной платы (1949 г.), о введении надбавки на дороговизну, о выплате премий (1950 г.) и т. д. По убеждению ряда зарубежных исследователей, профсоюз горняков-африканцев Северной Родезии был одним из наиболее сильных африканских профсоюзов к югу от экватора [289, с. 280].

Профсоюзы Северной Родезии, в первую очередь профсоюз горняков, находились под сильным влиянием рабочих организаций Южной Африки. Так, 10 января 1949 г. власти сообщили в Лондон, что «в страну проникают газеты КПЮА „Гардиан“ и „Инкулеку“, которые читаются главным образом в профсоюзном клубе в Медном поясе» [7, л. 44]. Успешная деятельность профсоюза крайне раздражала предпринимателей, поэтому они попытались расколоть и даже разрушить его. В 1953 г. было инспирировано создание «Ассоциации африканского персонала шахт» с целью объединить в ней африканцев, допущенных к полуквалифицированной и квалифицированной работе и получавших месячную заработную плату [310, с. 294]. Но надежды компаний подорвать профсоюз горняков и ослабить рабочее движение Северной Родезии не оправдались. В ассоциацию вступили только несколько десятков африканцев. Тогда компании включили в нее всех рабочих, занятых квалифицированным трудом. Этот маневр вызвал возмущение африканских горняков. Они поняли, что компании стремятся лишить профсоюз многих его активных членов, а также упразднить те должности, за введение которых в штаты специалистов он упорно боролся [119, с. 46]. Несмотря на энергичные усилия компаний, «желтый» профсоюз поддержки у африканских рабочих так и не получил.

В 1952 г. профсоюзы протектората объединились в «Конгресс африканских профсоюзов Северной Родезии (КАП)», насчитывавший около 50 тыс. членов [142, с. 516].

В 40—50-е годы профсоюзное движение охватывало лишь небольшую часть лиц, работавших по найму. Причем большинство профорганизаций, за исключением профсоюза горняков, были слабыми. Они объединяли главным образом рабочих мелких предприятий. К тому же как в профсоюзах, так и, например, в АНК совместная антиколониальная борьба не потушила племенных разногласий. Они постоянно проявлялись в сложнейшем комплексе политической борьбы за национальную независимость. В рабочем движении существовали даже организованные формы выражения племенного сепаратизма — одной из них была ассоциация «Сыны Баротселенда», действовавшая на шахтах Коппербелта [173, с. 124].

Несмотря на все эти трудности, создание и деятельность африканских профсоюзов сыграли огромную роль в развитии в стране рабочего движения и в подъеме национально-освободительной борьбы. Стихийные и слабо организованные выступления с расплывчатыми и сиюминутными пожеланиями уступали место целенаправленным забастовкам, в ходе которых рабочие выдвигали четко сформулированные программы и требования. Наряду с серьезными экономическими и социальными требованиями в них стали включаться также политические, например о ликвидации «цветного барьера», об уравнивании в правах рабочих-африканцев с горняками-европейцами.

40—50-е годы были отмечены в стране ростом забастовочной

борьбы. Если в 91 забастовке в 1951 г. участвовали менее 11 тыс. рабочих, то в 114 забастовках в 1952 г. — уже свыше 45 тыс. [146, с. 30]. В организованной в октябре 1952 г. союзом горняков-африканцев трехнедельной забастовке участвовали около 40 тыс. человек. Забастовкой были охвачены как организованные, так и неорганизованные рабочие [107, с. 220], причем бастующие выдвинули не только экономические требования. Они выступили против планов создания Федерации Родезий и Ньясаленда. В результате администрация вынуждена была повысить заработную плату рабочим в размере от 15 до 80%. Во время забастовки 1952 г. возникли связи между бастовавшими и сельским населением. Для того чтобы голод не заставил рабочих сдаться, руководители профсоюзов обеспечили бесплатную доставку продовольствия из сельских районов. Вожди племен оказывали забастовщикам помощь, чего не случалось прежде. Они обеспечивали подвоз мяса, которое сушилось и солилось, пополнив продовольственный фонд забастовки. Помощь сельского населения позволила бастующим продержаться в течение трех недель и добиться частичного успеха — повышения зарплаты [158, с. 129].

Прибегать все чаще к забастовке рабочих побуждали многие причины: тяжкое бремя капиталистической эксплуатации в условиях колониального гнета и обострившихся противоречий колониального общества, нищета, расовая дискриминация и политические репрессии. Рабочие энергично протестовали против «цветного барьера», который был символом экономической эксплуатации, национального гнета и политического бесправия коренного населения. Позже выступления против «цветного барьера» слились с борьбой за предоставление африканцам избирательных прав. Оценивая рабочее движение в Северной Родезии, английская газета «Файнэншл таймс» указывала, что в Африке появилась новая сила, потенциальные возможности которой колоссальны [351, 14.10.1952]. Апрельские события 1953 г. эту оценку подтвердили полностью.

1—2 апреля 1953 г. колониальный режим Северной Родезии потрясла всеобщая двухдневная политическая забастовка. В ней приняла участие около 30 тыс. рабочих, служащих и чиновников многих рудников, предприятий и учреждений страны [106, с. 26]. Участники забастовки выступили против колониального плана создать Федерацию Родезий и Ньясаленда. Ведущую роль в забастовке вновь сыграли горняки Коппербелта. В том же году они провели новую политическую забастовку протеста против суда над председателем профсоюза горняков Р. Пута, арестованным властями одновременно с лидерами АНК в связи с апрельским всеобщим политическим выступлением. Обе забастовки явились для африканцев школой антиколониальной борьбы. Извлекли из забастовок уроки и колониальные власти.

Они сделали попытку ослабить связи профсоюза с АНК. Вместе с лидерами конгресса они арестовали и выслали за пре-

дела Коппербелта профсоюзных руководителей. Однако профсоюзы по-прежнему активно участвовали в политической борьбе, проявляли себя в качестве массовой и наиболее организованной силы на стороне АНК. Свои действия они все чаще согласовывали с руководством Конгресса. При этом одинаковое внимание уделялось как экономической, так и политической борьбе. Из 9 членов высшего совета действия АНК, занимавшегося организацией массовых политических выступлений, 5 представляли профсоюзы [215, с. 160]. Профсоюзы и АНК «координировали экономические выступления рабочих и рассматривали их как могучее средство давления не только на предпринимателей, но и на колониальные и федеральные власти» [127, с. 101].

Представители африканской интеллигенции, служащих и торговцев возглавляли как АНК, так и профсоюзы. Они реально оценили потенциальные силы рабочих и попытались сразу взять их под свой контроль. Так, в формировании профсоюза горняков в 1947—1949 гг. активную роль сыграли представители африканской интеллигенции [340, № 9, 1970, с. 675], профсоюз шахтеров одной из крупнейших шахт Коппербелта в 1947 г. возглавили служащие [271, с. 16].

Социально-политические интересы передовой части мелкой буржуазии совпадали с чаяниями трудящихся масс, в первую очередь рабочих и крестьян. Классовая борьба северородезийского пролетариата становилась органической частью общенародной антиколониальной борьбы коренного населения протектората. Главный классовый противник рабочих — монополистическая буржуазия Англии — одновременно был противником всего населения Северной Родезии. Мощные забастовки, особенно горняков, в 1935, 1940 и 1952 гг. способствовали усилению антиколониальных, в частности антифедеральных, настроений как в Северной Родезии, так и в соседних с ней странах. Со временем рабочий класс проявит себя наиболее организованной силой, ядром антиимпериалистической революции.

Формы освободительной борьбы с течением времени обновлялись. Стихийные, единичные и локальные выступления сменялись хорошо подготовленными и организованными, руководимыми АНК и профсоюзами. Антиколониальное движение, вооруженное четкой программой требований и лозунгов, наиболее ярко проявилось в провинциях Южная, Северная и Луапупа. Массовую поддержку АНК и профсоюзам оказывали племена и народы, говорящие на чибемба.

Несмотря на решительное сопротивление африканцев, расисты настойчиво вели подготовку к созданию федерации. В феврале 1949 г. в г. Виктория-Фолс состоялась конференция лидеров белых общин Южной и Северной Родезий и Ньясаленда, африканцев туда не пригласили [191, с. 28]. Участники конференции заявили, что они не нуждаются в одобрении плана федерации африканским большинством, так как «туземцы должны

управляться добровольной аристократией» [342, 18.02.1949], т. е. европейцами, и что «происходит постепенно переход власти от Даунинг-стрит в руки народа этой страны» [235, с. 93]. Под «народом» подразумевались, естественно, белые поселенцы, привилегированное меньшинство.

Конференция в Викториа-Фолс вызвала возмущение коренного населения Северной Родезии. Многочасовой митинг африканцев в г. Чингела вскоре после конференции завершился единодушным осуждением проекта создания федерации [235, с. 94]. Посетившему в апреле 1950 г. Коппербелт британскому министру по делам колоний профсоюз африканских шахтеров вручил меморандум, отвергавший этот проект. Находившиеся тогда же в Великобритании деятели национально-освободительного движения Х. Банда (Ньясаленд) и Г. Нкумбула (Северная Родезия) обратились к английским парламентариям с меморандумом, в котором подчеркнули несоответствие расистских порядков в Южной Родезии с тенденциями развития Северной Родезии и Ньясаленда, невозможность принять планируемые изменения теми, «кто сражался и умирал в эфиопских пустынях и бирманских джунглях за право на справедливость». Х. Банда и Г. Нкумбула высказались за немедленное провозглашение союза между Северной Родезией и Ньясалендом для воссоединения племен, искусственно разделенных границей между двумя колониальными территориями. Федерация могла быть приемлема только при выполнении двух условий: одобрения населением трех территорий и гарантий права каждой территории на выход из федерации [235, с. 94—95].

Национальные организации Северной Родезии и Ньясаленда пытались найти поддержку за пределами страны. Летом 1953 г. через известного борца за права коренного населения Юго-Западной Африки (Намибии) Майкла Скотта они направили жалобу в ООН, чтобы привлечь внимание мировой общественности к проблемам африканцев обеих колоний. Требования африканских народов Северной Родезии и Ньясаленда поддержала Коммунистическая партия Великобритании. О солидарности с их борьбой заявил один из известных африканских лидеров — Кваме Нкрума [130, с. 417]. Британский парламент получил десятки писем с выражением поддержки позиции африканцев, посланных английскими рабочими, фермерами, студентами и представителями интеллигенции. Сочувствие коренному населению Северной Родезии и Ньясаленда высказал ряд церковных организаций Великобритании, в том числе шотландская церковь, созвавшая многолюдный митинг в Эдинбурге, на котором выступил Х. Банда. На митинге была принята резолюция, отвергавшая любые планы создания Центральноафриканской федерации [235, с. 101]. Однако расисты, поддерживаемые империалистическими кругами Англии, шли напролом, прикрываясь «угрозой коммунизма». Их лидер Рой Веленский в интервью, опубликованном в газете «Дейли телеграф» в феврале

1953 г., заявил: «Мы еще только начинаем осознавать, как велики потенциальные возможности этих территорий. Я утверждаю, что данный район будет краеугольным камнем в обороне западной цивилизации, если возникнет схватка с силами коммунизма» [347, 06.02.1953].

Правительство Англии исполнило волю своих монополий, а также расистов Центральной Африки. 27 июня 1953 г. в Лондоне было объявлено о создании Федерации Родезии и Ньясаленда. А 3 сентября того же года вступила в силу ее конституция.

Федерация Родезии и Ньясаленда и подъем национально-освободительной борьбы

Рекламируя Федерацию Родезии и Ньясаленда, английские и родезийские политические круги утверждали, что ее создание преследует высокие и гуманные цели развития территорий, вошедших в федерацию. В преамбуле федеральной конституции 1953 г. провозглашалось, что федерация «будет способствовать безопасности, прогрессу и благосостоянию всех ее жителей». Инструментом достижения этой цели должна была служить доктрина «партнерства», принятая Объединенной федеральной партией, созданной в 1953 г. на базе Объединенной партии Родезии, партии южнородезийских колонистов.

Согласно доктрине «партнерства», отношения между расовыми группами в федерации должны строиться по типу коммерческой сделки: европейцы предоставляют капитал, технический опыт, руководство, африканцы — свой труд. То, что распоряжение природными и людскими ресурсами безоговорочно остается в руках белых, что они получают львиную долю прибыли от «партнерства», является лишь «справедливой» компенсацией за якобы оказанное европейцами содействие развитию коренного населения Центральной Африки.

В конечном счете доктрина «расового партнерства» вылилась, по мнению африканцев, в «сотрудничество всадника и лошади», она распространила на Северную Родезию и Ньясаленд режим господства белого человека — режим расовой дискриминации, сегрегации южнородезийского образа.

Федеральная конституция, структура и полномочия вновь созданных федеральных органов наглядно показывали, кому служит колониалистская форма объединения: она в точности скопировала систему, существовавшую в Южной Родезии.

Главой администрации в Федерации становился генерал-губернатор — представитель английской короны. Он был уполномочен осуществлять верховную власть метрополии. Ему подчинялись губернаторы трех территорий. Формально, как глава законодательной и исполнительной власти, генерал-губернатор мог налагать «вето» на любой федеральный закон, определять

время и порядок выборов в центральные и местные представительные органы, контролировать их проведение, назначать, смещать и перемещать по службе высших должностных лиц федерального аппарата управления, в частности, утверждать назначение и отставку министров и премьер-министра федерации. Он стал командующим вооруженными силами и мог по своему усмотрению использовать их в любой части федерации. Он же назначал состав верховного суда. Такие полномочия делали власть генерал-губернатора, по существу, неограниченной, хотя формально он должен был действовать в «согласии и по совету со своими министрами», исключая те немногие случаи, когда «при особых обстоятельствах он мог поступать по собственному усмотрению» [29, 1958, с. 61].

Федеральное правительство формировал премьер-министр, лидер партии, победившей на выборах в федеральный парламент. Первым федеральным премьер-министром стал южнородезийский премьер Г. Хаггинс (лорд Мальверн). В его кабинете из 6 человек четверо были южнородезийцами, один представлял белую общину Северной Родезии, другой — Ньясаленда. Естественным в этой связи было избрание города Солсбери в качестве столицы федерации. Р. Веленский, ставший позднее федеральным премьер-министром, выступал за нейтральный пункт, однако его предложение — сделать столицей один из городов Северной Родезии — было отвергнуто федеральным кабинетом.

С созданием федерального государственного аппарата территориальные правительства утратили значительную часть своих прерогатив. По конституции 1953 г. власть между центральным, федеральным и территориальными правительствами была поделена таким образом, чтобы, во-первых, обеспечить главенство федерального, особенно в тех вопросах, которые представлялись жизненно важными для функционирования федерации, и, во-вторых, дать федеральному правительству возможность наиболее полно представлять и защищать интересы белых поселенцев обеих Родезий. Согласно этим установкам в исключительное ведение правительства и парламента федерации перешли вооруженные силы, внешняя торговля и внешние сношения, железнодорожный и автомобильный транспорт, контроль над частным предпринимательством во всех отраслях экономики, налогообложение и сбор пошлин, энергетика, иммиграционная служба. Федеральные власти полностью контролировали политику в области европейского сельского хозяйства в Южной и Северной Родезии, высшего, среднего и даже начального образования для белых.

Такие вопросы, как межтерриториальные связи, наем рабочей силы и ее распределение, система закупок и сбыта сельскохозяйственной продукции, суд и судопроизводство, водоснабжение и ирригация, здравоохранение, оказались в компетенции как федеральных, так и территориальных органов управления.

В то же время сельское хозяйство африканского населения, вопросы землевладения и землепользования, местное самоуправление и «туземные власти», начальное и среднее образование африканцев, трудовое законодательство и разрешение трудовых конфликтов передавались в ведение территориальных властей. Поскольку на первых порах федеральное правительство не беспокоило проблема внутренней безопасности, уголовное законодательство и полицейскую службу также оставили в ведении территориальных властей, предусмотрев постоянный надзор над ними со стороны федерального бюро безопасности и разведки. Что касается полномочий территориальных властей, то они были серьезно ограничены. Федеральное правительство, став полновластным хозяином в ключевых экономических, политических и социальных вопросах, получило широкие возможности для вмешательства в их деятельность.

Разделение «европейских» и «африканских» интересов между федеральными и территориальными органами управления вполне отвечало духу той политики «завуалированного апартеида», которую создатели федерации ставили во главу угла своего политического курса в отношении африканского населения. Но было бы ошибочным не отметить еще один аспект федеральной конституции 1953 г.: она явно предпочитала белую общину Южной Родезии во всех областях жизни федерации.

Выше уже говорилось о преобладании южнородезийских белых в кабинете Г. Хаггинса. В парламенте сохранилась примерно такая же ситуация. Законодательным органом федерации стала ассамблея — однопалатный парламент, включавший первоначально 36 членов: одного спикера (обязательно белого), 26 депутатов от европейского населения (14 — от Южной Родезии, 8 — от Северной и 4 — от Ньясаленда; в результате белые депутаты от северных территорий всегда оказывались в меньшинстве); трех депутатов-европейцев, представлявших интересы африканского населения; 6 депутатов-африканцев от Северной Родезии и Ньясаленда. Из трех депутатов-европейцев, «представлявших интересы» коренного населения, два — от Северной Родезии и Ньясаленда — назначались губернаторами соответствующих территорий, а один от Южной Родезии — выбирался европейскими избирателями. Шесть депутатов-африканцев — по двое от каждой территории — избирались в соответствии с правилами, действующими на этих территориях. В итоге за каждым депутатом от белых стояло примерно 8 тыс. избирателей, а за каждым депутатом, представлявшим интересы африканского населения, — примерно 730 тыс. африканцев, которые практически были лишены права голоса. Таким образом, удельный вес представительства территорий в федеральном парламенте напрямую ставился в зависимость от численности белого населения, тогда как численность африканского населения в расчет не принималась.

Создание федерации самым непосредственным образом ска-

залось на экономическом, политическом и социальном положении северных территорий, в первую очередь Северной Родезии.

* * *

Основой промышленного производства Северной Родезии были добыча и выплавка цветных металлов, в первую очередь меди. Накануне создания федерации, в 1952 г., протекторат произвел 317,4 тыс. т меди (в том числе 111,6 тыс. т электролитической и 200,8 тыс. т черновой), 1,3 тыс. т кобальта и кобальтовых сплавов, 22,9 тыс. т цинка, 13,9 тыс. т свинца. Благоприятная конъюнктура мировых цен на медь в послевоенные годы, высокие прибыли горнодобывающих компаний вызвали большой приток иностранных капиталов в Северную Родезию. За 1946—1953 гг. в разведку, приобретение концессий, подготовку к эксплуатации новых месторождений, производство металлов было вложено около 70 млн. ф. ст. [35, 1951, с. 19; 71, 1953, с. 34]. В результате за предфедерационное пятилетие 1947—1951 гг. производство электролитической меди возросло на 98%, черновой — на 47, кобальта — на 24, цинка — на 8% и т. д. [84, с. 26].

Обрабатывающая промышленность в Северной Родезии была развита слабо. Ее представляли в основном такие отрасли, как мясо-молочная, мукомольная, лесопильная, цементная, деревообрабатывающая. Цементные заводы в Чиланге, лесопильные и деревообрабатывающие предприятия в Мулобеси близ Ливингстона работали главным образом для удовлетворения нужд горнодобывающей промышленности. В Ндоле и некоторых других центрах Коппербелта производилось простейшее шахтное оборудование [81, с. 26; 69, 1955, с. 34].

В течение всего периода существования федерации проводилась политика преимущественного развития Южной Родезии за счет ресурсов северных территорий, в первую очередь Северной Родезии. Эта тенденция усилилась, когда стала реальной перспектива превращения Северной Родезии в независимое африканское государство. Именно Южная Родезия получила наибольшие финансовые выгоды от создания федерации. Ее образование означало усиление колониального режима, породило видимость его стабилизации, вызвало заметное увеличение притока в центральноафриканский регион иностранного частного капитала. По подсчетам советского экономиста Ю. Н. Черкасова, приток капиталов в федерацию составлял около 35 млн. ф. ст. ежегодно; большая часть капиталовложений направлялись в Южную Родезию [163, с. 102].

Благоприятное воздействие на экономику Южной Родезии, в частности на ее обрабатывающую промышленность, оказало и расширение, связанное с созданием в федерации внутреннего рынка. Свободный беспшлинный доступ на рынок Северной Родезии создал для южнородезийской промышленности, произ-

водящей потребительские товары, благоприятную конъюнктуру. В годы федерации в Северную Родезию направлялось около 30% южнородезийского экспорта, в том числе 23% продукции ее обрабатывающей промышленности.

Оборотной стороной этого процесса было пренебрежение развитием и без того слабой северородезийской обрабатывающей промышленности. Объекты вновь создаваемых производств второго подразделения вводились в строй преимущественно на территории Южной Родезии. Среди них были, например, крупный завод химических удобрений, вторая очередь сталелитейного завода в Кве-Кве, медеплавильный завод в Аляске и др. Как отмечали английские экономисты, диспропорции в промышленном развитии между Южной Родезией и двумя северными территориями в федеральный период, несомненно, увеличились, а не сократились.

Политика преимущественного развития Южной Родезии в ущерб северным территориям была наиболее откровенно продемонстрирована в 1955 г. в ходе строительства ГЭС. Еще в середине 1954 г. было подписано соглашение между властями Южной и Северной Родезии, по которому федеральное правительство взяло на себя обязательство построить плотину в первую очередь на р. Кафуэ в Северной Родезии. Однако через 8 месяцев федеральный парламент большинством голосов южнородезийских депутатов вынес решение соорудить плотину на р. Карибе, причем здание электростанции поставить на южнородезийском берегу. Поскольку строительство ГЭС производилось на средства федерального бюджета, Южная Родезия практически освобождалась от финансирования этого строительства. Если бы строительство Кариба-ГЭС осуществлялось вне рамок федерации, то затраты Южной Родезии достигли бы почти 130 млн. ф. ст., покрыть которые она смогла бы лишь за счет увеличения государственного долга. Финансирование строительства Кариба-ГЭС из федерального бюджета не только избавило Южную Родезию от этих расходов, но и дало ей возможность погасить многие свои долги за счет доходов от экспорта северородезийской меди [369, т. 28, с. 289].

Дефицит торгового баланса Южной Родезии, который в 1953 г. достигал 12,3 млн. ф. ст., был переложен на плечи правительства федерации и стал покрываться главным образом за счет экспорта минералов из Северной Родезии. Это позволило Южной Родезии расширить импорт средств производства и предметов потребления. По подсчетам английского экономиста М. Фабера, в 1959 г. импорт Южной Родезии увеличился на 22% по сравнению с 1953 г. (соответственно 95 млн. ф. ст. против 77,7 млн.). Его доля в импорте федерации достигла 63% [307, с. 26; 369, т. 28, с. 289]. Займы, которые федеральное правительство получало в Европе, шли главным образом на удовлетворение южнородезийских нужд. После ликвидации федерации ее государственный долг был распределен между ее быв-

шими тремя территориями; на долю Южной Родезии пришлось 33,4 млн. ф. ст., т. е. всего 62% [369, т. 28, с. 289].

Данные за 1954—1962 гг. показывают, что доля Южной Родезии в национальном доходе федерации неуклонно увеличивалась, а доля Северной Родезии — уменьшалась. Если в 1954 г. эти доли составляли соответственно 49% — для Южной и 41% — для Северной, то в 1962 г. — уже 54 и 37% [60, 1963, июль, Прил., с. 7]. А между тем чистый национальный доход, увеличившийся в 1954—1962 гг. с 344,2 млн. до 536,8 млн. ф. ст., рос главным образом за счет стремительного повышения мировых цен на медь. Это означало, что вплоть до 1956 г., когда началось снижение цен на медь, вклад Коппербелта в национальный доход федерации превышал 25% его общей суммы [120, с. 92]. Но и в период низких цен на медь, а точнее, в 1962 г. вклад в национальный доход горнодобывающей промышленности, в основном северородезийской, составлял 21% [120, с. 92].

Таким образом, Северная Родезия в составе федерации стала источником экспортного сырья, рынком сбыта для изделий обрабатывающей промышленности Южной Родезии, резервуаром, из которого черпались средства для развития экономики Южной Родезии. Используя дискриминационную таможенную политику, федеральные власти заставляли Северную Родезию покупать южнородезийские товары по ценам, более высоким, чем на мировом рынке. Существование своеобразного «общего рынка» федерации затрудняло экономическое развитие Северной Родезии. Оно препятствовало развитию ее обрабатывающей промышленности. Более того, федеральные власти умышленно тормозили развитие некоторых отраслей северородезийской горнодобывающей промышленности, стремясь усилить экономическую зависимость Северной Родезии от южного партнера. Так, на севере не разрабатывались уже разведанные месторождения железной руды и угля. Пуск первой очереди Карриба-ГЭС избавил Северную Родезию от импорта электроэнергии из Бельгийского Конго, но привязал ее к Южной Родезии, как к главному источнику снабжения электроэнергией северородезийской горнодобывающей промышленности.

Столь откровенная политика фаворитизма федеральных властей в пользу Южной Родезии вызвала недовольство даже среди тех избираемых и назначаемых белых депутатов федерального парламента, которые прежде выступали за создание федерации. Объявление о строительстве ГЭС на р. Замбези вместо р. Кафуэ было встречено бурей возмущения в среде белых северородезийцев, особенно в Лусаке, находящейся к Кафуэ ближе, чем к Карибе. На митинге представителей белой общины была принята резолюция о немедленном выходе из федерации, а мэр г. Лусаки направил королеве Великобритании письменную жалобу. В территориальном парламенте также состоялись жаркие дебаты, окончившиеся, правда, ничем.

Введение федерального гражданства, объединение систем

гражданских служб, облегчение и расширение межтерриториальных контактов быстро привели к внедрению южнородезийских порядков во все сферы общественной жизни северных территорий. Очевидцы, побывавшие в Северной Родезии после объединения, отмечали усиление в ней режима расовой дискриминации и сегрегации. «Экономическое проникновение и назначение чиновников из Южной Родезии приносят распространение цветного барьера и внедрение южнородезийских порядков в магазинах и банках, правительственных учреждениях и в области предпринимательства», — писал корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан» [360, 08.12.1956].

В середине 50-х годов африканцы Северной Родезии уже не могли быть в театрах и кино вместе с белыми, обедать в ресторане аэропорта, даже если они ожидали посадки на самолет, посещать церкви в белых районах. Отели и кафе были закрыты для них, в продовольственных магазинах им приходилось ожидать, пока обслужат белых покупателей. Когда в 1954 г. африканский депутат в федеральном парламенте Д. Ямба поднял вопрос о недопустимости дискриминации и предложил принять федеральный закон, предусматривающий «равные отношения к людям, независимо от их национальности, в общественных местах», европейские депутаты провалили это предложение, а премьер-министр Г. Хаггинс высмеял Д. Ямбу [349, 15.10.1954, с. 620].

Фактически цветной барьер в общественных местах был лишь отражением глубинных дискриминационных мер, которые применялись в отношении африканцев во всех сферах жизни. В частности, резко возросла разница в оплате труда рабочих различных расовых групп. До второй мировой войны этот вопрос не стоял так остро, поскольку европейские рабочие, обеспеченные высоким квалификационным стандартом, не сталкивались с конкуренцией африканцев, среди которых не было тогда ни обученных, ни тем более высококвалифицированных рабочих и служащих. После войны положение изменилось. В стране появились группы африканцев, способные выполнять квалифицированную работу как на предприятиях, так и в учреждениях. И это вопреки законодательству, которое фактически лишало африканцев возможности получать профессиональную подготовку. В 1948 г. «Комиссия Далглиша» рекомендовала допустить африканцев к некоторым видам квалифицированной работы на медных рудниках. И хотя профсоюз белых горняков отверг эту рекомендацию, власти после длительных проволочек и препирательств приняли ее.

Однако наличие нескольких сотен африканцев на квалифицированных работах не могло улучшить положение остальных 30—35 тыс. горняков-африканцев. Осталась в силе и даже усилилась дискриминация в оплате африканских горняков. Разрыв в средней заработной плате между африканскими и белыми горняками за годы существования федерации не уменьшился,

а, наоборот, увеличился. Вот как изменялась средняя заработная плата африканцев и европейцев на шахтах Коппербелта (ф. ст.):

Год	Европейцы	Африканцы
1953	1 782	124
1956	2 295	166
1960	2 160	258

Таким образом, разрыв в заработной плате европейцев и африканцев в 1953—1960 гг. увеличился с 1658 до 1902 ф. ст. [235, с. 118].

К дальнейшему ухудшению социально-экономического положения африканского населения Северной Родезии вела провозглашенная федеральным правительством политика поощрения европейской иммиграции. В увеличении численности белой общины белая буржуазия обеих Родезий видела один из путей укрепления своих социально-политических позиций: с ростом численности европейского населения связывались планы превращения федерации в доминион.

В 1953 г. в федерацию прибыли 17 тыс. белых, в подавляющем большинстве выходцы из Англии и соседнего ЮАС, в 1954 г. — 16,3 тыс., в 1955 г. — 21 тыс., в 1956 г. — 26,2 тыс., в 1957 г. — 24,2 тыс. В дальнейшем вследствие резкого усиления освободительной борьбы африканского населения иммиграционный поток несколько уменьшился, но все еще оставался на уровне 10—12 тыс. человек в год [60, 1963, июль, с. 1—3].

Значительная часть иммигрантов-европейцев устремилась в сельское хозяйство, пополнив ряды белых фермеров, наиболее реакционной части колониальной буржуазии, заинтересованной в сохранении жестоких форм эксплуатации коренного населения. В 1950—1959 гг. в Северной Родезии количество европейских сельскохозяйственных предприятий (т. е. в основном ферм колонистов) увеличилось с 967 до 1506, а площадь под ними — с 1,5 до 1,7 млн. га [36, с. 10—12; 69, с. 20—23].

По мере того как белая буржуазия укрепляла свои позиции, в ее среде усиливались реакционные, ультраправые тенденции. В федеральный период возникла и набрала силу так называемая Партия доминиона, имевшая членов как в Южной, так и в Северной Родезии. Ее сторонники, поддерживая позицию правящей Объединенной федеральной партии по вопросу о преобразовании федерации в доминион наподобие ЮАС, не одобряли даже официальную политику «партнерства». Считая «туземную политику» федерального правительства излишне мягкой, они брали на себя роль защитника интересов европейского меньшинства и ратовали за обособленное развитие местной европейской «общины» от африканского населения, т. е. фактически отстаивали южноафриканский вариант развития — апартеид. Такая позиция объясняется тем, что либеральные тенден-

ции в среде северородезийских колонистов всегда были очень слабы.

Создание общедоверительной армии, полиции, суда и других органов принуждения и подавления позволило колонизаторам в первые же годы федерации усилить репрессии против национально-освободительного и рабочего движения. Представители федеральных властей, присланные из Южной Родезии, жестоко подавляли малейшее проявление недовольства африканского населения. В 1953 г. федеральные войска подавили выступления крестьян Ньясаленда, в 1954 г. — забастовку железнодорожных рабочих-африканцев в Южной Родезии и в 1955 г. — в Северной Родезии. Однако борьба против федерации стала мощным стимулом в национально-освободительном движении во всей Центральной Африке. Для африканского населения Северной Родезии и Ньясаленда создание федерации означало не только ужесточение режима расовой дискриминации и земельного ограбления, практиковавшегося в Южной Родезии. Оно служило серьезным препятствием на пути завоевания даже внутреннего самоуправления, обещанного метрополией этим колониям во время войны. Поэтому практически все слои африканского населения обеих северных территорий считали борьбу против федерации первоочередной задачей.

Опубликование властями в середине 1951 г. «Белой книги», содержащей основные положения об объединении Британской Центральной Африки, стало внешним толчком к смене руководства АНК, поскольку его умеренная позиция в отношении федерации не могла удовлетворить массу рядовых его членов. В 1952 г. Г. Леваника, скомпрометировавший себя соглашательской и примиренческой политикой, был отстранен от руководства АНК. Вновь избранные руководители партии во главе с Г. Нкумбулой выдвинули радикальную программу борьбы, провозгласив ее конечной целью завоевание независимости. В программе содержалось требование о введении в стране всеобщего избирательного права, пропорционального представительства африканцев и европейцев в выборных органах власти, национализации крупных промышленных предприятий, особенно горнодобывающей промышленности [106, с. 25]. В ней содержался призыв к борьбе против всех форм расовой дискриминации и колониального режима. Таким образом, в деятельности Африканского Национального конгресса побеждала тенденция завоевания политической власти, опирающейся на антиколониальную и panaфриканскую идеологию.

В Северной Родезии, где среди участников освободительного движения было много рабочих, конгрессу было легче, чем в Южной Родезии и Ньясаленде, сохранить связи с массами. АНК расширил сеть своих отделений, развернул агитационную и организационную кампанию, призывая народ и вождей объединиться в борьбе против федерации. Конференция африканских вождей и делегатов АНК, состоявшаяся в конце 1951 г. в Лусаке,

образовала «высший совет действия» и поручила ему организацию и координацию массовых выступлений.

27 февраля 1952 г. совет опубликовал заявление, содержащее протест неевропейского населения против создания федерации. Попытки властей создать в качестве противовеса АНК марionеточные африканские местные органы самоуправления не увенчались успехом. Конгресс становился главным выразителем и представителем интересов коренного населения страны.

В августе 1952 г. и в марте 1953 г. в Лусаке прошли массовые митинги. В апреле 1953 г. состоялась первая в истории страны двухдневная политическая забастовка. В ее подготовке АНК принял непосредственное и активное участие. Для антифедеральной пропаганды АНК использовал трибуну, представляемую африканцам в Африканском представительном совете. В апреле — мае 1952 г. африканские делегаты бойкотировали конференцию в Лондоне, на которой разрабатывался проект создания федерации. Они опубликовали в лондонской газете «Таймс» заявление о своей антифедеральной позиции, поддерживаемой подавляющим большинством населения Северной Родезии.

На очередной конференции в середине 1954 г. АНК объявил себя политической партией, что давало ему формальное право на участие в политической жизни и избирательных кампаниях, на создание непартийных массовых организаций и т. д. Вскоре АНК основал женскую и молодежную лиги, начал издавать газету. Конгресс выдвинул новые программные требования: роспуск федерации, демократизацию избирательной системы, отмену расовой дискриминации во всех ее формах и проявлениях, отказ от полицейских методов управления, обеспечение коренному населению возможностей на получение образования и медицинского обслуживания, экономический прогресс страны [26, 1956, № 4, с. 7].

На одной из очередных конференций конгресс подтвердил, что основным методом борьбы остается «несотрудничество» с колониальными властями без применения насилия. АНК призвал африканцев быть готовыми при необходимости бросить работу на европейских предприятиях и уйти в деревню, отказываться работать на строительстве домов для европейских иммигрантов и т. д.

В первые три года федерального периода конгресс успешно руководил бойкотами неафриканских магазинов, пивных и столовых в городских районах. В январе 1954 г. отделение АНК в Лусаке начало бойкот мясных лавок. А вскоре кампания бойкота распространилась на города Коппербелта. К 1956 г. неафриканские магазины в Лусаке были вынуждены почти полностью прекратить торговлю. Расставленные у магазинов пикетчики призывали африканцев покупать товары только у торговцев-африканцев. Весной 1956 г. в кампании участвовало почти все африканское население крупнейших городов. В 1955 г. кон-

гресс начал кампанию против расовой сегрегации в церквях, а в 1957 г. — против сегрегации в общественных местах [360, 1.10.1955; 365, 14.01.1957].

Власти решили прибегнуть к репрессиям против АНК. Летом 1956 г. ряд активистов конгресса были привлечены к суду по обвинению в организации «незаконных сборищ» и бойкота торговых предприятий, нанесшего значительный ущерб их владельцам. В 1957 г. проводились аресты пикетчиков, которые затем осуждались на различные сроки тюремного заключения. Характеризуя действия, которыми руководил АНК, родезийская пресса писала: «Наивным было бы считать, что широко распространившаяся, внушительная кампания бойкотов всего лишь кампания потребителей, где АНК просто взял на себя общее руководство» (цит. по [337, 1957, № 1, с. 47]).

Важнейшей особенностью национально-освободительного движения в Северной Родезии было активное участие в нем рабочих-африканцев, занятых в городах и горнопромышленных центрах. На протяжении почти всего существования периода федерации именно промышленные центры являлись главной ареной борьбы. В деревнях, разбросанных на огромной территории, было труднее поднять массы на выступления. Жители сельских районов активизировались главным образом к концу федерального периода.

Профсоюзы были самой массовой и организованной опорой АНК. Д. Конкола одновременно занимал пост члена исполкома АНК и председателя африканского профсоюза железнодорожников (по численности второго после профсоюза горняков). Из девяти членов «высшего совета действия» пять были представителями профсоюзных организаций [215, с. 160]. Профсоюзы и конгресс координировали экономические выступления рабочих, считая их могучим средством давления на предпринимателей, колониальные, территориальные и федеральные власти.

В начале января 1956 г. после долгих и бесплодных переговоров с администрацией горных компаний профсоюз горняков-африканцев начал забастовку, одну из самых длительных и упорных в истории Северной Родезии. Предвидя затяжной характер борьбы, профсоюз заранее позаботился о создании продовольственных запасов и денежных фондов. Федеральное правительство подтянуло в район медных рудников войска, в том числе из Южной Родезии и Ньясаленда. На предприятия согнали штрейкбрехеров — рабочих из наиболее отсталых районов страны; только так властям удалось задушить забастовку.

В 1956 г. профсоюз горняков-африканцев организовал серию кратковременных забастовок — 16 за три месяца. А в сентябре 1958 г. призвал рабочих к длительной всеобщей забастовке. На ее подавление были брошены войска и полиция, применившие огнестрельное оружие. Среди горняков-африканцев были убитые и раненые. В Коппербелте и прилегающих к нему дистриктах Западной провинции было введено чрезвычайное

жение, что дало властям формальные основания для проведения арестов и ссылки участников забастовки без суда и следствия. В отдаленные резерваты были отправлены 54 наиболее видных деятеля профсоюза горняков-африканцев [337, 1957, № 4, с. 114]. К руководству профсоюзами Северной Родезии пришли более умеренные деятели.

Разгром независимого профсоюзного движения в горнодобывающей промышленности — ведущей отрасли колониальной экономики, политика сотрудничества с властями и предпринимателями, проводимая новыми профсоюзными лидерами, привели к спаду стачечной борьбы африканских рабочих. Если в 1954 г. число потерянных человеко-дней в результате забастовок в горнодобывающей промышленности достигло 598 тыс., то в 1955 г. оно снизилось до 544 тыс. В 1957—1959 гг. африканские горняки не провели ни одной крупной забастовки [71, 1953, с. 15; 1954, с. 21—22; 1955, с. 14—15].

После забастовок 1955—1956 гг. в Северной Родезии федеральные власти ввели новые законы, предусматривавшие суровые санкции против профсоюзов, запрещалось мирное пикетирование промышленных объектов. Власти получили право отзывать новым профсоюзам в регистрации, распускать старые под любым предлогом (ссылаясь, например, на их тяжелое финансовое положение). Они могли прибегнуть к принудительному арбитражу в случаях, когда компании и профсоюзы были не в состоянии договориться. Фактически любую стачку можно было объявить «незаконной», а профсоюз оштрафовать (100 ф. ст. плюс 5 ф. ст. за каждый день «незаконной» забастовки). Неуплата штрафа вела к роспуску союза [360, 22.04.1958].

Выдвижение конгрессом важных политических лозунгов (ропуск федерации, предоставление независимости, демократическое переустройство), его повседневная борьба против расовой дискриминации, за проведение аграрных реформ привлекли в ряды освободительного движения представителей различных социальных слоев африканского общества. К 1955 г. АНК насчитывало 40 тыс. членов (в том числе 105 вождей, 500 чиновников «туземной» администрации, около 5 тыс. деревенских старейшин). По признанию колониальной прессы, АНК поддерживали почти 80% африканского городского населения [334, 1954, № 212, с. 210].

В 1954 г. АНК, выдвинув собственную программу конституционных преобразований (она была опубликована в 1955 г.), предложил довести число африканских депутатов в законодательном совете до 12 [348, 1954, № 1511, с. 67]. Он отверг действовавший порядок назначения губернатором двух европейских депутатов, «представляющих интересы африканцев». Конгресс потребовал также распространить избирательное право на «лиц, находящихся под английским протекторатом», т. е. на все коренное население. Вместо высокого имущественного ценза в 240 ф. ст. предлагалось ввести умеренный — 50 ф. ст.; взамен об-

разовательного ценза, обязывавшего избирателя владеть английским языком, — ценз, требующий умения читать и писать на родном языке [337, 1956, № 6, с. 19]. Позднее, в 1956 г., конгресс стал настаивать на предоставлении избирательного права совершеннолетним жителям протектората без каких-либо ограничений. Он соглашался, однако, чтобы всеобщее избирательное право вводилось постепенно, чтобы в переходный период сохранялся порядок избрания депутатов по расовым общинам.

Министерство колонии отклонило предложения АНК. Его же проект избирательной системы («Белая книга»), хотя и допускал впервые африканское население к прямым выборам, мало что давал африканцам.

Передовые круги африканского общества были крайне неудовлетворены конституционными предложениями колониальных властей. Даже признанные колонизаторами и состоявшие более чем наполовину из местной знати совет африканских представителей и провинциальные советы не были склонны принять их безоговорочно. Из семи провинциальных советов три отклонили «Белую книгу», а четыре внесли множество поправок и критических замечаний. Совет африканских представителей отверг ее 25 голосами против 10 и потребовал, чтобы представительство в законодательном совете было равным [348, 1958, № 1758, с. 1313].

В противовес «Белой книге» АНК опубликовал памфлет, названный «Черная книга». Его подписали президент конгресса Г. Нкумбула и секретарь К. Каунда. Критикуя «Белую книгу», авторы памфлета писали: «Когда правительство предлагает ограничить состав избирателей теми, кто „внес свой вклад в богатство и благосостояние страны“, то надо признать, что африканец вносит гораздо больший вклад, чем его белые хозяева. Он внес вклад кровью на полях сражений, защищая Британскую империю. Он вносит свой вклад в богатство страны, поставляя дешевую рабочую силу, платя подушный налог и другие подати. Наконец, африканец обрабатывает землю страны... Если учитывать все это, то африканец вправе требовать для себя лучшего избирательного закона, чем тот, который ему предлагают. По нашему мнению, во имя демократии должно быть введено всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних по принципу „один человек — один голос“» [348, 1958, № 1763, с. 1376—1377].

В памфлете указывалось, что «африканский народ согласен на переходный период (до 1964 г.)», во время которого сохранится европейское большинство в исполнительном совете. В законодательном же совете должно быть обеспечено равенство африканского и неафриканского представительства. В него должны входить избираемые 21 африканец, 14 европейцев, а также 7 европейцев-чиновников. «Мы более не питаем никакого доверия к чиновникам министерства колоний, к их решающему

голосу в законодательном совете, — говорилось в памфлете. — Федерацию навязали нам они в согласии с парламентом Великобритании» [348, 1958, № 1763, с. 1376—1377].

Правительство метрополии, однако, не посчиталось с мнением африканского большинства населения, выраженным АНК. Новый избирательный закон вступил в силу. На его основе в марте 1959 г. прошли выборы в законодательный совет. Большинство мест завоевали европейцы, кандидаты партий колонистов (13 мест получила правящая Объединенная федеральная партия, 4 — Центральноафриканская партия, выступавшая за частичные уступки коренному населению). От АНК Северной Родезии в совет прошел только Г. Нкумбула [343, 25.03.1959, с. 4].

В 1957—1958 гг. обострились разногласия внутри АНК. Радикальные группировки выступили за переход к массовым формам борьбы. Они указывали, что упорное нежелание английского правительства (не говоря уже о федеральных властях) считаться с требованиями миллионов африканцев или хотя бы прислушиваться к ним вызывает необходимость пересмотра тактики борьбы. Поскольку упор на парламентские и чисто конституционные методы борьбы не дает желаемых результатов, АНК должен либо изменить тактику, либо превратиться в пассивный придаток машины колониального управления. В результате разногласий в АНК Северной Родезии в 1958 г. произошел раскол. Из него вышла группа, возглавляемая секретарем конгресса К. Каундой.

Непосредственной причиной раскола стала позиция президента и его сторонников в исполкоме АНК Северной Родезии по вопросу об отношении к конституции и выборам 1958 г. Г. Нкумбула считал возможным принять конституционные предложения английского правительства, участвовать в выборах в блоке с либеральной партией европейцев, чтобы завоевать больше мест в законодательном совете. Однако большинство членов исполкома отвергло конституцию, по их настоянию были опубличованы контрпредложения конгресса, содержавшиеся в «Черной книге». И хотя большинство исполкома высказалось за бойкот выборов 1958 г., группа Г. Нкумбулы официально заявила, что АНК примет в них участие. Она выставила свои кандидатуры в ряде избирательных округов. Тогда К. Каунда и ряд других руководителей заявили о выходе из конгресса. 24 октября 1958 г. на митинге в Брокен-Хилле было объявлено о создании новой партии — Африканского национального конгресса Замбии. Возглавил ее К. Каунда [40, с. 97].

На митинге присутствовало 60 человек. Сначала новая партия представляла собой немногочисленную группу сторонников более радикальных путей и методов национально-освободительной борьбы. Первоочередной задачей она считала расширение своего влияния. «Каждый из нас по заранее намеченному плану должен был каждую ночь отправляться в локацию, компаунд

или определенную часть города. У нас было три вопроса для беседы: во-первых, почему мы порвали с Африканским национальным конгрессом, во-вторых, почему мы отвергаем новую британскую конституцию, в-третьих, мы агитировали вступать в нашу партию и обращались за денежной помощью... — писал позже К. Каунда. — Мы выдвигали понятные и ясные лозунги, чтобы все наши сторонники могли подхватить их» [40, с. 99].

Лидеры новой партии подготовили проект конституционной реформы и представили его английским властям в феврале 1959 г. Они открывали проект эпитафией: «Мы не знаем никакого иного носителя верховной власти в обществе, кроме самого народа» [40, с. 101]. Конгресс Замбии требовал предоставить избирательное право всем африканцам — мужчинам и женщинам, достигшим 20 лет. На африканцев, прибывших из других стран и территорий, а также на европейцев должен распространяться ценз оседлости. Парламент Северной Родезии (Замбии), которому надлежало заменить законодательный совет, должен включать трех правительственных чиновников и 59 выборных депутатов, избранных в определенной пропорции от городов и провинций. Различные национальные группы должны быть представлены в парламенте также пропорционально их численности. Девять министров правительства назначаются, согласно проекту, лидером победившей на выборах партии из числа членов парламента. Назначение министров в переходный период согласуется с губернатором. Предусматривалось также создание национального совета вождей, в задачу которого должна была входить защита африканских традиций, культуры и норм обычного права.

Программа новой партии вызвала бешеные нападки со стороны колониальных кругов. Членов АНК Замбии обвиняли в «хулиганстве» за предложения, которые, кстати, через четыре года войдут в проект конституции, внесенный английским правительством.

В первой половине 1959 г. по городам Северной Родезии прокатилась волна бурных митингов, организованных АНК Замбии. И хотя новый конгресс последовательно придерживался тактики ненасильственной борьбы, летом 1959 г. его обвинили в «пропаганде насилия», в терроризме. АНК Замбии был запрещен, а свыше ста его лидеров и активистов, включая К. Каунду, — арестованы [337, т. VI, 1959, № 5, с. 170—171].

Запретив деятельность новой партии, власти стремились приостановить рост радикальных настроений среди африканцев. Они надеялись, что становящийся все более умеренным АНК Северной Родезии останется единственной политической организацией коренного населения. Однако в середине 1959 г. в руководстве АНК СР опять вслыхнули разногласия и вновь по вопросу об изменении тактики борьбы. В результате партию покинула радикальная группа во главе с М. Чона (в то время единственным в стране адвокатом-африканцем). Вскоре эта

группа, члены запрещенной партии АНК Замбии, а также Объединенная партия свободы (лидер — профсоюзный деятель Д. Конкола) основали Объединенную партию национальной независимости (ЮНИП) [26, 1960, № 4, с. 5]. Руководство новой партии, ее временный президент С. Чона стремились строить свою деятельность на базе боевой программы и традиций АНК Замбии.

В 1959 г. Северная Родезия оставалась единственной территорией Британской Центральной Африки, где формально не было введено чрезвычайное положение. Определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что колонизаторы опасались чрезвычайными мерами нарушить нормальную работу медных рудников. Власти все же попытались нанести удар по левым, наиболее активным силам национально-освободительного движения. Был принят «Закон об охране общественного порядка», который, наделив губернатора широкими полномочиями, по существу, устанавливал режим чрезвычайного положения. Губернатор имел право издать приказ об аресте любого лица, причем арестованного могли содержать в заключении без суда неопределенно долгое время. Губернатору разрешалось отменять или приостанавливать действия законов, использовать силы армии и полиции по своему усмотрению. В таких условиях начала свою деятельность ЮНИП.

В конце 1960 г. ЮНИП провела первую конференцию. К. Каунда был избран президентом, М. Сиполо — секретарем, С. Капвелле — казначеем. Основной опорой партии стали рабочие-африканцы главных промышленных центров страны. Со временем партии удалось привлечь на свою сторону практически все африканские отраслевые профсоюзы, а также создать сеть отделений и ячеек в сельских районах [352, 07.01.1960; 345, 18.11, 20.11.1959].

В связи с предстоящим визитом в страну английского министра колоний Маклеода ЮНИП удалось договориться с руководством АНК о совместной кампании по сбору подписей под петицией, содержавшей требование выхода Северной Родезии из федерации.

В июне 1960 г. африканская фракция в законодательном совете поставила на обсуждение вопрос о пересмотре территориальной конституции, африканизации управления, выходе из федерации и о превращении Северной Родезии в автономное государство в рамках Содружества. Не принадлежащий к какой-либо партии К. Мулонда, депутат от Баротселенда, заявил: «Хотя Британия и утверждает, что готовит свои колонии к независимости, но всем известно, что эта независимость всегда наступает лишь после тяжелых боев, которые приходится выдерживать колониальным народам...» [345, 20.08.1960].

Во время дебатов, продолжавшихся две недели, под окнами законодательного совета происходили массовые и бурные демонстрации африканцев. Представители «азиатского» насе-

ления, европейцы — депутаты от либеральной Центральноафриканской партии голосовали вместе с африканскими депутатами по вопросу об «африканизации» управления. Выступая по мотивам голосования, лидер Центральноафриканской партии Д. Моффат, например, сказал: «Для европейцев единственно разумным будет согласиться с такой необходимостью, даже если она им и неприятна, и использовать оставшееся в их распоряжении время для мирной передачи власти черному большинству на выгодных для себя условиях. Не следует забывать, что белому меньшинству предстоит жить в середине «черного» континента. Может быть, события в Конго заставят кое-кого из нас мыслить конструктивно» [337, 1960, № 2, с. 47].

Однако расистское большинство законодательного совета провалило предложения африканских депутатов, что вызвало взрыв негодования коренного населения. Все еще надеясь с помощью репрессий остановить рост активности африканских масс, колониальные власти запретили деятельность ЮНИП на территории Западной провинции, где находились важнейшие горнопромышленные центры. Полиция произвела налеты на ее отделения, на жилища партийных лидеров, конфисковала агитационную литературу и корреспонденцию, арестовала ряд активистов. Суды приговорили их к различным срокам тюремного заключения [374, 13.05.1960].

В 1959—1960 гг. рабочее движение вышло наконец из полосы затишья, наступившей после поражения профсоюзов в 1956 г. Помимо общего подъема национально-освободительной борьбы в Британской Центральной Африке активизации рабочего движения содействовал ряд специфических факторов экономического характера. Наступивший в 1957—1958 гг. экономический спад с особой силой ударил по горнодобывающей промышленности Северной Родезии и тяжело сказался на положении африканских рабочих. В промышленных центрах скопилась масса африканцев-отходников, которые не могли найти работу, а также кадровые рабочие, потерявшие свои рабочие места. Безработные стали тем горючим материалом, который сыграл активную роль в бурных событиях последующего периода. В обстановке нарастающего подъема освободительного движения антирабочая политика, проводившаяся колонизаторами с 1956 г., была обречена на неудачу.

В конце 1959 г. профсоюз железнодорожников-африканцев предъявил властям требование о допуске африканских рабочих к квалифицированному труду на транспорте. Генеральный секретарь профсоюза Д. Конкола заявил: «Федеральное правительство имеет в своем распоряжении пушки, но зато в наших руках — экономическое оружие. Ни одно правительство не может обойтись без железных дорог, и никто не станет вкладывать в федерацию капиталы, если будут волнения на железных дорогах. Мы требуем прогресса немедленно» [337, 1959, № 6, с. 217]. Колониальные власти отступили: впервые в истории Се-

верной Родезии африканцы стали выполнять транспортные работы, требующие квалификации, которые обычно резервировались за европейцами.

В 1960 г. наметился перелом в деятельности и другого крупнейшего профсоюза — профсоюза горняков-африканцев Северной Родезии. Вернувшиеся в 1959 г. из ссылки прогрессивные профсоюзные лидеры помогли активизировать работу низовых ячеек на рудниках. По мере нарастания общеродезийской освободительной борьбы усиливалось давление рядовых членов на умеренное руководство профсоюза. Осенью 1960 г. под нажимом рабочих руководители провели и успешно завершили переговоры с администрацией о повышении заработной платы всех категорий африканских рабочих. Был введен также новый минимум заработной платы для неквалифицированных рабочих [348, 1960, № 1873, с. 24].

Серьезное недовольство рабочих вызвала позиция правого руководства союза, в частности его президента Л. Катилунги, которое препятствовало проведению забастовок, считая их «незаконными», и проводило курс на изоляцию горняков-африканцев от политической борьбы. Большинство рабочих симпатизировало ЮНИП, видя в ней выразителя интересов и чаяний коренного населения. Когда летом 1960 г. исполком ЮНИП принял решение бойкотировать английскую конституционную «комиссию Монктона», его единодушно поддержали местные отделения профсоюза горняков-африканцев. Однако профсоюзное руководство, игнорируя мнение низовых организаций, согласилось сотрудничать с комиссией. В январе 1961 г. Л. Катилунга участвовал в конференции по пересмотру конституции федерации Родезии и Ньясаленда, проходившей в Лондоне. Тогда все отделения профсоюза выразили ему недоверие, и он был смещен с поста председателя [348, 1961, № 1892, с. 543].

Эти изменения положительно сказались на взаимоотношениях профсоюза горняков с другими профсоюзными организациями. В начале 1961 г. преодолевается раскол в рабочем движении и создается единый профсоюзный Центр — Объединенный конгресс африканских профсоюзов Северной Родезии. С начала своей деятельности Центр занял позицию активного участия в политической жизни.

Подъем национально-освободительного и рабочего движения в 1959—1960 гг. существенно изменил соотношение сил в Северной Родезии. Колониальные круги Англии понимали неизбежность превращения Северной Родезии в независимое государство. В этот период их политика в отношении протектората причудливо сочетала элементы шантажа, запугивания, репрессий и конституционного торга, однако в ней уже преобладал элемент вынужденных уступок. Инициатива переходила к национально-освободительному движению.

В конце сентября 1960 г. министерство колоний Великобритании заявило, что намерено созвать чрезвычайное совещание,

на которое приглашаются представители всех партий Северной Родезии. Его задача — подготовить другое официальное совещание для пересмотра территориальной конституции. Но колониальное ведомство сделало оговорку о том, что пересмотр конституции Северной Родезии будет проведен лишь после пересмотра федеральной конституции. Такая постановка вопроса практически означала повторное навязывание федерации и ни в какой мере не соответствовала духу требований коренного населения. В этой связи даже консервативный английский журнал «Скотсмен» счел необходимым предупредить официальные круги Англии и федерации об опасности невнимания к сравнительно умеренным требованиям ЮНИП и о возможных больших осложнениях. «Г-н Каунда обеспокоен сейчас тем, — писал журнал, — что его непреклонная линия на отказ от насильственных действий не сможет получить поддержку подавляющего большинства членов его партии». Далее журнал напоминал, что даже менее развитая территория — Ньясаленд — уже получила конституцию, обеспечивающую ей самоуправление, хотя и в урезанном виде [344, 18.08.1960].

Убедившись, что африканские партии Британской Центральной Африки твердо намерены бойкотировать федеральные переговоры, Англия пошла на уступки. В декабре 1960 г. в Лондоне начались одновременно территориальные и федеральные переговоры. Этим актом колонизаторы намеревались оказать давление на африканские делегации. Когда открылась конференция по пересмотру конституции Северной Родезии, в Лондон прибыл федеральный министр юстиции Дж. Гринфилд. В английском парламенте в поддержку притязаний родезийских колонистов выступила влиятельная группа парламентариев, возглавляемая лордом Солсбери.

В начале 1961 г. английское правительство прервало конференцию, чтобы провести закулисные переговоры с представителями колонистов Северной Родезии. В них участвовал министр колоний Маклеод, а затем и премьер-министр Г. Макмиллан. В ходе переговоров метрополия пошла на максимальные уступки белому меньшинству. На свет появилась новая конституция Северной Родезии, которая не содержала принципа африканского большинства в территориальных органах управления.

Конституция 1961 г. вызвала у коренного населения резко отрицательную реакцию. Даже Л. Катилунга, временно сменивший Г. Нкумбулу на посту президента АНК Северной Родезии, осудил позицию английского правительства, назвав предложение «странными и оскорбительными». ЮНИП решила отвергнуть новую конституцию и бойкотировать выборы, которые должны были состояться на ее основе. К. Каунда заявил о намерении партии осуществить заранее подготовленный план и воспрепятствовать введению конституции. Первым шагом в этом направлении стала объявленная ею кампания гражданского неповиновения [347, 17.08.1961].

Весной 1961 г. началось движение крестьян в провинциях Северная и Луапупа (народы бемба, лунда и др.), проходившее под политическими лозунгами и практически переросшее рамки кампании гражданского неповиновения. Из этих провинций в промышленные центры приходило больше всего отходников. По сравнению с другими сельскими районами влияние африканских партий и профсоюзов здесь было наиболее сильным. Запрещение властями деятельности ЮНИП в провинциях Северная и Луапупа и репрессии против участников крестьянского движения вызвали массовые волнения, вылившиеся в отдельных районах в вооруженные столкновения. Африканцы нападали на резиденции лояльных колонизаторам вождей и чиновников, фермы колонистов и миссионерские учреждения. Против крестьян были брошены войска. И хотя к осени 1961 г. волнения в деревнях были подавлены, подъем крестьянского движения положил начало новому этапу национально-освободительной борьбы в Северной Родезии — в нее втянулись практически все социальные слои африканского общества.

Изменение политической обстановки в пользу противников колониального режима воздействовало на настроения части европейской общины Северной Родезии и сказалось на позиции влиятельных кругов метрополии. Лидер Либеральной партии (преемницы Партии конституции и Центральноафриканской партии) Дж. Моффат заявил: «Мы должны прежде всего выяснить причины недовольства. Боюсь, что невозможно будет успокоить чувства африканцев, не изменив территориальную конституцию» [352, 10.08.1961]. Примерно в таком же духе писала английская газета «Таймс»: «Поскольку г-н Каунда твердо стоит на позициях осуждения насилия, необходимо вновь открыть переговоры, найти новую основу для переговоров» [374, 25.08.1961]. Правительство Англии пошло на возобновление встреч с африканскими лидерами, однако переговоры не привели к существенным изменениям в конституции. ЮНИП по-прежнему считала, что данная конституция не может быть принята за нормальную рабочую основу. Между тем силы национально-освободительного движения были не в состоянии организовать осенью 1961 г. новый мощный натиск и вынудить колонизаторов на существенные уступки. Поэтому партия решила принять участие в общих выборах 1962 г., поставив непременным условием, чтобы власти обеспечили «свободу в национальном масштабе для всех политических организаций, освободили политических заключенных, четко разграничили избирательные округа и не оттягивали сроки выборов» [337, 1962, № 5, с. 139]. Летом 1962 г. ЮНИП опубликовала предвыборный манифест с программой реформ, которую она собиралась провести в случае прихода к власти [337, 1962, № 2, с. 44]. В манифесте говорилось, что ЮНИП рассматривает предстоящие выборы как референдум по вопросу о том, пойдет ли Северная Родезия своим путем к полной свободе или останется подчиненной терри-

торией, привязанной к Южной Родезии. Партия высказалась также за равноправие для представителей всех расовых общин.

Касаясь проблем экономического развития Северной Родезии, ЮНИП заявила, что сделает все для того, чтобы ликвидировать одностороннюю зависимость страны от экспорта продукции медных рудников. Хотя в манифесте и не говорилось о национализации горной промышленности, в нем указывалось, что изменения в системе налогообложения компаний и введение контроля за вывозом прибылей за границу неизбежны. В то же время отмечалась необходимость создания «благоприятного климата для частного капитала путем устранения политической нестабильности». Партия намеревалась уделить значительное внимание развитию транспорта, имея в виду, в частности, преодоление зависимости Северной Родезии от перевозок через территории Южной Родезии, Мозамбика и Анголы. Она имела в виду строительство дороги через Танганьiku.

Предвыборная кампания 1962 г. проходила в острой межпартийной борьбе между двумя африканскими партиями — ЮНИП и АНК Северной Родезии. Нередко дело доходило до физического столкновения их сторонников между собой. Колониальная пресса широко оповещала об этих конфликтах, стремясь направить энергию национально-освободительного движения в русло межпартийного антагонизма. Под предлогом охраны порядка власти неоднократно запрещали проведение митингов как той, так и другой партии.

Между тем ЮНИП и АНК вели предвыборную борьбу, выступая с весьма близкими политическими платформами. Их программы содержали требование роспуска федерации, предоставления Северной Родезии независимости в рамках Содружества, полного пересмотра действующей конституции и предоставления широких демократических прав коренному населению. Но руководство партий вкладывало порой в одинаковые лозунги различное содержание. Так, лидеры АНК под предоставлением широких демократических прав коренному населению подразумевали прежде всего защиту прав и привилегий традиционной африканской знати. Они поддерживали определенный контакт с колониальной администрацией. Предполагалось также, что АНК может вступить в блок с Объединенной федеральной партией. В печати появились сообщения, что на проведение предвыборной кампании Г. Нкумбула получил от М. Чомбе 24 тыс. ф. ст. В Катанге будто бы проходили военное обучение молодые африканцы из Северной Родезии — члены АНК [261, 29.08.1962].

Стремясь ускорить продвижение Северной Родезии к независимости, К. Каунда предложил АНК заключить предвыборное соглашение. Необходимость установления единства понимали и прогрессивно настроенные вожди. Совещание 25 видных вождей племен Северной Родезии, состоявшееся после первого тура вы-

боров в законодательный совет, настойчиво призывало обе партии к сотрудничеству. «Отсутствие коалиции, — говорилось в обращении, — дает возможность властям сформировать такое правительство, которое не будет отражать интересов избирателей и не будет связано обязательством ликвидировать федерацию». Призыв к единству был тем более своевременным, что в августе 1962 г. на политической арене выступила новая африканская организация — Национальная партия Баротселенда, защищавшая узкокорыстные интересы и сепаратистские устремления феодальной знати.

Правящая верхушка Баротселенда, напуганная обострением кризиса колониализма и ростом национально-освободительного движения в Британской Центральной Африке, еще в 1960 г. поставила перед метрополией вопрос о выходе из Северной Родезии. При этом соглашалась на сохранение статуса протектората Великобритании. Традиционная верхушка обосновывала свои претензии ссылкой на договоры, заключенные с колонизаторами в конце XIX в. По этому поводу газета «Норзерн ньюс» писала: «Всего больше правящая иерархия Баротселенда боится, что власть в Северной Родезии может перейти к африканским националистам и они свергнут ее вековое господство над племенниками» [365, 10.08.1962]. Национальная партия Баротселенда, хотя и взяла на вооружение некоторые лозунги национально-освободительной борьбы, фактически выступала носителем реакционно-сепаратистских тенденций. Она пропагандировала среди баротсе идеи племенной обособленности и превосходства, стремилась противопоставить свои эгоистические интересы общим интересам страны.

Руководству ЮНИП пришлось уделить Баротселенду особое внимание: при сравнительно малом числе потенциальных избирателей эта провинция могла посылать в законодательный совет относительно большое число представителей. К. Каунда предпринял пропагандистскую поездку по территории Баротселенда. В результате ему удалось несколько укрепить там позиции ЮНИП [337, 1962, № 2, с. 44].

ЮНИП выставила кандидатов на все места по африканской и «общенациональной» курии, причем от последней помимо двух кандидатов-африканцев баллотировались пять кандидатов-европейцев. Среди членов партии было более 400 европейцев [365, 12.04.1961]. Их партийная деятельность была крайне затруднена в связи с действующим режимом расовой сегрегации. В некоторых местностях им пришлось создать отдельные ячейки, так как они не имели права посещать африканские поселки без специального разрешения. Такие же трудности возникали в связи с присутствием их на митингах, созываемых ЮНИП. Все же немногочисленная группа белых членов партии стойко придерживалась позиций поддержки национально-освободительного движения.

ЮНИП сумела завоевать симпатии значительной части цвет-

ного населения Северной Родезии. Их организация — «Африканская ассоциация» почти целиком влилась в партию в декабре 1960 г. Эти факты опровергали ложь колонизаторов, время обвинявших ЮНИП в «черном экстремизме африканского расизма».

В итоге двух туров выборов, прошедших в октябре — ноябре 1962 г., африканское население проявило высокую активность: за ЮНИП было подано 65 тыс. голосов (ок. 53% от общего числа), за АНК — 17 тыс. (ок. 14%). Объединенная федеральная партия получила 22 тыс. (ок. 18%). Однако распределение мест в законодательном совете было иным: ЮНИП получила 14 мест, АНК — 10, Объединенная федеральная партия — 16. Сыграла свою роль несправедливая избирательная система, защищавшая интересы прежде всего белой общины [370, 27.07.1962].

Однако избиратели разрушили расчеты колониальных властей, отдав ЮНИП и АНК почти 70% голосов. А по условиям конституции собравшая большинство партия или блок могли сформировать правительственный кабинет. 15 декабря 1962 г. коалиция ЮНИП и АНК образовали правительство, в котором впервые в истории Северной Родезии преобладали африканцы. Полномочия этого правительства были ограничены, в частности, английский губернатор по-прежнему обладал определенной властью. Поскольку правительство было коалиционным, обе партии получили одинаковое число министерских портфелей — по три. Лидер ЮНИП К. Каунда стал министром управления и социального обеспечения, лидер АНК Г. Нкумбула — министром африканского образования.

ДОСТИЖЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РЕСПУБЛИКИ ЗАМБИИ

**Выход Северной Родезии из федерации.
Статус самоуправляющегося протектората**

Конституционные переговоры с Англией. Еще до того, как было сформировано первое африканское правительство, обе партии — ЮНИП и АНК — поставили перед правительством Англии вопрос о новой конституции, основанной на всеобщем избирательном праве и гарантирующей независимое развитие Северной Родезии вне федерации [361, 06.12.1962]. В частности ЮНИП, несмотря на участие в выборах 1962 г., настойчиво заявляла о своем безоговорочном несогласии как с конституцией 1962 г. в целом, так и с ее основными принципами. Решение проблемы конституционного развития Северной Родезии стало главным в деятельности коалиционного правительства страны.

Этой же цели были посвящены переговоры с английским министром по делам Центральной Африки Р. Батлером. В совместном заявлении, сделанном К. Каундой и Г. Нкумбулой по прибытии в Лондон в конце декабря 1962 г., говорилось: «Мы прибыли в Лондон, чтобы разъяснить английскому правительству, что нынешняя конституция не может оставаться в силе... Мы имеем мандат от своего народа, уполномочивающий нас требовать такой конституции, которая будет отражать точку зрения большинства населения Северной Родезии на самоуправление и независимость... Другое требование нашего народа — это немедленный роспуск федерации» [337, 1962, № 3, с. 119].

В январе 1963 г. это же требование было повторено на встрече в Лусаке. К. Каунда и Г. Нкумбула поставили вопрос о немедленном (февраль) выходе протектората из федерации. Однако правительство метрополии попыталось в этом вопросе, уступив в малом, сохранить главное, а именно ту или иную форму контроля над северными территориями. Ввиду этого миссия Р. Батлера заключалась в подыскании удобной для заинтересованных сторон формулировке предстоящих преобразований. После визита в страны федерации Батлер заявлял: «Несмотря на высокую степень критики, обнадеживает то, что народ понимает, какую большую пользу принесли те узы, которые связывали эти территории в прошлом, и что имеется много аргумен-

тов в пользу будущего объединения обеих Родезий и Ньясаленда на экономической основе» [348, 31.01.1963, с. 457].

От того, насколько полно и быстро будет решен вопрос о выходе Северной Родезии из федерации, зависело решение ряда проблем: на первой стадии — пересмотр конституции 1962 г., достижение внутреннего самоуправления, на второй — провозглашение независимости. Несмотря на продолжавшиеся по некоторым вопросам разногласия между партиями в правительстве, вопрос о выходе из федерации ставился ими однозначно. В результате дебатов в законодательном совете в феврале 1963 г. было принято (21 голосом против 14) решение о выходе страны из федерации и о предъявлении правительству Англии требования гарантировать стране новую конституцию, базирующуюся на принципе «один человек — один голос».

Чтобы уточнить эти требования, генеральный секретарь ЮНИП М. Чона сделал 28 февраля 1963 г. заявление от имени своей партии, в котором предупредил английское правительство, что его партия настаивает на созыве в марте конференции по поводу дальнейшей судьбы федерации, которая должна прекратить существование до 30 июня, на предоставлении независимости стране до конца года; в том случае, если конференция будет препятствовать выходу Северной Родезии из федерации, ЮНИП намерена бойкотировать ее работу [348, 28.02.1963, с. 556].

Решение законодательного совета Северной Родезии о выходе из федерации вызвало бурную отрицательную реакцию в правительственных и парламентских кругах Англии. Особого накала обсуждение этого вопроса достигло в момент дебатов в палате лордов и палате общин по поводу «Белой книги» правительства Англии о судьбе федерации (февраль 1962 г.). В выступлениях депутатов подчеркивалось, что решение английского правительства о предоставлении права выхода из федерации Ньясаленду (декабрь 1962 г.) не должно стать прецедентом для Северной Родезии. Лорд Солсбери, например, призывая английское правительство задуматься о судьбе Копспербелта, заявлял, что «вопрос об отделении Северной Родезии — один из главных вопросов, которые сейчас должно решать английское правительство; от его решения зависит не только будущее Северной Родезии и огромной международной промышленности, но и само существование федерации и, может быть, будущее белого человека в Центральной Африке в целом» [348, 21.02.1963, с. 538].

Раздавались также предостережения в адрес правительства Северной Родезии от ее южного соседа: Северную Родезию стращали проблемой реализации (транспорт и цены) меди, неминуемым экономическим хаосом в условиях независимого развития страны. Брошюра «Федерация и Северная Родезия», изданная федеральным правительством в январе 1963 г., доказывала, что Северная Родезия своими успехами в области экономического и социального развития обязана Южной, так как по-

следняя вошла в федерацию более развитой и служила как бы донором для двух других территорий. Однако пропагандистские материалы расходились с официальной статистикой, подсчитавшей, что разница в доле Северной и Южной Родезии в текущих доходах федерации за 1954—1962 гг. составила немногим более 16% [348, 17.01.1963, с. 433].

Несмотря на эти угрозы относительно будущих трудностей, правительство Северной Родезии по-прежнему стремилось ускорить достижение поставленных целей. В марте 1963 г. К. Каунда заявил, что у его страны не будет никаких политических связей с Южной Родезией, пока там не придет к власти правительство, избранное на основе всеобщего избирательного права. При этом допускалась возможность сохранения связей лишь в области энергетики, железнодорожного и воздушного транспорта [234, с. 225].

— *Выход страны из федерации.* 29 марта 1963 г. правительство Северной Родезии получило формальное согласие метрополии на выход страны из федерации [234, с. 225]. В июне на конференции в г. Виктория-Фолс была определена дата окончания существования федерации — 31 декабря 1963 г., достигнута договоренность по процедурным вопросам отделения, а также по основным пунктам новой конституции страны [270, с. 311].

Подготовка к выборам в законодательный совет на основе новой конституции началась в июле, еще до ее принятия. К. Каунда предложил провести выборы в 1963 г. Однако генерал-губернатор предостерег от такого шага, заявив, что предвыборная кампания в случае ее проведения по новому принципу на основе всеобщего избирательного права потребует длительных сроков и что выборы могут состояться не ранее середины следующего года. АНК, переживавший в тот период внутренние неурядицы и финансовые трудности, также считал, что выборы нужно провести в мае 1964 г.

— В сентябре 1963 г. правительства Англии и Северной Родезии одобрили конституцию, которая с января 1964 г. обеспечивала Северной Родезии статус самоуправляющегося протектората. Изменению подверглись также другие статьи конституции 1962 г., был расширен состав законодательного совета (с 65 до 75 членов), изменена процедура его избрания. Всеобщее избирательное право обеспечивало африканскому населению избрание 65 депутатов, европейскому населению по резервному списку — 10. Исполнительный совет был заменен кабинетом министров (13 членов) во главе с премьер-министром. Деятельность правительства ставилась под контроль главы государства — королевы Великобритании, которую представлял на месте губернатор, сохранявший за собой право решать вопросы обороны и внешней политики. Конституция содержала закон о правах, гарантировавший каждому человеку основные права и свободы и защищавший от расовой дискриминации. Всеобщие выборы были назначены на январь 1964 г. [348, 14.11.1963, с. 235].

В начале ноября 1963 г. в Северной Родезии состоялись выборы в местные органы власти. Представители ЮНИП победили в четырех из восьми муниципальных советов, АНК — в одном, представители европейского населения — в остальных трех [348, 14.11.1963, с. 233]. Благодаря авторитету ЮНИП вероятность ее победы на очередных выборах не вызывала сомнений [270, с. 313]. Время политической коалиции ЮНИП и АНК подошло к концу.

Нестабильность была одной из главных слабостей коалиционного правительства, над ним постоянно висела угроза раскола из-за различной оценки переживаемого страной периода. В противоположность К. Каунде, который рассматривал выборы 1962 г. как одну из ступенек, ведущих страну к независимости, Г. Нкумбула оценивал их в основном как завершающее событие.

Эти противоречия были замечены Р. Батлером еще в январе 1963 г. После визита в страну он заявил в палате общин, что «часть правительства Северной Родезии готова обсудить по крайней мере экономические связи с югом, что очень важно» [348, 14.02.1963, с. 507]. Разногласия между ЮНИП и АНК имелись также по вопросам сотрудничества с колониальной администрацией и блокировки с другими партиями страны, в частности с европейскими (АНК и Объединенная федеральная партия европейцев, объединив свои усилия накануне выборов 1962 г., укрепили позиции друг друга в законодательном совете. В марте 1963 г. К. Каунда заявил, что если АНК пойдет на союз с оппозиционной Объединенной федеральной партией, которая отрицает намерения создать такой союз, то он вынужден будет разорвать коалицию и ускорить проведение всеобщих выборов [348, 21.03.1963, с. 617]).

Кроме разногласий, определявшихся идейно-политическими позициями руководства обеих партий, их стремлением к власти, между ними всегда существовало объективное различие, заключавшееся в их социальной природе. Именно этот объективный фактор явился причиной того, что Замбия пришла к независимости с расколотым национально-освободительным движением.

После раскола АНК в 1958 г. и выхода из него левого крыла во главе с К. Каундой, вместе с которым из конгресса ушла подавляющая часть африканской интеллигенции, профсоюзных руководителей и партийных функционеров, социальной базой АНК стало в основном крестьянство южных районов страны с опорой на его зажиточные слои — в Южной провинции и традиционную власть — в Баротселенде, т. е. в районах, где особенно проявлялись тенденции сепаратизма [270, с. 273]. Отсюда происходили консерватизм АНК, умеренность в проводимой им политике.

ЮНИП в отличие от АНК сложилась как общенациональная форма политической организации, объединяющая почти все социальные группы (значительную часть промышленных рабочих),

крестьян, интеллигенцию, мелкую буржуазию и т. д.) большинства национальностей страны с опорой на африканскую интеллигенцию, часть рабочего класса, охваченного профсоюзами. Наибольшую популярность ЮНИП завоевала в провинциях Луапупа, Северная и частично в Западной, где преобладает население, принадлежащее к самой влиятельной в стране народности — бемба.

Таким образом, недолгий период делового партнерства ЮНИП и АНК (декабрь 1962 г. — январь 1964 г.), принесший народам страны выход из федерации, внутреннее самоуправление и всеобщее избирательное право, был отмечен также межпартийными конфликтами, резкими парламентскими дебатами, переходами членов одной партии в другую и даже открытыми уличными столкновениями сторонников ЮНИП и АНК между собой. Обе партии, кроме того, переживали серьезные внутренние противоречия. В ЮНИП назревал межплеменной конфликт: представители народностей лози, тонга и лувале обвиняли К. Каунду в том, что ЮНИП — трайбалистская партия, проповедующая «новый колониализм бемба» и стремящаяся «вести коммунизм» [348, 31.01.1963, с. 460]. А в августе 1963 г. произошел раскол АНК, после которого бывший национальный секретарь конгресса и парламентский секретарь министерства земли и природных ресурсов Дж. Мичелло сформировал Народно-демократическую партию [270, с. 311].

Большое значение в усилении внутривнутриполитической неустойчивости Северной Родезии в 1963 г., сохранившейся и в последующий независимый период, играла дестабилизирующая политика оппозиционной европейской Объединенной федеральной партии (ЮФП). К концу 1962 г. эта партия перестала быть правящей как в Ньясаленде и в Южной Родезии, так и в федерации в целом. Северная Родезия, в частности АНК, была ее последним политическим шансом. Стремясь остаться на политической арене страны, ЮФП (точнее, ее северородезийское отделение, которое в апреле 1963 г. было зарегистрировано в качестве самостоятельной Национальной прогрессивной партии [231, с. 309]) предприняла шаги с целью ослабить ведущие африканские партии — ЮНИП и АНК. Она неоднократно пыталась вступить в официальную коалицию с АНК сначала с целью создания коалиционного правительства, а в последующем — раскола конгресса изнутри. ЮФП, оставаясь на диаметрально противоположных позициях с ЮНИП, стремилась оказать на нее давление. В апреле 1963 г. Дж. Робертс, лидер ЮФП в Северной Родезии, давший обещание К. Каунде не вступать в союз с АНК, пытался добиться уступок относительно создания 12 резервных мест для европейцев в законодательном совете в соответствии с разрабатываемой конституцией самоуправления [270, с. 306]. Давление на ЮНИП оказывалось также путем разжигания сепаратистских тенденций в Баротселенде, оппозиционных настроений в профсоюзном движении и т. д.

Для предвыборной кампании 1963 г. было характерно несколько моментов, показательных для решающей стадии борьбы за политическое руководство в стране в условиях нового государственного статуса. Первый: АНК в тот период переживала организационные и финансовые трудности. Надежды на победу были минимальны. Поэтому АНК делала все возможное, включая саботаж выборов, для того, чтобы, если не победить, то хотя бы ослабить ЮНИП [344, 15.11.1963; 6.12.1963]. Второй: Национальная прогрессивная партия (НПП) кардинально изменила взгляды на свою будущую роль: ставилась задача превратить партию в «конструктивную» оппозиционную силу, которая будет осуществлять экономическую политику. Третий: традиционные вожди выражали беспокойство по поводу своего будущего в связи с преобладанием избираемых членов в туземных советах на местах в условиях укрепления позиций ЮНИП в сельских районах. Четвертый: профсоюз африканских горняков и Объединенный конгресс профсоюзов Северной Родезии выразили неудовлетворенность тем, что профсоюзы были слабо представлены в списке кандидатов ЮНИП в депутаты Национального совета [344, 13.12.1963].

Выборы состоялись 20—21 января 1964 г. Они принесли победу К. Каунде и его партии, располагавшей широкой сетью низовых организаций в стране и потому имевшей неоспоримое преимущество на выборах, основанных на всеобщем избирательном праве. ЮНИП сумела мобилизовать огромное число своих сторонников, сохранить единство партии, обеспечить себе поддержку почти трети европейского населения Северной Родезии. Она завоевала 55 мест в новом парламенте, заручившись голосами 69% африканских избирателей, главным образом района Коппербелта, народности бемба провинций Луапула и Северная, частично Восточной, а также Баротселенда. Победа по сравнению с 1962 г. была одержана и в таких «оплотах» АНК, как Муфулира (Коппербелт) и Ливингстон (Южная провинция) [270, с. 327; 348, 13.02.1964, с. 448].

10 мест, полученных АНК, свидетельствовали о том, что конгресс получил большинство в традиционно поддерживающих его районах — в Центральной и Южной провинциях среди народности тонга, в Северо-Западной провинции (дистрикт Мвинилунга) среди мунда. А его победа в дистрикте Чисамба (южнее г. Кабве), значительная поддержка в Лусаке (около трети голосов) и частично в Восточной провинции говорили скорее об имеющейся там оппозиции ЮНИП, чем о растущем влиянии АНК [270, с. 237].

Национальная прогрессивная партия (НПП), собрав меньше $\frac{2}{3}$ голосов избирателей резервного списка, с трудом обеспечила себе 10 мест в законодательном совете. Основная поддержка ей была оказана горняками южноафриканского происхождения в городах Коппербелта [234, с. 227; 270, с. 328].

23 января 1964 г. губернатор предложил лидеру ЮНИП за-

нять пост премьер-министра и сформировать новое правительство.

«Правительство ЮНИП» и его деятельность накануне независимости. Приступив к формированию правительства, К. Каунда стремился учесть факторы, дестабилизировавшие в прошлом деятельность коалиционного правительства и ЮНИП, причем он считал важнейшим принципом обеспечение в правительстве представительства основных народностей и районов страны. К. Каунда — лидер общенационального масштаба — стремился «поддерживать в равновесии этнические, региональные и личные разногласия», поскольку, по его мнению, «правительство независимого африканского государства обычно — шедевр компромисса и деликатного равновесия» [41, с. 85]. Четверо министров, включая К. Каунду, были бемба из северных районов страны; четверо — лози из Баротселенда; трое — ньянджа из Восточной провинции; двое — тонга из Южной; один — соли из Центральной провинции; одним из парламентских секретарей стал европеец. Более $\frac{2}{3}$ из 55 парламентариев — членов ЮНИП были профессиональными политиками различных уровней [270, с. 330, 338].

Вошедшие в кабинет министры — члены ЮНИП были в основном ее «старой гвардией» — семь членов кабинета были министрами или парламентскими секретарями в прежнем правительстве; несколько секретарей представляли профсоюзы. Средний возраст министров — 36 лет, К. Каунда в свои 39 лет стал самым молодым премьер-министром в Содружестве [234, с. 228].

Первейшей своей задачей правительство К. Каунды считало разработку новой конституции и достижение политической независимости. Ее провозглашение намечалось на 24 октября 1964 г. — день Организации Объединенных Наций и дату создания в 1958 г. предшественника ЮНИП — Африканского национального конгресса Замбии. Окончательно эта же дата была названа в мае на Лондонской конференции по вопросу о будущем Северной Родезии, в которой приняли участие представители трех политических партий страны и английского правительства [348, 07.05.1964, с. 687—689]. Тогда же был разработан и принят текст первой конституции независимой Замбии. В августе 1964 г. члены законодательного совета тайным голосованием избрали Кеннета Д. Каунду первым президентом будущей республики [231, с. XVII].

Помимо решения таких стратегически важных задач, как разработка новой конституции и определение даты независимости, правительству Замбии в 1964 г. пришлось столкнуться с другими проблемами, внешне менее сложными и крупными, но подчас труднее разрешимыми. Правительство Великобритании и английские монополии, действовавшие в Северной Родезии, всячески стремились закрепить свои позиции в стране и осложнить деятельность национального правительства.

На несколько месяцев (июль — октябрь) затянулось решение

вопроса о передаче правительству Замбии права собственности на разведку и разработку полезных ископаемых в стране, которым с 1889 г. монопольно владела Британская южноафриканская компания (БСАК). В 1899—1900 гг. английское правительство закрепило за этой компанией право на административное управление территориями Северо-Западной и Северо-Восточной Родезий (т. е. всей территорией в пределах современных границ Замбии) [231, с. 263]. С установлением в апреле 1924 г. английского протектората над Северной Родезией административное управление, а также права компании на землю перешли в руки правительства Англии. Последнее обязалось выплачивать БСАК половину того чистого дохода, который правительство предполагало получить в период до 1965 г. от продажи земель на территории Северной Родезии [225, с. 191]. В 1950 г. было достигнуто соглашение между министром колоний Англии и губернатором Северной Родезии о продлении для БСАК монопольного «права на поиски минералов» на всей территории страны до 1 октября 1986 г. В последнем пункте соглашения было сказано: «Английское правительство... обязуется предпринять все возможные меры, с тем чтобы любое правительство, ответственное за управление Северной Родезией, в течение названного 37-летнего периода было связано условиями этого договора» [56, с. 120].

Однако с началом конституционных переговоров в 1960 г. стало очевидно, что представители национально-освободительного движения намерены пересмотреть данную ситуацию. В интервью редактору газеты «Сентрал африкэн мейл» 25 января 1964 г. К. Каунда заявил: «Это — одно из самых тяжелых экономических соглашений, и мы намерены в скором времени изменить эти права; но любое новое соглашение, которое мы разрабатываем, будет таким, чтобы не беспокоить финансовый мир. Я не могу сказать ничего больше по этому поводу» [42, с. 69].

Правление компании все же было обеспокоено, поскольку в Северной Родезии находились главные экономические интересы БСАК. В период до 1963 г. компания получила здесь 82 млн. ф. ст. чистой прибыли; с 1960 г. арендная плата за право разработки недр страны составляла сумму, превышающую 6 млн. ф. ст. в год, тогда как ежегодные капиталовложения компании в стране составляли только 1 млн. ф. ст. На переговоры с правительством К. Каунды компания пришла, заручившись заверениями британского правительства, что оно хочет сохранить в Северной Родезии «достаточно сильную власть, чтобы воспрепятствовать любому нарушению существующего режима горных концессий». Правительство Северной Родезии настаивало на аннулировании соглашения 1950 г. Лишь за день до провозглашения независимости страны была достигнута договоренность о ликвидации соглашения, за что Замбия была вынуждена пойти на выплату компании компенсации в 2 млн. ф. ст., остальные 2 млн. ф. ст. обязалось выплатить анг-

лийское правительство. За время переговоров БСАК получила 8,5 млн. ф. ст. в виде арендной платы [234, с. 233—234].

Долго и трудно решался вопрос о статусе Баротселенда, которым Англия по договору 1890 г. управляла как самостоятельным протекторатом, независимым от остальной части Северной Родезии. С целью превращения Баротселенда в «кпятую колонну» по отношению к освободительному движению в Северной Родезии английские власти поощряли тенденции политического сепаратизма, признав верховного вождя лози (литунгу) суверенным правителем этого феодального княжества и наделив его особыми полномочиями по сравнению с вождями других народностей Северной Родезии.

В 1963 г., накануне конституционных переговоров, вопрос о будущих отношениях Баротселенда с Северной Родезией, а также об изменении структуры его внутренней администрации ставился перед английским правительством остро и с диаметрально противоположных позиций представителями Баротселенда и правительством Северной Родезии. К этому времени британское правительство согласилось, что протекторат должен быть интегрирован в состав Северной Родезии, а органы его внутреннего управления стать более представительными. С этой целью было принято решение о расширении состава Национального совета Баротселенда на 25 человек, избираемых взрослыми мужчинами и женщинами, зарегистрированными в качестве налогоплательщиков. На выборах в июле 1963 г. все 25 депутатских мест завоевала ЮНИП. И хотя верховный вождь по-прежнему отказывался от объединения с Северной Родезией, соответствующее соглашение в сентябре было подписано. Но Баротселенд оставался в составе Замбии, сохраняя особый статус территориальной автономии вплоть до октября 1965 г., когда правительство Замбии приняло Закон о местном самоуправлении, по которому, в частности, упразднялись Национальный совет и правительство Баротселенда [270 с. 312—314; 231, с. 20].

Внутриполитическая ситуация в 1964 г. осложнялась также вследствие антиправительственных выступлений сторонников церкви Лумпа, основанной в 1953 г. «пророчицей» Алисой Леншиной (на языке чибемба «лумпа» означает «лучшие, чем остальные»). Церковь требовала статуса государственной церкви и, получив отказ, развязала «религиозную войну». Основными центрами беспорядков стали провинции Северная (дистрикты Чинсали, Исока, Касама) и Восточная (дистрикт Лундази). В результате столкновений приверженцев Леншины с полицией и войсками погибло около 700 человек. В августе эта церковь была запрещена, а «пророчица» сдалась властям, призвав своих сторонников прекратить борьбу (одновременно с А. Леншиной были арестованы многие ее сторонники, часть из них после запрета деятельности секты ушли в Заир и Малави. А. Леншина была освобождена из заключения в декабре 1975 г.). Однако волнения продолжались до середины октября,

перекинувшись на другие районы Восточной и Северной провинций [231, с. 142—143; 234, с. 229—230]. Силы, стоявшие за спиной А. Леншины, стремились помешать деятельности правительства страны, направленной на преодоление племенных противоречий, на сплочение народностей и племен в рамках единого государства.

Серьезную проблему для правительства и ЮНИП представляли взаимоотношения с профсоюзами. В 1964 г. все еще давали о себе знать последствия раскола Объединенного конгресса профсоюзов в июле 1962 г., когда от него отделился профсоюз африканских горняков, руководство которого занимало правые позиции.

В то нелегкое для Замбии «пробное» время 1964—1965 гг. руководители страны стремились смягчить конфликты как внутри профсоюзного движения, так и в своих отношениях с ним. Лидеров профсоюзного движения, особенно профсоюза африканских горняков, устраивало отсутствие единого профсоюзного центра, который в условиях фактически существовавшей политической монополии ЮНИП мог бы стать подконтрольным правительству и партии органом. Последние же, со своей стороны, не хотели допустить окончательного развала конгресса и фракционной борьбы среди его лидеров, дальнейшего обособления действующего вне конгресса профсоюза африканских горняков, учитывая, в частности, что он находится под большим влиянием горнодобывающих компаний. И, безусловно, правительство, по словам К. Каунды, не могло «терпеть такого идиотизма, как парализация промышленности, дающей стране деньги», и опасности, что забастовки горняков Коппербелта могут превратить Замбию во «второе Конго» [348, 25.03.1965, с. 481].

Дважды — в апреле 1963 г. и мае 1964 г. — ЮНИП выдвигала предложение провести в профсоюзах «выборы единства», однако в обоих случаях профсоюз горняков высказался против него. В июле 1964 г. правительство и руководство ЮНИП предложили некоторым лидерам профсоюзного движения оставить свои посты и перейти на государственную службу (среди них были Дж. Чисата — президент профсоюза африканских горняков, Дж. Чивунга и В. Чакулия — соответственно президент и генеральный секретарь Объединенного конгресса профсоюзов) [177, с. 253; 234, с. 236]. Многие из них приняли это предложение.

Осенью 1964 г., незадолго до дня независимости, при активном содействии ЮНИП была проведена конференция Объединенного конгресса профсоюзов, избравшая новый исполком конгресса. Руководство партии и избранный исполком договорились преобразовать Объединенный конгресс в единый профсоюзный центр Замбии. В декабре парламент страны после неоднократного чтения проекта, несмотря на оппозицию, принял закон о профсоюзах и трудовых спорах, вступивший в силу в 1965 г. На основании этого закона в январе 1965 г. был создан

Конгресс профсоюзов Замбии (КПЗ) с целью защиты интересов как членов профсоюзов, так и всех трудящихся Замбии. В КПЗ вошло подавляющее большинство отраслевых союзов, в том числе профсоюз африканских горняков (тогда же переименован в профсоюз горняков Замбии) [231, с. 305, 335]. Первые выборы в КПЗ состоялись в мае 1967 г. [177, с. 253—254]. Закон о профсоюзах запретил создание других профсоюзных центров.

По закону 1965 г. была установлена прямая подчиненность КПЗ министерству труда, в котором отныне должны были регистрироваться все отраслевые профсоюзы, созданные по принципу «одна отрасль — один профсоюз» и насчитывающие не менее 100 членов в каждом. Министерство получило право распускать КПЗ в том случае, если его деятельность будет признана не отвечающей целям движения, налагать «вето» при назначении на руководящие посты после выборов и производить изменения в руководстве до выборов. Санкции министерства требовались в отношении любого решения того или иного союза, в первую же очередь на проведение забастовок. Министерство контролировало финансовую деятельность профсоюзов вплоть до предъявления предпринимателям требования об удержании из зарплаты трудящихся их членских взносов. Запрещалось получение профсоюзами любой помощи из-за рубежа, вхождение в какую-либо международную организацию и т. д.

Закон о профсоюзах 1965 г. был первым серьезным шагом, предпринятым ЮНИП и правительством Замбии для интегрирования профсоюзов в систему государственного аппарата и направленного на обуздание стихийного забастовочного движения. Но он повлек за собой в значительной степени и ограничение прав трудящихся. Впоследствии правительство неоднократно принимало другие меры в подкрепление этой главной стратегической задачи в отношении профсоюзов. Так, в 1966 г. правительство и КПЗ вновь выступили с призывом строго соблюдать принцип «одна отрасль — один профсоюз». Однако только несколько европейских союзов присоединилось к ведущим отраслевым африканским профсоюзам. Эта проблема не решена и по сегодняшний день.

Сказанное выше — лишь контур внутриполитических проблем, с которыми Северная Родезия вошла в эпоху своего независимого развития. Немало трудностей возникло на ее пути и в следующие десятилетия.

Провозглашение независимости.

Политическое развитие в период Первой республики

24 октября 1964 г. вступила в силу новая конституция, и Северная Родезия стала независимой Замбией, первой в Содружестве получившей одновременно с провозглашением независи-

мости статус республики. Акт провозглашения республиканской формы правления одновременно упразднил верховную власть английской королевы и ее представителя в стране — генерал-губернатора.

Конституция 1964 г. установила гражданство, основные права человека и их гарантии, а также определила порядок проведения выборов, структуру государственных органов и т. п. Избирательное право получили все граждане, достигшие 21 года. Устанавливалось, что выборы депутатов в Национальное собрание и президента будут проводиться в одно и то же время с периодичностью в пять лет (в октябре 1964 г. выборы не проводились; полномочия парламента, избранного в январе того же года в соответствии с конституцией самоуправления, продлевались на следующее пятилетие; кабинет министров действовал в прежнем составе). В конституции было указано, что первым президентом страны будет Кеннет Дэвид Каунда (24 августа 1964 г. законодательный совет, по конституции 1964 г. — Национальное собрание, единогласно избрал К. Каунду президентом будущей республики [97, № 1, с. 4]). Была определена также процедура избрания президента на следующих очередных парламентских выборах. Конституция закрепила существование в стране многопартийной системы, хотя и содержала ограничительные постановления, которые могли быть использованы «в интересах... государственной безопасности, общественного порядка» [15, т. 2; 213, с. 19].

По конституции 1964 г., главой государства и исполнительной власти становится президент. Законодательный орган страны — парламент включает президента и Национальное собрание (75 избираемых и 5 назначаемых президентом депутатов). В качестве консультативного органа в парламент введена Палата вождей (26 членов), представляющая около 230 традиционных вождей страны (несмотря на существование Палаты вождей парламент Замбии является однопалатным органом) [213, с. 27]. Исполнительная власть в стране представлена кабинетом министров, состоящим из президента, вице-президента и 14 министров. Пост премьер-министра был упразднен, введена новая должность вице-президента (он же лидер Национального собрания).

Первая конституция независимой Замбии, как основной закон государства, оказала влияние на все стороны политической и экономической жизни страны. И несмотря на то что ее разработали английские правоведы, причем многие положения были навязаны Англией, она явилась важным этапом в становлении национальной политической системы [144, с. 27—29; 268, с. 73—74]. Эта конституция действовала до августа 1973 г. В нее вносились в установленном порядке исправления и дополнения, вызванные необходимостью приспособить основные конституционные положения к развивающемуся замбийскому обществу.

Так, в 1966 г. в конституцию были внесены уточнения, ка-

сающиеся получения замбийского гражданства, в следующем году — увеличено число депутатов, избираемых в Национальное собрание (до 105 человек), снижен возрастной ценз для избирателей до 18 лет. В 1969 и 1973 гг. были изменены (соответственно): ст. 72 о порядке внесения изменений в конституцию (из нее был изъят пункт о проведении в этих целях референдума) и ст. 23 о существовании в Замбии многопартийной системы [268, с. 74]. Последние два изменения меняли характер конституции. В 1973 г. она перестала существовать.

Теория «замбийского гуманизма». После достижения политической независимости Замбия вступила в новый этап национально-освободительной революции, на котором возникают проблемы экономического освобождения и выбора пути, усиливается социальное расслоение общества, в едином прежде движении под антиколониальными лозунгами происходит идеологическое размежевание. Поиск «объединяющей» идеологии, которая объяснила бы необходимость продолжения борьбы с империализмом и определила бы задачи и пути построения экономически независимого общества, стал объективной необходимостью для правящих кругов Замбии.

Философская, политическая и социально-экономическая концепция развития независимой Замбии складывалась постепенно. В ее основу были заложены философские и экономические взгляды К. Каунды, сформировавшиеся еще в колониальный период, причем под сильным влиянием религиозных убеждений. Впервые элементы концепции, получившей позже название «замбийский гуманизм», были изложены К. Каундой в манифесте ЮНИП, опубликованном накануне парламентских выборов 1964 г. В нем ставилась задача построить «демократический социализм» в целях «создания благоприятного климата для частного капитала и с таким расчетом, чтобы как государственный, так и частный секторы поддерживали друг друга в борьбе за рынок, обеспечивающий устойчивый рост». В манифесте выражалось также сожаление о том, что «дух предпринимательства крайне медленно проникает в африканское общество». Правительству предлагалось обеспечить создание благоприятной обстановки, поощряющей частнокапиталистическую деятельность африканцев путем предоставления государственных займов и кредитов (см. [91]).

Неоднородность общественно-экономического базиса страны накануне достижения независимости характеризовалась сосуществованием двух секторов — современного, степень развития которого к 60-м годам позволяла причислить Замбию к ряду наиболее «продвинувшихся» по капиталистическому пути стран Тропической Африки, и традиционного сектора, основой которого является африканская община — «естественная» сфера существования большинства населения страны. Это состояние неоднородности, по убеждению К. Каунды и его правительства

в стране таким образом, чтобы дать возможность мелкому собственнику прежде всего в деревне воспользоваться преимуществами товарно-денежной экономики.

В августе 1967 г. К. Каунда выступил на Генеральной конференции ЮНИП с изложением разработанной им расширенной программы деятельности партии в условиях независимого развития. Философская и социально-экономическая концепция были изложены в документе «Гуманизм в Замбии и руководство по его осуществлению», одобренном Национальным советом ЮНИП [44]. Отдельные положения философии «замбийского гуманизма» были сформулированы К. Каундой в письмах к замбийскому священнику К. Моррису, опубликованных в 1966 г. (см. [41]).

Отметив, что «акт политической независимости составляет лишь первую часть процесса деколонизации», а достижение экономической независимости — не менее важное и сложное дело, которое не может быть решено при жизни одного поколения, К. Каунда в работе «Гуманизм в Замбии» предложил вариант развития страны, учитывающий социально-экономическую отсталость сельских районов и религиозно-традиционное мировоззрение замбийца. Его основная идея состоит в том, чтобы построить социально справедливое общество, сочетающее в себе лучшие черты традиционного африканского «общества взаимопомощи», всегда «прогрессивного и гуманного» и более всего отвечающего понятию идеального. Оно, по словам К. Каунды, «соприкасается, с одной стороны, с капитализмом, а с другой — с социализмом». К социалистическим чертам он относит процессы производства и потребления, к капиталистическим — отношения собственности. В этом традиционном обществе, которое представляет собой «смесь капитализма XIX в. с коммунизмом, можно работать коллективно, а владеть индивидуально, но человек должен быть в центре всего. Поэтому эта странная смесь дает право нынешнему поколению претендовать на то, что наш социализм — это гуманизм».

Конечная цель концепции «замбийского гуманизма» состоит в построении общества социальной справедливости в условиях товарно-денежных отношений.

Таким образом, замбийский образец «африканского социализма» заключается в том, чтобы воссоздать африканское общество «на новой основе, переместив его из натуральных отношений в условия денежного хозяйства».

Основная черта теории К. Каунды — сохранение в будущем обществе «демократического социализма» частной собственности как основного социально-экономического института. Придавая первостепенное значение распределению, К. Каунда считает, что только чрезмерное стремление к извлечению прибыли может привести к капитализму, под которым понимается только крупный капитал. Если же это стремление поставить пол

сах общества, а не отдельных его индивидов, то последнее сохранит и в будущем «гуманный» характер. При этом в центре внимания должен стоять Человек (некая отвлеченная от конкретных условий общества личность), а не развитие товарно-денежной экономики в качестве самодовлеющей цели. В противном случае, по его мнению, произойдет перерождение традиционного социального равновесия в новую социальную структуру, которой присущ классовый антагонизм. Поэтому К. Каунда выступает за контролируруемую частную собственность (предпочтение отдается кооперативной форме владения средствами производства).

Выдвинув идею о необходимости осуществить государственное регулирование экономики, К. Каунда одновременно подчеркнул недопустимость ограничения частной инициативы замбийцев, поскольку «капитализм утвердился в нашей стране как в хозяйстве, так и в социальной, культурной и даже полигической сферах». Кроме того, сковывание местного предпринимательства может, по его утверждению, дать простор иностранному капиталу.

Экономическое развитие страны мыслится как сосуществование по крайней мере трех секторов — частного предпринимательства, кооперативов и государственного сектора. Под понятие кооперативы (различных типов) подпадают различные формы сотрудничества государства с другими правительствами и частными компаниями; с частными компаниями, где по взаимной договоренности правительство Замбии возьмет контроль в свои руки через некоторое время; где кооперирование будет осуществляться с участием государства или без него; с частными фирмами, т. е. различные формы государственно-частных смешанных компаний. Вопрос владения или контроля со стороны государства над средствами производства первоначально не занимал сколько-нибудь значительного места в официальной концепции. Предполагалось, например, что горнорудная промышленность должна оставаться в руках частного иностранного капитала. Государственные капиталовложения, напротив, направляются в те отрасли хозяйства, в которые не идет частный капитал, а также в отрасли, имеющие стратегическое значение. Так, государственными были объявлены железнодорожный и воздушный транспорт, электростанции, телекоммуникации, вновь создаваемые предприятия черной металлургии, производство удобрений и военного снаряжения. В сельском хозяйстве наряду с традиционными хозяйствами и частными коммерческими фермами предусматривалось развитие государственных сельскохозяйственных предприятий (ранчо, ферм, показательных хозяйств) и различных форм кооперативов. Гарантировалась неприкосновенность собственности землевладельцев.

Практическим воплощением в жизнь основных идей «замбийского гуманизма» явился первый план национального развития Замбии (1966—1970). Важно отметить, что и теория «гу-

манизма», и план развития были сформулированы еще до одностороннего провозглашения независимости Южной Родезией в ноябре 1965 г. Поэтому в них не могли быть учтены последствия этого важнейшего в условиях Замбии внешнего фактора. Отрицательное же воздействие «родезийского кризиса» на социально-экономическое развитие Замбии трудно переоценить, поскольку из-за территориального соседства и экономической привязанности Замбии к Родезии на ее долю пришлось основная тяжесть политических и экономических последствий. Замбия вынуждена была экстренно вложить не предусмотренные ранее значительные средства в переориентацию внешней торговли и транспортных перевозок, сооружение новых промышленных предприятий, строительство дорог, разработку новых месторождений полезных ископаемых и т. д. Страна понесла огромные потери в связи с разного рода экономическими санкциями и военными провокациями со стороны Родезии. Одновременно именно это событие сказалось решающим образом на изменении ряда положений концепции «гуманизма» и экономической политики в сторону их радикализации. Впоследствии это было отражено в основных партийных документах, а также во второй части работы К. Каунды «Гуманизм в Замбии», опубликованной в 1974 г. (см. [54]).

Экономические трудности, связанные с «родезийским кризисом», сказались на внутривнутриполитической ситуации конца 60-х годов. В 1968 г. К. Каунда в интервью еженедельнику «Жен Африк» заявил, что Замбии прежде всего необходима политическая стабильность. Основными чертами положения страны в тот период он назвал межрегиональный антагонизм, проявляющийся в соперничестве АНК и ЮНИП, племенные разногласия, фокусирующиеся в конфликте бемба и лози в ЮНИП, и враждебное окружение [356, 1968, № 415, с. 34—37].

Межпартийная конкуренция АНК и ЮНИП. Неравномерность уровней социально-экономического развития отдельных районов Замбии сложилась в процессе колониальной эксплуатации страны. Наиболее развитыми оказались район Коппербелта и провинция железнодорожного пояса — Коппербелт, Центральная и Южная. Остальные пять областей — это отсталые аграрные «внешние» провинции, или, как их еще называли, «спящие районы». Если для районов первой группы характерно более быстрое развитие промышленности, товарного хозяйства, транспорта и культурного строительства, то для второй группы — сильное отставание от них по этим и многим другим показателям. Существовавшие экономические диспропорции оказали воздействие и на политическую жизнь всей страны.

Особое место среди слабо развитых районов Замбии занимала провинция Баротселенд. В период колониального развития культивировались особенности экономического развития ее территорий как зоны феодального землевладения. Политика колонизаторов, поощрявшая консервацию феодальных отноше-

ний, стала впоследствии основным препятствием для социально-экономического прогресса Баротселенда. Поземельные отношения здесь сохраняли традиционный характер в большей степени, чем в остальных районах Замбии. Отсутствие более или менее развитой транспортной сети в сочетании с натуральным хозяйством создавало, кроме того, трудности для широкого отходничества во внутренние районы страны. Наиболее доступной для лози формой денежных заработков была кратковременная миграция в ЮАР.

Введенный в 1966 г. центральным правительством запрет на отходничество в ЮАР, вызванный политическими причинами, привел к широкому недовольству среди лози, поскольку и в самой Замбии росла безработица. К тому же при совпадении границ экономических районов с этническими территориями, как это имеет место в случае с Баротселендом, социально-экономические явления почти неизбежно воспринимались как результат неравенства в политической области. Вследствие этого здесь, а также в крестьянской среде тонга в Южной провинции создались благоприятные условия для деятельности оппозиционных партий — АНК и Объединенной партии, сформированной в марте 1966 г. [231, с. 313—314].

Падение престижа АНК после провозглашения независимости вызвало в конце 60-х годов переход в ЮНИП многих его членов, включая ряд лидеров и членов парламентской группы. Это не ослабило оппозицию со стороны АНК, его отношение к ЮНИП вылилось в активную политическую оппозицию, нигилизм которой ничего не противопоставлял конструктивным задачам ведущей партии страны.

Укрепление политических позиций ЮНИП (НПП к 1966 г. прекратила свою деятельность) позволило ее лидерам открыто высказаться за введение в стране однопартийной системы. Тогда же появилось и теоретическое обоснование этой точки зрения, согласно которой подлинная демократия должна опираться только на одну партию, представляющую весь народ и действующую в интересах народа. В феврале 1965 г. вопрос об однопартийной системе был поставлен перед Национальным собранием.

Тактика ЮНИП по отношению к АНК сводилась к убеждению членов и сторонников конгресса в том, что их экономические и политические интересы могут быть лучше представлены правящей партией, поскольку она, обладая властью, имеет явное преимущество и может его использовать для усиления своего влияния в стране, тогда как соперничающая партия обречена.

Лидеры АНК, используя этническое противостояние лози и тонга народности бемба, подавали последних как господствующую группу, а ЮНИП как выразителя ее интересов. Еще во время первых всеобщих выборов в 1964 г. АНК широко использовала лозунг: «Голосуя за ЮНИП, голосуешь за бемба»

[286, с. 407]. Те же национально-политические моменты в полную силу дали о себе знать и в 1968 г. в марте, во время дополнительных выборов в парламент в Южной провинции, и в декабре на всеобщих выборах.

1 марта 1968 г. состоялись дополнительные выборы в парламент от Южной провинции, поскольку четыре члена парламентской группы АНК перешли в ЮНИП. Правящая партия надеялась победить, считая, что значительные капиталовложения, сделанные в Южную провинцию в соответствии с планом развития 1966—1970 гг. (строительство школ, дорог, клиник и т. д.), повлияют на решение избирателей. Кроме того, основные партийные посты ЮНИП в Южной провинции заняли местные лица, принадлежащие к народности тонга, а в ЦК ЮНИП после выборов в августе 1967 г. вошли М. Чона, Э. Муденда, С. Калулу, также тонга по национальности. Однако победу на выборах с большим перевесом одержали кандидаты АНК. В декабре 1968 г. на всеобщих выборах в Южной провинции и Баротселенде вновь победили кандидаты конгресса.

Поражение ЮНИП в Баротселенде исключило участие в будущем правительстве нескольких старейших министров, сделало проблематичным становление Замбии в качестве однопартийного государства, возродило надежды на отделение Баротселенда, вызвало напряжение в ЮНИП, поскольку опять возник вопрос о лояльности ее членов — лози и тонга.

Воспользовавшись сложным положением ЮНИП, активизировала свою деятельность Объединенная партия — носительница сепаратистских интересов феодальной верхушки Баротселенда, политические и экономические интересы которой были в известной степени ущемлены правительством Замбии. К началу 1968 г. она усилила свое влияние в традиционно контролируемом ЮНИП районе Коппербелта. Между сторонниками этих партий неоднократно происходили столкновения. В августе 1968 г., после того как Объединенная партия выступила организатором нескольких выступлений населения против правительства с применением оружия, она была запрещена [23], с. 314]. Немногие бывшие члены этой партии, в том числе ее лидер Н. Мундиа, присоединились к АНК, усилив тем самым позиции конгресса в Баротселенде.

В ноябре 1968 г. К. Каунда распустил парламент и назначил на 19 декабря парламентские и президентские выборы — первые в истории независимой республики. В ходе предвыборной кампании лидер АНК Г. Нкумбула выдвинул платформу, содержание которой не привлекло внимания широких кругов избирателей. В программе он, в частности, заявил, что в случае победы на выборах АНК отменит санкции против Южной Родезии, введет свободную торговлю с ней и ЮАР. Результаты воздействия такой программы не замедлили сказаться: АНК потерял много своих сторонников.

В целом результаты выборов показали, что за годы неза-

висимости значительно возрос авторитет ЮНИП как широкой общенациональной организации. В пяти провинциях ее кандидаты победили и в своих партийных округах, и в партийных округах АНК. В 30 избирательных округах против ЮНИП кандидаты соперничающей партии не выдвигались. Широкую поддержку ЮНИП получила в городских районах страны, где процент избирателей, отдавших голоса АНК, заметно снизился по сравнению с 1964 г. К. Каунда получил 82% голосов от общего числа голосовавших по президентскому списку [206, с. 52—54].

Результаты выборов в 1968 г. показали, что межпартийный конфликт не несет в своей основе чисто этнической нагрузки. Именно такую трактовку опровергла поддержка ЮНИП городскими слоями лози. ЮНИП даже в Баротселенде собрала 39% списка избирателей, хотя около половины зарегистрированных избирателей этой провинции вообще не голосовали. Это показало, что пропаганда против ЮНИП, как партии бемба, находит отклик только у консервативной части сельского населения.

В новом парламенте у ЮНИП не было официальной оппозиции, так как АНК не получил необходимых 27 голосов. Тем не менее К. Каунда после декабрьских выборов заявил, что Замбия далека от провозглашения в стране однопартийной системы, которой следует добиваться не законодательным путем, а абсолютной победой ЮНИП на парламентских выборах. В значительной степени такое мнение руководства ЮНИП и лично К. Каунды отражало беспокойство, несмотря на очевидный успех партии на всеобщих выборах 1968 г. Это опасение основывалось на анализе сложной этнополитической обстановки в стране, на понимании того, что процесс консолидации замбийской нации не завершен и перед страной во всей остроте стоит задача преодоления трайбализма и локального сепаратизма.

Межэтнический конфликт в ЮНИП. В современной Замбии факторы, действующие в пользу сотрудничества между различными этносами внутри государства, в целом сильнее, чем моменты, разъединяющие их. В ходе антиколониальной борьбы в стране сложились политические партии, объединившие население в борьбе за общенациональные интересы безотносительно от племенной принадлежности и уровня развития. Большую роль в процессе консолидации сыграли профсоюзы африканского пролетариата, в среде которых сознание классовой солидарности оказалось сильнее верности той или иной этнической группе. После завоевания политической независимости демократические силы страны должны были решать проблему национальной интеграции в целях достижения экономической самостоятельности, социального и культурного прогресса.

Можно утверждать, что само существование Замбии в качестве независимого государства зависело от того, как скоро

будут установлены нормальные отношения между населяющими ее 72 племенами и появятся условия, обеспечивавшие сотрудничество между ними. Из этого и исходила ЮНИП, когда провозгласила основным принципом национального строительства лозунг «Одна Замбия — один народ». Выработать в стране любой ценой стремление к единству — в этом ЮНИП и К. Каунда видели средство ликвидации политической и экономической обособленности.

Однако этнонациональные конфликты для Замбии — еще не пройденный этап. Анализируя их природу, можно сказать, что причины, вызывающие конфликты, характерны и для других стран Африки. Среди них — отрицательное влияние колониализма на развитие национальных отношений (создание туземных резерватов, разжигание сепаратистских тенденций в Баротселенде и т. д.); слабая классовая дифференциация в условиях, когда национальное самосознание только начинает формироваться у городского населения, в частности у африканского пролетариата Коппербелта, а процессы дотрайбализации в деревне протекают медленно; трудности социально-экономического развития в первые годы независимости (безработица и т. п.).

Могло показаться, что энтузиазм, охвативший широкие слои замбийского общества после достижения независимости, первые успехи в экономике и культуре похоронили вместе с колониализмом и межэтнические конфликты. Однако общее ухудшение положения Замбии в связи с «родезийским кризисом» наиболее сказалось на самом слабом звене замбийского общества — на этнонациональных отношениях. Экономические трудности на местах, остановка и замедление строительства ряда объектов, а также безработица отразились на внутривнутриполитической ситуации. Осложнились отношения с белым населением. Вновь проявился конфликт бемба и тонга, с одной стороны, и лози и ньянджа — с другой, обостривший разногласия в среде лидеров ЮНИП и членов правительства.

Его история сводится к следующему. В начальный период своего существования ЮНИП пользовалась наибольшей популярностью в провинциях Луапула, Северная и в части Западной (с 1969 г. — Коппербелт), т. е. в районах, где преобладало (и сейчас преобладает) население, говорящее на языке чибемба. Традиции народа бемба, наиболее активного в Замбии, получили широкое распространение среди населения других этнических общностей. В результате официальные посты в этих районах, не занятые европейцами, находились в руках африканцев-бемба. Естественно, что из них формировались также партийные кадры ЮНИП. По мере расширения своего влияния в других провинциях партия в качестве лидеров выдвигала на различные посты проверенных функционеров, в первую очередь бемба. Так складывалась партийная элита выходцев из этой народности.

Преимущества, которые получали бемба в ЮНИП, не на-

носили партии ущерба до тех пор, пока определенная их часть не перешла к фракционной деятельности. Выразитель их интересов С. Капвепве не смог влиять на деятельность ЦК и правительства, поскольку натолкнулся на сопротивление К. Каунды и поддерживающего его большинства членов ЦК. Племенной антагонизм внутри ЮНИП открыто проявился во время выборов в ЦК в августе 1967 г. В результате острейшей борьбы различных группировок победу одержали представители народов бемба и тонга, т. е. «коалиция большинства — меньшинства» [273, с. 245]. Лидер бемба в ЮНИП и правительстве С. Капвепве был избран на пост заместителя председателя партии, что автоматически дало ему пост вице-президента страны [309, с. 235—236].

По утверждению Т. Расмуссена, преподавателя политических наук Университета Замбии, «наиболее серьезным последствием выборов в Мулунгуши явились первое проявление значительных племенных и региональных разногласий и несомненный конец панзамбийской поддержки национального лидерства ЮНИП» [286, с. 423]. Вторая часть приведенного высказывания, по нашему мнению, не бесспорна. Что касается проявления племенных разногласий, то они были настолько значительны, а борьба за власть столь упорной, что К. Каунда в феврале 1968 г. вынужден был поставить вопрос о своей отставке с поста президента республики [374, 15.02.1968; 378, 16.02.1968, 23.02.1968]. Однако авторитет К. Каунды оказался достаточно высоким, и раскол в партии и правительстве удалось предотвратить. Вслед за выборами в августе 1967 г. в ЦК ЮНИП была проведена реорганизация правительства. К. Каунда, опасаясь нарушить этнонациональный «баланс» сил и проявления острых трений, сохранил министерские посты двух лози (М. Сипало и А. Вина), потерпевших поражение на выборах в состав ЦК [375, 08.09.1967, 09.09.1967].

В апреле 1968 г. К. Каунда, считая необходимым ускорить развитие потенциальных сил страны, выступил с программой социально-экономических преобразований, получившей название новой экономической политики, или экономической реформы (революции). Основная ее задача сводилась к ограничению деятельности в стране иностранного капитала и поощрению частного африканского предпринимательства. В ноябре 1968 г. ее главные идеи были положены в основу перспективной программы развития Замбии.

Тогда же была провозглашена программа административных реформ (так называемая децентрализация правительственной администрации). В правительстве появились новые посты — в него стали входить восемь (по числу провинций, без Лусаки) министров по делам провинций (в декабре 1978 г. они были упразднены). Районных секретарей сменили губернаторы, назначаемые президентом. В 1969 г. была изменена и приведена в соответствие с общими правилами система внутреннего управ-

ления провинции Баротсе (она была переименована в Западную, а Западная провинция — в Коппербелт), во главе администрации которой стоял до того верховный вождь.

Новая экономическая программа получила одобрение Национального совета ЮНИП, однако ее осуществление наталкивалось на ряд ограничений, предусмотренных конституцией 1964 г. Таким препятствием, в частности, оказалась ст. 72 о порядке внесения изменений в конституцию, гласившая, что изменения могут быть произведены только путем референдума и одобрения законопроекта большинством голосов избирателей, зарегистрированных (а не принимавших участие в референдуме) для выборов в парламент.

В июне 1969 г. в Замбии состоялся референдум. Большинство голосов было одобрено изменение ст. 72, пункт о необходимости проведения референдума из нее изъят. Любое изменение в конституции отныне могло быть произведено после одобрения его $\frac{2}{3}$ голосов членов Национального собрания. Вскоре после референдума парламент внес еще ряд изменений в конституцию, например в статью 18, регулиющую право собственности [377, 1969, № 1, с. 32].

В результате изменений в конституции и в целях реализации экономической программы 1968 г. правительство в августе 1969 г. решило осуществить частичную национализацию в ключевой отрасли хозяйства — меднорудной промышленности. Однако эта мера вызвала протест проимпериалистически настроенных кругов страны, а также АНК. Он сопровождался актами экономических и политических диверсий.

Усилились разногласия и внутри правящей партии. Так, настаивавший на полной национализации и на проведении перестановки кадров в партии, государственном аппарате, в службе безопасности и т. д., в результате которой ключевые посты попали бы в руки представителей бемба, С. Капвепве подал в отставку с поста вице-президента страны. К. Каунда не принял ее и предложил С. Капвепве оставаться на своем посту до ноября 1970 г.

В августе 1969 г. К. Каунда, пользуясь чрезвычайными полномочиями, предоставленными ему ЮНИП еще в 1961 г., распустил ЦК ЮНИП и приостановил действие устава партии [50, с. 1—2; 309, с. 225]. В ноябре 1970 г. на пост вице-президента страны был назначен М. Чона — политический деятель из народности тонга, длительно находившийся в союзе с бемба. Смысл назначения состоял в том, чтобы разрушить этот союз внутри ЮНИП и ослабить поддержку С. Капвепве со стороны тонга.

Расчет оправдал себя, и в мае 1971 г. на VI Генеральной конференции ЮНИП был принят новый устав партии, в соответствии с которым упразднена должность заместителя президента партии. Так было исключено соперничество этнических группировок из-за нее. Вместо должности председателя партии

был учрежден пост генерального секретаря, избираемого конференцией ЮНИП, устранено положение, по которому членство в ЦК и других руководящих органах ЮНИП автоматически обеспечивало ответственные посты в правительстве и в госаппарате. Назначение членов кабинета министров стало прерогативой только президента страны. Конференция единодушно, открытым голосованием поддержала список из 20 кандидатов в члены ЦК и избрала К. Каунду президентом партии [339, 15.06.1971, с. 2105—2106]. Этот состав ЦК включал представителей ряда этносов, что уменьшало возможности оказания давления со стороны какого-либо из них. Конференция продемонстрировала поддержку линии К. Каунды практически по всем вопросам внутренней и внешней политики.

Такое единодушие участников конференции стало возможно, по-видимому, в результате большой работы и огромного авторитета К. Каунды. Но, несмотря на достигнутую на конференции договоренность, межплеменные и фракционные разногласия в партии все же не были устранены. С. Капвеве и его сторонники не решились в тот момент пойти на открытое выступление, несмотря на гарантированную им поддержку со стороны определенной части фракции бемба в ЮНИП: без сотрудничества с представителями других племен С. Капвеве не мог рассчитывать на роль лидера партии. К тому же в апреле 1971 г. К. Каунда запретил подпольную фракционную деятельность трайбалистских комитетов, нелегально действовавших внутри партии, направленную против единства ЮНИП [351, 20.04.1971].

В августе 1971 г. С. Капвеве вышел из правительства и ЮНИП и создал оппозиционную Объединенную прогрессивную партию (ЮПП), в которую вошли некоторые члены ЮНИП, недовольные той или иной стороной деятельности правительства [375, 23.08.1971]. С. Капвеве обвинил правительство в неспособности вести реальную экономическую политику, а ЮНИП — в коррупции, фаворитизме, nepотизме и трайбализме. Несомненно, что эта критика в определенной степени была обоснованной. Однако С. Капвеве — второе лицо в правительстве и личный друг президента — принимал активное участие в формировании экономической политики правительства. Более того, выступая от имени группы бемба, он был инициатором многих конфликтов, ослаблявших партию.

Новая программа С. Капвеве была весьма расплывчата. В ней отсутствовала важнейшая экономическая часть. В области международных отношений планы ЮПП мало чем отличались от основных направлений внешнеполитического курса правительства К. Каунды. При этом лидеры ЮПП выражали желание не только блокироваться, но и организационно объединиться с главной оппозиционной силой — АНК, хотя последний в области внешней политики выступал, например, за диалог с ЮАР. В этих условиях готовность руководителей ЮПП сотруд-

ничать с АНК свидетельствовала о том, что истинной причиной создания новой партии были не столько разногласия с руководством ЮНИП по принципиальным вопросам, сколько противоречия тактического характера и стремление ее лидера к полной власти в стране.

Объединенная прогрессивная партия возникла на основе выделившейся из ЮНИП немногочисленной фракции, включавшей партийных функционеров, высокооплачиваемых государственных чиновников, средних и крупных национальных предпринимателей. Она была поддержана также городским населением бемба в провинциях Коплербелт и Северная [231, с. 313—314; 267, с. 8; 375, 08.09.1971]. Таким образом, ЮПП явилась не только трайбалистской формой политической организации, но и выразителем развивающейся национальной буржуазии.

Укрепление позиций ЮПП как самостоятельной оппозиционной партии было чревато для ЮНИП лишь потерей некоторого числа голосов в названных провинциях, а при сохранении контроля над ходом выборов в этих районах ЮНИП не рисковала потерять большинство в парламенте (20 декабря 1971 г. состоялись дополнительные выборы в парламент: ЮНИП получила 8 мест, АНК — 3, ЮПП — одно из оспариваемых ею мест, его занял С. Капвеве). Однако в случае соглашения ЮПП с АНК блок двух партий мог бы существенно повлиять на расстановку политических сил в стране.

Ни по составу руководства (хотя в нее вошли такие государственные деятели и видные политики, как Дж. Чимба — в прошлом министр торговли, Дж. Чаполоко — бывший государственный министр социальных служб, и др.), ни по программе ЮПП не была той силой, которая могла бы существенно изменить сложившуюся в стране политическую и экономическую обстановку. И можно согласиться с оценкой К. Каунды, что позиции партии были в основном оппортунистическими и вредными [347, 27.01.1973]. Исходя из того, что деятельность ЮПП была на руку противникам единства нации и ее внешним врагам, К. Каунда в сентябре 1971 г. отдал распоряжение произвести аресты среди рядовых членов и лидеров ЮПП, за исключением самого С. Капвеве. Эта мера имела целью ослабить партию, однако была направлена и на то, чтобы показать, что С. Капвеве — личный соперник Каунды, лишенный поддержки, не представляет опасности для нации.

Дальнейшие события в Замбии показали, что предпринятые против ЮПП акции не ослабили желание С. Капвеве и его сторонников занять определенное место в политической жизни страны. В начале 1972 г. произошел ряд антиправительственных выступлений, а это уже угрожало политической стабильности Замбии и правлению ЮНИП. Поэтому в феврале 1972 г. К. Каунда пошел на арест С. Капвеве и запрещение деятельности ЮПП как организации, прибегающей к насилию [375, 05.02.1972].

Однако эта мера вызвала еще большую активизацию оппозиционных сил в стране. В марте — октябре 1972 г. были созданы две партии, программы которых были идентичны программе ЮПП, — Демократическая народная партия и Объединенная народная партия. Их деятельность также была запрещена [231, с. 71, 314]. Подавлялись и другие силы протеста. В июле 1971 г. был закрыт Университет Замбии, а в апреле 1972 г. правительство приняло решение об увольнении с работы инициаторов неофициальных, т. е. не санкционированных правительством, забастовок, в сентябре вышло постановление о полном запрете на проведение демонстраций студентами и школьниками.

Подготовка и установление однопартийной системы

В условиях нарастания оппозиционных настроений среди населения, обвинив оппозиционные силы в том, что они действуют вопреки интересам Замбии, К. Каунда пересмотрел в 1971—1972 гг. свою прежнюю позицию и неоднократно поднимал вопрос о введении в стране однопартийной системы. Наконец, 25 февраля 1972 г. он объявил о решении правительства установить в стране однопартийную систему, или, по принятой в Замбии терминологии, «однопартийную демократию участия». В связи с этим была образована Национальная комиссия по разработке соответствующих предложений под председательством вице-президента М. Чоны [68, с. i; 375, 04.03.1972]. Последовавшее в марте заявление К. Каунды на заседании Национального совета ЮНИП о том, что 1972 год явится поворотным в политической истории Замбии, поскольку введение однопартийной системы — единственный путь к миру, стабильности и прогрессу, также свидетельствовало о намерении правительства и руководства партии решить эту проблему волевым путем. Важно отметить, что «переход к однопартийной системе осуществлялся не только в соответствии с ясным желанием руководства ЮНИП утвердить свою монополию на власть, но и в интересах национального развития» [144, с. 39].

ЮНИП никогда не рассматривала своего основного конкурента (АНК) как сильного противника. Но появление новой оппозиционной партии (ЮПП) вновь напомнило о возможности консолидации оппозиционных сил, как это было, например, у АНК и ОФП накануне выборов в 1962 г. причем на любой, даже самой непринципиальной основе с единственной целью прихода к власти. Если же учесть вспышки межплеменных противоречий, создавших в 60-х — начале 70-х годов благоприятную почву для борьбы за власть и прочих внутренних распрей, то станет понятно, почему в 1972 г. в Замбии было отдано предпочтение консолидирующей однопартийной системе, а не многопартийной, ставшей в условиях Замбии питательной средой этнического сепаратизма.

Кроме политических и этносоциальных мотивов имелись обстоятельства и другого плана, побудившие ввести однопартийную систему. К ним в первую очередь должны быть отнесены экономические трудности, вызванные провозглашением односторонней независимости Южной Родезией. Национальное, политическое и экономическое становление Замбии осуществлялось в условиях перманентно действующего с ноября 1965 г. чрезвычайного положения и экономической блокады, сопровождавшейся временами военной угрозой со стороны Южной Родезии, что усугубляло для Замбии отрицательные последствия кризиса мирового капиталистического рынка меди.

После семи месяцев работы представительная по составу «комиссия Чоны» подготовила предложения и рекомендации об установлении в стране однопартийной системы, включая изменения конституции 1964 г. и устава ЮНИП 1971 г. Правительство Замбии, изучив предложения комиссии, опубликовало в ноябре 1972 г. доклад с изложением его собственной позиции по конкретным пунктам конституции и устава партии, которые должны были предположительно подвергнуться изменениям, поскольку не во всех случаях точки зрения комиссии и правительства совпадали (см. [68; 273, с. 253—260]).

Проведенный вслед за этим национальной комиссией опрос общественного мнения продолжался четыре месяца, и события показали значительное противостояние в обществе идее однопартийности. Ее категорически отверг и отказался присоединиться к ЮНИП освобожденный из-под стражи в январе 1973 г. С. Капвелве. Официальное осуществление идеи однопартийности не положило конца и оппозиционной деятельности АНК. Более того, внутри АНК произошло размежевание: радикальное крыло конгресса во главе с Н. Мундиа готово было насильственно свергнуть правительство. Чтобы нанести превентивный удар по этим планам, правительство в конце 1972 — начале 1973 г. санкционировало аресты 48 политических деятелей, государственных служащих и группы армейских чинов — сторонников Н. Мундиа в АНК. Поскольку арестованные в основном были лози, эта акция вызвала недовольство действиями правительства в Западной провинции. Кроме того, в Коппербелте возникли благотворительные и религиозные общества, служившие прикрытием деятельности сторонников С. Капвелве. Это дало основания заявить правительственному органу — газете «Замбия дейли мейл», что хотя «на первый взгляд запрещенная ЮПП не существует, однако она активно действует в подполье» [378, 26.03.1973]. Сколько-нибудь заметных массовых выступлений против установления новой системы политического развития не последовало. В октябре 1973 г. АНК заявил о самороспуске [231, с. 10].

13 декабря 1972 г. законопроект об установлении в Замбии однопартийной системы был одобрен парламентским большинством. С этой даты начинается свой отсчет Вторая республика —

новый этап в политическом развитии Замбии [231, с. XVII, 279], повлекший за собой значительные изменения в важнейших элементах политической системы, и прежде всего в государственной власти, структура и практика функционирования которой должны были быть приспособлены к новым условиям.

Конституционный механизм Первой республики (период с 24 октября 1964 г. до 13 декабря 1972 г.) определялся двумя постановлениями английского правительства 1964 г. — «Актом о независимости Замбии» и «Приказом о независимости Замбии». Именно они, сведенные в «Приложение 1» свода законов страны, и являлись конституцией 1964 г. В докладе правительства (ноябрь 1972 г.) объявлялось, что с момента введения «однопартийной демократии участия» Замбия не может оставаться связанной с английскими конституционными постановлениями, они должны быть заменены замбийским законодательством, в том числе отдельно изданной конституцией Республики Замбии (см. [15; 68, с. i]).

Конституция 1973 г., флаг и герб. Действующая ныне конституция 1973 г. (см. [32]) была опубликована в мае и одобрена, так же как и устав ЮНИП, на очередной Генеральной конференции партии и в парламенте страны в августе 1973 г. [273, с. 260].

По конституции 1973 г., Замбия — суверенная республика, представляет собой однопартийное представительное государство. Его идеологической основой служит философия «замбийского гуманизма». Государственный девиз страны — «Одна Замбия — один народ». В конституции говорится, что в стране разрешена деятельность только одной политической партии — Объединенной партии национальной независимости (ст. 4).

В соответствии со ст. 13, «каждый человек в Замбии имел и продолжает иметь основные права и свободы личности, т. е. имеет право независимо от его расы, места происхождения, политических убеждений, цвета кожи, верований или пола... на: а) жизнь, свободу, личную неприкосновенность и защиту со стороны закона; б) свободу совести, выражения мнений, свободу собраний и объединений; в) гарантию неприкосновенности своего жилища и другого имущества, а также гарантию против лишения имущества без возмещения».

Конституцией учреждена должность главы государства — президента Республики Замбии (ст. 37). Этот пост может быть занят только гражданином Замбии, являющимся членом ЮНИП и достигшим 35-летнего возраста. Единственным кандидатом на должность президента является лицо, избранное Генеральной конференцией ЮНИП. Участвовать в выборах президента имеют право все лица, зарегистрированные в качестве избирателей для выборов в Национальное собрание (ст. 38).

На президента возлагается исполнительная власть. Он действует, если не предусмотрено иное, по собственному усмотрению и не обязан следовать совету какого-либо лица или органа

власти (ст. 53). На президента возлагается верховное командование вооруженными силами республики. Прерогативой президента является объявление чрезвычайного положения в стране (ст. 30).

Конституцией учреждены должности премьер-министра и министров правительства, составляющих вместе с генеральным секретарем ЮНИП кабинет министров. Назначение на должности премьер-министра и министров производится президентом из числа членов Национального собрания. На заседаниях кабинета председательствует президент, в его отсутствие — генеральный секретарь партии, а в отсутствие обоих — премьер-министр (ст. 48, 50).

Глава правительства — премьер-министр, на него возлагается также ведение правительственных дел в Национальном собрании. Главным юридическим советником правительства является генеральный прокурор республики, назначаемый на эту должность президентом (ст. 55—57).

Законодательная власть возлагается на парламент, который состоит из президента и Национального собрания (ст. 63). В Национальное собрание входят 125 избираемых, до 10 назначаемых президентом членов, а также спикер. Членом Национального собрания может быть гражданин Замбии, достигший 21 года, член ЮНИП, грамотный и могущий объясниться на официальном для республики (английском) языке (ст. 64—67). Член Национального собрания не может занимать какой-либо пост на государственной службе, в полицейских органах и вооруженных силах, не пользуется депутатской неприкосновенностью.

Избирательное право имеет каждый гражданин Замбии, достигший 18 лет, если он не дисквалифицирован парламентом как избиратель для выборов в Национальное собрание (ст. 72). Для выборов в Национальное собрание страна делится на избирательные округа, количество которых соответствует числу избираемых членов Национального собрания. От каждого округа избирается один депутат.

Президентские выборы проводятся одновременно с парламентскими. Выборы членов Национального собрания — прямые, проводятся в два этапа. На первом этапе производится отбор кандидатов путем первичных выборов в каждом из избирательных округов. Второй этап проводится как всеобщие выборы (согласно поправке к конституции, принятой в 1983 г., всеобщие выборы должны проходить без предварительных выборов среди кандидатов в депутаты Национального собрания). Президент и Национальное собрание избираются на 5 лет.

Законодательная власть парламента осуществляется путем принятия законопроектов, которые утверждаются Национальным собранием после третьего чтения и с согласия президента.

Парламент имеет право вносить изменения в конституцию; они могут быть приняты, если во втором и третьем чтениях за

законопроект подано не менее двух третей голосов всех членов Национального собрания (ст. 80).

Председателем Национального собрания является спикер. Кворум в собрании составляет не менее одной трети общего числа его членов. Любой вопрос в Национальном собрании решается простым большинством голосов членов парламента, присутствующих и принимающих участие в голосовании (ст. 85—88).

Сессии парламента проводятся не реже одного раза в год. При любом роспуске парламента проводятся всеобщие выборы членов Национального собрания. Созыв, закрытие сессии и роспуск парламента относятся к прерогативе президента (ст. 92, 93).

Высшим апелляционным судом республики является Верховный суд. Главного судью и других судей Верховного суда назначает президент. Неограниченной первоначальной юрисдикцией в отношении рассмотрения и вынесения решения по любому гражданскому или уголовному делу обладает Высокий суд Замбии (ст. 107—109).

При Национальном собрании учрежден совещательный орган — Палата вождей из 27 человек; она представляет институт традиционных вождей, насчитывающий в стране около 270 человек.

Составной частью Конституции 1973 г. является «Кодекс руководителя» (ст. 32—36). В стране функционирует руководящий комитет, состоящий из 15 членов, назначенных президентом. Комитет имеет право устанавливать правила поведения для лиц, занимающих ответственные посты. Если то или иное лицо, занимающее ответственный пост, не подчинится кодексу в течение трех месяцев после введения в силу кодекса или нарушит его, то оно должно уйти в отставку (ст. 34). В конституцию 1973 г. в качестве приложения включен устав Объединенной партии национальной независимости.

Вопросы административного устройства и местного управления конституция не регулирует. В их основе лежит Закон о местном самоуправлении (1965 г.), в соответствии с которым на основе всеобщего избирательного права раз в три года проводятся прямые выборы в местные органы власти. Первые такие выборы состоялись в 1966 г.

В административно-территориальном отношении Замбия делится на 9 провинций: Центральная (административный центр — Кабве), Лусака — территориально входит в Центральную провинцию, Коппербелт (Ндола), Восточная (Чипата), Луапула (Манса), Северо-Западная (Солвези), Северная (Касама), Южная (Ливингстон), Западная (Монгу). Провинции, в свою очередь, подразделяются на 55 районов (дистриктов).

Флаг Замбии, впервые поднятый в полночь 23 октября 1964 г., символизирует патриотизм и национальное богатство. Основной цвет флага — зеленый, он свидетельствует о плодородии.

дии земли и природных ресурсах страны. В правом нижнем углу расположены три вертикальные полосы красного, черного и оранжевого цвета (слева направо). Красная полоса означает борьбу за независимость, черная — народ Замбии, оранжевая — минеральные богатства страны (медь). Вверху над полосами изображен парящий орел, окрашенный в оранжевый цвет и символизирующий свободу Замбии и способность ее народа решать проблемы страны.

Герб Замбии. В середине герба — щит, на черном фоне которого вертикально расположены шесть белых волнистых полос, символизирующих водопад Виктория. Над щитом скрепленные мотыга и кирка — орудия труда крестьянина и рабочего, выше — парящий орел. Слева и справа от щита — фигуры мужчины и женщины. Это африканская семья. Мужчина одет в блузу и шорты желтого цвета, женщина — в красное национальное платье. Под щитом на зеленом фоне изображены зебра, шахтные постройки и початок кукурузы — символы природных богатств, минеральных и сельскохозяйственных ресурсов. Основание герба образует лента, на которой написан национальный лозунг: «Одна Замбия — один народ».

Особенности политической системы Второй республики

Сравнение текстов конституций Замбии 1964 и 1973 г. позволяет выявить те главные изменения, которые вошли в жизнь страны с принятием последней.

Во-первых, конституционное закрепление однопартийной системы. В ст. 4 конституции провозглашается, что в Замбии есть «одна и только одна политическая партия или организация, а именно Объединенная партия национальной независимости». Важность этого момента подчеркивается включением в конституцию в качестве приложения устава партии, в котором постулирован приоритет решений ЦК ЮНИП в отношении постановлений правительства (ст. 12).

Выступая на Чрезвычайной сессии Национального совета ЮНИП в апреле 1974 г., К. Каунда призвал установить тесные связи ЮНИП с народными массами, в частности, учредить партийные комитеты в деревнях, на предприятиях государственного и частного секторов, в школах. В развитие этого К. Каунда в речи 30 июня 1975 г. подчеркнул необходимость осуществить действительное главенство партии над любыми другими институтами страны, которое на практике должно воплощаться через «труд, высокую производительность, дисциплину и самоподдержку» [55, с. 3—4]. Таким образом, четко прослеживается трансформация взглядов руководства Замбии на место партии в политической системе страны от признания за ней роли связующего звена между государственной властью и народом [44,

с. 19] через «децентрализацию в централизме» — разделение функций между партийными и государственными руководителями на местах, подчинение местной государственной власти центральному партийному контролю [47, с. 19—26], через сращивание государственного и партийного аппаратов до установления приоритета решений партии.

Изменение устава ЮНИП в 1978 г. свидетельствует о стремлении ее руководства преобразовать эту массовую партию-фронт в партию более высокоорганизованную, которая «должна быть ведущей политической силой и... выражать решимость быть в дальнейшем передовым отрядом революционного крестьянства, рабочих и интеллигенции» [19, с. 116].

Во-вторых, конституция наделила президента практически неограниченной административной и политической властью, «имеющей тем не менее постоянную тенденцию к дальнейшему росту. Именно поэтому Замбию следует отнести к монархическим республикам» [144, с. 117]. В лице К. Каунды Замбия имеет главу государства и исполнительной власти, верховного главнокомандующего и составную часть парламента. Он представляет страну на международной арене, является гарантом национального суверенитета. От имени президента в парламент вносятся все законопроекты, президент наделен правом издавать декреты и т. д.

Есть еще одна исключительно важная в условиях Замбии прерогатива президента, которая делает его власть поистине беспредельной. Это — право объявлять чрезвычайное положение без ограничения срока действия, в течение которого президент наделяется полномочиями принимать любые меры против лиц, угрожающих безопасности страны. Напомним, что действующая конституция принималась в обстановке чрезвычайного положения и закон 1973 г. о вступлении ее в силу имел особую статью о продлении сроков чрезвычайного положения в стране [32, с. 197].

Повышение роли президента при постоянно возрастающем значении места правящей партии в стране способствовало укреплению государственной власти. В то же время следует отметить, что стремление усилить авторитарность и «персонализацию власти» во многом исходит от К. Каунды. С этой точки зрения показательны коррективы, внесенные от имени правительства в рекомендации «комиссии Чоны» по изменению конституции и устава партии в ноябре 1972 г. (см. [68]). Наиболее общие предложения комиссии были приняты правительством и включены в конституцию. Однако отвергнутыми оказались, например, рекомендации, ограничивавшие президентскую власть путем лимитирования права «вето» и срока пребывания на президентском посту [68, с. 5; 231, с. 58]. Вот как оценивает, например, стиль и характер руководства К. Каунды нигерийский политолог П. Оллава, долгое время преподававший в Университете Замбии: «Стиль президента К. Каунды — патримониаль-

ное руководство. Попытки сконцентрировать власть в своих руках, являющиеся частично результатом его харизматических качеств, а также опыта Первой республики, кажется, указывает на рассчитанность усилий воспрепятствовать формированию горизонтальных коалиций среди групп и отдельных личностей» [273, с. 286]. Наряду с этим президент пользуется большой популярностью, авторитетом и поддержкой в различных слоях общества. «Нет никого, кто обладал бы достаточным влиянием или популярностью для того, чтобы подобрать осколки, если бы пал Каунда», — таково мнение обозревателя английской газеты «Файнэншл таймс» Дж. Линча, суждения которого разделяют также другие политические обозреватели и исследователи политической ситуации в Замбии того периода [309, с. 228; 347, 27.01.1973; 351, 01.02.1973].

Каунда, Кеннет Дэвид родился 28 апреля 1924 г. в семье учителя. Принадлежит к племени тонга, вырос среди африканцев племени бемба. Мать получила европейское образование. Жизненный уклад семьи оказал большое влияние на формирование взглядов Каунды: «Я получил воспитание в христианской семье, и христианские убеждения являются частью моего я» [40, с. 20]. Среднее образование К. Каунда получил в Замбии. Учительствовал. В 1949 г. стал членом, а в 1963 г. генеральным секретарем АНК. Начало деятельности К. Каунды как профессионального политика совпало с критическим периодом в истории Замбии — с подготовкой к созданию и с провозглашением федерации Родезии и Ньясаленда. В годы борьбы против федерации сформировались политические и идеологические позиции К. Каунды, испытавшего на себе сильное влияние религиозных убеждений и философии М. Ганди.

В 1958 г. К. Каунда, недовольный примиренческой позицией руководства АНК в отношении политики колониальных властей, вышел из конгресса и при поддержке ряда активистов АНК создал новую партию радикальных методов борьбы — АНК Замбии. В марте 1969 г. новый конгресс был запрещен, а в октябре на его базе создана Объединенная партия национальной независимости (ЮНИП). Тактика ЮНИП — сочетание экономических и политических форм борьбы, ненасильственных методов с приемами позитивного действия — способствовала росту рядов партии, привела народы Северной Родезии в январе 1964 г. к установлению самоуправления, а в октябре того же года — к политической независимости.

Антиколониальное движение Северной Родезии во многом обязано своими успехами ЮНИП и ее бессменному лидеру. Личный пример, сплочение национального фронта сопротивления, опора на прогрессивные слои населения, использование опыта освободившихся стран Африки сделали К. Каунду признанным руководителем национально-освободительного движения в Северной Родезии, снискали ему уважение в Африке и в «третьем» мире. В 1962 г. К. Каунда избирался председате-

лем Panaфриканского движения Восточной, Центральной и Южной Африки (ПАФМЕКСА), одним из основателей которого являлся еще в 1958 г.

С октября 1964 г. К. Каунда — президент Замбии. Его политическая позиция и возглавляемого им правительства на протяжении всего периода независимого развития была прочной: история Замбии не знала политических переворотов. К. Каунда наделен обширными конституционными полномочиями, он является также лидером, формирующим курс развития страны.

К. Каунда — основоположник философии «замбийского гуманизма», которая определяет внутреннюю и внешнюю политику Замбии с 1967 г. Он автор ряда книг, в том числе «Черное правительство» (1960 г.), «Замбия должна быть свободной: автобиография» (1962 г.), «Гуманизм в Замбии и руководство по его осуществлению» (1967 г., часть I; 1974 г., часть II), «Письмо моим детям» (1973 г.), «Каунда о насилии» (1980 г.). Кроме того, им написано большое число брошюр (в основном речи на Генеральных конференциях и Национальных советах ЮНИП, а также на всеафриканских и международных форумах), статьи о глобальных политических проблемах, о внутренней и внешней политике Замбии.

К. Каунда — почетный доктор университетов США, Канады, Чили, ГДР и других стран. Ему вручены премия Афро-американской организации дружбы и сохранения цивилизации, культуры и искусства (1969 г.), премия Дж. Неру за международное взаимопонимание (1975 г.) и др.

К Советскому Союзу К. Каунда испытывает чувства дружбы, он неоднократно высказывал свое уважение к народам СССР за их вклад в мировую историю, признавая значение Великой Октябрьской социалистической революции для судеб мира, в частности для народов Африки. Высоко оценивает К. Каунда вклад СССР в дело мира, разрядку напряженности, его ведущую роль в международных организациях, признает совпадение взглядов СССР и Замбии по многим международным проблемам, и в первую очередь по проблемам Юга Африки. Он положительно оценивает результаты советско-замбийского сотрудничества и его перспективы. В то же время, будучи сторонником теории «богатых и бедных наций», К. Каунда не признает особого положения СССР среди великих держав.

К. Каунда — выдающийся оратор, легко устанавливающий контакт с аудиторией во время многочисленных поездок по стране и за рубежом. Этот эмоциональный человек с дружественной и теплой улыбкой страстно любит музыку, особенно церковную, а также игру на гитаре. К. Каунда обладает крепким здоровьем, вынослив, нетребователен в отношении бытовых условий, трезвенник. Целеустремленность, жизнелюбие, вера в человека — главные черты его характера. Он женат, имеет восемь детей.

В-третьих, в стране конституционно закреплена в качестве

официальной государственной идеологии философия «замбийского гуманизма», до этого являвшаяся руководством к действию только для правящей партии ЮНИП. Это потребовало приспособления ее доктрины к новым условиям.

В 1974 г. вышла в свет вторая часть книги К. Каунды «Гуманизм в Замбии» (см. [54]). Ее анализ показывает, что, как и в первой части (1967 г.), социальная программа «замбийского гуманизма» имеет весьма противоречивый и эклектический характер. По мнению К. Каунды, сущность человека неизменна и не определяется историческими или социальными условиями; история человечества, согласно его представлениям, — это постоянный процесс совершенствования индивидуума, познания им своей божественной сущности. Гуманизм в Замбии вновь, как и в 1967 г., противопоставляется, с одной стороны, капитализму, с другой — социализму, причем линия раздела между гуманизмом и марксизмом намечена К. Каундой прежде всего в духовной сфере: «...коммунист верит в то, что называется научным социализмом... гуманист верит в бытие бога, представлявшего первоисточник жизни» [54, с. 8].

Критика капитализма в этом документе носит более резкий характер по сравнению с оценками, данными К. Каундой в 1967 г. Здесь критикуются как социально-экономические аспекты капитализма, так и его социально-психологические проявления (отчуждение личности, дегуманизация общества, эгоистический мотив прибыли и т. д.).

Обосновывая цели гуманистического изменения общества, К. Каунда проводит социологический анализ основных тенденций развития замбийского общества в период после обретения независимости. Он с тревогой пишет, например, о неравном распределении доходов, об укреплении нового класса собственников, о росте замбийской бюрократической элиты, паразитирующей на государственном секторе, и т. д. Более четко, чем в 1967 г., во второй части «Гуманизма» выражено стремление проводить курс на ограничение деятельности иностранного капитала, а также противодействовать становлению крупного местного капитала путем поощрения так называемой неэксплуататорской частной собственности, под которой понимается главным образом мелкое и среднее африканское предпринимательство.

Принципы социально-экономического переустройства общества тесно увязываются с политическими доктринами К. Каунды. Становление гуманистического общества означает, по его мнению, внедрение демократии нового типа, «демократии участия», которая на основе широкого политического воспитания членов общества — от трудящихся до предпринимателей — вовлечет их в различные сферы общественной деятельности.

Особая ответственность за социально-экономическое и морально-духовное развитие народа в условиях гуманистического общества возлагается на правящую партию, которая должна

«защищать с таким трудом завоеванную независимость и в то же время выполнять вторую задачу — возглавлять движение народа». Большое значение придается развитию и совершенствованию самой партии, ибо, «только строя истинно народную партию... как источник и направление политической мысли народа и его действий... мы можем добиться успеха».

В-четвертых, в конституцию был включен «Кодекс руководителя», который разрабатывался еще в 1969—1970 гг. Национальным советом ЮНИП и получил развитие в ходе работы Национальной комиссии по установлению однопартийной системы. После опубликования и обсуждения его на заседании Национального совета ЮНИП в Кабве 3 декабря 1972 г. кодекс, получивший название «Декларация Кабве», был включен в новую конституцию [31, с. 11—16]. Кодекс определяет морально-этические требования, предъявляемые к работникам партийного и государственного аппарата, что рассматривается как одно из средств решения проблемы демократии в стране. Положения кодекса распространяются на широкий «круг лиц, занимающих специфическое положение» в партии, правительстве, Конгрессе профсоюзов, «парастейтлз» (смешанных компаниях), в полуофициальных организациях и т. д. Иначе говоря, от президента до гражданских служащих, включая секретарей и клерков, имеющих заработки свыше 2600 квачей в год. Столь широкое понятие «руководителя» вряд ли может признаваться демократичным и поэтому вызывает определенные противоречия и трудности при его осуществлении [231, с. 139; 273, с. 56—57]. Кодекс регулирует имущественное положение «руководителей», запрещает, например, иметь земельные участки размером свыше 10 га, обязывает их сообщать президенту ЮНИП сведения о собственности и получать лишь официальное жалование.

В стране действует специальный комитет для расследования случаев нарушения кодекса, которых довольно много и на высоком уровне. Так, в 1973 г. из партии были исключены два члена парламента и министр, в 1977 г. снят с поста министр внутренних дел А. Милнер — представитель «старой гвардии» ЮНИП [273, с. 342].

Наиболее энергично против применения кодекса выступает особая группа национальной буржуазии — государственно-бюрократическая, непосредственно связанная, с одной стороны, с государственным и смешанным секторами экономики, а с другой — с выполнением функций политического, административного и идеологического руководства. Позиция этой группы, которая осуществляет «специфическую роль в общественной организации труда, управляя народным хозяйством и организуя систему администрации в национальном масштабе» [150, с. 249], усиливалась по мере укрепления государственно-капиталистического уклада и поощряемого развития частного предпринимательства в соответствии с доктриной «замбийского гуманизма».

Тенденции буржуазного накопительства и коррупция в сре-

де высших чиновников государственно-партийного аппарата заставили К. Каунду в июне 1975 г. заявить: «Капитализм — не наша политическая линия. Поэтому те, кто способствует линии на капитализм, действуют против партии» [55, с. 6]. Однако, столкнувшись с масштабностью этого явления, руководство ЮНИП пошло на компромисс, и в текст кодекса было внесено несколько изменений. Так, в той же речи в июне 1975 г. К. Каунда пошел, по сути дела, на уступку высшим деятелям партии и правительства (членам парламента и кабинета, государственным министрам, членам ЦК партии), «имеющим бизнес», разрешив продолжать собственное дело без права получения жалованья от государства [55, с. 12].

В августе 1973 г. очередная Генеральная конференция ЮНИП (первая после утверждения однопартийности) избрала К. Каунду президентом ЮНИП, который автоматически становился единственным кандидатом на пост президента республики.

5 декабря 1973 г. состоялись всеобщие парламентские и президентские выборы, в которых приняло участие 43% из 1,7 млн. зарегистрированных избирателей. Несмотря на сохранявшиеся очаги оппозиции в некоторых районах страны, особенно на юге, К. Каунда получил более 80% голосов и был переизбран президентом на третий срок. «Народ подтвердил свою политическую зрелость, оказал необходимое доверие новой политической системе» [374, 21.12.1973]. Можно сказать, что этими выборами подводился итог первого и весьма сложного в политической истории Замбии периода, который характеризовался не только дестабилизирующими чертами, но и консолидирующими, заложившими основы последующего развития. Главными из них были: превращение ЮНИП в правящую партию, выработка единой для партии и государства идеологической платформы, применение на практике прогрессивных и миролюбивых принципов внешней политики, а также разработка стратегии новой экономической политики, претворения которой в жизнь на начальной стадии (вторая половина 60-х годов) совпало с благоприятной конъюнктурой мирового капиталистического рынка — «медным бумом».

70-е годы — начало экономических и политических трудностей

70-е годы не были столь благоприятными для Замбии в экономическом отношении из-за резкого падения мировых цен на медь и внутренних трудностей, связанных в основном с проблемой транспортировки экспортно-импортных грузов. Только 1973 год дал стране небольшую передышку. В условиях временного повышения цен на медь правительство Замбии в августе 1973 г. приняло решение о немедленном и полном погашении своей задолженности, возникшей в результате выкупа у

меднорудных компаний контрольного пакета акций. Одновременно был установлен контроль над управлением, техническим обслуживанием и сбытом продукции этой отрасли.

Но повышение цен в 1973 г. было непродолжительным для того, чтобы стабилизировать положение тех стран — производителей меди, для которых она являлась основным экспортным товаром. В июне 1974 г. в Лусаке состоялось V совещание министров стран Межправительственного комитета стран — экспортеров меди — СИПЕК (Чили, Замбия, Заир, Перу) по вопросу о координации их действий с целью воздействия на мировые цены. Однако неоднократное сокращение экспорта меди странами СИПЕК не дало желаемого результата. По мнению экспертов этих стран, меры по стабилизации положения на рынке меди были приняты слишком поздно для того, чтобы удержать цены на медь на уровне, обеспечивающем рентабельную добычу [323, 19.07.1975].

Среди множества социально-экономических проблем Замбии в 70-е годы одной из наиболее острых была транспортная, возникшая в результате «родезийского кризиса». Замбия — страна континентальная. Ее экспортно-импортные перевозки в колониальный период и в первые годы независимого развития осуществлялись в южном направлении через территорию Родезии к портам Бейра и Лоренсу-Маркиш в Мозамбике, а также к порту Лобито в Анголе. Из-за возникших трудностей с перевозкой замбийских грузов по территории Родезии и экономических санкций ООН против расистского режима Смита использование Замбией этой железнодорожной магистрали практически стало невозможным. Вследствие экономической привязанности страны к Родезии, на долю которой в 1965 г. приходилось 49,7% замбийского импорта и 69,6% потребляемой в Замбии электроэнергии [59, 1971, № 3, с. 16, 22], правительство Замбии лишь частично участвовало в санкциях ООН, сократив объем торговли с Родезией и транспортные перевозки через ее территорию.

В ходе проведения политических и военных провокаций и действий экономического характера против Замбии режим Смита в январе 1973 г. вообще закрыл свою границу для замбийских грузов. В Замбии началась переориентация грузовых перевозок в северном и восточном направлениях — на Танзанию и Малави. Хотя ко времени бойкота Замбии удалось более чем на треть переориентировать свои перевозки, тем не менее 62% замбийских грузов по-прежнему приходилось перевозить через Родезию.

В сложившейся обстановке первостепенное значение приобрел порт Лобито, пригодный для перевалки тяжелого машинного оборудования. В середине 1975 г. транспортировка замбийских грузов через Анголу серьезно осложнилась из-за нестабильного политического положения и вооруженных столкновений в этой стране. В августе порт Лобито вообще прекратил операции с замбийскими грузами.

Правительству Замбии пришлось рассмотреть возможность переориентации грузовых потоков на порты Бейра и Дар-эс-Салам, о чем была достигнута договоренность с правительствами Танзании и Мозамбика. Однако и в этих портах, не рассчитанных на столь большое увеличение грузооборота, скопилось много замбийских товаров [378, 29.08.1975]. В связи с чрезвычайными обстоятельствами в сентябре 1975 г. было начато движение грузовых поездов по еще не достроенной железной дороге ТАНЗАМ (Дар-эс-Салам — Капири-Мпоши) [378, 07.09.1975], однако и эта мера не смогла нормализовать создавшееся тяжелое экономическое положение.

Трудности, возникшие с перевозкой народнохозяйственных грузов, перебоями в снабжении продуктами питания, непрерывный рост цен сказались на внутривнутриполитической обстановке в стране. Усилились выступления неорганизованного населения, подобные «хлебной забастовке» ноября 1974 г., в результате которой правительство было вынуждено отменить свое решение о повышении более чем в два раза некоторых розничных цен. Широкий размах приняло забастовочное движение. В 1975 г., например, состоялось 78 санкционированных забастовок [59, 1985, № 4—5, Прил., с. 9]. Бастовали в основном трудящиеся, занятые в частном секторе. Они требовали прекращения увольнений с работы, улучшения условий труда и повышения заработной платы.

Правительство неоднократно призывало ограничить число забастовок в ключевых отраслях экономики. В 1970 г. был принят закон, запрещающий забастовки в ведущих отраслях хозяйства Замбии, таких, как горнодобывающая и пищевая промышленность, строительство, транспорт, электро- и водоснабжение, здравоохранение. Согласно закону, организаторы неофициальных забастовок подлежат увольнению, а право на их восстановление передано в руки предпринимателей. Правительство выдвинуло также требование «жесткой дисциплины» на производстве и стремилось использовать профсоюзы как буфер между предпринимателями и рабочими, особенно на начальном этапе осуществления частичной национализации горнорудной промышленности.

Установление однопартийной системы дало ЮНИП дополнительные рычаги воздействия на профсоюзы. Ее устав определил место КПЗ в политической системе страны как коллективного члена партии. Интеграция КПЗ в структуру ЮНИП в определенной степени связала инициативу руководителей конгресса и ведущих отраслевых союзов партийной дисциплиной тем, что лидеры профдвижения стали входить в состав назначаемых президентом членов парламента, участвовать в работе Национального совета и Генеральной конфедерации ЮНИП.

Однако формальное достижение принципа тождественности интересов партии и профсоюзов, выдвинутого К. Каундой в

конце 60-х годов, отнюдь не означало его соответствие практике. Экономические трудности 70-х годов заставили профсоюзы активизировать свою деятельность в защиту прав трудящихся. Росло число забастовок, в том числе несанкционированных. К несомненным успехам профсоюзного движения можно отнести осуществленный правительством в 1976 г. пересмотр некоторых положений законодательства об отношениях в промышленности (1965 г.), ущемляющих права занятых на государственных и смешанных предприятиях, а также вступление в силу закона о рабочих советах на всех предприятиях страны. Однако в некоторых случаях критика конгрессом определенных аспектов экономической политики правительства, в частности неэффективной производственной деятельности смешанных предприятий, была на руку действующим в стране ТНК, представители которых составляют 70—80% менеджеров высшего и среднего звена в этих компаниях [141, с. 60].

В 70-е годы негативную позицию по отношению к правительству часто занимала молодежь, особенно студенчество. Поводом для антиправительственных демонстраций неоднократно становились отдельные проблемы международной жизни. Так, в июле 1971 г. студенты столичного университета устроили демонстрации против политики Франции в отношении ЮАР, сопровождавшиеся беспорядками в некоторых районах Лусаки. Против них были направлены отряды полиции, проведены аресты. Правительство на некоторое время закрыло университет (см. [264]). В январе—феврале 1976 г. студенты требовали признания правительством К. Каунды Народной Республики Анголы. Ими были организованы забастовка в университетском городке и демонстрации, во время которых произошли столкновения с полицией, применившей против молодежи слезоточивые газы и дубинки. Имелись раненые. Студенческие выступления были настолько серьезными, что правительство во второй раз закрыло университет, а в стране было объявлено чрезвычайное положение.

Признаки недовольства проявились также в армии, заявившей о себе в качестве не только военной, но и политической силы. И хотя открытых выступлений со стороны военных не было, правительство предприняло шаги по децентрализации армии, в которой региональное командование подчинено члену ЦК ЮНИП по делам каждой из провинций.

Правительству и ЮНИП, в том числе и К. Каунде, становилось труднее контролировать положение в стране, сохранять единство партии. По мере осуществления экономических реформ, поощряющих замбийское предпринимательство, усиливалась социально-классовая дифференциация внутри замбийского общества, выросла буржуазная и буржуазно-бюрократическая прослойка в рядах ЮНИП. Интересы и стремление бюрократической (партийной) элиты сохранить свое влияние и материальные блага вошли в противоречие с призывами К. Каунды

бороться с привилегиями и бюрократизмом. Очевидно, что дисциплинарные меры, штрафы за отказ подчиниться «кодексу лидера», довольно часто происходящие замены и перемещения в правительстве и ЦК партии являлись ответной мерой на пассивное сопротивление со стороны партийной верхушки. Возникли разногласия между членами правительства и ЦК ЮНИП и по вопросу об оказании всесторонней помощи национально-освободительным движениям Юга Африки. Все это привело к тому, что К. Каунде пришлось осуществить ряд перемещений внутри ЦК ЮНИП и изменений в составе правительства. Особенно серьезными они были в 1977 г.: премьер-министром вновь стал М. Чона (первый премьер-министр Замбии), в 1975 г. уступивший этот пост по решению К. Каунды Э. Муденде.

В декабре 1978 г. состоялись очередные парламентские и президентские выборы. Решение сессии Национального совета ЮНИП (июнь 1978 г.) о выдвижении К. Каунды в качестве единственного кандидата на пост президента страны вызвало открытую оппозицию. Впервые в истории Замбии на пост президента претендовали еще три кандидата. Однако Генеральная конференция ЮНИП одобрила решение Национального совета о кандидатуре К. Каунды и приняла новый устав партии, одна из статей которого гласила, что кандидатом на пост президента ЮНИП (а следовательно, и главы государства) может стать лишь член партии со стажем не менее пяти лет, предшествующим выборам, и не имевший судимости. Эта статья сделала невозможным выдвижение на пост президента страны двух основных претендентов, намеревавшихся конкурировать с К. Каундой, — Г. Нкумбулы и С. Капвелве, незадолго до этого вступивших в ЮНИП.

В голосовании участвовало около 67% зарегистрированных избирателей. Президентом республики был переизбран К. Каунда. За него было подано 80,5% голосов избирателей, принявших участие в выборах.

Было сформировано новое правительство, в которое вошли пять членов ЦК ЮНИП (в предыдущие годы члены ЦК ЮНИП не имели права занимать посты министров). Самым существенным структурным преобразованием в правительстве в годы независимости стало упразднение должностей министров по делам провинций.

Социально-политическое положение в 80-е годы

Текущее десятилетие — один из самых сложных периодов как во внутривнутриполитическом, так и в экономическом развитии Замбии. Политические позиции руководства Замбии на протяжении почти всего предыдущего периода (60—70-е годы) были достаточно прочными. Главным фактором стабильности поло-

жения К. Каунды и его правительства были кроме личного авторитета и популярности президента объективные благоприятные факторы экономического положения Замбии, прогрессивная социально-экономическая политика правительства, введение в стране однопартийной системы. Однако в последующие годы для внутривнутриполитической ситуации стало характерным определенное ослабление политического режима.

Отличительной чертой внутривнутриполитического положения в Замбии в 80-е годы стало размежевание политических сил в руководстве ЮНИП. Президент, с одной стороны, испытывает давление со стороны партийной элиты, «старой гвардии» ЮНИП, выступающей поборником стабильного однопартийного государства, всемерного усиления влияния партии и укрепления политической сплоченности средствами «гуманистического» социализма, с другой — молодых и образованных политических деятелей, требующих от президента проведения более прагматической внутренней и внешней политики.

Следует отметить, что в последние годы один из важнейших постулатов официальной политической и философской доктрины, переход от капитализма к гуманизму через стадию социализма, претерпевает некоторое обновление. Акцент переносится на вторую его часть — построение социализма. Именно поэтому начиная с середины нынешнего десятилетия К. Каунда неоднократно ставил вопрос о необходимости изучения научного социализма широкими массами населения. Идея использования теории научного социализма как временного средства для построения гуманистического общества встречает сопротивление на высших социальных уровнях замбийского общества. Особенно активна церковь. Христианский совет Замбии и отдельные священнослужители открыто выступают против, придерживаясь мнения о несовместимости изучения теории социализма с религиозной свободой. Позиция церкви пользуется поддержкой в среде парламентариев, интеллигенции, профсоюзных деятелей.

Экономический кризис 80-х годов и осуществление (с 1978 г.) рекомендованной МВФ для Замбии программы стабилизации отрицательно сказались на взаимоотношениях профсоюзов с руководством страны. Можно отметить несколько направлений их конфронтации.

Во-первых, возросшая решимость КПЗ противодействовать политике партии по ограничению возможностей воздействия профсоюзов на массы, всемерному усилению роли самой партии, ее идеологии на современном этапе. Можно предположить, что именно эта позиция конгресса привела к тому, что в измененном уставе ЮНИП 1978 г. не содержится прямого указания на то, что КПЗ — коллективный член партии, хотя ее лидеры по-прежнему рассматривают его как таковой. Со стороны отраслевых профсоюзов оказывается сопротивление введению в 1979 г. закону о децентрализации, предусматривающему созда-

ние партийных ячеек на промышленных предприятиях. Руководство конгресса неоднократно заявляло, что реальная политика правительства в отношении трудящихся расходится с провозглашенными им социалистическими принципами. В апреле 1982 г. КПЗ выступил против широкой пропаганды в стране теории социализма. В декабре того же года конгресс на организованном им семинаре «Участие профсоюзов в социальном и экономическом развитии Замбии» для руководителей отраслевых профсоюзов призвал последних срочно принять всеобъемлющую программу социального обеспечения трудящихся, поскольку правительство не располагает реальными возможностями остановить безудержный рост цен, инфляцию и безработицу [375, 29.12.1982]. Мнение конгресса о том, что руководство профсоюзов имеет большие по сравнению с партией авторитет и возможности влиять на рабочих, особенно в Коппербелте, прозвучало также и на VII съезде КПЗ в октябре 1986 г. Не случайно поэтому, что участники многих забастовок кроме экономических требований выдвигают политические лозунги, отражающие оппозиционные требования КПЗ.

Во-вторых, критика конгрессом политики жесткой экономии, проводимой правительством в соответствии с рекомендациями МВФ. Еще в 1975 г., до принятия программы стабилизации, руководители КПЗ призывали правительство обратить внимание на пагубные последствия развития моноотварного хозяйства и разработать программу реальной диверсификации экономики. Тогда К. Каунда охарактеризовал деятельность руководства КПЗ как контрреволюционную [378, 11.07.1975]. Впоследствии конгресс заявлял, что такие требования МВФ, как увязка заработной платы с производительностью труда и установление 10-процентного потолка ее повышения, сокращение госрасходов на общественные нужды, отмена госсубсидий на товары первой необходимости и др., снижают жизненный уровень населения, подрывают основы экономики и социальный порядок в стране.

Действительно, забастовочное движение охватило в 80-е годы все отрасли хозяйства Замбии. Конфликт между правительством и конгрессом достиг апогея в 1981 г. — рекордном по числу выступлений трудящихся (157 забастовок). Практически перманентно бастовали горняки Коппербелта, требовавшие прекращения вмешательства властей в производственные отношения в промышленности. В июле президент К. Каунда отдал приказ об аресте нескольких руководителей профсоюзов, в том числе председателя КПЗ Ф. Чилубы и генерального секретаря Н. Зимбы, обвинив их в причастности к попытке государственного переворота в октябре 1980 г. 17 профсоюзных лидеров были исключены из партии. Позже все они были освобождены и восстановлены в рядах ЮНИП.

В последующие годы критика конгрессом таких мероприятий МВФ в Замбии, как аукционирование валюты, девальвация квачи, а также организованные с его согласия отраслевыми

профсоюзами многочисленными забастовки, вызывала резкое неприятие со стороны правительства. В критической для Замбии ситуации 1987 г. президент призвал КПЗ не нарушать мир и стабильность в стране, пригрозив, что иначе вопрос о конгрессе будет решаться «или — или» [338, 1987, № 16, с. 14]. После прекращения Замбией в мае 1987 г. выполнения программы МВФ конгресс поддержал выработанную правительством альтернативную программу развития страны и обратился с призывом консолидировать все силы страны во имя восстановления экономики собственными усилиями.

Острой проблемой для правительства остаются отношения со студенческой молодежью. Несмотря на свой в целом неорганизованный характер, ее оппозиция проявляется в очень «враждебной конфронтации, исключаяющей какое-либо взаимопонимание» с правительством. Это особенно стало проявляться после установления в стране однопартийной системы. В университетских изданиях, периодически запрещаемых правительством, подчеркивается несоответствие взглядов правительства и молодежи на модель политического развития Замбии. Студенчество привлекают «радикальные марксистские революционные идеи», причем акцент делается на «революционных лозунгах и риторике» [273, с. 299—300]. Под влиянием лидеров, исповедующих различные «левацкие» теории, студенты выступали против создания в университете отделения Молодежной лиги ЮНИП, неоднократно провоцировались на разгром учебного госпиталя, библиотеки, подсобных помещений. В мае 1986 г. университет был закрыт почти на пять месяцев. Поводом для этого послужили выступления студентов с требованиями увольнения ректора, освобождения председателя Союза студентов университета, арестованного во время одного из выступлений, а также улучшения условий их жизни. (В Замбии более тысячи студентов вынуждены побираться, так как правительство перестало платить им стипендии, выполняя требования МВФ о сокращении расходов в социальной сфере [375, 5.11.1988].) Однако подлинной причиной закрытия университета вернее всего явилось решение властей предостеречь намечавшуюся в конце мая встречу представителей средних школ и высших учебных заведений страны с целью создания общенациональной организации студентов и старших школьников в противовес Молодежной лиге ЮНИП [375, 21.05.1986].

В середине 80-х годов процесс нарастания недовольства стал неуправляемым. Любые оппозиционные взгляды правительством пресекаются, о чем свидетельствуют аресты среди политических деятелей в 1986 г. и многократные перестановки в правительстве, ЦК ЮНИП, дипломатическом корпусе. Однако основную опасность политической стабильности в стране представляет не та «оппозиция меньшинства» [273, с. 298], характеристика которой давалась выше, а оппозиция масс.

1986 г. был отмечен многочисленными выступлениями насе-

ления против ухудшения своего положения: водители автобусов и такси протестовали против очередного повышения цен на бензин, студенты требовали отменить введение платы за обучение в школах-интернатах. В начале 1987 г. прокатилась волна забастовок на предприятиях государственного сектора. Однако кульминацией были волнения в декабре 1986 г. в городах Коппербелта, когда правительство под давлением МВФ в два раза повысило цены на кукурузную муку. В ответ началось разграбление магазинов, правительственные чиновники и функционеры правящей партии подвергались нападениям, проходили демонстрации и стычки с армейскими подразделениями, брошенными на подавление беспорядков, в результате которых, по официальным данным, в течение трех дней погибли 15 человек. В итоге событий К. Каунда вынужден был отменить повышение цен [351, 05.05.1987].

2 мая 1987 г. К. Каунда объявил о прекращении выполнения Замбией программы МВФ. К. Каунда заявил, что пришло время осознать объективную реальность, и Замбия добровольно решила испробовать новый путь развития на базе собственных ресурсов [375, 03.05.1987].

Осуществление альтернативной программы (июнь 1987 — декабрь 1988 г.) не могло в столь короткий срок ликвидировать кризисные явления в экономике, погасить социальную напряженность как в замбийском обществе в целом, так и внутри правящей партии. Все эти проблемы особенно остро проявились в год очередных парламентских и президентских выборов.

В марте 1988 г. на очередной сессии Национального собрания К. Каунда вынес на обсуждение законопроект о парламентской реформе, предусматривавший совмещение членами парламента своих депутатских обязанностей с основными профессиональными занятиями. Предполагалось, что депутаты сохранят свои рабочие места и заработки и не будут получать вознаграждение за парламентскую деятельность, кроме денежных пособий за участие в сессиях парламента и расходов на избирательную кампанию, а также на транспорт. Эти меры, по замыслу авторов законопроекта, могли бы устранить из парламента значительную прослойку состоятельных лиц и сократить административные расходы государства. Однако члены парламента, больше половины которых занимают государственные посты, не захотели стать «временными депутатами»; после второго чтения поправка к конституции практически не обсуждалась и была отклонена: за нее проголосовало лишь 58 из 135 депутатов Национального собрания. Большинство выступило против реформы, которая, как считали они, может в случае принятия ослабить законодательный орган страны, разобщить деятельность его членов, сделать их более послушными.

Не удалось провести поправку и на III внеочередной сессии Национального совета ЮНИП (апрель 1988 г.), которая спе-

циально собиралась с этой целью. В выступлении на сессии К. Каунда подчеркнул, что в период, когда в политической, экономической и социальной жизни страны происходят важные изменения, необходимы, как никогда, укрепление идеологического и организационного единства правящей партии, преодоление элементов оппортунизма и анархизма, которые проповедуются некоторыми членами партии, в том числе частью парламентариев. По мнению К. Каунды, чтобы не допустить проявлений оппортунизма и, как следствие его, хаоса в стране и в партии, требуется внести изменения в устав ЮНИП и поправку в конституцию Замбии.

Несмотря на явное сопротивление, К. Каунда не оставляет намерения вернуться к обсуждению парламентской реформы. Необходимо отметить, что депутатами парламента Замбии могут быть только члены ЮНИП. В связи с этим заслуживает внимания заявление, которое он сделал, приводя к присяге вновь избранных (26 октября 1988 г.) депутатов, о том, что руководство страны будет предпринимать серьезные меры против парламентариев, нарушающих партийную дисциплину.

В августе 1988 г. парламент был распущен в связи с предстоящими всеобщими выборами, они были назначены на 26 октября. К этому времени прошли партконференции во всех провинциях, завершилась работа высших партийных органов — 23-й сессии Национального совета и X Генеральной конференции ЮНИП. Сессия Национального совета одобрила кандидатуру К. Каунды для переизбрания на пост президента партии. Было принято решение о внесении ряда изменений в устав партии. Генеральная конференция единодушно избрала К. Каунду президентом ЮНИП, а следовательно, единственным кандидатом на пост президента республики на предстоящих выборах, новый состав ЦК, приняла поправки к уставу партии.

Как заявил на конференции К. Каунда, поправки к уставу ЮНИП направлены на усиление единства партийных рядов, демократизацию и повышение эффективности работы партии. Состав ЦК был увеличен с 25 до 68 членов. Высшим органом партии вместо Генеральной конференции станет съезд, созываемый раз в пять лет. Была учреждена комиссия партийного контроля в составе 27 человек во главе с президентом партии. Ужесточены требования к руководящим партийным работникам («кодекс руководителя»).

В выборах приняло участие около 55% зарегистрированных избирателей (в 1983 г. — 62%). Нарастающая пассивность замбийцев, по мнению газеты «Санди таймс оф Замбия», объясняется снижением их жизненного уровня, слабостями в работе партии, особенно на местах [372, 13.11.1988]. Последнее нельзя отнести к периоду предвыборной кампании, проходившей под строгим контролем ЦК. В целях ограждения будущего парламента от нежелательных лиц пресекались любые попытки проведения нелегальных кампаний, в восемь раз были повышены

взносы для лиц, желающих выставить свою кандидатуру в парламент.

За К. Каунду проголосовали 54% зарегистрированных избирателей (или 95% избирателей, принявших участие в голосовании). Самое большое число голосов против него было подано в провинции Коппербелт, что свидетельствует об оппозиционных настроениях в профсоюзном движении, о слабости позиций К. Каунды и ЮНИП в среде рабочего класса и городского населения.

К. Каунда был уверен в положительных итогах выборов, учитывая позитивные стороны своего 24-летнего правления. В июне 1988 г. он заявил, что «должен быть переизбран и будет руководить страной до тех пор, пока народ скажет „хватит, уходи!“, и тогда он уйдет без всяких проблем [375, 30.06.1988].

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ЗАМБИИ

Социально-экономическое положение накануне независимости

Неравномерность и скачкообразность развития общества, прежде всего социально-экономических укладов, стала типичной для стран, попавших в орбиту капиталистического развития с очень сильным опозданием (как это произошло с большинством колониальных владений). Нефронтальный характер развития проявляется в том, что одни уклады, образующие современный капиталистический комплекс, развивались быстрее других, вовлекая в свою орбиту все больше средств, ресурсов, кадров, тогда как докапиталистические уклады, сжимаясь и деградируя, сохраняли в то же время в своей сфере огромные массы населения. Акцентируя внимание на стадийном расхождении укладов в недрах колониального общества, советский исследователь Ю. М. Кобищанов пишет: «В Тропической Африке, где даже первые элементы капиталистических отношений появились лишь вместе с европейской колонизацией, все доколониальные общества — докапиталистические, их история полностью принадлежит докапиталистическим эпохам. Традиции доколониальной Африки, постепенно деградируя, отчасти сохраняются в современных традиционных обществах этого континента, которые, однако, входят как важная, но подчиненная составная часть в колониальные и постколониальные общества» [132, с. 38].

Развитие капиталистических производительных сил и их территориальная концентрация насаждались в Африке, в частности в Замбии, извне, и поэтому «имеются определенные основания для историко-географической этапизации развития производительных сил в большем или меньшем соответствии с ростом колониальных захватов, с характером и формами колонизации, со становлением фабрично-заводской промышленности» [113, с. 19].

Процесс колонизации Замбии можно условно разделить на два этапа. Первый (вторая половина XIX — начало XX в.) относился ко времени достижения наивысшего уровня колониальной экспансии западноевропейских держав и характеризовался созданием и непродушной деятельностью Британской южноафриканской компании (БСАК), началом земельных экспро-

приаций, оседанием на территории современной Замбии первых европейских поселенцев. Появление значительной европейской прослойки, ее социально-политический статус и место, отводимые ей колониальными властями в общей системе эксплуатации страны, определили специфические черты развития Замбии как переселенческой колонии. Были созданы предпосылки перестройки территориальной структуры, заложены основы развития капитализма в сельском хозяйстве страны, определен современный облик большинства городов Замбии, их будущая территория и функциональная структура. Одновременно этот период положил начало экономическому застою и упадку традиционного для Замбии хозяйства.

Второй этап ознаменовался форсированным хозяйственным освоением территории страны. Его можно отнести к периоду империализма, когда осуществлялось вовлечение стран Африки в мировое капиталистическое хозяйство и превращение их в аграрно-сырьевые придатки метрополий, причем на передний план выдвигалась экономическая эксплуатация колоний, основывающаяся на законах товарного хозяйства. Для Замбии его временные рамки — начало 20-х годов — 1964 г. Именно в этот период происходило формирование тех социально-экономических структур, которые до наших дней носят очаговый характер и по-прежнему определяют дезинтегрированность экономики Замбии.

Втягивание Замбии в систему мирового капиталистического хозяйства прямо и косвенно стимулировало проникновение в страну капиталистических методов хозяйствования. Монополистический капитал Англии способствовал созданию капиталистических предприятий в горнодобывающей промышленности Замбии, что, в свою очередь, вызвало развитие европейского фермерского хозяйства, ориентированного в основном на снабжение продовольствием проживающего в стране белого населения, связанного с неземледельческими сферами хозяйства, и африканских наемных рабочих. Развитие товарно-денежных отношений в Замбии, носившее «вторичный» характер, было нацелено на удовлетворение нужд метрополии и колониальной администрации. В этом состоит важнейшая особенность формирования внутреннего рынка страны, поскольку его развитие па основе разложения отдельных натуральных хозяйств, специализации хозяйственных единиц и обособления различных отраслей существенно тормозилось политикой метрополии как экономической, так и административной. Создание же иностранных предприятий, работающих на внутренний рынок, являлось результатом специфического развития Замбии как поселенческой колонии и раннего формирования постоянной африканской рабочей силы одновременно с широко практиковавшейся системой отходничества.

Структура современного сектора хозяйства. Особенности колонизации Замбии сказались на характере ее социально-эконо-

мического базиса, определили специфику формирования укладов. С конца 40-х годов наиболее зрелой и доминирующей формой хозяйства в Замбии становится иностранный частнокапиталистический сектор, представленный международным и местным европейским и азиатским капиталом. В 1946 и 1964 гг. им формировалось соответственно 48,2 и 75% валового внутреннего продукта (ВВП) страны [61, с. 2].

Характерная черта иностранного частнокапиталистического уклада в Замбии — его структурная неоднородность. Две составные части этого уклада — корпорированный сектор, представленный международным монополистическим капиталом, и некорпорированный, представленный капиталом главным образом европейских поселенцев, а также предприятиями, принадлежащими лицам азиатского происхождения, значительно отличались не только по степени развития производительных сил и состоянию производственных отношений, но и по представляющим их социально-классовым силам. Они являлись, по существу, разными стадиями капиталистического развития.

Основу корпорированного сектора составляли две группы международных компаний, монополизировавшие производство меди и полиметаллов в Замбии: «Родезиэн англо-америкэн», представлявшая англо-южноафриканский капитал, и «Родезиэн селекшн траст» — англо-американский капитал. Их валовые капиталовложения в Замбии к 1967 г. составили более 500 млн. ф. ст. [79, с. 1].

Частный иностранный капитал доминировал также в других отраслях несельскохозяйственного сектора, за исключением энергетики, железнодорожного и авиатранспорта, которые являлись собственностью колониальной администрации. В обрабатывающей промышленности главные позиции занимал капитал метрополии (в 1965 г. английские чистые капиталовложения оценивались в 0,5 млн. ф. ст., прибыль — в 0,9 млн. ф. ст. [373, 18.08.1967, с. 18]).

Международный капитал, выступавший в Замбии в классическом анклавном виде, принес с собой в экономику страны крупное общественное производство, современные производительные силы и развитые формы капиталистических производственных отношений. Монополистический капитал, как важнейшая часть системы колониальной эксплуатации Замбии, пользовался неограниченной самостоятельностью, поддерживаемой не только экономическими привилегиями (например, имперские преференции, валютные ограничения стерлинговой зоны и т. п.), но и политическими мероприятиями со стороны метрополии и местных колониальных властей. Корпорированный сектор, занимающий доминирующие позиции в капиталистическом укладе, являлся моделью классического буржуазного развития. Он действовал по законам мирового рынка и обслуживал его.

Воспроизводственный процесс в некорпорированном секторе частного капитала европейских поселенцев, главной составной

частью которого являлось европейское коммерческое сельское хозяйство, развивался по преимуществу на национальной основе и в интересах внутреннего рынка. Некорпорированный сектор по отношению к корпорированному играл подчиненную роль. Анализируя их взаимоотношения, нельзя не обратить внимание на то, что анклавное горнодобывающее производство, будучи насильственно введено в экономику Замбии, складывалось на специфическом фоне переселенческой колонии параллельно с формированием европейского сельскохозяйственного сектора.

До образования в Замбии крупного корпорированного сектора имелись предпосылки к тому, чтобы и европейский сельскохозяйственный сектор стал анклавным, как это произошло в ряде стран Тропической Африки с ориентированными на экспорт плантационными и крупными фермерскими хозяйствами. Однако под воздействием экспортного крупного горнодобывающего сектора и при поддержке колониальных властей сформировалась специализация сельского хозяйства колонистов на производстве продовольствия для продажи на местном рынке. Таким образом, европейский поселенческий сектор оказался интегрированным в экономику страны, стал основой проникновения в сельское хозяйство капиталистических методов производства и производственных отношений. В этом состоит не только одна из важнейших особенностей генезиса капитализма в Замбии, но и ее политического развития, поскольку европейское сельское хозяйство этой страны накануне независимости — «не только производящая отрасль, часть машины местной колониальной экономики, это один из важнейших политических и социальных устоев колониального режима...» [152, с. 242]. Именно для создания социальной опоры администрация протектората целенаправленно насаждала многочисленные хозяйства колонистов (в 1959 г. их было около 1500 [152, с. 20—23]), предоставляя им политические гарантии и создавая искусственно благоприятные экономические условия.

По сути своей фермерские европейские хозяйства в подавляющем большинстве были малопродуктивными и паразитическими. Землевладение было основано либо на полной частной собственности, что практиковалось в меньшей степени, либо на условиях аренды, максимально приближенной к собственности. Любой европеец, располагавший даже минимумом собственных средств, мог вступить в пользование крупным (в 1951 г. 46% хозяйств имели свыше 1 тыс. га земли каждое [152, с. 213]), средним или мелким (до 100 га в пригородных зонах), не подлежащим дроблению и продаже по частям земельным участком.

В результате земельного ограбления и выселения коренного населения в резерваты (экспроприированные земли переходили преимущественно в колониальный государственный фонд) европейский фермер становился хозяином непомерно большого надела земли, гораздо большего, чем он мог разумно использо-

вать при имеющемся у него капитале. Поэтому степень использования земли была крайне низкой (в 1962—1963 гг. — 5% в среднем по европейским хозяйствам [249, с. 99]), хозяйство велось экстенсивно, причем зачастую с применением африканских традиционных методов. К тому же колониальные власти обязывали колонистов производить продовольственные культуры, однотипные с выращиваемыми в африканских хозяйствах.

Все эти факторы плюс низкая покупательная способность работающих по найму африканцев, на снабжение которых главным образом ориентировалось европейское сельское хозяйство, определяли узость внутреннего рынка, делали большинство хозяйств колонистов нерентабельными, несмотря на использование ими дешевого наемного труда и применявшиеся государством полупринудительные методы вербовки рабочей силы.

На фоне общей низкой рентабельности европейского сельского хозяйства выделялись крупные частнокапиталистические сельскохозяйственные хозяйства в районе железнодорожного пояса и в Восточной провинции. Их становление проходило стихийно в основном до 1928 г. на базе полной собственности на землю. Владельцы таких земельных паделов имели значительные капиталы для ведения интенсивного производства с применением современной техники и методов агрикультуры, они использовали постоянных наемных рабочих. Уровень издержек производства в этих хозяйствах позволял им выходить с частью своей продукции (особенно с вирджинским табаком) на внешний рынок.

С целью поддержания рентабельности, конкурентоспособности и заинтересованности в производстве того или иного вида продукции и в ее поставках на внутренний рынок колониальная администрация активно финансировала хозяйства колонистов. Это проявлялось в гарантировании рынка сбыта, поскольку вся продукция таких хозяйств независимо от уровня и издержек производства скупалась государственными закупочными организациями по завышенным в сравнении с африканской продукцией ценам [249, с. 129—133], в предоставлении льготных ссуд и безвозвратных займов, в снижении транспортных тарифов, в льготных ставках земельной ренты и т. д. Кроме того, колониальное правительство Северной Родезии выплачивало фермерам-колонистам за производство и продажу кукурузы — основной продовольственной культуры — компенсацию, представлявшую собой разницу между продажной ценой на внутреннем и внешнем рынках. Вследствие этого в особо урожайные годы страна несла убытки в десятки тысяч фунтов стерлингов.

В начале 60-х годов фермерские хозяйства давали 70—80% товарной сельскохозяйственной продукции в стране. Только они производили вирджинский табак, молоко, сахар, свинину и фрукты, также большую часть кукурузы, говядины, домашней птицы и яиц.

Весь комплекс политических и социально-экономических ме-

роприятий в колонии был направлен на укрепление позиций белого населения, которое состояло в основном из временных жителей-иммигрантов (экспатриантов). Исходя из этой демографической особенности, английская администрация уделяла большое внимание «оседлому» контингенту, который в наибольшей степени состоял из чиновничьей прослойки и фермеров, «посаженных на землю» в рамках различных планов.

В социальном отношении белое фермерство представляло собой довольно однородную по имущественному, общественно-политическому положению и по интересам среднюю колониальную буржуазию. Его устремления были тесно связаны с господствующим в стране колониально-расистским режимом, ибо фермерство пользовалось особыми привилегиями и преимуществами даже по сравнению с другими слоями европейского населения. В целом фермеры выделялись своей крайней политической консервативностью и наряду с белыми горняками — выходцами из Южной Африки стали социальной базой правого крыла реакционной расистской *Федеральной партии доминиона* — так называемой *Партии содружества Северной Родезии* [231, с. 78], выступавшей за усиление расовой дискриминации и сегрегации, ориентировавшейся на установление в стране режима по типу ЮАР.

К 1961 г. 85% из 76 тыс. человек европейского населения проживало в городах [247, с. 35] и занимало ключевые позиции во всех сферах жизни страны. В социальном отношении оно было неоднородным. Так, в 1956 г. свыше 15% экономически активного европейского населения находилось на нижних ступенях социальной иерархии (клерки, мелкие торговцы и т. д.), хотя имело более высокие заработки и лучшие бытовые условия по сравнению с теми, что были у них на родине, не говоря уже о сравнении с коренным населением. Работавшие по найму составляли в 1964 г. 42,8% европейского населения, в том числе в сфере обслуживания, включая образование, медицину и госаппарат, — 11% [59, 1965, № 8, с. 14]. Незначительное число экспатриантов занималось предпринимательской деятельностью (владельцы промышленных, строительных и торговых предприятий, карьеров, коммерческих хозяйств в сельском хозяйстве, транспортных агентств и т. д.).

Официальная английская статистика включала в некорпорированный частный иностранный сектор кроме поселенческого также капитал, принадлежащий азиатскому населению (иммигранты из западных районов Индии). В 1965 г. азиатское население в Замбии составляло 9,5 тыс. человек [247, с. 40]. Специфический характер социально-экономического статуса этой категории частнокапиталистических предпринимателей заключался в преобладании среди них средней и мелкой торговой буржуазии, занимавшей в своей сфере весьма прочные позиции. Так, в 1960 г. доходы всего азиатского населения от торговых операций равнялись доходам европейских и азиатских

торговцев, вместе взятых. С торговлей было связано не менее 86% экономически активного населения азиатского происхождения [231, с. 15], сосредоточенного в основном в Лусаке, Ндоле и в Восточной провинции.

В 1964 г. под их контролем находилось более 90% розничной и приблизительно столько же оптовой торговли в периферийных районах, ими производилось свыше 10% продукции обрабатывающей промышленности и ремонтных работ, около 0,8% транспортных и около 3% прочих работ и услуг, не входящих в обычную сферу деятельности европейской общины [190, с. 122].

Данные на конец 50-х — начало 60-х годов свидетельствуют также о том, что более половины (54,1%) азиатских семей, проживавших в Замбии, имели средние (37,5%; 400—600 ф. ст.) и высокие (13%; свыше 1000 ф. ст.) среднегодовые доходы, в том числе 3,6% семей получали, по-видимому, настолько крупные доходы, что статистика их даже не расшифровала [121, с. 56—57]. К последним можно отнести и ряд крупных бизнесменов, имена которых известны в Замбии и сейчас, около двух десятков владельцев крупных товарных хозяйств, а также лиц свободных профессий.

Для эволюции политической позиции азиатской общины в Северной Родезии, выразителем которой были мелкобуржуазные элементы, характерно следующее: приверженность колониальным властям, от которых иммигранты получили лучшие условия жизни, чем на родине; создание собственных политических (и экономических) организаций для того, чтобы оградить себя от дискриминационной политики властей, распространявшейся на азиатское, как и на любое другое неевропейское, население; и, наконец, стремление наиболее радикальных среди азиатского населения сил содействовать африканскому национально-освободительному движению. Последнему в немалой степени способствовала политика ЮНИП, которая в период наивысшего подъема антиколониальной борьбы (конец 50-х — начало 60-х годов) объявила открытый доступ в нее лицам любой расы и национальности, поддерживающим позицию партии. Она призвала также к объединению в стране всех антиколониальных сил. В результате Индийский конгресс Северной Родезии заявил о самороспуске и присоединился в полном составе к ЮНИП. Азиатская община оказывала ЮНИП и материальную поддержку [121, с. 77; 270, с. 160—161, 164]. Многие либеральные политические деятели из среды европейских поселенцев также оказывали ЮНИП финансовую помощь, состояли ее членами и даже избирались на высшие партийные, а позже назначались на правительственные посты.

В целом число неафриканцев в стране, имеющих собственный бизнес и использующих наемный труд, составляло в 1965 г. 2800 человек, в том числе на транспорте — 1018, в сельском хозяйстве — 711, сфере обслуживания — 438, обрабатывающей про-

мышленности — 363, строительстве — 210, в горнодобывающей промышленности — 13, в энергетике и водоснабжении — 2 [75, с. 64].

Африканское национальное предпринимательство было развито слабо и ограничивалось только теми сферами экономической деятельности, которые ориентировались на местный африканский рынок. Оно было представлено мелкими, средними предприятиями и ремесленными мастерскими, работавшими на местном сырье. В промышленности африканский капитал имелся лишь в производстве отдельных видов продовольствия, напитков, табачных изделий, мебели, а также в заготовке древесины. Африканцам принадлежало значительное число небольших торговых предприятий в сельской местности; «самостоятельные хозяева» занимались традиционными ремеслами, старательством и т. д. В 1965 г., по данным официальной замбийской статистики, в стране насчитывалось 843 африканца-предпринимателя (работодателя), в том числе в торговле — 476 человек, строительстве — 109, сфере обслуживания — 104, обрабатывающей промышленности — 35, транспорте — 8 человек [75, с. 64].

Сельская национальная буржуазия была представлена владельцами относительно крупных (по сравнению с основной массой африканских сельскохозяйственных владений) товарных ферм, однако значительно уступающих по площади обрабатываемой земли и объему используемого наемного труда хозяйствам европейских поселенцев. Расположенные главным образом в районах товарного сельского хозяйства, некоторые из них приблизились к размерам европейских ферм и даже составляли им конкуренцию на внутреннем рынке. Их численность не превышала нескольких десятков.

Преобладающим типом эксплуататорского африканского хозяйства в стране являлось (и остается до сих пор) хозяйство, основанное на феодально-патриархальной эксплуатации крестьян, медленно вытесняемой применением наемного труда. Возникновение таких хозяйств в северорозетийской деревне шло двумя путями — традиционным, т. е. через пожалование титула, сопровождающимся увеличением земельного надела, и вне сферы традиционной иерархической системы. Второй путь предполагал наличие небольших первоначальных денежных средств, полученных в основном помимо сферы сельского хозяйства — на службе в качестве чиновников, учителей, миссионеров; от работы по найму на предприятиях европейского сектора; от владения мелким торговым предприятием (чайная, лавка) в сельской местности и т. д. [276, с. 17]. Такие накопления, переливаясь в сельское хозяйство, позволяли их владельцам расширять свои земельные наделы за счет общинных земель, использовать большой объем дешевого труда путем семейной кооперации, различные виды отработок и другие традиционные формы эксплуатации общинников. Нередко владельцы зажиточных хозяйств занимались также ростовщичеством и торговлей.

Росту крупного африканского предпринимательства в стране мешали многие неблагоприятные факторы экономического характера, но самым решающим было все же двойственное отношение к ним колониальных властей. С одной стороны, они не могли не учитывать объективных процессов дифференциации крестьянства и роста торгового земледелия. За несколькими десятками капиталистических хозяйств стояли сотни зажиточных «прогрессивных фермеров» в Южной и Центральной провинциях и «крестьян-фермеров» в удаленных районах. В 1955 г. насчитывалось, например, 1070 «прогрессивных фермеров» в Южной и Центральной провинциях [245, с. 19]. По оценке И. А. Сванидзе, в начале 60-х годов «большая часть товарного выхода продукции африканской деревни приходится на ограниченное число — 10—15% хозяйств, тяготеющих по типу к кулацким либо к феодальным» [152, с. 173]. Поэтому власти работали и применяли систему поощрительных мер в отношении верхушки владельцев товарных африканских хозяйств, рассчитывая получить в их лице сторонников своей политики в стране. С другой стороны, их стремление оградить фермеров-колониалов от конкуренции африканского сектора и сохранить систему отходничества как основную форму эксплуатации перевешивало все другие соображения и побуждало их сдерживать развитие капитализма в африканской деревне [123, с. 131—135].

Таким образом, частный азиатский и национальный капитал в колониальной Замбии занимал подчиненное положение в рамках частнокапиталистического сектора, который находился под контролем иностранной (международной и поселенческой) буржуазии. Местная и азиатская (в своем большинстве) буржуазия была связана исключительно с внутренним рынком.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о структуре национального дохода Северной Родезии дают возможность сравнить денежные доходы африканского и неафриканского населения в рамках некорпорированного сектора. В 1945 г. на долю африканского населения приходилось 18,2% всех доходов, в 1953 г. (оценка) — 27,5, в 1963 г. — 36% [59, 1965, № 8, с. 39; 61, с. 23].

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что частное предпринимательство (иностранное и местное) к моменту провозглашения независимости Замбии было доминирующей формой капиталистических производственных отношений в современном секторе экономики. Однако особенность роста торгового земледелия в стране как африканского, так и европейского заключается в том, что оно не сопровождалось соответствующим развитием капиталистических отношений, поскольку широко применялись различные методы принуждения [123, с. 121].

Заметное место в хозяйстве Северной Родезии накануне независимости занимал государственный сектор, доля предприя-

тий и учреждений которого на конец 1964 г., по различным оценкам, составляла в ВВП около 16%. В госсекторе Замбии в 1964 г. насчитывалось около 50 компаний (ими контролировалось менее 20% производства страны [301, с. 218]) в большинстве своем с преобладанием управленческих функций. 14 автономных статутных корпораций и некорпорированных организаций (управлений и бюро) были связаны с производственной деятельностью или с закупками и реализацией продукции. Это небюджетные автономные организации различных типов («парастейтс»). Их независимый статус объясняется тем, что они учреждались специальным законодательным или административным актом в соответствии с решением колониальных властей, а не путем частной инициативы, причем подчинялись только указаниям правительства и не имели никакого другого контроля над своей деятельностью. Правительству в лице министерств они обязаны были представлять отчеты о работе. Эти организации, пользующиеся известной административной и финансовой автономией, действовали главным образом как коммерческие предприятия. Их первоначальный капитал был образован за счет средств государственных фондов. В дальнейшем их деятельность финансировалась за счет собственных средств и государственных займов. Они имели право самостоятельно брать займы на рынке, сохранять свои прибыли (после вычета налогов и выплаты других обязательств) и делать амортизационные отчисления для финансирования своей деятельности (характер «парастейтс» сохранился и после независимости) [37, с. 1—19]. По роду деятельности в 1964 г. их можно было сгруппировать следующим образом: сельскохозяйственные производственно-сбытовые организации (5 компаний), энергетические (4), транспортные (2), финансовые (2) и управление африканского жилищного строительства. В трех из 14 компаний Северная Родезия участвовала на паевых началах с Южной Родезией и Ньясалендом, ее доля составляла 50% в энергетической «Сентрал африкэн пауэр корпорейшн» и железнодорожной компании «Родезия рейлвейз» и 45% в авиационной «Сентрал африкэн эрвейз корпорейшн».

Таким образом, к середине 60-х годов около 91% ВВП Замбии формировалось в современном секторе хозяйства. Неудивительно поэтому, что в центре внимания зарубежных и советских исследователей социально-экономических процессов в Замбии в эти годы, т. е. накануне и непосредственно после провозглашения независимости, оказался комплекс вопросов, связанных с современным сектором и основной его отраслью — международной промышленностью. Действительно, эти сектор и отрасль во многом определяли (и определяют) характер экономики, а также социальные и политические изменения в стране. Однако Замбия в 60-е годы была типично аграрной страной (и остается таковой в наши дни).

Характеристика традиционного сектора. По первой полной

переписи африканского населения 1963 г., сельское население страны составляло 2,7 млн. человек, т. е. 80,2% всего населения [247, с. 46].

Свыше 75% населения проживало в традиционно африканских сельских районах, около 5% — в районах европейского товарного сельского хозяйства. Таким образом, подавляющее большинство крестьянства было связано с патриархально-общинным укладом. К концу 60-х годов официальная статистика относила к традиционному сектору 329 тыс. крестьянских хозяйств [77, с. 173—174]. В 1968 г. в них обрабатывалось 750 тыс. га (в среднем на одно хозяйство приходилось 2,3 га), выращивались кукуруза, просо, сорго, кассава, арахис, бобы. В этих хозяйствах насчитывалось 1357,3 тыс. голов крупного рогатого скота. Размещение традиционных хозяйств по сельскохозяйственным районам было равномерным, в частности, 22,4% их приходилось на районы товарного сельского хозяйства [70, с. 82, 93, 94]. Излишки продукции поступали на внутренний рынок по официальным сбытовым каналам и составляли в среднем около 370 кг кукурузы в год на хозяйство. В конце 60-х годов продукция, произведенная одной традиционной семьей (хозяйством) для внутреннего потребления, оценивалась в среднем в 97 квачей в год [252, с. 2].

Экономической основой хозяйств этого уклада было общинное земледелие, при котором на базе индивидуального землепользования хозяйство велось отдельными семьями. Несмотря на реализацию части своей продукции на рынке, характер производства в большинстве хозяйств крестьян-общинников оставался натуральным. Денежный доход на душу населения в сельских районах от продукции, произведенной для реализации на рынке, составлял в конце 60-х годов в среднем около 10,2 квачей в год; средняя крестьянская семья состояла из пяти человек (среднегодовой доход на душу населения африканца-горожанина превышал этот уровень более чем в 27 раз [252, с. 2]).

Процесс дифференциации крестьянства затронул деревню Замбии еще в доколониальный период [152, с. 177]. Однако степень сохранения докапиталистических отношений, становление товарной формы хозяйствования зависели не столько от имманентно присущих традиционному африканскому обществу процессов, сколько от уровня вовлеченности (прямого или косвенного) этого общества в орбиту интересов европейского капитала. Поэтому расслоение крестьянства шло главным образом в результате воздействия на него извне.

О факторах, препятствовавших развитию в деревне товарного производства, имущественному и социальному расслоению крестьянства, было сказано выше. Здесь же упомянем лишь об одном факторе, способствовавшем приведению традиционного сектора в состояние застоя, — о тенденции к обособлению отдельных хозяйственных очагов, появившейся в начале коло-

низации страны. Таких очагов на территории современной Замбии было несколько: со специализацией на минеральном сырье — на северо-западе, на товарной сельскохозяйственной продукции — в центре вдоль железной дороги, на востоке и севере. Большая же часть территории практически оставалась вне зоны вовлечения в новые хозяйственные сферы деятельности. Африканские традиционные районы и сельскохозяйственное производство не использовались по прямому назначению, хотя и рассматривались как источник воспроизводства африканского населения и резерваур дешевой рабочей силы для европейских промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Вследствие неравномерного хозяйственного развития страны в колониальный период и наличия районов экономического роста и экономического застоя наиболее благоприятные возможности для производства товарной продукции были у африканских хозяйств — так называемых полукommerческих, или мелко-товарных, ферм — в районах с высокой экономической активностью (места европейского заселения), главным образом в Южной и Центральной провинциях, где основными потребителями являлись работавшие по найму африканцы. В этих районах процесс формирования африканских фермерских хозяйств, начавшийся в конце 20-х годов, в 60-е годы приобрел широкий размах. Встретив в этих районах сильную конкуренцию со стороны крупных европейских сельскохозяйственных предприятий, африканские фермерские хозяйства стали специализироваться на выращивании культур, пользующихся спросом у африканского населения, — кукурузы, арахиса, хлопка, а также второстепенных культур для рынка — просо, сорго, кассавы и др.

В районах преимущественно африканского расселения такую же специализацию имела часть принадлежавших коренному населению индивидуальных хозяйств, хотя по площади и объему торговых операций уступавших однотипным фермам в зонах товарного земледелия. Разбросанные на огромной территории вне районов европейского заселения, удаленные от промышленных центров и железной дороги, они тяготели к автодорогам, к европейским миссиям и другим местам возможного сбыта продукции. Этот тип африканских индивидуальных хозяйств был представлен в основном в начале 60-х годов «прогрессивными фермерами», которые еще до 1964 г. стали применять рекомендованные администрацией более современные агротехнические приемы, отличные от традиционных.

По различным оценкам, в 60-е годы в Замбии насчитывалось от 25 тыс. до 62 тыс. крестьянских товарных хозяйств [223, с. 54; 320, с. 160]. В 1964 г. на долю товарных африканских хозяйств и производственных кооперативов приходилось 18,9% стоимости реализованных на рынке основных для африканского сельского хозяйства культур — кукурузы, арахиса, табака (турецкого и «барлея») и хлопка [252, с. 5]. Мелкотоварное производство охватывало также африканские торговые пред-

приятия, производство промышленных товаров первой необходимости, кустарно-ремесленные промыслы, а также мелкие и средние азиатские предприятия в торговле, ремесленном производстве и т. д.

На конец 1964 г. доля традиционного сектора в формировании ВВП составляла 9% (оценка). Причем статистика учитывала продукцию, идущую на потребление лишь внутри хозяйств. Товарная же продукция африканского сектора включалась в общий счет с европейским сектором.

Современное замбийское общество: социально-экономическая структура

С провозглашением независимости перед народом и правительством Замбии открылись возможности для самостоятельного развития. Одновременно необходимо было решать проблемы, доставшиеся ей в наследство от колониализма. Наиболее сложной из них оказалась задача, связанная с преодолением деформированной структуры экономики, ее ярко выраженного дуалистического характера. Наличие двух типов производства — товарного (ориентированная на экспорт горнодобывающая промышленность, современный сектор сельского хозяйства) и натурального (огромный массив традиционного сельского хозяйства) отразилось как на территориальном размещении производительных сил, так и на темпах их роста. Существование современного горнопромышленного комплекса, такого, как Коппербелт, несомненно, влияло на формирование хозяйственной структуры Замбии и сказывалось на темпах ее экономического роста. В то же время это создавало лишь видимость заметного индустриального развития. Район был слабо связан с хозяйственной деятельностью страны, поскольку ориентировался на добычу минерального сырья, идущего на экспорт. Все это неизбежно вело к созданию диспропорционального хозяйственного организма.

Не менее важными проблемами стали зависимость от импорта продукции обрабатывающей промышленности из Южной Родезии (ныне Зимбабве), ЮАР и Англии, огромный разрыв в доходах между экспатриантами и замбийцами, между африканскими горняками и африканцами, работающими по найму на других производствах, безработица, миграция сельского населения в города и ряд других.

Наряду с этим ко времени достижения политической независимости у Замбии был значительный (по масштабам африканских стран) современный сектор экономики — горнодобывающая промышленность и связанные с нею различные производства, приносившие основную долю доходов правительству и позволявшие ему направлять средства на развитие экономической и социальной инфраструктуры страны.

Этот «очаговый» современный сектор — основная сфера социально-экономического развития Замбии. И хотя он по-прежнему остается подчиненной, составной частью мировой капиталистической системы и прямым отражением ее хозяйственных структур, степень развития этого сектора позволяет отнести Замбию к тому типу африканских стран капиталистической ориентации, которые находятся на более высоком социально-экономическом уровне.

Горнодобывающий комплекс стал основой государственного сектора хозяйства страны, первым этапом становления которого явилась передача национальному правительству собственности бывшей колониальной администрации. Правительство Замбии получило в свое распоряжение банковские авуары, накопленные метрополией за годы колонизации Северной Родезии и размещенные в Англии. В результате распада Федерации Родезии и Ньясаленда и провозглашения независимости правительство Замбии получило, в частности, около 15 млн. ф. ст. в год в виде подоходного налога, таможенных и акцизных сборов, которые до 1964 г. поступали в федеральную казну [59, 1966, № 2, с. 26]. Важное значение имела передача в октябре 1964 г. Британской южноафриканской компанией (БСАК) права собственности на разведку и разработку полезных ископаемых в руки правительства. Это значило, что государство стало взимать арендную плату с иностранных горнорудных компаний, имеющих концессии на территории, равной 70% площади страны [275, с. 6—7].

Наиболее интенсивно формирование госкапиталистического уклада происходило в Замбии в 1968—1974 гг. в процессе приобретения государством акций иностранных предприятий, а также за счет вновь создаваемых компаний. Огосударствление сводилось в основном к приобретению части капиталов или собственности иностранных компаний, к так называемому партнерству.

Материальной основой государственного уклада стали как полностью государственные предприятия (компании), так и смешанные с государственным и иностранным (редко национальным) капиталом. Государство располагает в акционерном капитале большинства смешанных компаний 51% акций и более. Однако очень остро в Замбии стоит проблема производственно-финансовой эффективности предприятий госсектора, которые практически не работают на полную мощность. Так, в 1981 г. загрузка предприятий по производству пищевых масел и жиров была на уровне 21% проектной мощности, цемента — 56, тканей — 74%. Рентабельность смешанных предприятий горнодобывающей промышленности достигала лишь 20% [72, 1981, с. 167—169; 208, с. 76]. В связи с этим государство вынуждено субсидировать их производственную деятельность. К середине 70-х годов, например, сумма субсидий достигала 13% бюджета страны [375, 19.12.1974]. И хотя в июне 1975 г. К. Каунда заявил о сокра-

щении дотаций предприятиям смешанного сектора на 60% [55, с. 37], государство только в 1980 г., приняв на себя обязательства по внешним займам и кредитам горнорудных компаний и компаний, входивших в систему Корпорации промышленного развития (ИНДЕКО), выплатило около 340 млн. квачей. Неэффективность предприятий госкапиталистического уклада — одна из важнейших причин кризисного состояния экономики Замбии.

Государственно-капиталистический уклад получил распространение почти во всех отраслях экономики. В начале 80-х годов государственные и смешанные предприятия в целом производили подавляющую часть ВВП и обеспечивали занятость свыше 285 тыс. человек в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, в энергетике и на транспорте, в сфере обслуживания, туризме, торговле, сельском хозяйстве и финансах [59, 1985, № 4—5. прил., с. 1—3; 248, с. 11].

Накануне независимости ключевые позиции в экономике Замбии занимал частнокапиталистический уклад. Иностранное частное предпринимательство, главным образом европейское и южноафриканское, было доминирующей формой капиталистических производственных отношений. В процессе осуществления новой экономической политики (1968—1974) деятельность частного иностранного капитала была существенно ограничена, что значительно изменило соотношение между государственной и частной собственностью, особенно в сфере современного производства. В 1980 г. удельный вес занятых на предприятиях частного сектора сократился в 1,4 раза по сравнению с 1975 г.

Однако позиции частного сектора все еще устойчивы. Особенно это относится к корпорированным предприятиям современного сектора. Например, на частный сектор обрабатывающей промышленности приходится около 40% производимой продукции (1982 г.) и около 54% всех занятых в отрасли [89, с. 14; 59, 1985, № 4—5, Прил., с. 1—3]. Уровень загрузки мощностей на предприятиях частного сектора возрастает (1986 г. — с 38 до 54%). Частный капитал представлен во всех отраслях обрабатывающей промышленности, а особенно в автосборке, производстве покрышек, переработке пищевых продуктов и в традиционных для него сферах — металлообработке и инженерных услугах. Весьма значительна доля частного сектора в строительстве — около 50%. По-прежнему доминирует частный капитал в банковской системе. Наиболее крупные частные предприятия принадлежат иностранным собственникам.

Частный капитал европейских поселенцев по-прежнему играет важную роль в сельском хозяйстве. На крупные коммерческие — европейские и африканские — хозяйства (около 800, 65% из них — европейские [92, с. i]), а также мелкотоварные африканские хозяйства делает ставку правительство в развитии товарного сектора: если в 1965 г. доля этого сектора в сельском хозяйстве составляла в ВВП 2,6%, а в стоимости валовой сель-

скохозыятственной продукции — 18,8, то в начале 80-х годов соответственно 3,5 и 31% [59, 1968, № 4, с. 47; 1980, № 1—3, с. 50]. В 1984 г. крупные коммерческие хозяйства произвели более 90% арахиса, 40% товарной кукурузы и почти всю пшеницу и молоко [72, 1984, с. 121—122].

Национальный частный капитал наиболее активен в строительстве, в автодорожном транспорте и розничной торговле; увеличивается число африканских товарных ферм в сельском хозяйстве. Деятельность азиатского частного капитала, особенно в торговле, правительством Замбии лимитируется. Ограничительное законодательство в отношении индо-пакистанского населения было принято как часть общей программы вытеснения иностранного капитала с целью повысить конкурентоспособность африканской предпринимательской прослойки в борьбе с торгово-предпринимательскими слоями, состоящими в основном из мелких и средних торговцев-азиатов.

В Замбии, как и в других развивающихся странах, водораздел между современным и традиционным секторами не совпадает с границами укладов. Современный сектор включает в себя не только крупное производство в государственной и частнокапиталистических формах, но и мелкотоварное производство традиционного типа. Развитие капитализма в Замбии ограничено преимущественно районами размещения горнодобывающей и обрабатывающей отраслей промышленности (города Коппербелт, Кабве, Лусака, Кафуэ, Ливингстон и др.) и районами распространения товарного сельского хозяйства (район железнодорожного пояса), слабо связанными с внутренним рынком и традиционным хозяйством.

Основным звеном традиционного сектора Замбии являются докапиталистические формы хозяйства, причем главным образом в деревне, хотя, например, нетоварное производство существует в строительстве, в кустарной промышленности и др. Этот сектор включает в себя и раннекапиталистические формы. В настоящее время социально-экономические процессы, происходящие внутри традиционных аграрных структур, представляют собой медленный и неравномерный переход от натурального хозяйства к товарному, формирование мелкотоварного уклада на общем фоне господствующего патриархально-общинного уклада и определяются в основном не имманентно присущими этим структурам внутренними закономерностями, а приспособлением их к общему экономическому развитию Замбии.

С патриархально-общинным укладом, где хозяйство ведется натуральным и полунатуральным способами, по-прежнему связано подавляющее большинство крестьян. По различным оценкам, этот уклад насчитывает от 450 тыс. до 600 тыс. хозяйств крестьян-общинников [92, с. i; 273, с. 122], с которыми в конце 60-х — начале 70-х годов было связано свыше 77% экономически активного сельского населения [70, с. 82, 93—94]. Доля хозяйств этого уклада (иначе говоря, нетоварного секто-

ра) в ВВП составляла в 1979 г. 7,8%, а по стоимости валовой продукции сельского хозяйства — 69%. Замбийская статистика объединяет их в категорию «потребительского сектора» и учитывает лишь ту производимую ими продукцию, которая идет на потребление внутри хозяйств. Они преобладают почти на 40% территории страны, где проживает 20% всего населения и 28% сельского населения Замбии [299, с. 37].

Характеризуя социально-классовый состав крестьянства, следует отметить, что из-за отсутствия более поздних публикаций и более полных данных нам приходится использовать материалы переписи сельского хозяйства 1970/71 г. Однако качественные оценки, справедливые для начала 70-х годов, могут быть с полным основанием отнесены к крестьянству Замбии и на рубеже прошедшего и нынешнего десятилетий. Отметим лишь, что численность населения, связанного с патриархально-общинным укладом, растет весьма медленными темпами — менее чем на 1% в год. Рост доходов этой группы крестьянства — один из самых низких в Замбии — менее 3% в год [320, с. 160]. Отмечается дробление земельных участков, массовый отток крестьян в города. Данные о переписи населения Замбии 1969 г. подтвердили наличие около 5 человек в каждом крестьянском хозяйстве, более поздние сведения говорят о сокращении их числа [299, с. 150].

По переписи сельского хозяйства 1970/71 г., около 43% хозяйств традиционного сектора располагали земельными участками площадью до 1 га [223, с. 54—62]. При существующих в Замбии экстенсивных методах обработки земли их владельцы не могли удовлетворить даже собственных потребностей в сельскохозяйственной продукции. Работа на своем участке являлась для них в значительной мере подсобным занятием, тогда как отработки и отходничество — основным источником существования. Наибольшее распространение такие хозяйства получили в самых экономически отсталых провинциях, удаленных от основных центров и транспортных магистралей (Луапунга, Северная и Северо-Западная), а также в Коппербелте. На долю этих хозяйств в первых трех провинциях приходилось соответственно 68, 51 и 47% всех хозяйств традиционного сектора. Что касается Коппербелта, для которого нехарактерно наличие традиционных общественно-экономических структур (здесь было размещено лишь 2,7% традиционных хозяйств страны), высокий процент беднейших хозяйств (около 48%) объясняется массовым отходничеством на рудники, способствующим сокращению производства в хозяйствах и их разорению.

Около 47% традиционных хозяйств располагали земельными наделами площадью от 1 до 4 га; их владельцы в наибольшей степени были связаны с общинным землепользованием и патриархальными традициями. В таких хозяйствах обрабатывала землю обычно только семья владельца. Хозяйства этой группы равномерно распределяются по районам страны: они составляли от

47 до 56% традиционных хозяйств в шести провинциях и около трети — в двух остальных.

Почти половина традиционных хозяйств (свыше 46%) незначительную часть продукции реализовала на рынке, их повседневные расходы покрывались за счет доходов от земли. Но связь их с рынком имела все же случайный характер.

Остальные 10% хозяйств, владеющих наделами до 20 га и выше, осуществляют регулярные и довольно значительные по сравнению с подавляющей массой хозяйств связи с рынком, хотя и в этом случае производство направлено на удовлетворение преимущественно собственных нужд. Происхождение таких хозяйств берет начало в различных формах докпиталистической и феодальной эксплуатации. Рост найма, имущественное расслоение крестьянства сопровождалось выделением части крестьянской собственности из общинной, а часто и распадом традиционной деревни на индивидуальные поселения (фермы).

Процесс формирования африканских фермерских хозяйств, начавшийся в стране в конце 20-х годов, приобрел в 60-е годы широкий размах. В наиболее благоприятных условиях для производства товарной продукции находились африканские хозяйства в районах высокой экономической активности (районы европейского заселения), главным образом в Южной и Центральной провинциях, где основным потребителем их продукции были работавшие по найму африканцы. Встретив в этих районах сильную конкуренцию со стороны крупных европейских сельскохозяйственных предприятий (к началу 60-х годов средний земельный надел европейской фермы превышал 1 тыс. га), африканские фермерские хозяйства стали специализироваться на выращивании культур, главным образом имеющих спрос у африканского населения, — кукурузы, арахиса и хлопка, а также второстепенных для рынка культур — проса, сорго и кассавы.

В официальных источниках и в буржуазной литературе по Замбии эта группа африканских хозяйств (так называемые полукommerческие, или мелкотоварные, фермы) не получила определенного места в социально-экономической иерархии. В переписи 1970/71 г., например, они отнесены к категории потребительских хозяйств. В других случаях (чаще это относится ко второй половине 70-х годов) они рассматриваются как переходная форма между подавляющей массой традиционных хозяйств и крупными товарными, коммерческими европейскими и африканскими фермами.

К такого рода полукommerческим хозяйствам принадлежали индивидуальные африканские хозяйства в районах африканского заселения, хотя по размерам и объему торговых операций они значительно уступали однотипным хозяйствам в зонах товарного земледелия. Разбросанные на огромной территории вне районов европейского заселения, удаленные от промышленных центров и железной дороги они тяготели к автодорогам, европейским миссиям и другим потенциальным местам сбыта.

Данный тип африканских индивидуальных хозяйств в первые годы после провозглашения независимости был представлен в основном «прогрессивными фермерами», т. е. фермерами, которые еще до 1964 г. стали применять рекомендованные администрацией отличные от традиционных, более современные (прогрессивные) агротехнические приемы. В последующие годы название «прогрессивные фермеры» уступило место таким, как «семейные фермы», «сельские поселения» и «усовершенствованные фермерские хозяйства», объединенным в категорию «имеджент фамерс» («образцовые фермеры»), что отражает их отличие от массы традиционного крестьянства и процесс формирования мелкотоварных хозяйств. Однако новое название по-прежнему распространялось только на поощряемые правительством индивидуальные африканские фермы, находящиеся в удаленных, менее развитых провинциях с низкой плотностью населения, на выделившиеся из потребительского сектора зажиточные крестьянские хозяйства. В начале 70-х годов под понятие «имеджент фамерс» официально подпадал достаточно узкий круг хозяйств, засевающих одной зерновой культурой 2 га или более. Их численность оценивалась тогда в 30 тыс. хозяйств [36, с. 153]. В материалах третьего плана развития (1979—1983) понятие «имеджент фамерс» было распространено также на средние фермерские хозяйства, «имеющие тенденцию к превращению в коммерческие путем большего использования техники, наемного труда, производящие продукцию исключительно для рынка» [78, с. 144, 151]. Таким образом, этим термином стали обозначать все виды мелкотоварных хозяйств.

На наш взгляд, включение замбийской статистикой, в том числе переписью 1970/71 г., африканских ферм зон торгового земледелия и индивидуальных африканских хозяйств, распространенных за пределами европейских районов, в «нетоварный» (потребительский) сектор сельского хозяйства неправомерно. Против их отождествления с натуральными или полунатуральными типами африканских хозяйств говорит не только малочисленность (около 10% всех хозяйств), но и значительно большие размеры земельных наделов по сравнению с подавляющим числом крестьянских хозяйств традиционного сектора. Кроме того, для них характерна концентрация только в двух провинциях, Южной и Центральной (соответственно 36,5 и 17,3% всех хозяйств), и почти равномерное, хотя и незначительное по удельному весу, размещение на периферии (от 1 до 8% в каждой из остальных шести провинций), а также дифференциация хозяйств внутри этой группы по размерам (наибольшее число — 4,8% всех традиционных хозяйств приходилось на хозяйства с наделами от 4 до 6 га, наименьшее — 0,6% — с наделами свыше 20 га). Нам представляется, что правильнее было бы рассматривать эту группу хозяйств в рамках мелкотоварного уклада.

Мелкотоварный уклад получил существенное развитие в Замбии. Он охватывает главным образом африканские товарные

хозяйства в деревне (по оценкам, до 25 тыс. хозяйств [320, с. 160]), а также африканские предприятия в торговле, обрабатывающей промышленности, кустарно-ремесленные промыслы. Сюда же относятся мелкие и средние азиатские предприятия в торговле, ремесленном производстве и др.

На мелкотоварные хозяйства в аграрном секторе в 1974 г. приходилось 18% (356 тыс. га) обрабатываемых в стране земельных угодий, в том числе на самые крупные из них — 4%. Почти такой же земельной площадью располагали государственные и частнокапиталистические хозяйства, вместе взятые [78, с. 151]. Они размещались на 10% территории страны, сельское население которой достигало 20% всех жителей Замбии [299, с. 42].

В целях повышения товарности сельского хозяйства правительство проводит политику, рассчитанную на использование традиционных социальных структур и сложившихся поземельных отношений. С конца 60-х — начала 70-х годов большое внимание уделяется семейной общине в пределах административных сельскохозяйственных единиц (деревень), т. е. мелкому традиционному производителю, имеющему самые незначительные излишки продукции по сравнению с потреблением внутри хозяйства.

Мелкотоварным хозяйствам присущи полуинтенсивные системы земледелия, для которых характерно применение живой и механической тягловой силы, а также изменение отдельных элементов традиционной технологии хозяйствования: увеличение сроков обработки земель, сокращение периода залежей за счет применения удобрений и т. д. Правительство Замбии придает большое значение расширению производства в мелких и средних хозяйствах, а также в целях решения проблемы занятости. Оно оказывает мелкотоварным хозяйствам специальную помощь: увеличивает суммы кредитов на приобретение семян, удобрений и техники; оказывает помощь в их обслуживании торгово-сбытовой кооперацией и техническими консультациями; обеспечивает профессиональную подготовку крестьян и т. д. На это же направлена политика «планируемого расселения» и «перегруппировки деревень», создания «зон интенсивного развития», расширения экономической и социальной инфраструктуры в сельских районах, повышения закупочных цен.

Опираясь на эти программы, правительство Замбии планировало в первой половине 80-х годов увеличить обрабатываемые мелкотоварными хозяйствами земельные площади в 2,7 раза по сравнению с 1974 г. и довести их до 43% обрабатываемых в стране земель. Должны были быть увеличены также обрабатываемые площади государственных и частнокапиталистических хозяйств в 1,7 раза. Указанный рост площадей предполагалось осуществить за счет сокращения земель потребительского сектора (с 78 до 51%) путем преобразования значительного числа полунатуральных хозяйств в мелкотоварные [78, с. 151].

Правительственная политика поощрения различных форм мелкого и среднего производства в сельском хозяйстве приносит определенные плоды. Так, в 1964 г. они занимали ведущее положение в товарном производстве только одной культуры — арахиса. В середине 70-х — начале 80-х годов позиции мелко-товарных и средних хозяйств в производстве основных сельскохозяйственных культур укрепились, о чем свидетельствуют следующие данные, % (подсчитано по [59, 1965, № 8, с. 20, 23; 72, 1984, с. 121—123]):

	1964 г.	1984 г.
Кукуруза	37	60
Табак	8	80(1976 г.)
Хлопок	37	90
Арахис	96	100(1976 г.)

Наличие уникальных месторождений медных и полиметаллических руд выдвинуло Замбию в число немногих стран Тропической Африки, имеющих относительно развитую промышленность. Это обусловило быстрое формирование промышленного пролетариата, начавшееся еще до второй мировой войны. Наряду с горнопромышленными рабочими в состав рабочего класса входят многочисленные и наиболее профессионально организованные категории работающих по найму в обрабатывающей промышленности, в строительстве, на транспорте и в энергетике. Общая численность африканского промышленного пролетариата составляла в 1980 г. (наиболее поздние данные) 141 тыс. человек [59, 1985, № 4—5, Прил., с. 1—4]. Ядро промышленного пролетариата — африканские горняки — насчитывало 45,7 тыс. человек.

Кроме промышленного пролетариата рабочий класс Замбии представлен другими группами населения, занятыми по найму в сельском хозяйстве, сфере обслуживания. В целом численность африканского пролетариата в 1984 г. составляла 315 тыс. человек*, его доля в африканском экономически активном населении — 15,5% (оценка) [72, 1984, с. 88].

Состав сельскохозяйственного пролетариата неоднороден. По характеру труда и степени концентрации рабочей силы наиболее близко к промышленному пролетариату стоят сельскохозяйственные рабочие, занятые в европейских и африканских хозяйствах частнокапиталистического уклада, и наемные рабочие государственных предприятий — ферм, ранчо, плантаций, а также коммерческо-сбытовых государственных и смешанных компаний. Но наемный труд применяется и в мелкотоварных аф-

* Использована методика расчета М. И. Брагинского [107], считающего, что доля пролетариата в составе лиц наемного труда равна 70% или более высока в зависимости от уровня экономического развития стран Африки (для Замбии — приблизительно 80%).

риканских хозяйствах. В целом численность сельскохозяйственного африканского пролетариата в 1980 г. составляла 25 тыс. человек, из них на государственных предприятиях было занято 70%.

Значительное место среди работающих по найму занимает категория лиц, занятых в сфере обслуживания, хотя определение «наемные рабочие» более всего подходит, по-видимому, к лицам, занятым в торговле и обслуживании гостиниц и ресторанов. Общее число рабочих в сфере обслуживания в 1980 г. составляло 122 тыс. человек.

Таким образом, структура африканского пролетариата Замбии складывается следующим образом (1980 г., %): промышленные рабочие — 48,9 (в 1964 г. — 49,7%), сельскохозяйственные — 8,7 (17,1%), рабочие в сфере обслуживания — 42,4 (33,2%).

Сдвиги в составе африканского рабочего класса более всего отражают качественные изменения, происшедшие за годы независимости в структуре хозяйства Замбии. Увеличение занятости в целом, как и рост пролетариата, произошло за счет расширения непроизводственных отраслей (социальное и коммунальное обслуживание, торговля, рестораны, гостиницы и т. д.), доля которых в ВВП возросла в 1965—1984 гг. с 26,1 до 39,7% [72, 1984, с. 29].

Развитие государственного сектора в экономике Замбии способствовало определенному росту промышленных рабочих. Так, в 1980 г. на предприятиях госсектора были заняты 106,7 тыс. человек против 91,1 в 1966 г. Возрос также удельный вес африканцев, занятых на чисто государственных предприятиях, в общей занятости африканского населения он составил в 1977 г. 37,8%.

Сократилась численность наемных рабочих в сельском хозяйстве, что подтвердило наличие общей тенденции застоя в сельскохозяйственном производстве. В то же время быстрые темпы развития обрабатывающей промышленности и энергетики, наблюдавшиеся вплоть до 80-х годов, также не сопровождались ростом занятости. В горнодобывающей промышленности при общем снижении объема производства численность работающих по найму увеличилась, однако весьма незначительно.

Формирование кадрового пролетариата началось еще в колониальный период. За годы независимости этот процесс ускорился, особенно среди горняков Коппербелта. В колониальный период африканский пролетариат формировался в основном за счет отходников, воспроизводство рабочей силы происходило в деревне, поставлявшей неквалифицированную и временную рабочую силу. В 1965 г. уровень квалификации 57% рабочих страны был ниже требований, предъявляемых к ним в связи с характером выполняемой работы. В период независимости положение улучшилось за счет развития профессионально-технического образования, широкого использования системы повыше-

ния рабочей квалификации на производстве и в связи с открытием общеобразовательных школ для взрослых. В 1965 г. на предприятиях Коппербелта наибольший процент африканских рабочих приходился на лиц, проработавших на одном предприятии до 1 года — 12,7%, 1—2 года — 7,0, 2—3 года — 7,9, 5—6 лет — 8,0, 15—20 лет — 6,9%. К 1976 г. уже преобладали рабочие со стажем до 5 лет (36,8%), значительно возросла доля рабочих с 10-летним (19,7%), 15-летним (18,0%) и более чем с 20-летним стажем (11,1%). Текучесть рабочей силы при этом увеличилась (с 6,3% в 1969 г. до 9,1% в 1975 г.).

Важным показателем уровня развития рабочего класса является степень его концентрации на производстве. В Замбии она наиболее высока в горнодобывающей промышленности. По данным переписи промышленности 1971 г., на одно предприятие этой отрасли приходилось в среднем 1818 человек (в строительстве — 154, энергетике — 92, обрабатывающей промышленности — 86). В Коппербелте и в районе железнодорожного пояса по-прежнему сосредоточена подавляющая часть промышленных предприятий и занятой на них рабочей силы. И все же в середине 70-х годов почти половина работающих по найму в промышленном секторе была занята в мелком производстве.

Завершая характеристику замбийского рабочего класса, следует отметить важный процесс становления в годы независимости национальных кадров высокой квалификации. Косвенным показателем этого явления служит тенденция к сокращению общей численности занятых в хозяйстве Замбии экспатриантов. Среди лиц, работавших по найму в 1980 г., замбийцы (в основном европейцы-экспатрианты) составляли 19,9 тыс. человек (5,5%). Они и сегодня занимают ключевые позиции в производстве. В целом эта категория трудящихся отличается от работающих по найму африканцев высоким уровнем образования и квалификации, а также доходами.

Неразвитость экономики, монопольные позиции иностранного и поселенческого капитала препятствовали становлению национальной буржуазии в Замбии. В независимый период процесс складывания африканской национальной буржуазии усилился.

Имеются все основания отнести к сельской национальной буржуазии владельцев сравнительно крупных товарных ферм, правда уступающих по размерам земельных наделов и по численности работающих по найму хозяйствам европейских поселенцев. Вышедшие из среды зажиточных полунатуральных и мелкотоварных хозяйств, некоторые из них приближаются по объему продукции к европейским фермам и даже конкурируют с ними на внутреннем рынке.

После достижения независимости отмечается постепенное сужение экономической базы европейского частнокапиталистического уклада в деревне, поскольку он ограничивается правительством. В соответствии с законом 1970 г. [74] было прекра-

щено прямое государственное финансирование колониальных хозяйств, введен запрет на перевод доходов за границу. Правительство приступило к конфискации неиспользуемых и заброшенных земель — бывшей собственности европейских поселенцев. Эти меры привели к массовому отъезду европейских фермеров из Замбии. Небольшое число их хозяйств приобрели африканцы. К концу 70-х годов количество европейских хозяйств сократилось почти в 2,5 раза, а число африканских ферм увеличилось, по оценкам, с 50—60 до 100—280 к началу 80-х гг. [336, 1975, № 11, Прил., с. 15; 252, с. 32]. Несмотря на это, иностранные частнокапиталистические хозяйства все еще доминируют в производстве товарной сельскохозяйственной продукции в целом.

Особенность становления замбийской буржуазии — преимущественное развитие торгового капитала. Если накануне независимости африканцы располагали менее чем одной десятой частью всех лицензий в торговле, причем в основном в розничной, то в 1973 г. им было выдано свыше 90% общего числа торговых лицензий. В 1970 г. из суммы расходов на потребление в целом по Замбии через магазины розничной торговли, принадлежавшие замбийцам, было реализовано (оценка) 50%, государственные и смешанные предприятия — 8, торговлю индо-пакистанцев — 42% [182, с. 2].

Развитию национальной буржуазии в городе в первые годы независимости способствовало в значительной степени расширение внутреннего рынка вследствие быстрого роста городского населения, повышения заработной платы, развития транспортной системы, а также создания в стране импортзамещающих производств. Важную роль сыграла экономическая политика правительства, направленная на ограничение иностранного капитала. В 1968 г. было решено передать замбийцам всю розничную торговлю, за исключением 10 наиболее крупных городов страны, где по-прежнему разрешалось вести торговлю экспатриантам, главным образом азиатского происхождения. Владельцам предприятий розничной торговли предлагалось либо их продать, либо сдать в аренду коренным жителям, либо принять замбийское гражданство [48, с. 9]. С января 1972 г. была запрещена выдача лицензий не только на розничную, но и на оптовую торговлю лицам, не имевшим замбийского гражданства. Однако ни то, ни другое решение не было полностью осуществлено из-за отсутствия у замбийцев необходимых средств.

В начале 70-х годов доля замбийцев, имевших собственное дело в розничной торговле, составляла 78% всех африканских предпринимателей. Остальные 22% приходились на владельцев строительных и таксомоторных фирм, гаражей. Строительство, как и розничная торговля, — одна из немногих областей, где национальный капитал имел приложение еще до завоевания независимости. Что касается промышленности, то лишь небольшое число африканцев стало владельцами мелких предприятий:

на их долю приходилось около 10% промышленной продукции Замбии [181, с. 6].

В апреле 1968 г. были определены также другие области, в которых поощрялось замбийское предпринимательство: транспортные перевозки, мелкие подрядные работы в строительстве, производство строительных материалов — кирпича, щебенки и др. В частности, гарантировалась выдача лицензий на грузовые и пассажирские перевозки компаниям, в которых замбийские граждане владеют 75% акций. Горнорудным компаниям и управлению общественных работ было предписано заключать договоры на подрядные работы в строительстве (на сумму до 100 тыс. квачей) только с замбийцами [48, с. 32—34].

Помощь частному африканскому предпринимательству оказывала в 60—70-е годы Корпорация промышленного развития. Она способствовала заключению контрактов, обеспечивала кредитами, оказывала техническую помощь и контролировала их операции. Средняя сумма кредитов, предоставлявшихся замбийцам, достигала 20 тыс. квачей, однако часть из них превышала эту сумму почти в 10 раз [259, с. 91]. Правительство и в последующие годы придавало большое значение развитию мелких африканских предприятий в промышленности. В 1981 г. была создана «Организация развития мелкой промышленности». Ее основная деятельность была направлена на то, чтобы способствовать мелкому промышленному производству в городах и в сельской местности, оказывать соответствующим предприятиям помощь в организации управления, в подготовке кадров, реализации продукции и в получении сырья и основных фондов. Было предусмотрено также предоставление банковских кредитов на льготных условиях. Официально размеры замбийского частного бизнеса не фиксировались. Имеются, однако, данные, что максимальными по объему операциями (например, в 1971 г.) считались приносившие прибыль в 500 тыс. квачей [259, с. 74].

Преобладание в Замбии мелких африканских предприятий подтверждается данными, полученными американскими социологами в 1972 г. [183]. На основе опроса около 300 замбийских предпринимателей было установлено, что у 19,4% владельцев предприятий среднемесячный оборот составлял не более 500 квачей; у 19,1% — от 501 до 1000 квачей; у 29,7% — от 1001 до 4000; у 31,8% — свыше 4000 квачей. Первоначальные капиталовложения у 22,7% были менее 200 квачей, только у 14,6% объем капиталовложений превышал 5 тыс. квачей. Более крупные предприятия создавались чаще всего на основе коллективного участия — от 2 до 20 человек [182, с. 7; 189, с. 87].

Предприятия, принадлежащие мелкой городской африканской буржуазии, обычно специализируются на традиционных видах мелкого производства, основанных на ручном труде и связанных с местным рынком. Американские социологи пришли к выводу, что в Замбии в 1972 г. 92,5% африканских фирм и торговых предприятий принадлежали отдельным семьям или ли-

цам, использовавшим собственный труд или труд членов своих семей. Главным образом это предприятия по изготовлению простейшей мебели, металлических изделий, авторемонтные мастерские, пекарни, мелкие магазины и лавки с ограниченным ассортиментом товаров и т. д. Среди мелкой городской буржуазии значительна прослойка кустарей и ремесленников, занимающихся, в частности, резьбой по дереву, изготовлением сувениров из меди, малахита и т. д. Территориально кустарно-ремесленные промыслы тяготеют к крупным городским и основным туристским центрам.

Период независимого развития в Замбии, как и в других африканских странах, ознаменовался ростом так называемой бюрократической буржуазии. Ее формированию в Замбии способствовало создание госсектора. По данным правительственной комиссии, количество высших постов в государственном секторе, занятых замбийцами, с 1962 по 1972 г. увеличилось в 6 раз. Сумма выплат жалованья, как части текущих государственных расходов, выросла в 1969—1977 гг. в 2,5 раза [181, с. 5].

Источником накоплений «бюрократического капитала» являются не в последнюю очередь высокие оклады правящей верхушки. Достаточно сказать, что сумма непроезводительных расходов в госбюджете Замбии за 70-е годы возросла почти в 3 раза [19, с. 196]. До половины бывших министров правительства Замбии стали впоследствии владельцами сельскохозяйственных, промышленных и торговых предприятий.

Отмечается в последнее время назначение на высшие посты в госаппарат и избрание в местные и центральные органы представителей африканской предпринимательской буржуазии. В 1964—1978 гг. около 20% министров до назначения их членами кабинета занимались предпринимательской деятельностью. 40% лиц, избранных в 1973 г. в парламент, представляли мелкий и средний бизнес [364, 1978, № 9, с. 4—26]. Большинство представителей правящей элиты Замбии по уровню потребления могут быть отнесены к высшему социальному слою. По данным 1972—1973 гг., городское население страны по распределению личных доходов делилось на три неравные по численности группы: семьи, живущие ниже уровня бедности, — 19%; в пределах среднего уровня — 56,6; имеющие высокие доходы — 24,4%. На группу хозяйств (семей) сельского населения, имеющую самые высокие денежные доходы, приходилось лишь 7,8% сельского населения [92, с. 34—36].

Незавершенность процесса классового образования в Замбии обусловила особо активную роль в освободительном движении представителей промежуточных слоев общества, включающих служащих административно-управленческого аппарата, людей умственного труда и свободных профессий, высшее офицерство, духовенство и студенчество. Происходит консолидация высших слоев в правящую группу партийных и профсоюзных функционеров. Позиции правящих кругов, выполняющих функции поли-

тического, административного и идеологического руководства, усиливаются по мере укрепления позиций государственного и смешанного секторов. Наиболее устойчивы они у административно-управленческого аппарата. В первые годы независимости аппарат формировался из кадров бывшей колониальной администрации. В дальнейшем в результате политики замбианизации управленческих должностей он превратился в полностью обновленный, привилегированный и многочисленный слой населения Замбии.

Диверсификация современного сектора, возникновение новых отраслей материального и нематериального производства способствовали уменьшению использования сезонных и временных рабочих, формированию африканских кадров. Городское африканское население становится постепенно менее текучим. В то же время возросший перепад между уровнями развития города и деревни вызвал к жизни поток миграции, постоянно пополняющий городские низы. О росте именно этих низших городских слоев косвенно свидетельствуют следующие данные. В 1963 г. из 648 тыс. африканских городских жителей около одной трети (29,3%) работало по найму, главным образом в сфере обслуживания; в 1969 г. доля населения этой категории сократилась до четверти (23,8%), а в 1979 г. число занятых в общей численности горожан упало до 16,3% [59, 1968, № 4, с. 2; № 1—3, с. 3, 5; 70, с. 62].

Основным источником пополнения рядов городских бедняков становится разорившееся крестьянство. В условиях Замбии, для которой характерен высокий разрыв в доходах городского и сельского населения, проблема роста городской бедноты приобретает особое политическое и социальное значение. В 1980 г. средняя заработная плата африканцев в горнодобывающей промышленности в 3,2 раза превышала оплату работающих по найму в сельском хозяйстве и в 1,5 раза — заработки африканцев по стране [59, 1985, № 4—5, с. 5]. В официальных документах, в выступлениях президента К. Каунды делается акцент на необходимость ликвидировать этот разрыв, содержатся призывы к «возврату к земле» и т. д.

Непрерывный поток мигрантов из деревни в город обостряет проблему занятости, нерешенность которой становится одной из важнейших причин, тормозящих социально-экономическое развитие страны. Официальные данные о безработице скорее всего занижены и не отражают действительности. Так, число лиц, пытавшихся найти работу, достигало в 70-е годы 35—56 тыс. человек, в 80-е — 41—66 тыс. человек. Наряду с этим, по оценке экспертов МБРР, число безработных в 1974 г. составляло 163 тыс. человек, а К. Каунда в одном из выступлений (июнь 1980 г.) назвал цифру в 3 млн. человек.

Рост рядов городских низов связан с обострением этнических проблем, поскольку мигранты приходят в город из отсталых провинций с сильными трибалистскими настроениями.

Экономическая политика правительства

С первых дней независимого политического развития страны правительство К. Каунды предпринимало шаги по ограничению сферы экономической активности иностранных компаний, сужая тем самым возможности для империалистического вмешательства в экономику. Первым мероприятием такого рода явилась передача в октябре 1964 г. правительству Замбии на основе компенсации права собственности на разведку и разработку полезных ископаемых, которое принадлежало ранее Британской южноафриканской компании (БСАК). На практике это означало, по словам К. Каунды, что государство стало лишь «взимать арендную плату за разработку наших собственных недр» [48, с. 30]. Было усилено также налоговое обложение иностранных компаний и введено импортное регулирование. Однако все эти меры носили спорадический характер и только с 1968 г. приобрели целенаправленность государственной политики, главным содержанием которой стало усиление позиций государства в национальной экономике путем ограничения деятельности иностранного капитала и одновременного поощрения частного замбийского предпринимательства.

В апреле 1968 г. на конференции Национального совета ЮНИП в Мулунгуши состоялось историческое для Замбии решение о проведении широкой программы социально-экономических преобразований в стране — новой экономической политики (НЭП). В ее осуществлении можно выделить четыре этапа.

На первом (апрель 1968 г. — август 1969 г.) — ставилась задача ограничения деятельности иностранных компаний, главным образом в тех областях экономики, где на смену им мог бы прийти мелкий и средний частный африканский предприниматель.

К этому времени у многих иностранных частных промышленных и торговых предприятий образовалась значительная задолженность, они зависели от внутренних кредитов. Тем не менее большие суммы прибылей все-таки переводили в свои страны. Правительство Замбии предложило 26 иностранным компаниям, действующим в автодорожном транспорте, оптовой и розничной торговле, в лесной промышленности, производстве и снабжении стройматериалами, рыболовстве и пивоварении, «пригласить государство для участия в своих предприятиях», иными словами, продать контрольный пакет акций (51%) государственной Корпорации промышленного развития (ИНДЕКО) [45, с. 37—47]. Однако компании не спешили с ответом. Чтобы ускорить этот добровольно-принудительный процесс, правительство в декабре 1968 г. запретило предоставление кредитов указанным 26 компаниям и приняло меры по ограничению вывоза ими прибылей из страны, прекратив одновременно операции,

связанные с покупкой и продажей товаров в рассрочку. В итоге 25 компаний продали государству акции и вошли в систему ИНДЕКО [374, 20.04.1968].

Создание смешанных государственно-частных предприятий стало частью официальной политики правительства, оно было распространено на различные отрасли хозяйства. Каналом участия государства в промышленном развитии стала ИНДЕКО, перед которой были поставлены задачи: способствовать развитию новых отраслей, расширять действующие предприятия, поощрять государственные капиталовложения и способствовать частным, оказывать финансовую помощь в форме займов начинающим замбийским предпринимателям. До реорганизации структуры управления экономикой Замбии, проведенной в 1970 г., корпорация ИНДЕКО была крупнейшим многоотраслевым объединением в Тропической Африке. В последующем она сконцентрировала свое внимание главным образом на обрабатывающей промышленности (в 1984 г. в систему ИНДЕКО входило 36 дочерних и ассоциированных компаний [72, 1984, с. 382]).

Главным направлением в экономической политике правительства на втором этапе (август 1969 г. — ноябрь 1970 г.) было установление контроля над деятельностью крупного транснационального капитала в основной отрасли экономики — горнорудной промышленности. В 1968 г. соответствующие компании были ограничены лишь в размерах прибылей (до 50%), переводимых ими за границу в качестве дивидендов. Остальная часть прибылей должна была использоваться внутри страны. Однако, по заявлению К. Каунды, монополизировавшие эту отрасль иностранные монополии «Роан селекшн траст» (англо-американский капитал) и «Замбиэн англо-америкэн» (англо-южноафриканский капитал) вместо реинвестирования продолжали свыше 80% прибылей распределять в качестве дивидендов [45, с. 49—50]. Реформа 1969 г. свелась в основном к приобретению государством 51% акций (контрольный пакет) меднодобывающих компаний, действовавших в Замбии, и к переходу в руки государства права на разработку минеральных ресурсов в стране (в некоторых случаях с компенсацией). За государством было закреплено право на выдачу лицензий на все виды изыскательских работ, претерпела изменения также налоговая система, в основу которой был положен единый налог, взимаемый с компаний с учетом размера получаемой прибыли.

В рамках закона 1969 г. о рудниках и полезных ископаемых [99, с. 1] деятельность горнорудных монополий была ограничена за счет резкого сокращения площадей, на которых они могли в дальнейшем вести геологическую разведку. Правительственные лицензии на изыскательскую деятельность могли с этого момента получать также другие фирмы сроком на 25 лет с контрольным пакетом акций (51%) в руках государства. Так, в 1970 г. были предоставлены лицензии горнодобывающим компа-

ниям Югославии и Румынии, фирмам Италии, Японии, США и др. Полностью, без компенсаций, было упразднено право верховного вояды Баротселенда разрешать вести разведку минеральных ресурсов и производить сдачу площадей в аренду. Владельцы мелких рудников, которые ранее платили арендную плату крупным концессионерам, с 1970 г. стали получать лицензии от государства [45, с. 31, 32].

До приобретения контрольного пакета акций предприятий медной промышленности правительство Замбии получало от компании отчисления в виде концессионных сборов, налога на экспорт меди и подоходного налога.

С января 1970 г. был введен горный налог в размере 51% от валовой прибыли, заменивший концессионные сборы и налог на экспорт меди. Подоходный налог установлен в размере 37,5—45% от чистой прибыли. В целом отчисления медных предприятий в пользу государства составляют 73% валовых прибылей. Остальная часть валовых прибылей (27%) распределяется в качестве дивидендов. Государство получает 51% от оставшейся суммы, т. е. 13,77%, а частные держатели — 49%, т. е. 13,23% [275, с. 9].

Осуществление в стране НЭП наталкивалось на ряд ограничительных положений конституции Замбии 1964 г. В связи с этим из конституции был изъят пункт об обязательности проводить референдум в случае каких-либо изменений ее статей. Затем Национальное собрание изменило несколько статей конституции, регулирующих, в частности, право собственности. В ст. 18, п. 1 было внесено положение о возможности принудительного приобретения имущества на основании акта парламента и при условии «выплаты компенсации за имущество (или интереса, или права), которое должно быть взято во владение или приобретено» [32, с. 214]. Ст. 18 предусматривает также, что «приобретение акций или определенной части акций у корпоративной организации» возможно лишь «на условиях, приемлемых для держателей акций, по цене, составляющей не менее $\frac{9}{10}$ стоимости этих акций или части этих акций» [32, с. 216]. Намечается также вступление во владение или приобретение какого-либо имущества или права в отношении него, «как это предусмотрено каким-либо законом, относящимся к заброшенным, незанятым, неиспользуемым или необрабатываемым землям» и «относящимся к отсутствующим или не проживающим постоянно владельцам любой собственности». В ст. 18 включен также § 25, в котором оговорена возможность принудительного приобретения имущества при осуществлении президентом страны «широких земельных реформ» [32, с. 217].

Термин «национализация» в документах ЮНИП не употребляется. Более того, в предисловии к публикации речи К. Каунды в апреле 1968 г. на это специально обращается внимание и говорится, что мероприятия НЭП, хотя и включают в себя во многих случаях вопрос о приобретении государством конт-

рольного пакета акций, но «далеки от традиционной национализации. В действительности эти мероприятия осуществляются на такой же основе, как в Италии, Франции, Югославии и даже в Англии» [45, с. V].

Однако установление государственного контроля над горнодобывающими компаниями, или частичная национализация, было все же осуществлено. Правда, национализация была проведена на невыгодных для Замбии условиях. Расширение государственной собственности за счет выкупа (около 0,5 млрд. долл.) контрольного пакета акций в течение 8—12 лет было своего рода компромиссом с транснациональными компаниями, на который правительство пошло в интересах развития госсектора в Замбии. Выплата столь огромной суммы компенсации была возможной лишь в условиях постоянно возрастающих мировых цен на медь (такая тенденция наблюдалась вплоть до 1971 г.). В свою очередь, отчуждение части собственности не противоречило интересам ТНК, поскольку они получили право на свободный перевод из страны всей причитающейся им прибыли, на управление производством и сбыт готовой продукции сроком на 10 лет с выплатой им комиссионных в размере 1,5% от суммы продаж и 2% валовой прибыли. Забегая вперед, скажем, что после падения цен на медь в 1971—1972 гг. правительство, понимая трагизм увязки финансовой системы страны с размерами получаемых горнодобывающими компаниями прибылей, воспользовалось скачком цен в 1973—1974 гг. и полностью рассчиталось с компаниями по своим обязательствам.

Другим важным моментом реформ 1969 г. стал вопрос о положении монополий в стране, точнее сказать, о необходимости ликвидировать монопольное положение той или иной фирмы или группы фирм в какой-либо отрасли национальной экономики. Вопрос ставился так, что только ИНДЕКО, как представитель государства, имеет право находиться в привилегированном положении. Частным же фирмам, которые действуют или собираются действовать в Замбии, диктовать политику будет государство. Допускалась и такая возможность, когда в интересах развития страны необходимо будет предоставить полностью ту или иную отрасль экономики частному капиталу. Однако в решении ЮНИП и правительства подчеркивалось, что роль государственного сектора в экономике должна быть настолько значительной, чтобы частный капитал не стал монополистом даже в отведенной для него отрасли.

В августе 1969 г. на заседании Национального совета ЮНИП были определены и другие задачи, в том числе необходимость расширения кооперативного движения. Были отмечены трудности, с которыми сталкивается сельская кооперация: слабая оснащенность техникой, отсутствие кредитов и квалифицированных специалистов, низкая производственная дисциплина и т. д. [48, с. 23—24]. Предусматривался ряд других мер, в частности изъятие без какой-либо компенсации земельных наделов, при-

надлежащих иностранным гражданам, которые хотя и владели ими в Замбии, но предпочитали жить за рубежом. Было также принято решение о «замораживании» заработной платы в целях ослабления нарастающей инфляции и сокращения разрыва в уровне доходов трудящихся города и деревни; со всей определенностью была высказана идея о нежелательности проведения забастовок.

В январе 1970 г. для руководства деятельностью предприятиями горнодобывающей промышленности была создана государственная Корпорация развития горнодобывающей промышленности (МИНДЕКО), изменена структура управления другими промышленными отраслями. Вновь созданной государственной Корпорации промышленности и горного дела Замбии (ЗИМКО) перешли от ИНДЕКО функции управления всей промышленностью.

В ходе третьего этапа экономической реформы (ноябрь 1970 г. — август 1973 г.) правительство поставило под государственный контроль страховое дело и строительные кредитные организации, полностью национализовало иностранные строительные компании, приобрело контрольный пакет акций пяти американских и английских частных компаний в обрабатывающей промышленности [50, с. 64—66]. Наряду с этим государство не смогло осуществить намечавшуюся частичную национализацию основных действующих в стране иностранных банков.

В 1969 г. правительство основало государственный «Нейшл коммершл бэнк». Однако воздействие банка на кредитную систему оказалось минимальным, и в ноябре 1970 г. было принято решение о коренных преобразованиях в области коммерческого кредита. Путем слияния отделений иностранных банков намечалось создать два смешанных коммерческих банка, контрольный пакет акций которых должен принадлежать основанной в 1970 г. государственной Финансовой корпорации развития (ФИНДЕКО). Руководство английских банков категорически отказалось принять ФИНДЕКО в качестве равноправного пайщика. Только в небольшом английском «Коммершл бэнк оф Замбия», учрежденном в 1965 г., правительству удалось в 1971 г. приобрести 60% акций (в 1974 г. банк был национализирован [375, 06.11.1974]). В том же, 1970 г. английским банкам было предложено преобразовать свои отделения в самостоятельные компании, инкорпорированные в Замбии. Банки пошли на такую реорганизацию. Таким образом, современная банковская система Замбии состоит из центрального банка и пяти коммерческих, из которых один принадлежит государству, а в другом оно располагает контрольным пакетом акций. Несмотря на то что правительству не удалось стать партнером в остальных коммерческих банках, оно смогло усилить контроль за их кредитной деятельностью.

В середине 70-х годов правительство предприняло новые ме-

ры, предусматривавшие установление возможно более полного контроля государства над основной отраслью хозяйства — горнодобывающей промышленностью, что должно было завершить программу, намеченную в апреле 1968 г. Осуществление поставленных задач началось с решения правительства полностью погасить свою задолженность, возникшую в связи с выкупом у горнодобывающих компаний контрольного пакета акций. Одновременно был установлен контроль над управлением, техническим обслуживанием и сбытом продукции меднорудной промышленности [375, 16.11.1974]. В 1974 г. была создана государственная Корпорация по сбыту металлов (МЕМАКО), в задачу которой входит осуществление экспорта и импорта различных металлов и минерального сырья.

1 июля 1975 г. правительство Замбии приняло решение о переходе всей земли в стране в полную собственность государства, причем единственным видом землевладения становится аренда сроком на 100 лет; устанавливается также контроль над сдачей домов в аренду. Государство взяло под свой контроль все кинотеатры страны, а ЮНИП — газету «Таймс оф Замбия» и ее воскресный выпуск «Санди таймс оф Замбия» [55, с. 35—36, 43—45]. В 1982 г. государство выкупило акции издательства НЕКЗАМ и установило полный контроль над издательством «Принтпак», выпускающим, в частности, названную газету — орган ЮНИП [331, 08.10.1982]. Были приняты и другие меры по установлению госконтроля в торговле, производстве лекарственных препаратов и др.

Мероприятия правительства, о которых сказано выше, по мнению К. Каунды, давали достаточный импульс замбийскому предпринимательству, кооперативам и государственным предприятиям для их успешного развития в будущем без прямого вмешательства государства.

Таким образом, характерным для экономической политики правительства Замбии в конце 60-х — первой половине 70-х годов был активный процесс ликвидации монопольного положения иностранного капитала, осуществление частичной, а в некоторых случаях и полной национализации иностранных предприятий и фирм во многих отраслях замбийской экономики. На начало 80-х годов на долю государственных и смешанных предприятий (общая численность — около 120) приходилось до 80% производственных и инфраструктурных мощностей, доля государственных предприятий в ВВП, по различным источникам, составляла от 38% до более чем 50% [141, с. 40; 248, с. 11].

Четвертый период в экономической политике начался во второй половине 70-х годов. В конце 70-х — первой половине 80-х годов тенденция «огосударствления» процессов развития в Замбии была ослаблена из-за циклических и структурных кризисов в центрах мирового капиталистического хозяйства. Расширение базы государственного воздействия сдерживалось и политиче-

скими факторами. И хотя нет оснований утверждать, что в Замбии происходит отступление от завоеванных экономических позиций, поскольку не отмечено сокращение объема госсектора, не проводится ни закрытие нерентабельных госпредприятий, ни их реприватизация, тем не менее эффективность социально-экономических преобразований явно снижается.

Экспортная минерально-сырьевая ориентация экономики страны — это тот узел проблем, который с годами не ослабевает. Более того, он становится все туже год от года на протяжении свыше двух десятилетий независимости Замбии. Наличие таких аспектов зависимости, как внешнеторговая и транспортная, от внешней помощи, от притока иностранных квалифицированных кадров и др., позволяет ТНК и развитым капиталистическим странам эксплуатировать экономику страны, ограничивая возможности государственного регулирования социально-экономического развития.

В 1978 г. Замбия приступила к выполнению программы «структурной стабилизации» МВФ. В результате возросшего давления и контроля со стороны МВФ правительство Замбии вынуждено было на протяжении периода осуществления программ «стабилизации» постепенно отказываться от решения важнейших социальных программ.

Беспрецедентный социально-экономический кризис охватил страну к середине 80-х годов. Невозможность выполнения многих требований МВФ, особенно тех, которые напрямую вступали в противоречия с интересами трудящихся, заставила правительство Замбии прекратить реализацию программы. Об этом было объявлено президентом К. Каундой 2 мая 1987 г. Он подчеркнул, что эта мера — не разрыв отношений и не выход Замбии из фонда, а осознание объективной реальности, в условиях которой Замбия добровольно решила испробовать новый путь развития на базе собственных ресурсов [35], 05.05.1987].

Правительство разработало альтернативную программу, основные положения которой вошли в промежуточный план национального развития (июль 1987 г. — декабрь 1988 г.). Она означала отход правительства от либералистской, рыночной концепции в проводимой им экономической политике, усиление государственного регулирования экономики.

Стремление смягчить социально-политические последствия политики «жесткой экономии» в сочетании с проведением необходимых мероприятий по структурной стабилизации экономики, предлагаемых МВФ, — вот что должно было отличать экономическую политику правительства на новом этапе — в период после мая 1987 г.

Тенденции экономического развития

Программа социально-экономических преобразований получила отражение в национальных планах развития, направленных на формирование структуры экономики Замбии. Основные задачи национальных планов развития определялись следующим образом: подъем и диверсификация экономики, ослабление ее зависимости от производства и экспорта меди, развитие экономической и социальной инфраструктуры, повышение жизненного уровня населения. Осуществление планов развития проходило далеко не всегда в благоприятных условиях, поэтому различным было их влияние на экономику страны. Надо отметить, что, несмотря на общий рекомендательный характер планирования в Замбии, планы развития в большей степени стали распространяться не только на государственный сектор экономики (первый план 1966—1970 гг.) и смешанные предприятия (второй план 1972—1976 гг.), но и на частный сектор (третий план 1979—1983 гг.).

В экономическом развитии страны с момента достижения ею независимости просматриваются три периода, которые хронологически соответствуют десятилетиям: 60-м, 70-м и 80-м годам.

1. Первый период (вторая половина 60-х годов) совпадает с периодом беспрецедентного роста цен на медь на мировом капиталистическом рынке, успешным выполнением первого плана развития (1966—1970), началом осуществления правительством Замбии новой экономической политики. «Медный бум» создал материальные предпосылки для осуществления прогрессивных социально-экономических преобразований под общедемократическими лозунгами официальной теории «замбийского гуманизма». Достигнутые в эти годы успехи в области социального и экономического развития отразились на положении трудящихся. Большой политический эффект дала осуществленная правительством в 1970 г. частичная национализация горнодобывающей промышленности. Все это, несомненно, способствовало стабильности правящего режима в Замбии.

По сравнению с другими странами Тропической Африки темпы экономического роста Замбии были наиболее высокими. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1965—1970 гг. составили 10,6% [77, с. 2, 4, 6].

Превышение плановых наметок в области аккумуляирования инвестиционных фондов, связанное с непредвиденным ростом мировых цен на медь, позволило государству сократить внешнюю помощь до 5,9% вместо 10,1%. В финансировании государственной программы капиталовложений доля внешних источников также понизилась до 15% [77, с. 6].

В области социального развития были выполнены далеко не все показатели плана. Нереализованной осталась программа увеличения занятости населения, подготовки учителей для на-

чальной школы, охвата обучением детей начального школьного возраста. По сравнению с отраслями современного сектора мало уделялось внимания развитию сельского хозяйства: не полностью были освоены государственные ассигнования, низкими против планируемых оказались темпы роста сельскохозяйственного производства (3,3% в год вместо 9), на 12,4% упала занятость.

Однако в этот же период был реализован ряд мер, положивших начало структурной перестройке современного сектора. Практически заново создана обрабатывающая промышленность, введены в строй действующих 123 предприятия, в том числе такие крупные, как нефтепровод Танзания — Замбия, ГЭС и текстильная фабрика в Кафуэ, завод по производству металлоизделий и т. д. В стране был открыт университет, расширена сеть профессионально-технического обучения, почти на 60% увеличилось количество больниц и поликлиник.

Характерной чертой экономики Замбии периода 60-х годов были прочные финансовые позиции. Торговый и платежный балансы и государственный бюджет постоянно сводились с положительным сальдо. В 1966 г., 1969—1970 гг. торговое сальдо составляло сумму, равную стоимости всего импорта или превышавшую ее. Золотовалютные запасы также возросли, достигнув к 1970 г. рекордного уровня.

Экономическое развитие Замбии во втором периоде определялось двумя негативно действующими факторами: постоянно ухудшавшейся конъюнктурой на мировом капиталистическом рынке меди и «родезийским кризисом».

Первые серьезные трудности в экономической жизни страны возникли в 1970 г. Катастрофа на медном руднике Муфулира, одном из крупнейших подземных рудников в мире, вызвала значительное сокращение объема годовой добычи меди в стране и сокращение ее экспорта. Неблагоприятные погодные условия осложнили положение с производством кукурузы, вынудили произвести чрезвычайные импортные закупки этой основной продовольственной культуры.

В течение 70-х годов цены на медь дважды резко падали, в результате чего в 1977 г. они по-прежнему были на уровне 1970 г. За десятилетие это привело к сокращению в 1,5 раза стоимости замбийского экспорта, а государственных доходов от горнодобывающей промышленности — в 6,5 раза. Падение цен на медь в 70-е годы резко ухудшило финансовое положение Замбии, повлекло за собой быстро нарастающий дефицит текущего бюджета и крайнюю неравномерность текущих поступлений по годам. В этом проявилась зависимость финансовой системы страны от размеров прибылей горнодобывающих компаний, обложение которых в 1965—1970 гг. приносило бюджету около 60% текущих доходов. Пытаясь снизить зависимость доходной базы бюджета от неустойчивой конъюнктуры мирового рынка, правительство с начала 70-х годов усилило налогообло-

жение прибылей в других отраслях хозяйства, повысило ставки налога на личные доходы, отменило ряд налоговых льгот.

Крайняя неравномерность поступления доходов от экспорта и выраженная тенденция возрастания стоимости импорта ухудшили платежные позиции страны. Начиная с 1971 г. платежный баланс Замбии стал хронически дефицитен, на его покрытие во все возрастающих масштабах стал привлекаться иностранный заемный капитал. Однако большая часть пассива компенсировалась за счет резервов иностранной валюты, запасы которой за десятилетие сократились в 6 раз.

«Родезийский кризис» (1965—1980) поставил перед экономикой страны такие важнейшие проблемы, как необходимость переориентации экспортно-импортных перевозок и развития собственной энергетической базы. К моменту закрытия в январе 1973 г. расистским режимом Южной Родезии своей границы для замбийских экспортно-импортных перевозок Замбия более чем на треть переориентировала свои транспортные пути с южного направления на восток и запад. В 1975 г. было завершено строительство железной дороги ТАНЗАМ от Дар-эс-Салама до Капири-Мпюши, и в 1978 г., когда вновь была открыта родезийско-замбийская граница, она перевозила 58,2% всех экспортно-импортных грузов [72, 1980, с. 112]. По подсчетам специальной миссии ООН, перестройка транспортной системы на протяжении 5 лет, когда была закрыта родезийско-замбийская граница, принесла Замбии убытки в размере 750 млн. долл.

Очень остро стояла проблема обеспечения страны, в первую очередь горнодобывающей промышленности, электроэнергией и топливом, поскольку до середины 60-х годов уголь и электроэнергия импортировались из Южной Родезии. В связи с этим в 1966 г. правительство Замбии приступило к осуществлению программы самообеспечения электроэнергией, которая была практически решена к 1974 г., когда за счет импорта стала обеспечиваться потребность Замбии только в нефти.

Все эти трудности, развивавшиеся на фоне международного валютного кризиса, способствовали росту инфляционных явлений в экономике Замбии. В течение 70-х годов правительство трижды прибегало к девальвации национальной валюты: в 1971 г. — на 7,89%, в 1976 г. — на 20, в 1978 г. — на 10%. Девальвация квати сопровождалась повышением цен на импортные товары, причем не только на предметы роскоши, но и товары первой необходимости, в частности на продовольствие. Особенно значительно были повышены цены на товары широкого потребления в 1972 г. и 1980 г.

Развитие инфляционных процессов отрицательно сказалось на положении трудящихся. Покупательная способность квати год от года падала и по сравнению с 1970 г. (100%) составляла в 1971 г. 95%, а в 1980 г. — 36% [72, 1980, с. 41]. В 70-е годы в связи с замедлением экономического развития число занятых в хозяйстве страны стабилизировалось на уровне при-

мерно 374 тыс. человек. Заработная плата росла медленнее (в среднем на 8,6% в год), чем в конце 60-х годов.

В 1972—1976 гг. в стране выполнялся второй национальный план развития. Разработанный в период неблагоприятной конъюнктуры он был составлен с учетом тенденции к понижению на мировом рынке спроса и цен на медь. Действительность оказалась еще хуже, и уже в 1972 г. начали пересматриваться сроки осуществления ряда проектов. В связи с трудностями привлечения иностранного капитала сооружение некоторых объектов было отложено. Сопоставление плановых наметок с фактически достигнутыми результатами показало, что многие из них остались невыполненными.

Снижение темпов производства и экспорта меди было основной причиной замедления экономического роста. Производство меди должно было возрасти в 1972—1976 гг. до 900 тыс. т., исходя из чего ежегодный прирост экспорта меди был определен в 190—200 т. В действительности производство меди возросло только до 713 тыс. т, а экспорт — лишь на 35 тыс. т. ВВП в реальном исчислении за время действия второго плана развития увеличился лишь на 12,9% (при среднегодовых темпах прироста в 3,4%, хотя запланировано было 7,4%), а с учетом поправки на условия внешней торговли он снижался ежегодно на 2,3%. Доход на душу населения в 1976 г. остался на уровне 1971 г. Удельный вес капиталовложений, направляемых в производственную сферу экономики, снизился по сравнению с предыдущим планом и составил 20%. Почти в 1,5 раза оказался ниже запланированного прирост продукции сельского хозяйства, среднегодовые темпы прироста обрабатывающей промышленности находились на уровне 4,5% при запланированных 14,7%. Полностью нереализованной осталась программа повышения занятости.

3 На 80-е годы приходится третий, самый сложный период развития Замбии, характеризующийся состоянием дестабилизации во всех сферах экономики. Причины этого уходят своими корнями в 70-е годы, в частности, в просчеты, допущенные правительством страны в проводимой им экономической политике. Главные из них следующие.

Во-первых. Национализация, носившая частичный, ограниченный характер и являвшаяся компромиссом с транснациональными корпорациями, была проведена на невыгодных для Замбии условиях. Государство обязывалось выплатить компаниям за отчуждаемую у них собственность компенсацию в размере около 0,5 млрд. долл. в течение 8—12 лет. Предусматривалось, что задолженность будет погашаться за счет той части прибыли, которую компании должны отчислять государству (горный и подоходный налог, а также налог на экспорт). Иначе говоря, финансовая система страны ставилась в прямую зависимость от результатов деятельности горнодобывающих компаний. Ускоренная выплата суммы, равной одной трети текущих

доходов государства (1974 г.), не могла не сказаться на финансовом положении страны.

Во-вторых. На протяжении независимого периода правительство Замбии в качестве основных задач экономического развития страны выдвигало ослабление зависимости хозяйства от производства и экспорта меди, подъем и диверсификацию экономики. Однако главный акцент делался в основном на реорганизации современного сектора экономики (промышленность, энергетика, транспорт), уровень развития которого был и без того высок. В то же время Замбия — типично аграрная страна, но ее аграрный сектор, не ориентированный на экспорт, остался вне зоны внимания правительства. Практически все программы в области сельского хозяйства не были реализованы (кооперирование, «перегруппировка деревень», «возврат к земле» и т. д.), полностью не осваивались государственные капиталовложения, падала занятость населения в аграрной сфере, возросла миграция сельских жителей в города. В результате, хотя к середине 80-х годов удельный вес стоимостного объема сельскохозяйственной продукции возрос в валовом продукте страны до 17,3% (в 1964 г. — 13,7%), сельское хозяйство сменило свое традиционное второе место на четвертое, уступив обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственной продукции в 80-е годы составили всего 2,6% (в 1965—1970 гг. — 3,3, 1970—1980 гг. — 2,9%). Прекратился экспорт сельскохозяйственных товаров. Более того, Замбия была вынуждена неоднократно прибегать к чрезвычайным импортным закупкам кукурузы — основного продукта питания сельского населения — и регулярно импортировать продовольствие, потребляемое в городах (пшеница, говядина и т. д.).

В-третьих. Зависимость от импорта средств производства, полуфабрикатов, сырья и топлива для различных отраслей экономики за годы независимости также возросла. Поэтому ухудшение условий торговли, ставшее для Замбии особенно чувствительным начиная с 70-х годов, привело к непроизводительному «проеданию» значительной части произведенного в стране совокупного продукта (в 1984 г. — около 10%), к ограничению объема импорта, к недоиспользованию производственных мощностей и падению жизненного уровня населения страны.

Таким образом, внутренние возможности экономики Замбии оказались слабо реализованными (из-за невозможности быстрой структурной перестройки хозяйства, а также применения ею обязательных санкций против расистского режима Южной Родезии и ущерба, нанесенного стране в результате вооруженных нападений со стороны Родезии и ЮАР) и не смогли восполнить потери, которые несет Замбия в условиях неблагоприятной для нее конъюнктуры внешнего рынка.

Империалистические государства, ТНК, международные финансовые организации активно стремятся использовать зависимость Замбии от поступления внешних ресурсов в целях оказа-

ния на нее политического и экономического давления. «Кризис долгов», который переживает в 80-е годы Замбия, оказывает негативное воздействие на экономический рост, что отражается на многих финансово-экономических показателях. Подтверждением этого являются результаты выполнения третьего плана развития (1979—1983).

В период действия плана предполагалось увеличить объем ВВП в 1,26 раза при среднегодовых темпах прироста в 4,8%. Однако экономика находилась в состоянии глубокой стагнации, а темпы прироста ВВП были ничтожно малы — 0,1%. Совокупный общественный продукт в реальном исчислении уменьшался в 1982—1984 гг. по сравнению с предыдущими годами ввиду периодических или систематических снижений объема производства практически всех отраслей, формирующих ВВП. Только три сектора, один из которых принадлежит производственной сфере (энергетика и водоснабжение) и два — сфере услуг, превысили запланированные для них темпы прироста. Реализация ВВП характеризовалась ростом как государственных, так и частных расходов на потребление, составивших соответственно 25 и 55% ВВП (планировалось 20 и 51%), значительным снижением валового прироста основного капитала — в 1,7 раза, удельный вес которого в ВВП составил всего 14% вместо 29 по плану [72, 1984, с. 33—34]. Главными факторами кризисного состояния экономики страны стали сокращение объема капиталовложений, особенно в горнодобывающую промышленность и транспорт, резкое падение объема импорта и сокращение объема и стоимости экспорта в результате снижения мировых цен на медь и ухудшающихся условий торговли.

К началу 80-х годов перед Замбией со всей остротой встала проблема необходимости реорганизовать внешнюю задолженность. Поскольку механизм реорганизации долга предусматривает предварительное принятие страной-должницей «программы стабилизации» МВФ, Замбия в 1978 г. приступила к осуществлению такой программы, рассчитанной на три года.

«Программа стабилизации» включала требования: установление строгого контроля над уровнем импорта, снижение роста государственных расходов. Годы ее осуществления совпадали со второй волной повышения мировых цен на медь в конце 70-х годов, что привело к некоторому улучшению финансового положения Замбии. Однако с точки зрения ближайших перспектив «программа стабилизации» оказала отрицательное воздействие на развитие экономики. К такому же выводу пришла миссия ООН, совершившая в соответствии с резолюцией 450 (1979 г.) Совета Безопасности в начале 1980 г. поездку в Замбию «в целях проведения консультаций с правительством по экономическому положению, прогрессу, достигнутому в осуществлении специальной программы экономической помощи, и потребностям в целях восстановления и реконструкции» [85, с. 3, 6—7].

Проводя программу «оздоровления» экономики, Замбия в 1981—1984 гг. добилась реорганизации части своего внешнего долга. В 1981 г. МВФ предоставил правительству Замбии заем на сумму в 820 млн. квач. Под давлением Фонда правительство пошло на отмену в 1981 г. государственного контроля над розничными ценами, в 1983 г. оно установило 10%-ный «потолок» повышения заработной платы и провело четвертую девальвацию квачи, а в октябре 1985 г. — систему аукционирования иностранной валюты, что фактически явилось еще одной девальвацией квачи на 57%.

Столь жесткие условия «оздоровления» экономики Замбии, предложенные МВФ, неизбежно должны были сказаться на положении широких масс, свертывании большинства социальных программ. Это вызвало многочисленные выступления населения против ухудшения социально-экономического положения. В 1986 г. водители автобусов и такси протестовали против очередного повышения цен на бензин, студенты требовали отменить введение платы за обучение в школах-интернатах, в начале 1987 г. прошла волна забастовок на предприятиях государственного сектора. Однако кульминацией были волнения в декабре 1986 г. в городах Коппербелта, когда правительство, испытывая давление со стороны МВФ, в два раза повысило цены на кукурузную муку. В ответ начался грабеж магазинов, правительственные чиновники и функционеры правящей партии подвергались нападениям, проходили демонстрации, в ходе которых демонстранты вступали в стычки с армейскими подкреплениями, переброшенными для подавления беспорядков. По официальным данным, в результате этих столкновений в течение трех дней погибло 15 человек, после чего К. Каунда был вынужден отменить повышение цен [375, 11.12.1986].

К середине 1987 г. у правительства Замбии не оставалось иного выбора: либо вновь столкнуться со вспышкой социального протеста, либо отказаться от жестких условий МВФ. В мае 1987 г. К. Каунда объявил о решении правительства отказаться от программы «структурной перестройки» экономики.

Объявляя об отходе от рекомендуемых МВФ рецептов оздоровления экономики, правительство Замбии предприняло ряд важных мер: отказалось от аукциона иностранной валюты, стремясь приостановить падение курса квачи, заморозило цены на все виды продукции, понизило банковские процентные ставки, ограничило выплаты по обслуживанию внешнего долга 10-ю процентами от экспортных поступлений [375, 05.05.1987].

Несмотря на сложность финансовой ситуации, в стране был разработан и начал осуществляться промежуточный план национального развития (июль 1987 г. — декабрь 1988 г.). Прирост ВВП был определен на уровне 2,2%, расходы на финансирование в размере 3,3 млрд. квачей, в том числе за счет внешних источников — 1,12 млрд. квачей. Капиталовложения в госу-

дарственные и смешанные предприятия должны были составить свыше 80% всех инвестиций. Эти и другие показатели определялись исходя из предположения стабильности котировок на медь на Лондонской бирже металлов, неизменности мировых цен на ввозимые Замбией товары и зарубежной экономической поддержки реализуемым проектам.

Спешная и недостаточная экономическая проработка плана вызывала сомнения в возможности реализации плана по большинству позиций, однако несомненным было то, что выбор момента для осуществления данной программы — самобытной попытки преодоления кризиса и застоя в замбийской экономике — был сделан правильно. Начавшееся в 1987 г. некоторое повышение цен на экспортируемое Замбией минеральное сырье стало благоприятным условием и фоном для достижения запланированных макропоказателей, дало новый толчок мобилизации собственных ресурсов. Кроме того, тактическая цель промежуточного плана заключалась в том, чтобы получить публичное признание правильности проводимой в стране экономической и финансовой политики и необходимости своевременной поддержки со стороны международного сообщества.

Со второй половины 1988 г. началась работа по оценке предварительных итогов плана для корректировки установок, которые должны были быть заложены в четвертый (пятилетний) план национального развития. Было принято решение о необходимости периодического пересмотра валютного курса и банковских ставок ссудного процента.

В ноябре 1988 г. была осуществлена девальвация квачи на 25% по отношению к иностранным валютам и отмена привязанности курса квачи к доллару. Курс квачи установлен по отношению к СДР (за 1 СДР 13 квачей), обменный курс определен в 10 квачей за 1 долл. против 8 квачей ранее. Кроме того, с 20 до 25% была повышена банковская ставка [324, 15.11.1988]. По заявлению министра финансов, наряду с другими мерами это должно способствовать осуществлению программы экономического преобразования. Но более всего эти акции, так же как и осуществленные повышение внутренних цен на нефть, отмена выплаты горнодобывающими компаниями налога на разработку недр на 1988 г., очередная девальвация квачи на 37,5%, отвергнутые Замбией в мае 1987 г., свидетельствуют о намерении найти компромиссный вариант сближения интересов Замбии с требованиями международного кредиторов.

В конце 1988 г. были обнародованы итоги выполнения промежуточного плана. По ряду позиций были достигнуты более высокие по сравнению с запланированными результаты. Так, ВВП (в постоянных ценах) вырос на 2,7%; практически весь прирост был достигнут в отраслях экономики, в наибольшей степени использующих местное сырье и материалы. Средний прирост продукции сельского хозяйства (в основном благодаря хорошим погодным условиям) составил 6,4% (по плану 1,7%),

рекордным был урожай кукурузы, на 15% вырос сбор пшеницы. Темпы роста горнодобывающей промышленности замедлились в 1988 г. по сравнению с предыдущим годом, однако в целом в плановый период отрасль развивалась в более быстром темпе в связи с проведением начатой в 1987 г. пятилетней программы ее реконструкции, частично финансируемой МБРР. Темпы развития обрабатывающей промышленности, наиболее зависящей от притока в нее валютных средств, в 1987 и 1988 гг. составили соответственно 5,8 и 2,6% (среднегодовой прирост был запланирован в 4,8%).

Из-за отсутствия притока новых капиталов в страну ассигнования в экономику в целом были осуществлены лишь в объеме 21%. В связи с частичной загруженностью мощностей подавляющего большинства предприятий, особенно в обрабатывающей промышленности, сократилась занятость на государственных и смешанных предприятиях. Весьма мрачные перспективы сохраняются и на последующие годы.

Особенно проблема безработицы коснулась городского населения, в частности молодежи, на долю которой приходится $\frac{2}{3}$ ищущих работу. К. Каунда, выступая на внеочередной сессии Национального совета ЮНИП 12 ноября 1988 г., выдвинул новый лозунг — каждому замбийцу бесплатный сельскохозяйственный инвентарь и продовольствие сроком на один год в случае согласия переселиться из города в деревню. Таким видится руководству страны один из путей решения сразу двух проблем — трудоустройства безработных и городской бедноты и организации массового сельскохозяйственного производства. Президент обратился с просьбой о помощи в расселении безработных в сельской местности к традиционным вождям, собравшимся в январе на сессию Палаты вождей. Сельские трудовые лагеря для молодежи стали создаваться в начале 1988 г. В апреле в лагеря были переселены первые 1200 человек. Однако замбийская печать отмечает, что ассигнуемые средства слишком малы, а организация лагерей явно неудовлетворительна для успешного осуществления намеченной программы.

Ухудшение условий жизни — самое тяжелое последствие разбалансированной экономики, недостаточного внимания к социальным проблемам со стороны руководства страны. За последние 10 лет на 40% упала покупательная способность населения; по сравнению с 1987 г. в 1988 г. на 40% выросло количество денег в обращении; инфляция составила для малоимущих слоев 59,2%, для групп с высокими доходами — 35% [323, 10.03.1988].

Продолжает расти дефицит госбюджета — в 1988 г. на 25% по сравнению с предыдущим годом. Покрывается он в основном за счет заимствований у Банка Замбии (в 1988 г. на 86%). Дополнительная эмиссия денег в 1988 г. вызвала инфляционный прирост цен на 60%. Не удалось обуздать инфляцию путем введения контроля над ценами на товары первой необходимости,

установления обязательных закупочных цен на все основные сырьевые товары и полуфабрикаты [323, 21.01.1989].

Структура госбюджета, в частности его расходной части, объем дефицита и источники его финансирования являются основными моментами разногласий между Замбией и МВФ (размер дефицита госбюджета стран, осуществляющих программу структурной стабилизации, не должен превышать 5% ВВП (требование МБРР), 10% ВВП (МВФ). В Замбии в 1987 и 1988 гг. он составил соответственно 14 и 9,5% ВВП [338, 05.02.1988, с. 26]). Требования кредиторов сводятся к увеличению расходов на экономику; сокращению административных расходов, в том числе заработной платы в госсекторе, и расходов на социальную сферу (отказ от субсидирования производителей товаров широкого потребления и контроля над ценами, сокращение расходов на здравоохранение и образование).

Субсидии производителям составляют в расходной части замбийского бюджета 13—14% (1986—1988) и распространяются на довольно широкий круг товаров, потребляемых практически всеми слоями населения страны. Имея в виду социальные трудности, сопряженные с отменой субсидий, правительство Замбии приняло решение о введении карточной системы распределения некоторых субсидируемых товаров: с января 1989 г. эта мера распространяется на кукурузную муку — основной продукт питания главным образом низкооплачиваемых слоев населения. Впоследствии предусматривается постепенное сокращение и отказ от субвенций, переход к экономически оправданному уровню цен.

Таким образом, социальная программа плана оказалась невыполненной, хотя именно в этой сфере лежит ключ к успеху альтернативных мероприятий как метода разрешения многих внутренних проблем.

ЗАМБИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Внешняя политика

Принципы внешнеполитического курса ЮНИП и правительства. Разрабатывая принципы внешней политики, руководство Замбии преследовало следующие цели: обеспечить государственный суверенитет Замбии, в том числе по вопросу об эксплуатации природных ресурсов, осуществить наиболее эффективным образом использование внешнеполитических, экономических и культурных связей в интересах страны. Четверть века ЮНИП и правительство К. Каунды направляли свои усилия на решение этих задач, используя для этого все доступные им средства на мировой арене и в Африке.

Главными принципами внешнеполитического курса Замбии были и остаются *неприсоединение*, обеспечивающее молодой республике определенную независимость во внешних делах, *борьба против расизма и апартеида*, конечная цель которой — завершение освободительного процесса на Юге Африки, и, наконец, *единство* как стратегия коллективной защиты африканских государств от происков империализма, неокOLONиализма и расизма. Этот курс получил официальное подтверждение в правительственном заявлении К. Каунды на семинаре для глав дипломатических миссий за рубежом 1 сентября 1983 г. [375, 01.09.1983], опубликованном в издании, посвященном 10-летию независимости страны (1974 г.) [98, с. 9].

Главные цели внешней политики Замбии, указал президент, состоят в установлении хороших отношений со всеми странами, в развитии сотрудничества с ними в рамках ООН, Движения неприсоединения, ОАЕ и других региональных и международных организаций, в поддержании добрососедских отношений, всеобщего мира, национально-освободительного движения и в борьбе с апартеидом и расизмом. От себя добавим, что замбийское руководство выступает за разрядку международной напряженности, за ликвидацию существующих и против возникновения новых очагов напряженности. «Фундаментальная цель национальной политики, — говорилось в упомянутом юбилейном издании 1974 г., — максимально обеспечить возможный вклад Замбии в настойчивые усилия народов по наведению мостов международного взаимопонимания и сотрудничества для укрепления мира и безопасности во всем мире» [98, с. 9].

Идеологический фундамент внешнеполитического курса Замбии — панафриканизм и философия гуманизма. «Внешняя политика Замбии, — говорил в сентябре 1978 г. президент К. Каунда, — всегда должна руководствоваться интересами человека в соответствии с философией гуманизма, отражать нашу любовь к людям... Именно она является ведущей силой нашей внешней политики» [378, 15.09.1978].

На внешнюю политику Замбии оказывали влияние многие факторы. Она всегда была социально обусловлена, ее определяли силы, стоящие у власти. Вот почему при известной стабильности общего курса во внешней политике правительства Замбии нередко отмечались непоследовательность и не всегда оправданные решения, особенно при резких поворотах событий в регионе или на мировой арене. Придерживаясь принципа «политического баланса», правительство отдавало предпочтение в ряде случаев экономическим выгодам и прагматическим расчетам, особенно в отношениях Восток — Запад.

Несмотря на указанные выше негативные моменты и на масштабный экономический, политический и военный нажим со стороны ЮАР, которую поддерживают крупнейшие державы Запада, внешняя политика Замбии сохраняет прогрессивную, антиколониальную и антирасистскую направленность.

Замбийское руководство, многократно подтвердив свою приверженность основному принципу неприсоединения — неучастию в политических и военных блоках, поддерживает в то же время принимаемые большинством неприсоединившихся стран решения по наиболее острым международным проблемам. На международной арене оно выступает чаще всего с общих для неприсоединившихся стран позиций.

Особое внимание руководство Замбии уделяет участию в международных организациях. При этом оно исходит из того, что в современном взаимосвязанном мире ни одна страна не может решить только своими силами национальные, внешнеполитические и социально-экономические задачи [378, 15.09.1978].

В 80-е годы во внешней политике Замбии заметно усилилось внимание к экономическим проблемам, особенно развивающихся стран, к поискам выхода замбийской экономики из кризисного состояния. При этом Замбия, как и многие ее партнеры по ОАЕ и Конференции по координации экономического развития независимых стран Юга Африки (САДКК), пытается решить эту проблему на основе расширения торгово-экономического сотрудничества как на двусторонней и многосторонней основе, так и в рамках региональных и международных экономических и финансовых институтов. Анализируя причины затяжного отставания социально-экономического развития страны, замбийские руководители, как правило опирались на ошибочную концепцию о «бедных» и «богатых» нациях.

Примером эволюции внешнеполитической линии Замбии может служить отношение ее руководства к европейскому «Об-

щему рынку». В первые годы независимости оно отрицательно относилось не только к этой организации, но и даже к связям с теми африканскими странами, которые поддерживали с «Общим рынком» деловые отношения. При этом в Лусаке руководствовались чисто экономическими соображениями, считая, что Замбия, присоединившись к ЭЭС, никакой выгоды из этого не извлечет. «Наш основной продукт, — заявил министр финансов, — медь. И проблема состоит не в том, как больше ее сбывать, а как больше произвести» [146, с. 126]. Со временем позиция замбийского руководства, однако, изменилась: Замбия вошла в число африканских стран — ассоциированных членов ЭЭС.

Кризисное состояние национальной экономики вынудило замбийское руководство переместить центр тяжести своей деятельности на международной арене в экономическую и социальную сферу. Это сказалось на внешнеполитическом курсе страны, ослабило в ряде случаев ее реакцию против неокOLONиалистской политики Запада. Руководство Замбии пыталось разрешить противоречие между статусом суверенного государства, его возросшей ролью на африканской и международной арене, с одной стороны, и сохраняющейся зависимостью в области экономики от капиталистических стран, особенно от ЮАР, — с другой. Вот почему для замбийского правительства характерно стремление взаимодействовать прежде всего с африканскими странами, имеющими общую судьбу с Замбией, а также сотрудничество со всеми государствами, независимо от их социально-экономической системы, готовыми помочь Лусаке преодолеть экономические трудности. Для руководства Замбии «конечный результат», т. е. размеры и условия предоставления помощи, нередко более важен, чем цели, которых добиваются доноры.

Экономические трудности Замбии, унаследованные от колониального прошлого, усугублялись кризисным состоянием мирового капиталистического хозяйства. Особенно болезненным для ее экономики было падение спроса на медь на мировом рынке. Задачи национального возрождения в таких условиях потребовали от замбийского руководства проведения эффективных мер в социальной сфере, усиления роли государства в становлении национальной экономики. Но эти меры натолкнулись на противодействие неокOLONиалистских внешних и внутренних реакционных сил. К тому же ответная реакция замбийского руководства этим силам грешила определенными просчетами, о чем говорилось в предыдущих главах.

Когда ЮНИП и правительство Замбии, пытаясь ослабить экономическую зависимость от Запада (и ЮАР), проводили прогрессивные социальные и экономические преобразования, они подвергались нападкам со стороны западных средств информации. Примером такого рода критики может служить статья Гленна Френкела, в которой он пытается доказать невозможность независимого экономического развития Африки без капитализма, в том числе Замбии, вообще [358, 19.01.1985].

Эпизодические отклонения замбийского руководства от принципиального курса вызывались не только зависимым положением страны в мировой капиталистической системе, но и влиянием на ее внешнюю политику внутренних сил. Речь идет о набирающей силу средней и крупной национальной буржуазии, связанной классовыми интересами со «старшими» партнерами — финансовыми и торгово-промышленными кругами Запада. В основе такого симбиоза лежала заинтересованность замбийской бюрократической элиты, или «класса интендантов» [293, с. 249], в обогащении. Замбийскому руководству приходилось считаться с этой элитой при определении своей позиции по тому или иному международному вопросу.

Политика Замбии в ООН. В Замбии высоко оценивают значение и роль Организации Объединенных Наций. Веру Замбии в действенность ООН подтверждает и тот факт, что 24 октября — День ООН — был провозглашен днем национальной независимости страны [98, с. 8].

В Замбии считают, что, несмотря на низкую эффективность многих решений ООН, эта организация остается жизненно важным международным форумом. Поэтому задача каждого государства — члена ООН всячески способствовать ее укреплению и повышению авторитета. 1 декабря 1964 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Республика Замбия стала 113-м членом всемирной организации. По этому поводу К. Каунда сказал: «Мы убеждены, что утверждение здесь, в ООН, наших прав, обеспечивающих национальную независимость, предоставляет нам возможность свободного выбора решений в интересах народа по всем глобальным проблемам, которые разделяют мир... Замбия, как и другие неприсоединившиеся страны, выступает за ликвидацию колониализма и неоколониализма во всех формах, за право принимать помощь как от Востока, так и Запада, а также иметь собственные убеждения» [377, 1969, № 1, с. 8]. В середине 60-х годов в ООН сложилась группа африканских государств, в нее вошла и Замбия. Ее представители использовали трибуну ООН для содействия освободительным процессам на Юге Африки: в 1969 г. по инициативе Замбии Совет Безопасности осудил политику Португалии в Мозамбике. В 1969—1970 и в 1987—1988 гг. Замбия избиралась непостоянным членом Совета Безопасности ООН. В 1969 г. в Лусаке была создана Ассоциация содействия ООН, которая стала членом Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН.

Авторитет и влияние Замбии в ООН возрастали. На 1 января 1987 г. она входила в 15 различных органов ООН. О международном авторитете Замбии говорит и тот факт, что ее представитель П. Лусака избирался председателем XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1983 г.), а также был председателем Совета ООН по Намибии. Столица Замбии стала местом пребывания Института ООН по подготовке национальных руководящих кадров для будущей независимой Намибии.

В ООН замбийская делегация чаще всего выступала с прогрессивных позиций, особенно по таким вопросам, как ядерное разоружение, создание всеобъемлющей системы международной безопасности, новый мировой экономический порядок, дискриминационные действия Запада в сфере науки, культуры, информации. Вместе с тем представители Замбии нередко утверждали, что только «борьба между блоками за расширение сфер влияния» была причиной напряженности в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в других горячих точках в мире [87, с. 2—15].

Право вето постоянных членов Совета Безопасности Замбия считает в принципе неправильным: по ее мнению, оно не соответствует новой расстановке сил в ООН. Наряду с этим она понимает, что принцип единогласия — эффективное средство, применяемое при решении сложных вопросов в ООН.

Замбия играет заметную роль в специализированных учреждениях ООН, она стремится использовать свое членство в них для собственного блага и африканского сообщества как в политической и экономической, так и в социальной области. Замбия осудила выход США и Англии из ЮНЕСКО, она выразила тревогу по поводу дискриминационных действий этих стран и их партнеров по НАТО, угрожающих самому существованию ЮНЕСКО.

Правительство Замбии — принципиальный сторонник универсальности ООН, оно высказалось за равноправие всех наций в рамках этой международной организации и считает, что ее универсальность находится в прямой зависимости от участия в деятельности ООН всех стран независимо от идеологии, политической системы и размера территории.

Замбийское правительство выступило за провозглашение Индийского океана зоной мира, хотя при этом и возложило равную ответственность на США и СССР за «усиление военного противостояния» в этом регионе. Замбия поддержала требования африканской и международной общественности о ликвидации американской военной базы на острове Диего-Гарсия, она осудила планы создания опорных военных пунктов США в Сомали, Омане и Кении.

Замбия — сторонница мирного урегулирования ближневосточной проблемы, а также вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий в соответствии с резолюцией № 242 Генеральной Ассамблеи ООН 1967 г. В октябре 1973 г. Замбия разорвала дипломатические отношения с Тель-Авивом, осудила кэмп-дэвидскую сделку, экспансионистский курс Израиля, а также аннексию восточной части Иерусалима. Она поддержала советское предложение о созыве международной конференции по Ближнему Востоку с участием заинтересованных сторон, в том числе ООП. Замбия считает, что Совет Безопасности должен принять эффективные меры в отношении Израиля, включая применение санкций. Она критически проанализи-

ровала политику США и Израиля в регионе, сравнив обстановку на Ближнем Востоке с взрывоопасной ситуацией на Юге Африки. В советском предложении об урегулировании ближневосточного конфликта Замбия видела путь решения кризиса в южноафриканском регионе. Во время визита в АРЕ в феврале 1985 г. К. Каунда призвал администрацию США признать ООП. В мае 1985 г. в Лусаке была открыта дипломатическая миссия этой организации. Вместе с тем Замбия критиковала арабские государства, которые не в состоянии обеспечить единство перед лицом израильской агрессии. Наряду с этим в Лусаке со вниманием отнеслись к заинтересованности Израиля восстановить дипломатические отношения с Замбией, однако практических шагов в этом направлении замбийская сторона не предприняла.

Замбия поддержала усилия ООН, направленные на мирное разрешение ирано-иракского военного конфликта. Во время визита в Багдад в мае 1985 г. К. Каунда приветствовал мирные инициативы Ирака. Замбия призвала Ирак и Иран прекратить военные действия, сесть за стол переговоров и достичь соглашения о мире на основе принципов ООН и Движения неприсоединения, участниками которых они являются. В 1981—1983 гг. Замбия, будучи членом «Комитета четырех», выступала по поручению Движения неприсоединения в качестве посредника в переговорах по урегулированию конфликта.

Лусака осудила агрессивные действия США против Ливии. Она расценила неспровоцированную бомбардировку ливийских городов как грубое нарушение Устава ООН и норм международного права. По утверждению замбийского руководства, Вашингтон даже не пытался использовать в этом случае мирные средства, предусмотренные Уставом ООН.

Во время визита на Кубу в 1985 г. К. Каунда занял конструктивную позицию в оценке положения в Центральной Америке. С трибуны ООН Замбия поддержала сандинистское правительство Никарагуа, осудила подрывную деятельность Соединенных Штатов против этой страны; экономический нажим на Манагуа Лусака использовала для разоблачения двуличной политики администрации Рейгана, которая отказывалась предпринять всеобъемлющие санкции против ЮАР. Замбия поддержала предложения «Контадорской группы» и резолюцию № 530 Совета Безопасности ООН о положении в Центральной Америке (см. [83]). Лусака решительно осудила вторжение США на Гренаду, призвала администрацию Рейгана вывести войска с территории этого суверенного государства.

По ряду международных проблем Замбия придерживалась позиций, согласованных в рамках Движения неприсоединения и ОАЕ, в частности по «афганскому вопросу». Под влиянием политических реальностей состоялся переход от понимания сути политики национального примирения, проводимой президентом Наджибуллой, к признанию его правительства в декабре 1988 г.

По мнению Замбии, строгое соблюдение Женевских соглашений по Афганистану должно было стать основой для нормализации обстановки в этой стране. Замбия осудила нарушение соглашений пакистанской стороной.

В кампучийском вопросе Замбия выступала за вывод вьетнамских войск, после которого была готова признать любое правительство Кампучии, в том числе и коалиционное.

Замбия отказалась присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия. По ее мнению, договор предусматривает лишь «горизонтальное» нераспространение, хотя развитие современной науки и техники выдвигает необходимость и «вертикального» нераспространения. Выступая в 1986 г. на VIII конференции неприсоединившихся стран в Хараре, К. Каунда утверждал, что ядерные державы «не имеют морального права настаивать на присоединении государств к Договору о нераспространении ядерного оружия, в то время как сами продолжают испытания и разработку более совершенных видов такого оружия» [352, 12.09.1986]. Замбия приветствовала советский мораторий на ядерные испытания и осудила США за отказ присоединиться к нему.

Замбия отказалась подписать Конвенцию о запрещении бактериологического и токсичного оружия, она поддержала советские предложения о запрещении производства, хранения и использования химического оружия.

По большинству вопросов, включаемых в повестку дня очередных и специальных сессий Генеральной Ассамблеи и заседаний Совета Безопасности ООН, Замбия согласовывала свою позицию с другими участниками африканской группы в рамках координирующего и консультативного органа стран — членов ОАЕ, действующего на постоянной основе. По многим внешнеполитическим вопросам она координировала свой курс с членами «прифронта» группы (Замбия, Танзания, Ботсвана, Мозамбик, Ангола и Зимбабве), а также учитывала политическую линию, выработанную на форумах ОАЕ. Наиболее активно сотрудничала Замбия с африканскими и другими странами — членами ООН по проблеме деколонизации Юга Африки, выступала с инициативами по скорейшему предоставлению независимости Намибии и ликвидации режима апартеида в ЮАР.

Участие Замбии в Движении неприсоединения. Для руководства страны неприсоединение — мировоззрение и политическая философия, отвечающие требованиям доктрины «замбийского гуманизма», главный и основополагающий принцип подхода к международным делам.

Вступив в Движение неприсоединения в 1964 г., Замбия стала одним из наиболее активных его участников. Внеблоковый статус, как подчеркивало правительство К. Каунды, не означает безразличия к тому, какие тенденции — мира или войны — возобладают в отношениях между великими державами, какие принципы международного сотрудничества или неокOLONIAL-

ного угнетения, равноправных отношений или империалистического диктата возьмут верх в южном регионе Африки [82, с. 381]. Считая Бандунгскую конференцию стран Азии и Африки (апрель 1955 г.) важнейшей вехой в создании Движения неприсоединения, Замбия приняла участие в международном симпозиуме «Бандунг и современность» (Дар-эс-Салам, 1985 г.) и способствовала приданию дискуссии антиимпериалистической направленности.

Признанием роли Замбии в Движении неприсоединения явился выбор Лусаки местом проведения III конференции неприсоединившихся стран в сентябре 1970 г., а также избрание К. Каунды председателем Движения на 1970—1973 гг. Конференция приняла важные решения: Лусакскую декларацию о мире, независимости, развитии, сотрудничестве и демократизации международных отношений, Декларацию о неприсоединении и экономическом прогрессе, резолюции о разоружении («космос должен использоваться исключительно в мирных целях»), о деколонизации, ликвидации системы апартеида и других форм расовой дискриминации, о Намибии (в ней дана «клятва солидарности с намибийским народом, борющимся за свободу») и другие документы. На конференции ставилась задача о необходимости повысить роль неприсоединившихся стран в мировых делах [375, 30.09.1970]. Замбия была в числе стран, выдвинувших на конференции предложение об объявлении Индийского океана зоной мира. Эту инициативу поддержало большинство государств на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1971 г.

Замбия принимала активное участие в V (Коломбо, август 1976 г.), VI (Гавана, сентябрь 1979 г.), VII (Дели, февраль 1983 г.) и VIII (Хараре, сентябрь 1986 г.) конференциях Движения неприсоединения. На VI конференции была принята декларация (в ее выработку участвовали замбийская и танзанийская делегации), направленная на оказание всемерной помощи «прифронтовым» государствам в их борьбе против агрессивных действий ЮАР и поддерживающих расистский режим сил империализма.

По инициативе Замбии и других «прифронтовых» государств VII конференция выступила в защиту СВАПО, осудила расистский режим ЮАР и его союзника США за многолетнее затягивание справедливого решения намибийского вопроса.

На VIII конференции президент К. Каунда входил в инициативное ядро этого форума, принимал участие в подготовке заключительных документов, был избран в состав девяти членов Координационного комитета, которому поручено создать Фонд противодействия агрессии, колониализму и апартеиду (формируется из добровольных взносов государств для оказания помощи АНК, СВАПО и «прифронтовым» государствам). Первоначальный капитал — 70 млн. долл. Одна из главных целей Фонда — свести до минимума последствия ответных санкций Южной Африки, которые, по данным на 1986 г., уже обошлись

«прифронтовой» группировке более чем в 20 млрд. долл. [354, 04.11.1986]. Председателем Фонда единогласно был избран премьер-министр Индии Раджив Ганди.

Вместе с тем для руководства Замбии характерно нечеткое, а точнее сказать, превратное толкование принципа неприсоединения. Оно рассматривало его как присоединение не столько к блокам, сколько к социальным системам — социализму или капитализму. При таком толковании выходило, что Замбия занимает на международной арене промежуточную, как бы нейтральную позицию.

Вот почему Лусака становилась жертвой западной пропаганды всякий раз, когда приступала к проведению реформ, призванных ограничить или ликвидировать господство иностранных монополий, ее обвиняли в отходе от принципов неприсоединения. Но со временем в позиции Замбии происходили изменения. Так, на VIII конференции неприсоединившихся стран в Хараре во взглядах руководства Замбии проявилась уже более трезвая оценка, учитывающая обострение классовых противоречий как в рамках отдельных африканских государств, включая Замбию, так и на международной арене. Сама жизнь выводила Замбию из искусственного «нейтралитета», заставляла считаться с объективными реальностями современного мира.

Такие изменения нелегко давались руководству Замбии, поскольку экономические и финансовые институты Запада, присутствующие на замбийской земле, продолжают оказывать влияние на формирование ее внутренней и внешней политики.

Замбия в Содружестве. Оставшись в Содружестве, Замбия использовала «имперские» преференции и льготные таможенные тарифы, другие выгоды в торговле, экономическом и техническом сотрудничестве с Англией, Австралией, Канадой и Новой Зеландией.

Когда на конференциях стран Содружества обсуждались вопросы национально-освободительного движения, Замбия выступала особенно активно. В 1971 г. на конференции в Сингапуре К. Каунда внес проект Декларации принципов Содружества, содержащий ряд антиколониальных и антирасистских положений, преследовавший цель прекращения английских поставок оружия расистам Родезии. Проект был утвержден. За него голосовала, хотя и с оговорками, даже английская делегация, чтобы не остаться в изоляции [98, с. 10].

На конференции в июне 1977 г. К. Каунда, разоблачив лицемерную позицию, которую длительное время занимал Лондон по отношению к режиму Яна Смита в Родезии, задал тон дискуссии. История Содружества, утверждал он, представляет собой бесконечный перечень попыток либо игнорировать проблему расизма, либо преуменьшать ее опасность. «Но пришла пора, когда для членов Содружества мало быть едиными в осуждении расистских режимов, пужно проявить единство в действиях». Президент Замбии предложил признать законное право

народов Зимбабве и Намибии вести вооруженную борьбу за свободу и национальную независимость. Под влиянием Замбии и других африканских стран большинство участников конференции высказалось за решение родезийской проблемы на условиях партий Патриотического фронта Зимбабве [331, 11.06.1977].

Признанием роли Замбии в делах Содружества было избрано Лусаки местом проведения 26-й конференции. В качестве председателя конференции К. Каунда подчеркнул необходимость большего участия всех государств — членов Содружества в решении проблемы деколонизации, особенно на Юге Африки.

Противоречия внутри Содружества, малая эффективность его решений привели к тому, что развивающиеся страны-члены, в том числе Замбия, постепенно теряли интерес к участию в деятельности этого объединения.

Роль Замбии в развитии внутри- и межрегиональных связей.

Приоритетное направление внешней политики Замбии — африканское. Будучи лидером «прифронтовых» государств и до мая 1988 г. временным председателем ОАЕ, К. Каунда отдал много сил решению африканских проблем. Его миротворческая деятельность в период пребывания во главе ОАЕ во многом способствовала появлению предпосылок политического урегулирования конфликтных ситуаций в отношениях между Ливией и Чадом, а также в Западной Сахаре.

Предметом особой заботы руководства Замбии является укрепление Организации африканского единства на основе принципов ее устава. (Замбия вступила в ОАЕ 10 декабря 1964 г.). ЦК ЮНИП и правительство видели в этой организации инструмент коллегиального решения африканских проблем, трибуну для формирования общеафриканской политики и выражения воли свободолобивой и независимой Африки. На протяжении 25 лет членства в ОАЕ Замбия играла видную роль в многосторонней деятельности организации, выступала с инициативами по ряду общеконтинентальных и региональных проблем, будучи сторонницей их мирного решения, разблокирования конфликтных ситуаций за столом переговоров.

Замбия способствовала усилению ОАЕ. Считая главной причиной усиливавшегося размежевания африканских государств вопросы политического характера, ее руководители призывали африканских лидеров повысить роль ОАЕ в мирном урегулировании региональных конфликтов и споров. Замбия выступила против интернационализации конфликта в Чаде, осудила военное вмешательство Франции, настаивала на урегулировании чадской проблемы под эгидой ОАЕ.

Замбийское руководство призывало африканских лидеров сконцентрировать усилия на решении главным образом экономических и продовольственных вопросов, активнее использовать в этих целях возможности Организации африканского единства. В качестве примера такого сотрудничества замбийцы приводи-

ли Лагосский план действий по экономической интеграции в Африке, принятый в 1980 г.

Признанием роли Замбии в решении общеафриканских проблем было избрание президента К. Каунды председателем ОАЕ в 1970—1971 и в 1987—1988 гг.

В ходе визита в Лусаку в октябре 1985 г. председателя ОАЕ, в ту пору президента Сенегала А. Диуфа, замбийский руководитель К. Каунда вновь призвал африканских лидеров преодолеть политические и идеологические разногласия, объединиться перед лицом общей угрозы, исходящей от ЮАР.

На формирование региональных связей Замбии, ее отношений с соседями решающее влияние оказывала взрывоопасная ситуация на Юге Африки. На развитие этих связей серьезное воздействие оказывала также хозяйственная зависимость не только Замбии от ЮАР, но и стран региона друг от друга. По мере ослабления или усиления такой зависимости менялись и акценты в замбийской африканской политике. Так, в первые годы независимости Замбия была активной сторонницей экономического союза с Кенией, Угандой и Танзанией. Создание такого союза, как считали в Лусаке, укрепило бы позиции Замбии на африканской и международной аренах. Однако в чисто экономическом плане реализация идеи о союзе и интеграции оказалась несостоятельной. Серьезным препятствием для создания регионального рынка была однотипность социально-экономических укладов предполагавшихся участников и структур экспортных товаров сельскохозяйственного производства. Все это привело бы к соперничеству, к конкурентной борьбе.

Другим препятствием стал различный выбор пути общественно-политического и экономического развития молодых государств региона: Танзании — по пути социалистической ориентации, Кении — капиталистического пути, Уганды — сначала поворота «влево», а затем при диктатуре И. Амина — капиталистического развития. Так или иначе, но идея экономической интеграции с разделением труда на региональном уровне не была реализована. Замбии пришлось серьезно скорректировать свои связи с соседями. На первый план вышли приемлемые для всех общие задачи ликвидации колониальных и расистских режимов, достижения экономической независимости от развитого Юга Африки. Для решения первой из этих задач позже была создана группировка «прифронтовых» государств.

Экономическое давление ЮАР, ведущих западных держав на Замбию и другие независимые государства южного региона заставило последних принять меры для создания защитного механизма. В апреле 1980 г. Лусака стала местом проведения учредительной конференции, в которой участвовали делегации Анголы, Замбии, Мозамбика, Танзании, Ботсваны, Зимбабве, Лесото, Свазиленда, Малави. Участники форума согласились учредить Конференцию по координации экономического развития независимых стран Юга Африки (САДКК), которая пока-

зала свою экономическую жизнеспособность, несмотря на нехватку средств и дискриминационную политику Запада. В перспективе экономические функции САДКК могли бы быть дополнены политическими.

Участие в САДКК помогло Замбии ослабить торгово-экономическую и транспортную зависимость от ЮАР, укрепить интеграционный процесс в регионе. В 1987 г. Замбия сократила до минимума экспорт медной руды через южноафриканскую территорию, увеличив грузопоток по ТАНЗАМУ. Лусака рассчитывала на возобновление эксплуатации Бенгельской железной дороги через Заир на порты НРА. Сессия САДКК в июле 1987 г. среди первоочередных задач организации назвала развитие транспорта. Для Замбии, не имеющей выхода к морю, это имело жизненное значение.

У Лусаки с большинством соседних государств, не считая Заира, сложились нормальные отношения. Правительство К. Кунды беспокоят претензии Киншасы на богатую вольфрамом, марганцем и кобальтом часть территории в провинции Луалула, отошедшую в 1894 г. к Северной Родезии по договору между «независимым государством Конго» и Великобританией. На этой почве возникали пограничные конфликты, эпизодически перераставшие в военные столкновения. С обеих сторон принимались меры к ослаблению напряженности на границе и к урегулированию конфликта. Несмотря на это, созданной в 1982 г. совместной комиссии по рассмотрению заирских территориальных претензий к Замбии и демаркации границ между двумя странами не удавалось найти взаимоприемлемое решение. Замбия была обеспокоена возможным превращением Заира в альтернативную базу УНИТА после ухода юаровских войск из Южной Анголы. В Лусаке допускали вероятность создания оси Претория — Киншаса и в этой связи дестабилизации «прифронтовых» государств, прежде всего Анголы. Наряду с этим Замбия периодически демонстрировала стремление к улучшению отношений с Заиром, о чем свидетельствовало, в частности, участие премьер-министра Замбии К. Мусокатве в праздновании в 1985 г. в Киншасе 20-летия пребывания у власти президента С. С. Мобуту.

Руководство Замбии не ограничивало свою деятельность рамками региональных и континентальных проблем. Оно стремилось увязывать их решение с общей обстановкой в регионе и на земном шаре. Выступая, например, на общеафриканской конференции по вопросу безопасности, разоружения и развития (Ломе, 13—16 августа 1985 г.), замбийский министр иностранных дел Л. Гома подчеркнул, что Африка не может стоять в стороне от глобальных проблем, она должна предпринять конкретные шаги по разоружению на региональном уровне, не допускать размещения на континенте иностранных военных баз и ядерного оружия, содействовать созданию системы коллективной безопасности, проведению последовательного кур-

са на всеобщее разоружение и постоянный поиск диалога с целью достижения атмосферы доверия [376, 19.08.1985]. Замбия приняла участие в подготовке и проведении Всеафриканского форума за мир и развитие, состоявшегося в апреле 1986 г. в Бразавиле (НРК).

Она была также среди стран — инициаторов создания Всеафриканского информационного агентства (ПАНА) и играла активную роль в деятельности его Южного бюро, в которое вошли Замбия, Ботсвана, Малави, Мозамбик, Лесото, Свазиленд, Зимбабве, службы информации АНК и СВАПО. Замбия участвовала в борьбе против информационного неокOLONиализма, выступала за развитие африканских средств массовой информации в рамках ОАЕ.

Вместе с тем эта страна в ряде случаев выступала инициатором принятия компромиссных решений, приводивших к негативным последствиям. Так было, например, в 70-е годы, в период обострения родезийского кризиса, когда замбийское руководство провело серию встреч с премьер-министром ЮАР, рассчитывая использовать режим Претории в качестве посредника между патриотическими силами Зимбабве и режимом в Солсбери. Диалог Лусаки с Преторией не был диалогом равных партнеров, переговоры между ЮАР и Замбией проводились в условиях, более предпочтительных для расистского режима, они сковывали силы, поддерживавшие партии Патриотического фронта в Родезии и антирасистские организации в ЮАР. В тщетном ожидании позитивных итогов диалога названные движения и организации снизили активность, ослабили давление на расистский режим.

Сам К. Каунда постоянно выступал за мобилизацию мировой общественности на борьбу против режима апартеида, принципиальным противником которого он является многие годы. Замбийский президент выступал за контакты либерально настроенных южноафриканских кругов с представителями национально-освободительных движений, способствовал организации таких встреч.

Еще до провозглашения независимости Анголы (11 ноября 1975 г.) руководство Замбии настаивало, чтобы Партия труда Анголы (МПЛА) заключила союз с Национальным фронтом освобождения Анголы (ФНЛА) и УНИТА, хотя такой союз, как показала практика, явно ослабил бы фронт прогрессивных сил, отодвинул сроки и усложнил процесс освобождения страны. Лусака продолжала настаивать на союзе и после прихода к власти в Луанде правительства А. Нето, хотя это затруднило бы последнему восстановление страны.

В Замбии рассчитывали, что прекращение междоусобицы в Анголе создаст мирную обстановку на замбийско-ангольской границе, облегчит экспорт меди по Бенгельской железной дороге через НРА. Но идея искусственного объединения МПЛА, УНИТА и ФНЛА — организаций с противоречивыми програм-

мами и целями — объективно ставила Замбию в двусмысленное положение. Более того, она оказалась бы в одном лагере с США. Ведь Вашингтон также добивался обязательного включения лидеров УНИТА и ФНЛА в состав правительства НРА. Он преследовал цель любыми средствами ослабить позиции МПЛА в стране, устранить от власти в Луанде «марксистское» правительство А. Нето. Однако события в Анголе и вокруг нее пошли по иному пути, прогрессивные силы одержали победу. Правительство МПЛА — ПТ получило широкое международное признание, в том числе в Африке.

Замбия на полгода задержала признание НРА. Потребовались вооруженная агрессия ЮАР (октябрь 1975 — март 1976 г.) против НРА, отпор, организованный МПЛА при активном участии Кубы и поддержке «прифронтовых» и других прогрессивных государств, чтобы Замбия установила с Анголой дружественные отношения, основанные на совместных действиях против империализма, неокOLONиализма и апартеида.

Руководство Замбии допустило в своей региональной политике и другой серьезный просчет, касающийся замбийской позиции в отношении сепаратистского движения в Нигерии (1967—1970). Правительство К. Каунды поддержало в те годы борьбу сепаратистов Биафры, назвав их лидера Ч. Оджукву руководителем национально-освободительного движения. Лусака поддержку Биафры объясняла тем, что в освободившейся Нигерии, как и при английских колонизаторах, господствуют феодалы северной народности хауса и что центральное правительство в Лагосе опирается на поддержку Лондона.

Критически оценивали в Лусаке тогда и позицию Советского Союза, поддерживавшего линию центрального правительства Нигерии на единство страны. Там сделали вид, что забыли, как Москва занимала единую позицию с центральным правительством Замбии, выступившим против сепаратистских тенденций в Баротселенде и за единство государства.

Принцип политического баланса и, как оказалось, не всегда расчетливых компромиссных решений, принимавшихся замбийским внешнеполитическим ведомством, учитывался в Вашингтоне и западноевропейских столицах при формировании африканской политики. Он изучался также западными африканистами.

В 1976 г. была опубликована монография Тимоти Шеу, научного сотрудника Центра международных исследований африканских программ Университета в Огайо (США) (см. [308]). Анализируя внешнюю политику Замбии, он пришел к выводу, что политические итоги визита К. Каунды в апреле 1975 г. в Вашингтон, его переговоры с южноафриканским премьер-министром по родезийскому вопросу, а также линия Замбии на формирование в Анголе в первые же годы ее независимости правительства «национального единства» в ущерб интересам МПЛА были положительно оценены в США и учитывались в

африканской политике американской администрации. Совпадение в ряде случаев внешнеполитических инициатив Замбии с интересами западного мира, прежде всего США, автор справедливо объясняет в основном зависимостью замбийской экономики от мирового капиталистического хозяйства.

Участие Замбии в решении южноафриканских проблем.

В центре внимания внешнеполитической стратегии Замбии находилось положение в южноафриканском регионе. В этом вопросе К. Каунда — сторонник комплексного подхода — твердо проводил в жизнь тезис о том, что без ликвидации режима апартеида в ЮАР урегулирование конфликтных ситуаций невозможно. Руководство Замбии постоянно обращало внимание государств — членов ОАЕ на незавершенность деколонизации Юга Африки, выступало с инициативами по ликвидации режима апартеида в ЮАР и скорейшего достижения независимости Намибии. Оно сотрудничало с национально-освободительными движениями и организациями этого региона на двусторонней основе и по каналам Комитета освобождения ОАЕ (штаб-квартира в Дар-Эс-Саламе), членом которого Замбия является с 1964 г.

Несмотря на вооруженные провокации, экономический саботаж и другие акты устрашения со стороны расистов ЮАР, правительство К. Каунды поддерживало борцов за освобождение Юга континента, в том числе на региональных и международных конференциях и встречах.

Важную роль сыграла Замбия в деятельности и «прифронтовых» государств. После ухода Дж. Ньерере в 1985 г. с поста президента Танзании председателем «прифронтовых» государств стал К. Каунда. Главные задачи «прифронтовых» государств состояли в оказании помощи патриотическим силам в том, что касается освобождения Намибии и ликвидации режима апартеида в ЮАР, координации действий по защите национального суверенитета «прифронтовых» государств от агрессии со стороны Претории. Замбия, как и другие члены «прифронтовой» группировки, оказывали большую материальную и военную помощь, а также политическую поддержку патриотическим силам Зимбабве, Мозамбика, Анголы, Намибии, ЮАР. Замбия взяла на себя содержание на своей территории лагерей для партизан и беженцев и другие расходы, в том числе связанные с устройством их нелегкой судьбы. В ответ расисты ЮАР и Родезии совершали налеты на территорию Замбии, пытались запугать жителей приграничных и даже центральных районов, включая столицу. «Реальной ценностью нашей победы было бы поражение Замбии — ключевой страны блока, обеспечивающей его неуязвимость, и одной из самых богатых африканских стран», — заявил в 1968 г. министр иностранных дел ЮАР Х. Мюллер [378, 09.08.1968].

Замбия неоднократно предоставляла свою территорию для проведения мероприятий по проблемам Юга Африки. В апреле

1969 г. в Лусаке состоялась конференция, в которой участвовали 14 государств Восточной и Центральной Африки. Она была посвящена поискам решения родезийской проблемы. Принятый по инициативе К. Каунды и Дж. Ньерере Лусакский манифест делал установку на мирные методы борьбы, а вооруженным отводил лишь вспомогательную роль (тем самым конференция возложила ответственность за насилие на расистов, отвергавших вообще политическое урегулирование). Однако по мере нарастания накала борьбы на Юге Африки, в частности в Родезии, первые все больше уступали место вторым, а военно-стратегический рубеж сместился к южным границам Замбии. Над страной неоднократно нависала опасность военного вторжения и экономической блокады.

Возможности Замбии в оказании помощи освободительным движениям Юга ограничивались ее зависимостью от Родезии и ЮАР в области транспорта и энергетики (см. [297]). После того как Я. Смит провозгласил «независимость» Родезии в ноябре 1965 г., состоялась конференция ЮНИП. В одной из ее резолюций содержалась просьба к Англии принять на себя ответственность за родезийскую часть транспортных служб. В ответ на негативную реакцию Великобритании Национальный совет ЮНИП 13 декабря 1965 г. обязал правительство прекратить совместное с Родезией использование железных дорог, энергетических ресурсов и воздушного транспорта. Он призвал также ускорить строительство железной дороги Замбия — Танзания, гидроэлектростанции на реке Кафуэ, создать национальную авиакомпанию. Совет рекомендовал отказаться от традиционных родезийского и южноафриканского рынков. Однако Замбии не удалось ослабить экономическую зависимость от Юга. Трудности с перевозками ее грузов и санкции против режима Я. Смита дорого обошлись Замбии: она потеряла около 1 млрд. долл. [154, с. 77].

Сосредоточив усилия на разрешении родезийского кризиса, Замбия оказывала одновременно помощь патриотическим силам Мозамбика, Анголы и Гвинеи-Бисау. Португалия ответила санкциями: в середине 60-х годов она заблокировала импорт Замбии, в том числе продовольствия через территорию Мозамбика и Анголы. В послании Генеральному секретарю ООН правительство Замбии указывало, что португальская блокада создала «чрезвычайно серьезную обстановку» [368, 08.081976]. На помощь Замбии пришли Танзания и другие страны, поставившие ей крупную партию кукурузы.

В ноябре 1972 г. Замбия совместно с другими африканскими странами добилась принятия Советом Безопасности решения, в котором впервые официально признавались национально-освободительные движения португальских колоний в качестве «законных представителей своих стран». Это решение легализовало борьбу патриотических движений, а также их поддержку со стороны ООН и других международных организаций, «при-

фронтových» государств. Замбия помогала мозамбикским, ангольским, родезийским, южноафриканским патриотам как на двусторонней основе, так и по каналам Комитета освобождения ОАЕ. Она активно поддерживала национально-освободительные организации на международных форумах, особенно в ООН, проводила кампании солидарности, оказывала материальную помощь бойцам и беженцам (в Лусаке находились штаб-квартира АНК ЮАР и представительство СВАПО, им разрешались транзитные перевозки. К. Каунда поддерживал дружеские отношения с О. Тамбо и С. Нуйомой).

Замбия выступала инициатором мирной деколонизации португальских владений. В середине 70-х годов К. Каунда предложил оказать содействие началу переговоров между новыми властями Португалии и представителями МПЛА (Ангола) и ФРЕЛИМО (Мозамбик). Однако Лиссабон, рассчитывая на помощь западных союзников, отклонил такие переговоры.

Но Замбия не ослабляла усилий и сыграла важную роль в провозглашении независимости Анголы и Мозамбика. В начале мая 1975 г. К. Каунда прибыл в Лиссабон не только как президент Замбии, но и как лидер «прифронтового» государства. Состоявшиеся переговоры привели к установлению двусторонних отношений. Одновременно визит продемонстрировал решимость «прифронтовых» стран и новой Португалии добиваться совместными усилиями окончательной и подлинной деколонизации владений бывшей португальской империи. 25 июня 1975 г. Мозамбик и 11 ноября того же года Ангола стали независимыми государствами. Однако осуществление мер, рекомендованных «прифронтовыми» государствами и поддержанных ОАЕ, по урегулированию кризиса в независимой Анголе было сорвано сепаратистскими действиями УНИТА и ФНЛА.

В Замбии испытывали постоянную тревогу по поводу обострившейся обстановки в Анголе, где руководству МПЛА, пришедшему к власти при поддержке большинства населения, фактически приходилось вести борьбу на трех фронтах: против УНИТА, непрекращающихся вторжений войск ЮАР на ангольскую территорию, двуличной политики Вашингтона, пытавшегося заставить руководство МПЛА — Партии труда дать согласие на вхождение УНИТА в правительство «национального единства». Замбия выступила на стороне правительства НРА, отвергшего давление США, заявила о законном праве Анголы получать помощь кубинских интернационалистских войск в отражении внутренней и внешней агрессии.

Вашингтонская администрация, учитывая заинтересованность руководства Замбии в мирном решении взрывоопасных проблем Юга Африки, использовала замбийские каналы для связи со всеми сторонами, участвующими в конфликте. При содействии К. Каунды, например, 16 февраля 1984 г. в Лусаке состоялась трехсторонняя встреча представителей США, Анголы и ЮАР. На встрече была достигнута договоренность о со-

здании совместной южноафриканско-ангольской комиссии по наблюдению за отводом войск ЮАР из Южной Анголы. Однако вскоре Претория, по существу, сорвала условия соглашения.

Интерес Вашингтона к посреднической деятельности Замбии стал возрастать со второй половины 1970-х годов, особенно после серии встреч К. Каунды с П. Ботой в 1974—1975 гг. по родезийскому вопросу. Лусака становилась традиционным местом официальных (Г. Киссинджер, Р. Янг, Ч. Крокер, Ф. Визнер, Д. Пэсседж, Э. Кеннеди) и неофициальных (Дж. Картер и др.) визитов представителей США.

Посредническую миссию Замбия осуществляла одновременно с последовательной поддержкой линии ЦК МПЛА — партии труда и правительства Анголы, действий СВАПО и АНК ЮАР. В Лусаке решительно осудили состоявшуюся в 1985 г. на одной из баз УНИТА в южной части Анголы встречу представителей контрреволюционных групп Анголы, Афганистана, Никарагуа и ряда других стран, подготовленную и осуществленную при участии США и ЮАР. Правительство Замбии высказалось против решения конгресса США, отменившего «поправку Кларка», запрещающую оказание помощи УНИТА; это решение означало, что Вашингтон и Претория ведут дело к дестабилизации обстановки в регионе.

Замбия проявляла большую заинтересованность в урегулировании обстановки в Мозамбике, в устранении взрывоопасной обстановки на его границах. Полагая, что «Договор Нкомати», заключенный между Мапуту и Преторией в марте 1984 г., приведет к стабилизации, Замбия оценила его положительно. Однако через некоторое время изменила свое мнение о нем и стала рассматривать договор как вынужденное отступление НРМ перед давлением со стороны ЮАР. Более того, правительство К. Каунды предостерегло соседей ЮАР от опасности заключения подобных соглашений, ведущих к ослаблению борьбы против апартеида. Руководство Замбии считало, что временное отступление прогрессивных сил оправдано только в том случае, если его можно будет использовать для перегруппировки сил с целью нанесения в дальнейшем ответного удара. В группе «прифронтовых» государств Замбия высказывалась за оказание всесторонней помощи и поддержки Партии Фрелимо и правительства НРМ.

Претория неоднократно предпринимала попытки вовлечь Замбию в фарватер своей африканской политики. Для достижения этой цели она действовала по двум направлениям: стремилась склонить Лусаку к сотрудничеству («диалогу») и в то же время изыскивала возможность заменить К. Каунду другим лидером. В октябре 1980 г. в Лусаке была сорвана очередная попытка государственного переворота. По этому поводу К. Каунда заявил, что «группа иностранцев готовилась свергнуть правительство с помощью замбийских элементов» [375, 21.10.1980].

Рейды южноафриканских командос 19 мая 1986 г. в Лу-

саку, Хараре и Габороне сорвали миссию «посреднической группы» стран Содружества, которую К. Каунда склонен был рассматривать как реальный шанс установить диалог с Преторией, заставить Запад по достоинству оценить посредническую роль Замбии на Юге Африки. Однако арест в конце декабря 1986 г. трех агентов расистского режима, причастных к взрывам бомб (12 декабря того же года) в Ливингстоне, новое вооруженное вторжение коммандос 25 апреля 1987 г. на территорию Замбии развеяли в Лусаке иллюзии о возможности скорого разрешения кризисной ситуации на юге континента.

Несмотря на транспортно-экономическую зависимость от ЮАР и тяжелое положение в народном хозяйстве, Замбия способствовала достижению независимости народом Зимбабве в 1980 г., оказывала постоянную помощь АНК и СВАПО. Когда требовали задачи освободительной борьбы на Юге Африки, Замбия шла на ограничение своих национальных интересов. В октябре 1974 г. К. Каунда говорил: «...большая часть наших национальных ресурсов вынуждена отвлекаться от насущных потребностей развития Замбии и ее народа для защиты нашего суверенитета и оказания помощи нашим братьям и сестрам в Анголе, Мозамбике, Родезии и Намибии» [346, 02.10.1973]. Замбийское руководство считает, что только полная ликвидация апартеида может принести мир и стабильность в ЮАР и в регионе в целом.

В августе 1985 г. К. Каунда предложил план политического решения проблемы ЮАР: освобождение без каких-либо условий лидера АНК Нельсона Манделы и других политических заключенных, снятие запрета на деятельность АНК, начало диалога между руководителями расистского режима и лидерами чернокожего большинства о политическом будущем ЮАР, обязательство П. Боты публично заявить о своем намерении ликвидировать систему апартеида. Режим ЮАР и его союзники, прежде всего США, отвергли этот план.

С проблемой ликвидации режима апартеида в ЮАР Замбия увязывала решение намибийского вопроса. В начале 70-х годов Замбия выступала за достижение согласия между СВАПО и внутренними партиями Намибии, мотивируя это необходимостью создания прочной политической структуры будущего государства. Однако компромиссные предложения Запада в пользу ЮАР, выдвижение Преторией неприемлемых требований вывода из Анголы кубинских интернационалистских частей привели к ужесточению позиции Замбии: решение Претории провозгласить в одностороннем порядке независимость Намибии по южнородезийскому образцу, создать в ней переходное правительство из представителей «многопартийной конференции» (МПК) К. Каунда оценил как «юридически необоснованное» [375, 16.09.1981]. Поддержав резолюцию 435 Совета Безопасности, Замбия осудила маневры ЮАР, направленные на «балканизацию» Намибии и на создание на территории сектора Каприви

«буферной зоны», представляющей реальную угрозу замбийской безопасности.

Замбия активно выступила за введение всеобъемлющих обязательных санкций против ЮАР. Как считал К. Каунда, только ослабление экономического и военного потенциала расистского режима может заставить его отказаться от системы апартеида и согласиться на решение намибийского вопроса в интересах африканского большинства. В речи на VIII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре К. Каунда заявил: «Почему были применены санкции против Аргентины во время войны за Мальвинские острова? Почему они применяются против Польши и Никарагуа, почему Куба окружена блокадой? А вот когда дело доходит до Южной Африки, мы сталкиваемся с оригинальной философией, согласно которой санкции здесь не срабатывают» [352, 03.09.1986]. Замбийский президент обоснованно обвинил США, Англию, Францию и Западную Германию в саботаже эффективных санкций против ЮАР. По мнению Замбии и других «прифронтовых» государств, санкции против Претории должны ввести сначала главные партнеры расистского режима — западные державы и лишь после этого к ним присоединятся африканские государства.

Во второй половине 80-х годов усилилось сопротивление патристических сил Южной Африки и Намибии, опиравшихся на поддержку Замбии, других «прифронтовых» государств и прогрессивных стран во всем мире. Стало очевидно, что власти ЮАР будут вынуждены пойти на разблокирование кризисной ситуации на африканском юге за столом переговоров. Хотя Замбия не принимала участия в переговорах по урегулированию обстановки на Юго-Западе Африки, ее вклад в их мирный исход был эффективным. По предложению К. Каунды «прифронтовые» государства приняли активное участие в процессе урегулирования, последовательно занимали принципиальную позицию поддержки НРА, Кубы и СВАПО.

По итогам очередной встречи руководителей «прифронтовых» государств, состоявшейся в середине августа 1988 г. в Луанде, было опубликовано заключительное коммюнике, в котором выражено удовлетворение гибкостью, реализмом и конструктивным подходом, проявленным правительством Анголы в рамках мирных инициатив по урегулированию обстановки на Юго-Западе Африки. С удовлетворением были встречены в Замбии также «Браззавильский протокол» и соглашения в Нью-Йорке, открывшие путь к независимости Намибии и к обеспечению безопасности Народной Республики Анголы. С такой же настойчивостью К. Каунда и другие члены замбийского руководства продолжали вести непримиримую борьбу за ликвидацию режима апартеида в ЮАР.

Отношение Замбии с государствами Запада. Будучи органической частью мировой капиталистической системы, Замбия за-

интересована в развитии многосторонних связей с Западом. Анализ внешнеполитической деятельности замбийского руководства показал, что многие его шаги совершались под воздействием экономических факторов, являвшихся также определяющими в формировании внутривнутриполитической ситуации в стране.

Снижение и неустойчивость цен на медь, мировой валютно-финансовый и энергетический кризис создавали большие трудности для замбийской экономики, увеличивали ее зависимость от западных партнеров. В 1986 г. на долю Запада приходилось свыше 70% предоставленных займов и кредитов (около 20% — КНР) и более 90% ее внешнеторгового оборота [376, 03.02.1986]. Внешний государственный долг Замбии в конце того же года составил 5,1 млрд. долл. [333, 15.06.1987]. Не находя других источников финансирования, замбийское руководство проявляет повышенную заинтересованность к расширению экономической и финансовой помощи со стороны Запада, в том числе США. А это, естественно, сказывается на внешнеполитическом курсе Лусаки.

У Замбии с США сложные отношения. Прямые американские инвестиции в страну в 1964—1965 гг. составили 184 млн. долл., а сумма кредитов и займов по линии продовольственной помощи в 1975—1985 гг. превысила 100 млн. долл. [374, 17.04.1986].

В Вашингтоне и в западноевропейских столицах всегда учитывали стратегическое значение Замбии, ее активную роль в вопросах, относящихся к политическому урегулированию проблем Юга Африки. От путей их решения зависели финансово-экономические действия Запада, а также его политические, идеологические и стратегические позиции в регионе. Вот почему Запад так заинтересован в том, чтобы усиливать свое влияние в Замбии. Для этого он много раз прибегал к самым разнообразным средствам. Так, в мае 1981 г. Международный валютный фонд предоставил Замбии крупный кредит в сумме 930 млн. долл. сроком на три года, однако одновременно он навязал стране жесткие условия, соблюдение которых вызвало дополнительные трудности в национальной экономике, снижение жизненного уровня населения. Заработная плата была на год заморожена, а квача в начале 1983 г. девальвирована на 20% [374, 17.04.1983].

Положение продолжало ухудшаться. Доходы населения в расчете на душу сократились с 630 долл. в 1981 г. до 200 в 1987 г. Недовольство масс нарастало. Чтобы избежать дальнейшего обострения внутренних конфликтов, К. Каунда в начале мая 1987 г. объявил о разрыве отношений с МВФ [326, 03.05.1987] и о более решительном осуществлении политики «опоры на собственные силы».

Помимо таких мощных рычагов давления на Замбию, как МВФ и МБРР, Вашингтон использовал частные финансовые институты США. Активные контакты с Лусакой имел, напри-

мер, «Чейз Манхэттен бэнк» (в 1982 г. председатель правления этого банка Д. Рокфеллер посетил Замбию и встречался с К. Каундой).

Центральными темами переговоров К. Каунды с бывшими президентом США Р. Рейганом и государственным секретарем Д. Шульцем в апреле 1983 г. были положение на Юге Африки, роль США в урегулировании намибийской и других кризисных проблем, а также состояние двусторонних отношений, которые оценивались как дружественные [372, 17.04.1983].

Учитывая роль Замбии в южноафриканских делах, Вашингтон поддерживал активные контакты с ее руководством. Замбию посещали кроме упомянутых ранее американских деятелей конгрессмены, представители деловых и общественных кругов; в ноябре 1982 г. в Замбию приезжал тогдашний вице-президент США Дж. Буш. Руководство Замбии стремилось использовать эти визиты и другие контакты не только в национальных интересах, но и с целью справедливого решения проблем Юга Африки. В свое время в связи с переизбранием Р. Рейгана на второй срок в качестве президента США К. Каунда призвал американскую администрацию к конструктивному участию в решении кризисных ситуаций региона. В июле 1986 г., принимая верительные грамоты от нового посла США, К. Каунда заявил, что Замбия не поддерживает политику Вашингтона в отношении ЮАР, осуждает его «конструктивное сотрудничество» с расистским режимом, выступает против увязки решения намибийского вопроса с выводом кубинских войск с территории Анголы.

Замбийские организации поддерживали контакты с прогрессивными кругами США, выступавшими против расовой дискриминации и апартеида. В ноябре 1983 г. высшая награда Замбии — орден «Борец за свободу» — была вручена Коррете Кинг, вдове Мартина Лютера Кинга в знак признания ее заслуг в борьбе за справедливость, равноправие и мир.

К. Каунда был одним из инициаторов предложения о встрече в 1986 г. глав «прифронтовых» государств с бывшим президентом США Р. Рейганом для обсуждения ситуации в южноафриканском регионе в одной из столиц «прифронтовых» государств или в Вашингтоне [378, 08.09.1986]. Однако американский президент уклонился от такой встречи, перепоручив эту миссию государственному секретарю, а тот, в свою очередь, — одному из сотрудников госдепартамента. Иначе говоря, США игнорировали предложение «прифронтовых» государств обсудить на высшем уровне кризисную ситуацию на Юге Африки и попытаться найти политическое решение; в Вашингтоне предпочли этой встрече «конструктивное сотрудничество» с режимом апартеида.

Из европейских капиталистических стран у Замбии традиционно широкие связи с Англией. Но замбийско-английские политические отношения не всегда были безоблачными. Более того, для них характерна известная нестабильность: так, Лу-

сака осуждала имперские амбиции Лондона, особенно в период родезийского кризиса, поддержку им режима Южной Африки.

Экономика Замбии сильно зависит от британских инвестиций, в первую очередь в медедобывающую промышленность. Общий объем английских кредитов и займов, предоставленных Замбии в 1964—1985 гг., превысил 100 млн. ф. ст. На долю Англии приходилось 16% торгового оборота Замбии. По контрактам в стране работали до 1 тыс. английских специалистов, постоянно же проживало около 20 тыс. англичан [352, 12.06.1986].

У Замбии широкие связи с Федеративной Республикой Германией. В сентябре 1983 г. с официальным визитом Бонн посетил президент К. Каунда. Он пытался склонить правительство ФРГ к поддержке позиции «прифронтовых» государств по намибийскому вопросу. В ответ ему посоветовали поддержать американские усилия, направленные на вывод кубинских войск из Анголы в качестве обязательного условия решения проблемы Намибии [375, 27.09.1982].

Замбийское руководство уделяло большое внимание углублению различных контактов, в том числе по партийной линии, с Швецией, Финляндией, Норвегией, Данией. Скандинавские страны предоставили Замбии кредиты и передали «дары». В число постоянных партнеров Замбии в области торговли, экономического и технического сотрудничества входят также Канада, Голландия, Италия, Бельгия, Франция.

Переговоры Замбии с западными странами и контролируемые ими международными валютно-финансовыми организациями в 1985—1988 гг. по вопросу об активизации экономического сотрудничества и о расширении финансовой и экономической помощи стране не дали желаемых результатов. Переговоры К. Каунды по экономическим вопросам в Швеции, Норвегии, Дании и в Финляндии в 1985 г. также не принесли осязаемого успеха.

Из развивающихся стран традиционно дружеские связи сложились у Замбии с Республикой Индией. В Замбии имеется влиятельная индийская община, работают около 3 тыс. индийских специалистов. В последнее десятилетие заметно расширились замбийско-индийские торговые и экономические связи. Визит министра иностранных дел Индии в Лусаку в августе 1985 г. дополнительно способствовал укреплению замбийско-индийских отношений как в рамках движения неприсоединения, так и на двусторонней основе.

Отношения Замбии с социалистическими странами. Замбия высоко ценит сотрудничество с социалистическими государствами, их появление на политической карте мира связывают в Лусаке с победой Великой Октябрьской социалистической революции. В интервью советскому еженедельнику «Новое время» президент К. Каунда особо подчеркнул общность интересов

развивающихся и социалистических стран. «Вспоминая историю, — сказал он, — анализируя нынешнюю ситуацию, хочу отметить, что страны социализма и молодые развивающиеся государства, казалось бы, независимы друг от друга, но, по сути, их позиции, их взгляды во многом совпадают. И в этом тоже влияние Октябрьской социалистической революции» [330, 1987, № 47].

Давлению Запада замбийское руководство противопоставляет линию на укрепление всестороннего сотрудничества со странами социализма. Замбия последовательно расширяла дружеские контакты с ЧССР, ГДР, НРБ, ВНР, ПНР и другими странами социализма.

Особое место во внешнеполитических связях Замбии занимают отношения с Китайской Народной Республикой. Дипломатические отношения с КНР, установленные в 1964 г., несколько лет оставались основной формой контактов Замбии с Китаем. Идя на них, в Лусаке учитывали прежде всего численность населения КНР: в континентальном Китае оно во много раз больше населения Тайваня (по этой же причине Замбия установила дипломатические отношения с ФРГ раньше, чем с ГДР).

Замбия последовательно выступала за восстановление законных прав КНР в ООН. Во время первого официального визита в Пекин в июне 1967 г. К. Каунда поздравил КНР с успешным испытанием водородной бомбы. Он высказался против того, чтобы судьба человечества находилась в руках одной или двух сверхдержав, обладающих ядерным оружием. Такая позиция подтверждала совпадение точек зрения Замбии и Китая на проблему нераспространения ядерного оружия; оба государства отказались присоединиться к соответствующему договору 1972 г.

В 1967 г. Замбия и КНР подписали соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, а также о торговле. Годом раньше было подписано соглашение о культурном сотрудничестве. Самым крупным объектом сотрудничества стало строительство при содействии КНР железной дороги между Замбией и Танзанией (ТАНЗАМ). Трехстороннее соглашение о ее сооружении было подписано в сентябре 1967 г. В 1976 г. это строительство было завершено. При содействии КНР построены также две шоссевые дороги, мост через реку Кафуэ, столичный радиоцентр, здание ЦК ЮНИП и ряд объектов легкой и пищевой промышленности в Дар-эс-Саламе и на о-ве Занзибар.

В истории развития отношений Замбии с КНР прослеживаются две тенденции. С одной стороны, замбийское руководство стремилось использовать китайскую помощь для сооружения важных объектов трудно развивающейся национальной экономики, а с другой — проявляло известную пастороженность, выважную негативными эксцессами «культурной революции» и

внешнеполитическими целями в ту пору пекинского руководства. Тем не менее Замбия неизменно декларировала дружбу с КНР. Она с одобрением встретила наметившееся улучшение китайско-советских отношений, положительно оценила итоги официального визита М. С. Горбачева в Пекин в мае 1989 г.

Внешнеэкономические связи

Внешняя торговля. Для Замбии, как и для других африканских стран, международная торговля — главный канал получения иностранной валюты, технологии, товаров производственного и потребительского назначения. Стимулирующая роль экспорта особенно ярко проявилась во второй половине 60-х — начале 70-х годов, ставших для Замбии одним из наиболее благоприятных периодов ее социально-экономического развития. Высокий уровень мировых цен на медь и значительный рост ее экспорта упрочили фискальные позиции Замбии, создали материальные предпосылки для проведения правительством страны новой экономической политики. Были ограничены масштабы и сфера деятельности иностранного капитала, в том числе в области внешней торговли; успешно осуществлялся первый план развития (1966—1970) и были выполнены многие задачи второго плана (1972—1976). Улучшение социально-экономического положения страны способствовало снижению внутриэкономической и внутривнутриполитической напряженности, особенно в период «родезийского кризиса».

Однако возможности Замбии в расширении экспорта и получении по его каналам иностранной валюты ограничены, прежде всего из-за сформировавшейся еще в колониальный период однобокой структуры хозяйства и навязанной формы участия в международном капиталистическом разделении труда. Северная Родезия вследствие неравноправного внешнеторгового обмена была превращена в источник сырья и рынок сбыта промышленной продукции для метрополии и других капиталистических стран. Вывоз ею минерального сырья сопровождался встречным нерегулируемым импортом, задерживавшим становление в стране обрабатывающей промышленности и тем самым тормозившим процесс накопления и расширения внутреннего рынка.

После достижения независимости хозяйство Замбии по-прежнему привязано к мировому капиталистическому рынку, монополизированному транснациональными корпорациями. Доля валового внутреннего продукта (ВВП) Замбии, реализуемого на мировом рынке, исключительно высока: во второй половине 60-х годов — 78% ВВП, в 70-е годы — 40, в 80-е — 29% ВВП (подсчитано по [59, 1971, № 3; 1980, № 1—3; 1985, № 4—5]).

Замбия — одна из ведущих стран — экспортеров меди в капиталистическом мире. От ее продажи страна получает прак-

тически все валютные средства. Однако с середины 70-х годов спрос и цены на нее на мировом рынке стали падать: в 1973—1984 гг. потребление меди в расчете на единицу ВВП в развитых капиталистических странах упало на 20%, цены на медь — на 60%, а в 1982 г. опустились до рекордно низкого уровня за последние полстолетия [72, 1984, с. 12, 56]. Деятельность созданного в июле 1967 г. Межправительственного комитета стран — экспортеров меди (СИПЕК) не привела ни к установлению контроля над объемом производства входящими в него странами, ни к стабилизации цен. Не приобрели пока существенного значения для Замбии и межафриканское торгово-экономическое сотрудничество и внешнеэкономические связи со странами социалистического содружества.

Недостаточно эффективной оказалась также экономическая политика правительства Замбии в отношении горнодобывающей промышленности, в частности механизм контроля над сбытом ее продукции на внешнем рынке.

Пока главная отрасль экономики, по образному выражению К. Каунды, «несла золотые яйца», государство, провозгласив задачу ослабления зависимости экономики от производства и экспорта меди и рассчитывая на долгосрочные дивиденды в 1970 г., осуществило ряд мер, направленных на установление контроля над этой отраслью. На первой стадии они не затрагивали сферу сбыта и управления; более того, компаниям было предоставлено право в течение 10 лет управлять производством и осуществлять сбыт готовой продукции, причем правительство обязалось выплачивать им ежегодно гарантированную компенсацию независимо от уровня добычи и цен на медь [336, 1974, № 10, с. 31—32]. И если компании не ощутили существенных финансовых потерь, то для правительства такие условия национализации оказались в конечном счете невыгодными: был ослаблен контроль над использованием ресурсов, модернизацией оборудования и технологии, капиталовложениями и решением социальных проблем. Заметно снизилась конкурентоспособность замбийской меди на мировом рынке. В 1969—1975 гг. издержки производства меди в пересчете на 1 т конечного продукта возросли на 12,7%, расходы медной руды — на 3,5, число человеко-смен на добычу 1 т медной руды — на 40% [93, с. 20, 22, 24].

В 1973—1974 гг. правительство полностью погасило свою задолженность компаниям по компенсации, в частности за потерю доходов, возникшую от управления производством и реализации меди. В августе 1974 г. была создана государственная Корпорация по сбыту металлов (МЕМАКО), которая занимается реализацией меди и других металлов (кобальт, цинк, свинец) на мировом капиталистическом рынке, осуществляет (в доступной ей мере) контроль за рынком и ценами. В Лондоне был создан филиал МЕМАКО для обслуживания покупателей, так как с 1967 г. страны, входящие в СИПЕК, продают свою про-

дукцию в соответствии с котировками Лондонской биржи металлов [100, с. 5]. «Было довольно странным, что правительство, казалось, не подозревало о положении в управлении и сбыте, которое должно было быть изменено в том же году» [275, с. 10], т. е. в 1973 г. Контроль над управлением и сбытом минерального сырья стал завершающей стадией в процессе частичной национализации горнодобывающей промышленности. Возможно, если бы эти мероприятия осуществлялись в комплексе, эффект от них был бы бóльшим и о национализации в Замбии не было бы оснований говорить, что она делалась в «лайковых перчатках» [336, 1971, № 11, с. 17].

Таким образом, сочетание таких факторов, как неблагоприятная конъюнктура на внешнем рынке, влияние ТНК, сохранивших контроль над сферами деятельности горнодобывающей промышленности, несмотря на потерю 51% акций, ухудшение объективных условий разработки месторождений и др., привело к чувствительному изменению роли этой отрасли в экономике страны. Если в 1964—1975 гг. на ее долю (имеются в виду металлургические полезные ископаемые), и в первую очередь на медную промышленность, в среднем приходилось 35% ВВП, 45% текущих доходов государства и 95% стоимости экспорта [93, с. 1], то в 1977—1984 гг. эти показатели были равны соответственно 11, 24 и 84% (подсчитано по [59, 1985, № 4—5, с. 17—25, 48]). Подобное положение способствовало возникновению кризисной ситуации в экономике Замбии, поскольку в условиях слабой структурной перестройки, в том числе внешней торговли, потери не могут восполняться другими отраслями хозяйства.

Условия внешней торговли (отношение импортных цен к экспортным) — один из важнейших факторов, влияющий на состояние экономики Замбии. Неблагоприятные условия ежегодно «съедают» значительную часть произведенного в стране совокупного продукта: в 1975 г. — 27%, 1982 г. — 13,9, 1984 г. — 9,3% [72, 1980, с. 23; 1984, с. 41]. Тенденция к ухудшению соотношения экспортных и импортных цен, их колебание в 70-е годы почти полностью зависели от изменений мировых цен на медь. В конце 70-х — начале 80-х годов к ним прибавилось неоднократное повышение импортных цен на нефть. Девальвация квати, которая с 1971 г. проводилась семь раз, также повлекла за собой ухудшение условий внешней торговли, о чем свидетельствуют следующие индексы: 1977 г. — 39 (1970 г. = 100); 1984 г. — 62 (1977 г. = 100) [72, 1980, с. 43; 1984, с. 43].

И все же Замбия — страна с большими запасами различных рудных ископаемых — имеет достаточно широкие возможности для маневрирования на внешнем рынке. В итоге за весь период независимого развития торговый баланс страны только дважды (1975 и 1982 гг.) сводился с отрицательным сальдо, хотя разрыв между экспортной выручкой и стоимостью импорта, имея тенденцию к абсолютному сокращению, достиг в 1981 г. лишь

12 млн. квачей (самого высокого уровня для Замбии) при общем внешнеторговом обороте в 1,9 млрд. квачей [59, 1985, № 4—5, с. 17].

Динамика внешней торговли Замбии в период независимости характеризуется следующими данными (млн. квач):

	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1987 г. (оценка)
Товарооборот	591,0	1055,7	1118,7	15 014,3
Экспорт	380,3	715,0	521,1	7 725,0
Импорт	210,7	340,7	597,6	7 289,3
Сальдо	169,6	374,3	—76,5	435,7

В экспорте Замбии продолжает доминировать медь, экспорт сельскохозяйственных товаров постоянно сокращается. В 1964 г. доля первой в стоимости экспорта страны составляла 92% (751 тыс. т), а в последующие годы колебалась в пределах 87—97%. Годовой объем экспортируемой меди имеет тенденцию к снижению, превысив объем 1964 г. лишь дважды. В 70-е годы объем экспорта меди ограничивался из-за транспортных трудностей и пределов, установленных на него в рамках СИПЕК, в 80-е — в основном вследствие сокращения ее производства в стране. Поставляется замбийская медь более чем в 15 стран. Промышленность Замбии выпускает как электролитическую, так и черновую медь в качестве товарной продукции. Черновая медь в 1964 г. составляла почти одну четверть общего производства страны, с 1982 г. как конечный продукт она не производится совсем. Такое изменение в структуре производства отражает потребности «вертикальной» диверсификации экспорта, способствующей повышению стоимости экспортируемой продукции. Кроме того, начиная с 1971 г. Замбия экспортирует в небольшом количестве готовые изделия и полуфабрикаты из меди, в частности, в КНР.

Товарная номенклатура экспорта Замбии включает также кобальт, полиметаллы (цинк и свинец), электроэнергию, табак как постоянные компоненты, а также марганцевую руду, кукурузу, древесину, рыбу и кофе, идущие на экспорт периодически.

В настоящее время Замбия занимает практически второе место по производству кобальта в мире. Состояние конъюнктуры на мировом рынке было благоприятным для увеличения его производства и экспорта, особенно в конце 70-х и в конце 80-х годов (в 1979 г. экспорт кобальта достиг 12% экспортной выручки Замбии). Объем его экспорта в 70-е годы находился в среднем на уровне 1,9 тыс. т., в 80-е годы — 3,4 тыс. т (подсчитано по [59, 1977, № 1, с. 22; 1985, № 4—5, с. 20]).

Мировой рынок полиметаллов, особенно в 70-е годы, был более стабильным, чем рынок меди. Сокращение Замбией экспорта свинца и цинка в этот период было связано с внутренними причинами, однако экспортная выручка от него неуклонно

возрастала: в 1964—1974 гг. она увеличилась в 1,2 раза, а к 1984 г. — в 6,5 раза. В 70—80-е годы на цинк и свинец приходится приблизительно 3,5% стоимости экспорта. Среди основных и постоянных покупателей замбийского свинца — ЮАР и Индия, а также некоторые страны Западной Европы и Восточной Африки, цинка — Индия, страны Восточной Африки и Зимбабве.

К традиционным экспортным товарам относится табак «вирджиния» — главная сельскохозяйственная экспортная культура страны. Хотя до середины 70-х годов объем его экспорта возрастал, стоимость падала примерно на одном и том же уровне. Это привело к снижению его удельного веса в экспорте с 1,7 до 0,6% в 1964—1974 гг. В 80-е годы табаководство, как и другие сельскохозяйственные отрасли, пострадало вследствие ряда засушливых сезонов. Именно тогда с особой остротой проявились негативные стороны экономической политики правительства по отношению к аграрному сектору. Производство табака неуклонно падало (в 1975—1984 гг. в 2,5 раза). В 1984 г. страна была вынуждена отказаться от его экспорта. С 1979 г. прекратился экспорт кукурузы.

В целях активизации внешней торговли правительство Замбии предпринимает усилия для расширения номенклатуры вывозимых товаров. У страны имеются потенциальные возможности для «горизонтальной» диверсификации экспорта, в первую очередь за счет сельскохозяйственного сырья и некоторых видов продукции обрабатывающей промышленности: возобновления вывоза табака, кукурузы, рыбы, древесины, увеличения начавшегося в 1985 г. экспорта кофе, а также сахара-рафинада и электроэнергии, по которым Замбия достигла самобеспечения и располагает достаточными мощностями для расширения их производства. Среди других экспортных товаров можно назвать цемент, взрывчатые вещества, стеклотару. Для поощрения экспорта нетрадиционных товаров, прежде всего продуктов сельского хозяйства, а также изделий обрабатывающей промышленности, введена схема закрепления за экспортерами 50% их валютной выручки, учрежден Совет по развитию экспорта. Однако диверсификация экспорта протекает медленно, в 1984 г., например, на долю нетрадиционных товаров в экспорте страны приходилось всего около 5% [323, 28.10.1986].

В то время как цены на замбийское сырье падают, стоимость импорта из капиталистических и нефтедобывающих стран продолжает расти. Это привело к сокращению объема импорта в 1973—1985 гг. вдвое. Наряду с этим в стоимостном выражении импорт имеет устойчивую тенденцию к повышению. Индексы цен на замбийский импорт имели среднегодовые темпы прироста в 1971—1979 гг. 15,4%, в 1980—1984 гг. — 17,5, подобные показатели для экспорта были соответственно 10,1 и 6,4% (подсчитано по [72, 1980, с. 70; 1984, с. 43].

У Замбии нет открытого выхода к морю, поэтому особое

влияние на рост цен на импортируемые ею товары имеет стоимость фрахта и страхования грузов. Особенно резкое увеличение (на 26% по сравнению с 1965 г.) наблюдалось в 1966 г., последовавшее за односторонним провозглашением независимости Родезией, и в 1973—1974 гг. (на 35%) — после закрытия замбийско-родезийской границы и увеличения стоимости фрахта в капиталистических странах.

Изменение товарной структуры импорта Замбии в годы независимости отражает основные направления стратегии правительства в области экономического развития. Ведущее место занимают машины и оборудование (34%, 1982 г.), что при слабо развитой экономике является обязательным условием создания национальной промышленности, энергетики и транспорта. В этой группе товаров преобладает капитальное оборудование для добывающих отраслей промышленности, сборочных заводов обрабатывающей промышленности, а также транспортное оборудование. Стимулирование правительством программ капиталозложений в соответствии с первым планом развития вызвало значительный рост объема закупок по этой статье во второй половине 60-х годов. Позднее увеличение объема импорта оборудования было связано главным образом с потребностями в нем крупнейших объектов: вторая очередь строительства ГЭС Кафуэ и Кариба Северная и железной дороги ТАНЗАМ. В середине 80-х годов закупки оборудования за рубежом резко сократились.

Большое значение для экономики страны имеет импорт минерального топлива и сырья. Потребляемая в стране нефть ввозится из-за рубежа, и резкое повышение цен на нефть в 1973—1974 и 1979—1980 гг. привело к тому, что в настоящее время Замбия расходует на ее закупки средств в восемь раз больше, чем в 1973 г.

Третьей статьей импорта, жизненно важной для Замбии, является продовольствие. К середине 70-х годов его стоимость возросла почти в 3 раза. В 1974 г. за счет импорта покрывалась потребность страны в пшенице и табаке «барлей» полностью, в рисе — на 95%, растительном масле — 85, молочных продуктах — 80, хлопке — 60, говядине — 55, в картофеле — на 40%. Во второй половине 70-х годов в Замбии были урожайными несколько лет, что позволило экспортировать кукурузу и табак. Однако острая нехватка валюты и сложные погодные условия в 80-е годы вновь вызвали рост импорта продовольствия. В настоящее время его удельный вес в импорте составляет около 7%.

Товарная структура внешней торговли Замбии отражает ее место в международном разделении труда, зависимость от международного рынка. На географию торговли оказывают влияние много факторов экономического, политического, социально-общественного и исторического характера, в силу чего не может быть твердых соотношений, а только более или менее опреде-

ленные тенденции сохранения или изменения доли различных партнеров по торговле.

Замбия почти полностью зависима от международного капиталистического рынка. Традиционно сложившиеся внешнеторговые и внешнеэкономические связи страны лишь меняют ориентацию и дополняются. Доля стран социалистического содружества и КНР в общем торговом обороте Замбии не превышает 6% (1985 г.).

Основными торговыми партнерами Замбии являются ведущие капиталистические страны. Тесные внешнеторговые связи Замбия поддерживает со странами Содружества и Европейского экономического сообщества (Замбия подписала Ломейскую конвенцию в феврале 1975 г.). Повышается уровень товарооборота с развивающимися странами Азии и Латинской Америки. Однако объем торговли с африканскими странами (Зимбабве, Малави и странами Восточной Африки) практически не меняется.

На первом месте в товарообороте Замбии до 80-х годов находилась Великобритания, которая в последующие годы уступила свое место наиболее динамичному сопернику — Японии. С 80-х годов Япония становится основным покупателем замбийской меди, действует соглашение о твердой квоте закупок кобальта (300 т). За Японией и Великобританией следуют США и Франция.

Замбия всегда поддерживала внешнеторговые связи с ЮАР, которая являлась вторым после Великобритании импортером товаров в страну (как производственного назначения, например шахтного оборудования и крепежного леса, так и потребительских товаров). В 1985 г. ее доля в импорте Замбии составила 19,2% (20,7% в 1964 г.). В сентябре 1986 г. правительство ЮАР ограничило прохождение через свою страну замбийских транзитных грузов, установив оплату наличным авансом в 25% стоимости грузов (внесенные суммы возвращаются после представления документов, подтверждающих прибытие товаров в место назначения). В ответ на это К. Каунда обратился к замбийским импортерам не использовать порты ЮАР. Намечившиеся в связи с этим трудности могут сказаться и на без того сложных условиях работы горнодобывающей промышленности страны.

В 70-е годы значительное место во внешней торговле Замбии заняла КНР, что было обусловлено товарным кредитом, предоставленным Замбии для покрытия затрат в местной валюте на строительство железной дороги ТАНЗАМ. За потребительские товары КНР Замбия расплачивалась свободной валютой. 1975 г. был последним годом срока действия соглашения о коммерческом кредите и в торговле между этими странами; затем начала действовать форма расчетов по аккредитивам. Объем импорта из КНР начал сокращаться главным образом из-за узкого выбора и низкого качества китайских товаров.

В 1970 г. в Замбии была создана государственная Национальная импортно-экспортная корпорация (НИЕК), занимав-

шаяся импортом товаров определенной номенклатуры, в основном потребительских, для сбыта их по твердым ценам через государственную и частную оптовую и розничную сеть. Масштабы импорта по государственным каналам невелики. Централизованные закупки на внешних рынках для компаний группы НИЕК и частных импортеров осуществляются созданной в 1974 г. принадлежащей НИЕК специализированной корпорацией «НИЕК оверсиз сервисиз Замбия». В том же году было создано экспортное отделение НИЕК. Сбытом меди, полиметаллов и кобальта занимается МЕМАКО, табака — государственная компания «Тобакко борд оф Замбия». Экспорт и импорт других сельскохозяйственных товаров, главным образом экспорт кукурузы, является монополией государственной компании «Нэшил агрикалчурэл маркетинг борд» (НАМБорд).

Экономические связи. В связи с медленным ростом экспорта и отставанием его покупательной способности от быстро растущих потребностей в импорте Замбия вынуждена во все расширяющихся масштабах привлекать недостающие средства из-за рубежа. Заделывая брешь своего платежного баланса, Замбия во все возрастающей степени оказывается объектом международной финансовой эксплуатации.

Начиная с 1971 г. платежный баланс Замбии испытывает хронический дефицит: только в первой половине 80-х годов (1980—1984) его сумма приблизилась к 1,5 млн. долл., дефицит по текущим платежам суммарно превысил дефицит всего платежного баланса в 1,6 раза. Положение по-прежнему спасает активный торговый баланс и положительное сальдо движения капиталов.

Часть пассива платежного баланса Замбии (особенно значительной она была в начале 70-х годов) компенсируется за счет резервов иностранной валюты. По заключению экспертов МВФ, развивающиеся страны для бесперебойного осуществления внешних расчетов должны располагать запасом иностранной валюты, эквивалентным 3—4 месячной стоимости импорта. В 1970 г. Замбия располагала иностранной валютой в размере 10-месячного импорта, в 1978 г. — одного месяца, а в 1984 г. — лишь половины среднемесячной стоимости импорта. С конца 70-х годов практически единственным способом поддержания платежеспособности стало усиленное обращение к внешнему финансированию. Расширение экспорта в Замбию государственного капитала развитых капиталистических стран объясняется стремлением закрепить свои позиции в стране, использовать ее в качестве рынка сбыта, облегчить экспансию частного капитала к источникам сырья.

Заемные средства, поступающие в Замбию по линии международного капиталистического кредита — главного канала мобилизации валютных средств как в финансовой, так и в материально-вещественной форме, формируются главным образом из предоставляемых на льготных условиях займов и безвозмезд-

ных субсидий из государственных и частных источников («официальная помощь развитию»), а также из частных ресурсов (кредиты, займы) на коммерческих условиях. Основная часть внешних заемных средств предоставляется в распоряжение правительства Замбии, остальная — смешанным организациям и компаниям под правительственную гарантию.

«Официальная помощь развитию» осуществляется развитыми капиталистическими и развивающимися нефтеэкспортирующими государствами на двусторонней (свыше 80%) и многосторонней основе. Приток в страну средств по этой линии составил в начале 80-х годов (млн. долл.): в 1980 г. — 300,5, 1981 г. — 234,7, 1982 г. — 243,8, 1983 — 217,3 [323, 28.10.1986]. Более половины средств по двусторонним каналам (около 59%) поступило от Великобритании, США, Швеции и ФРГ. Существенная помощь, оказываемая Замбии по многосторонней линии, поступает от ЕЭС.

«Официальная помощь развитию» — основная для Замбии форма долгосрочных финансовых ресурсов, причем льготные кредиты и займы составляют в среднем примерно 90%. Условия внешнего кредитования Замбии, как и других стран Тропической Африки, постоянно ухудшаются. Особенно это стало заметно во второй половине 70-х годов и проявилось в увеличении процентных ставок, сокращении сроков оплаты, уменьшении льготных периодов. Показатель льготности кредитования («элемент уступки») для Замбии существенно ниже средних показателей для Тропической Африки в целом, что объясняется большим удельным весом в иностранной помощи Замбии займов на коммерческих условиях.

В 70-е годы значительно ухудшились условия предоставления Замбии всех видов помощи, за исключением двусторонней: «элемент уступки» составлял в 1967 и 1975 гг. для частных банковских кредитов соответственно 18,3 и 8,5%, займов на многосторонней основе — 22,0 и 18,9%, на двусторонней — 32,4 и 57,7% [92, с. 116]. Повышение степени льготности двусторонних займов и кредитов во многом связано с тем значительным притоком «чрезвычайной помощи» (дары и помощь натурой — продовольствием, сырьевыми товарами и т. д.), которую получает Замбия в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН как «прифронтовое» государство для целей восстановления своего хозяйства. В 1979 г., например, из 28 соглашений, заключенных Замбией по линии «чрезвычайной помощи», 11 соглашений было реализовано в виде даров и помощи натурой.

Валютно-финансовый кризис заставляет Замбию обращаться к дорогостоящему банковскому капиталу, ведущую роль в котором играет рынок евровалют. Определенная привлекательность частного рынка капитала состоит в возможности получения кредитов без дополнительных условий. Это выгодно отличает коммерческий кредит от официальной помощи, которая предус-

матривает обязательство получателя либо приобрести у государства-кредитора соответствующий объем товаров и услуг, либо истратить полученные кредиты на строго определенные цели. Замбия стала заемщиком средств на еврырынке в 1973 г. Ее кредит оценивался тогда в 150 млн. долл. На рубеже десятилетий Замбия практически не прибегала к еврокредитам, а в 1981—1982 гг. были сделаны два заимствования в 35 и 25 млн. долл. [141, с. 217]. Отметим, что для подключения развивающейся страны к механизму рыночных отношений на коммерческой основе недостаточно лишь ее желания, равного порой необходимости. Как правило, еврокредиты выдаются лишь относительно развитым и богатым минеральными ресурсами странам, что рассматривается международными банками и ТНК как определенная гарантия.

Целевое использование получаемых Замбией внешних государственных займов различно. В период первого и второго планов развития это были медленнокупающие себя инфраструктурные и промышленные объекты — ГЭС Кафуэ и Ка-риба Северная, ТАНЗАМ, нефтепровод Дар-эс-Салам — Ндола, нефтеперерабатывающий завод в Ндоле, текстильный комбинат в Кафуэ и др. Третий план (1979—1983) предусматривал привлечение внешней помощи для развития сельских районов (23 проекта), создания промышленных предприятий на основе использования местных сырьевых ресурсов (5 проектов) и проведения геологоразведок на уголь, нефтеносные сланцы и нефть. Значительная часть внешней помощи направляется на покрытие дефицита государственного бюджета и платежного баланса, просроченных платежей по импорту.

Доля внешних источников в финансировании государственных расходов, предусмотренных первым планом развития Замбии, определялась в размере 22,4%, вторым — 33,9, третьим — 33,1% [73, с. 15; 77, с. 43; 78, с. 39].

Значительный удельный вес в общей сумме иностранных государственных займов и кредитов занимает техническая помощь: к концу 70-х годов на ее долю приходилось около четверти всего объема [33, 1979, с. 72]. Размеры технической помощи постоянно возрастают. В качестве стран — доноров помощи этого вида наиболее активно выступают Англия, Норвегия, Швеция, Канада, ФРГ и США.

Несмотря на то что в общем притоке иностранного капитала доля прямых инвестиций постепенно сокращается, позиций иностранного частного капитала в Замбии достаточно сильны. По оценке, в конце 70-х годов иностранному капиталу принадлежало 40% инвестиций, на долю государства приходилось 50 и национального частного капитала — 10%. Основная сфера приложения иностранного капитала — горнодобывающая промышленность.

Приток иностранного капитала в Замбию неравномерен. В первые годы независимости начался отлив частного капитала

из страны, который по мере стабилизации политической обстановки стал постепенно компенсироваться притоком государственного и частного долгосрочного капитала. Однако частичная национализация горнорудных компаний, а также введение ограничений на иностранные инвестиции вновь вызвали отток капитала из Замбии. Отлив прибылей от инвестиций стал превышать приток новых капиталовложений. В 70-е годы эта тенденция усилилась вследствие снижения мировых цен на медь. Отток прибылей от иностранных инвестиций в 60-е — начале 70-х годов составил в среднем одну треть активного торгового баланса, в 1975—1978 гг. — 82%. Общая сумма иностранных частных прямых капиталовложений в экономику Замбии на конец 1978 г. оценивалась в 330 млн. долл. [33, 1981, с. 165].

В Замбии имеются ограничения на иностранные инвестиции. В первую очередь это касается решения об обязательной продаже правительству Замбии (через ИНДЕКО) части акций вновь создаваемых с помощью частного капитала предприятиях. Существуют довольно высокие ставки налогообложения, которые в сочетании с импортом и валютным регулированием несколько сдерживают приток в Замбию иностранного капитала. Национальное правительство Замбии проводит тем самым протекционистскую политику в отношении мелкого и среднего национального капитала, поскольку действующая система налогообложения делает экономически невыгодным приток в Замбию частного иностранного капитала средних размеров.

Параллельно с ограничением принимаются меры для привлечения иностранного частного капитала в Замбию. Именно с этой целью в 1965 г. был принят закон, поощряющий капиталовложения в «пионерские» отрасли хозяйства. По этому закону капиталы, идущие в новые для Замбии производства, освобождаются от налогов в первые два года. Последнее инвестиционное законодательство было принято в 1986 г.

По мере усиления затруднений, с которыми встречается Замбия в процессе мобилизации иностранной валюты, правительство страны стало уделять больше внимания привлечению частного капитала для развития экономики. Предусматривается новый приток иностранного частного капитала Италии, Японии, ЮАР и других стран, особенно в обрабатывающую промышленность, торговлю и сферу обслуживания как по линии создания самостоятельных компаний, так и путем участия совместно с государством в смешанных компаниях.

Наиболее существенным и стабильным источником финансово-экономической помощи для Замбии является Англия. По нашим подсчетам, к концу 70-х годов она предоставила республике займы, дары и кредиты на сумму, превышающую 230 млн. квач. Кроме того, под гарантию правительства частные и смешанные компании получают от английских банков и компаний значительные суммы в виде займов и кредитов, не считая специализированной помощи на развитие экономики и

нужды обороны (например, в связи с закрытием границы с Южной Родезией в 1973 г.). В двусторонней помощи преобладают субсидии. Основная часть помощи идет на покрытие внешнего долга и финансирование импорта, остальная предоставляется по конкретные проекты.

Англия — главный источник технического содействия Замбии. Английский персонал, работающий в Замбии, занят в основном в области образования, в производственных отраслях экономики, торговле и инфраструктуре, в здравоохранении. В Англии обучается и проходит практику большое число замбийских студентов и стажеров.

Замбия — одна из тех африканских стран, в которые направляется основная часть прямых английских инвестиций. Британский капитал по-прежнему участвует во всех отраслях (хотя и потерял в них доминирующее положение), однако рост инвестиций отмечается главным образом в новых отраслях. При участии английских частных компаний сооружались цементный завод в Чиланге, текстильный комбинат в Кафуэ, осуществлялось развитие транспорта, электроэнергетики и т. д.

Со второй половины 70-х годов активизируются экономические связи Замбии с другими ведущими капиталистическими государствами — США, ФРГ, Японией. Можно отметить определенное изменение причин их заинтересованности в Замбии. В конце 60-х — начале 70-х годов эти страны привлекало в основном ее стабильное политическое и финансовое положение. С середины 70-х годов выдвинулись на первый план причины стратегического характера. Капиталистические страны, в первую очередь США, стремились создать здесь для себя экономические гарантии на случай возможного изменения внутриполитической ситуации в Замбии в результате кризисного положения в экономике и продолжающейся напряженности на Юге Африки. Кроме того, Замбия рассматривалась в качестве «тыла» при неблагоприятном исходе освободительной борьбы в Зимбабве.

Большая часть американских кредитов носит связанный характер и используется для закупки в США минеральных удобрений и продовольствия. Расширяется приток в Замбию американских продовольственных поставок в качестве даров. Среди наиболее крупных объектов, которые финансировали США, были строительство шоссе Замбия — Ботсвана и реконструкция завода по производству азотных удобрений в Кафуэ. По линии технической помощи в Замбии в конце 70-х годов работало около одной тысячи американских специалистов.

Американские прямые инвестиции в Замбии сосредоточены главным образом в горнорудной промышленности (добыча и переработка медных и полиметаллических руд). В качестве партнера ИНДЕКО различные американские фирмы принимают участие в производстве изделий из меди и алюминия (провода, кабель и т. д.). Смешанные горнорудные компании ши-

роко прибегают также к использованию под гарантии замбийского правительства государственных и частных американских источников.

Значителен рост финансовой помощи Замбии со стороны ФРГ (с 8,5 млн. квачей в 1968—1973 гг. до 90 млн. квачей только в одном 1979 г.), направляемой в основном в развитие производственных отраслей хозяйства.

Расширение японо-замбийских экономических отношений отмечается во многих сферах экономики, и в первую очередь в таких жизненно необходимых для Замбии, как железнодорожный транспорт и сельское хозяйство. Япония оказывает Замбии существенную продовольственную помощь (поставки риса).

Особое место занимает сотрудничество Замбии со скандинавскими странами — Швецией, Финляндией, Данией и Норвегией. Правительство Замбии стремится расширить отношения с «малыми» и «средними» странами в качестве противовеса «сверхдержавам». Активизация отношений с названными странами стала особенно заметной после визита К. Каунды в Скандинавию в 1968 г. Скандинавские страны помогают Замбии специалистами-экспертами в области сельского хозяйства, жилищного строительства, оказывают ей помощь в осуществлении многих проектов социального развития.

Принимают участие в финансировании различных замбийских проектов также международные организации — Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, Программа развития ООН, Африканский банк развития, Европейское экономическое сообщество и др.

Кризис внешних платежей. В результате привлечения значительных заемных ресурсов Замбия чрезмерно умножила свою внешнюю задолженность иностранным государствам, банкам, поставщикам и международным организациям. На конец 1987 г. задолженность Замбии по среднесрочным и долгосрочным финансовым обязательствам достигла 5,8 млрд. долл. В 80-е годы (1980—1984) весьма высокими были среднегодовые темпы прироста внешнего государственного долга — 20,75%, тогда как за все предыдущие годы независимого развития — 13% (подсчитано по [19, с. 199; 72, 1984, с. 68]).

Наличие огромной внешней задолженности обуславливает и быстрый рост оттока средств из страны в форме платежей по займам и кредитам. Сумма этих выплат в 60—70-е годы составляла 8—10% экспортной выручки, что рассматривалось как вполне удовлетворительная норма погашения долга, поскольку она не переступала «пороговую» черту в 20%, принятую ведущими капиталистическими странами-кредиторами по отношению к развивающимся странам-должникам [104, с. 250]. В 80-е годы величина ее заметно возросла и составила более 15% (17,3% — в 1982 г.) [141, с. 230]. Во второй половине 80-х годов обязательства Замбии по обслуживанию внешней задолженности резко возросли и в 1986 г. составили почти 100%.

В середине 80-х годов Замбия находилась на грани перехода от кризисной ситуации в области платежеспособности к всеохватывающему кризису экономики. Нарастающий инфляционный процесс, нарушения в платежном балансе, рост бюджетного дефицита оказали негативное воздействие на экономический рост. Замбию можно отнести к тем немногим африканским странам, которые смогли бы избежать перехода от состояния «кризиса платежеспособности» в структурный кризис экономики, если бы появилась надежная тенденция улучшения условий торговли, улучшилась конъюнктура внешнего рынка.

В сложившейся ситуации основным путем решения проблемы внешнего долга является получение отсрочек платежей от основных государственных и частных кредиторов, входящих в систему наднационального регулирования внешней задолженности. В первую очередь это относится к Парижскому (консорциум государств — официальных кредиторов) и Лондонскому (консорциум частных кредиторов) клубам, созываемым в случае поступления просьбы от какой-либо страны смягчить ее внешний долг. Цель клубов — распределить на договорной основе «потери» кредиторов в случае реорганизации долга другой стороны.

Первое соглашение с Парижским клубом о приостановке платежей в счет погашения основной части долга распространялось на платежи по кредитам, полученным до 1983 г., а также на платежи, причитавшиеся в 1983 г.; второе соглашение было достигнуто в 1984 г. Общая сумма реорганизованного долга составила 485 млн. долл. по государственным и коммерческим обязательствам. Платежи в погашение процентов должны были производиться ежемесячно с августа 1984 г. по июль 1985 г. Сумма отсроченного основного долга в 200 млн. долл. была пролонгирована на 10 лет, включая 5 лет льготных, и должна была погашаться десятью полугодовыми взносами с декабря 1989 г. по июнь 1994 г. Третье соглашение (март 1986 г.) было заключено на сумму 522 млн. долл. на тех же условиях выплаты с 31 декабря 1991 г. по 30 июня 1996 г.

В январе 1985 г. Лондонский клуб принял положительное решение об отсрочке платежей по основному долгу и процентам, причитающимся на 1983—1986 гг. (70 млн. долл.). В мае 1986 г. начались вторые переговоры о платежах, просроченных Замбией еще по первому соглашению, а также причитающихся в 1986 г. Неоднократные обращения Замбии, как и других стран-должников, к обоим клубам свидетельствуют о том, что бремя долговых обязательств этими процедурами не уменьшается, а только сохраняется, причем без учета реальных возможностей страны в исправлении экономической ситуации, а поэтому взаимоотношения сторон носят характер незавершенного действия.

В конце 1984 г. Замбия добилась решения о переносе сро-

ков платежей рядом коммерческих банков. Были достигнуты подобные соглашения также с правительствами США, ГДР и СССР [371, 1986, сентябрь, с. 8].

В марте 1986 г. правительство Замбии, чтобы укрепить доверие к стране со стороны ее международных торговых партнеров и возможных инвесторов, разработало совместно с английскими фирмами план выплаты 430 млн. долл. по просроченному краткосрочному внешнему долгу. По этому плану Банк Замбии, начиная с января 1987 г., должен выпускать долговые обязательства по наиболее крупным задолженностям и одновременно осуществлять прямые платежи по значительному числу менее крупных исков. Однако в январе 1987 г. представители Банка Замбии объявили, что разработанный план в первоначальном виде осуществляться не будет, в частности, из-за дальнейшего снижения мировых цен на медь. Единственно возможный способ погасить задолженность — убедить кредиторов принять платежи в национальной валюте — кваче и реинвестировать эти средства в определенные правительством Замбии производственные отрасли экономики [323, 28.10.1986; 351, 15.01.1987]. Если бы такое предложение было принято кредиторами, то оно явилось бы действительно реалистическим подходом к решению серьезных задач замбийской экономики.

Координацию между двумя механизмами реорганизации долга (клубы и консорциум коммерческих банков) осуществляют МВФ и МБРР, причем роль первого заметно повышается.

Большое значение для покрытия дефицита платежного баланса Замбии имеют кредиты МВФ. Взаимоотношения Замбии с МВФ как кредитором начались в 1973 г., после закрытия Родезией своей границы с Замбией. Пять соглашений были осуществлены в период наиболее благоприятной для Замбии мировой рыночной конъюнктуры. На конец 1987 г. ее общие обязательства перед фондом оценивались в 400 млн. долл.

Способность кредитов МВФ оказывать ожидаемое положительное воздействие на состояние платежеспособности стран-кредиторов существенно снижается вследствие высоких ставок кредитов, близких к рыночным, увязки предоставления кредитов с программой «оздоровления» экономики страны — заемщика средств. В любом случае нарушение этих условий чревато приостановкой кредитования до исправления положения. Именно такая ситуация сложилась в Замбии в 1985—1986 гг.

По соглашению от июля 1984 г. о предоставлении МВФ в течение 20 месяцев кредита на сумму 225 млн. СДР (специальные права заимствования) Замбия обязалась продолжать сокращение государственного субсидирования цен на товары первой необходимости и ограничивать займы правительства у банков. До конца 1984 г. Замбия получила лишь 80 млн. СДР. В 1985 г. фонд приостановил выплату средств, поскольку Замбия не провела девальвации квачи (от 40 до 70%), а также из-за больших размеров просроченной задолженности. В сере-

дине 1985 г. правительство Замбии сократило субсидирование цен на кукурузную муку, отменило контроль над банковскими ставками. В октябре была введена система аукционирования иностранной валюты, что фактически явилось девальвацией квати на 57%. Но даже после проведения этих мероприятий фонд не пошел на новые выплаты из-за того, что Замбия не смогла урегулировать вопрос о просроченной задолженности [323, 22.06.1985; 350, 17.01.1987].

В декабре 1985 г. в Париже состоялось заседание консультативной группы стран-доноров и международных организаций, посвященное обсуждению состояния платежного баланса Замбии и ее отношений с МВФ. Были достигнуты договоренности, способствующие покрытию просроченной задолженности. После этого удалось завершить переговоры с МВФ, а в марте 1986 г. подписать новое соглашение о получении в течение 24 месяцев 229,8 млн. СДР на покрытие платежного баланса и 68,8 млн. СДР на компенсацию потерь от ухудшения условий замбийского экспорта. Замбия поочередно получила два перевода в сумме 77 млн. долл.

В ноябре 1986 г. после очередных переговоров с МВФ было объявлено, что проблемные вопросы отношений Замбии с МВФ решены. Тем не менее до конца 1986 г. дополнительные переводов от фонда не поступало. В течение года после подписания соглашений Замбия смогла возратить фонду только 35 млн. СДР. Кроме того, она не использовала около 50 млн. долл. по предыдущим кредитам. В середине 1986 г. МВФ приостановил предоставление средств по указанному кредиту, сославшись на то, что замбийское руководство не выполнило требований фонда об ограничении бюджетного дефицита [323, 28.10.1985; 335, 1987, июль, с. 18].

«Стабилизационная» программа МВФ относительно Замбии предусматривала и другие условия, лишаящие страну самостоятельности при разработке путей развития национальной экономики. В мае 1987 г. президент К. Каунда объявил о решении своего правительства отказаться от дальнейшего выполнения требований структурной перестройки экономики, обусловившей предоставление помощи Замбии со стороны МВФ. Правительство предложило альтернативную программу, на базе которой был разработан промежуточный план развития страны на 1987—1988 гг.

Советско-замбийские отношения

Советско-замбийские отношения официально были установлены 30 октября 1964 г. Однако все виды связей и контактов, кроме политических, между двумя странами развивались медленными темпами.

Сдерживающее влияние на развитие разносторонних зам-

бийско-советских отношений оказывали экономическая зависимость молодой республики от расистских режимов Южной Родезии и ЮАР, противодействие империалистических кругов Англии, иностранных монополистических компаний и фирм, бывших колониальных чиновников, занимавших ответственные посты в государственных органах и средствах массовой информации Замбии, тесно связанных с английскими агентствами и издательствами. Сказывались последствия многолетней антисоветской пропаганды в период колониальной оккупации Северной Родезии, а также отсутствие в первые годы независимости объективной информации о Советском Союзе, его внешней политике.

Замбийско-советские отношения стали развиваться и расширяться по мере осуществления деколонизации экономики, системы государственного управления, роста влияния правящей партии — ЮНИП, замбианизации органов массовой информации. Этому процессу способствовал также обмен парламентскими, правительственными и другими делегациями. Постепенно создавалась основа сначала для выравнивания, а затем и укрепления политических отношений, налаживания взаимовыгодного многостороннего сотрудничества.

Руководители Замбии оценили принципы, на которых СССР строил отношения с их страной. Советский Союз признал право замбийского народа самому решать внутренние дела; заявил об уважении территориальной целостности, неприкосновенности границ Замбии, ее суверенитета над природными ресурсами; поддержал право Замбии на равноправное участие в международной политической и экономической жизни, на развитие отношений со всеми государствами мира; приветствовал усилия ЮНИП и правительства Замбии, направленные на ликвидацию колониализма, искоренение расизма и апартеида в соответствии с решениями ООН, ОАЕ и Движения неприсоединения, взял на себя обязательство уважать международный статус Замбии как неприсоединившегося государства.

На основе этих принципов заключались советско-замбийские соглашения, строилось и развивалось сотрудничество при решении международных, региональных и локальных проблем с целью ликвидации очагов напряженности, отпора агрессии, содействия силам освобождения. Обе стороны признавали настоятельную необходимость перестройки всего комплекса международных отношений на демократической и взаимовыгодной основе. Темпы и масштабы развития советско-замбийских отношений определялись также интересами и возможностями сторон в торгово-экономической, культурной и других сферах деятельности.

Заметными событиями в истории замбийско-советских отношений явились официальный визит в СССР президента К. Канды в ноябре 1974 г. и ответный государственный визит в Замбию в марте 1977 г. Председателя Президиума Верховного

Совета СССР. В ходе переговоров и в подписанных после их завершения документах было зафиксировано, что отношения между Замбией и СССР развиваются на основе взаимоприемлемых общих принципов, содержащихся в Уставе ООН, подтверждено стремление к дальнейшему сближению позиций правительств и партий обеих стран, к расширению связей и контактов в различных областях сотрудничества. Были зафиксированы также общность подхода СССР и Замбии к решению многих международных проблем, обоюдное стремление сторон к согласованию позиций по тем вопросам, по которым имеются расхождения [331, 28.11.1974; 30.03.1977].

В Замбии на торжествах по случаю провозглашения независимости и в дни празднования ее годовщин традиционно присутствовали делегации Верховного Совета СССР. Делегации Национального собрания Замбии посетили Советский Союз в 1966, 1967 и 1984 гг. Во время бесед и в заключительных документах парламентарии Замбии и СССР неизменно отмечали, что отношения между двумя дружественными государствами опираются на прочный фундамент принципов взаимного уважения и солидарности, участия в совместной борьбе за мир и международную безопасность. В числе первых законодательных органов африканских стран Национальное собрание Замбии поддержало обращение парламентской группы СССР к членам парламентов развивающихся стран от 21 августа 1985 г. по вопросам войны и мира.

Важным направлением в развитии советско-замбийских отношений являлись связи между КПСС и ЮНИП. С 1981 г. они строились на плановой основе. В июне 1982 г. СССР посетила партийно-правительственная делегация во главе с генеральным секретарем ЮНИП Х. Мулембой. Делегации ЮНИП присутствовали на XXVI и XXVII съездах КПСС. Ответные визиты в Замбию регулярно наносили делегации КПСС.

Обменивались делегациями, поддерживали контакты в различных формах профсоюзные, молодежные, женские, культурные и другие общественные организации Замбии и СССР.

Руководители Замбии использовали политическое сотрудничество с СССР для создания противовеса давлению Запада. В своих действиях они исходили из того, что дружественные отношения с Советским Союзом отвечают долгосрочным целям внешней и внутренней политики государства.

Позиции СССР и Замбии совпадали или были близки по широкому кругу международных проблем. Обе стороны согласны, что быстрейший выход развивающихся стран из тяжелого экономического положения может быть обеспечен лишь на пути активной борьбы с неокOLONИализмом и в союзе с антиимпериалистическими силами мира. Их позиции были близки или совпадали и по таким вопросам, как всеобщее и полное разоружение, устранение угрозы термоядерной войны, сокращение расходов на вооружение. В Замбии считали, что подготовка к войне от-

влекает народы от целей социального и экономического развития, тормозит окончательную деколонизацию Африканского континента и ликвидацию апартеида. Впервые одно из центральных мест в работе высшего органа ЮНИП — Генеральной конференции, состоявшейся в августе 1983 г., заняли вопросы войны и мира [375, 29.08.1983]. К. Каунда поддержал точку зрения СССР и других социалистических стран, заявив, что проблемы прекращения гонки вооружений и разоружения должны решаться совместными усилиями как больших, так и малых государств.

Руководители Замбии неоднократно подчеркивали общность интересов развивающихся стран и СССР, называли Советский Союз союзником молодых государств на международной арене. «Мы высоко оцениваем те важные мирные инициативы, с которыми выступает СССР, — заявил на XXVII съезде КПСС генеральный секретарь ЮНИП Грей Зулу. — Шаги Советского Союза, включая решение не применять первым ядерного оружия, введение моратория на ядерные взрывы, предложение о полном уничтожении ядерного оружия в течение ближайших 15 лет, создают благоприятные условия для обеспечения мира и безопасности во всем мире. Замбия также выступает за мир без оружия, за всеобщее и полное разоружение. Как и Советский Союз, Замбия выступает за право всех народов на самоопределение и независимость. Поэтому мы высоко ценим ваш вклад в борьбу против колониализма и неоколониализма, эксплуатации и агрессии. В этой связи мы хотели бы еще раз поблагодарить вас за политическую и материальную поддержку, которую вы продолжаете оказывать угнетенным народам во всем мире» [331, 04.03.1986].

Замбия поддержала многие предложения Советского Союза по вопросам войны и мира, внесенные в ООН в 1984—1989 гг., в частности предложения о международном сотрудничестве по использованию космического пространства в мирных целях, об осуществлении Декларации ООН по укреплению международной безопасности, об осуждении гонки ядерных вооружений и др. По некоторым из них она выступила соавтором соответствующих проектов резолюций.

Позитивный резонанс в правительственных и общественных кругах Замбии вызвали итоги визита М. С. Горбачева в Индию в конце ноября 1986 г. Делийская декларация, другие документы, подписанные в ходе визита, были оценены в Лусаке как серьезный успех не только СССР и Индии, но и всех миролюбивых сил на планете, «в которых достигнутые в Дели договоренности вселили новую надежду на благоприятное развитие международных событий» [346, 01.12.1986].

В Лусаке приветствовали встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в Женеве 19—21 ноября 1985 г. и в Рейкьявике 10—12 октября 1986 г., а также советско-американские переговоры по всему комплексу взаимосвязанных вопросов о немилитаризации кос-

моса, сокращения стратегических ядерных средств, ракет средней и меньшей дальности. Подписанный в столице США договор о ликвидации РСД и РМД нашел горячее одобрение в замбийских правительственных и общественных кругах.

Сам факт политических контактов представителей великих держав на различных уровнях оказывает, по мнению Замбии, благотворное воздействие на общую обстановку в мире, укрепляет надежды человечества на то, что ядерную катастрофу можно предотвратить. Во время визита в Москву в ноябре 1987 г. К. Каунда приветствовал достижение договоренности между СССР и США о ликвидации ядерных ракет двух классов [331, 28.11.1987]. А в январе 1988 г., обращаясь к М. С. Горбачеву, он сказал: «После подписания Договора великие державы смогут сосредоточить усилия на уничтожении других видов ядерного оружия. Я настроен оптимистически в отношении перспектив развития советско-американских связей» [356, 04.01.1988].

В плане решения других глобальных проблем наибольший интерес вызвали в Замбии советские предложения по установлению нового международного экономического порядка, а также по такой острой проблеме, как внешняя задолженность. Поэтому замбийцы с большой заинтересованностью восприняли соответствующие положения, содержавшиеся в выступлении М. С. Горбачева в ООН 7 декабря 1988 г.

По некоторым международным проблемам, в том числе по оценке внешней политики Советского Союза, Замбия занимала особую позицию. Лусака придерживалась концепции «двух сверхдержав», не делая в ряде случаев разницы между США и СССР. Она например, зачастую включала Советский Союз в «богатый Север», повинный в экономических трудностях развивающихся стран, и угрозу миру видела в «блоках мировой силы, которые по-прежнему разрабатывают новое и более мощное оружие массового уничтожения». Ухудшение положения в Центральной Америке объясняла тем, что-де этот регион «превращается в арсену соперничества между Востоком и Западом» [88, с. 31—32].

Важное место в замбийско-советских отношениях занимали проблемы Юга Африки. СССР и Замбия тесно сотрудничали при оказании помощи национально-освободительным движениям Анголы (МПЛА), Зимбабве (партии Патриотического фронта), Мозамбика (ФРЕЛИМО), Южной Африки (АНК) и Намибии (СВАПО). Между ними шел постоянный обмен информацией и оценками о положении дел в регионе, координировались меры по оказанию политического, дипломатического и материального содействия силам освобождения.

В конце апреля 1987 г. представители группы «прифронтовых» государств посетили Москву и встретились с М. С. Горбачевым. Они информировали советского руководителя о взрывоопасной обстановке, сложившейся на юге Африки, об усилиях представляемых ими стран и национально-освободительных

движений в целях политического урегулирования кризисной ситуации. Они приветствовали перестройку, проводимую в Советском Союзе, поддержали усилия СССР, направленные на предотвращение ядерной катастрофы, разоружение и обеспечение безопасности народов [331, 30.04.1987]. Во время визита в Москву в ноябре 1987 г. председатель «прифронтовых» государств, президент Замбии К. Каунда выразил благодарность Советскому Союзу за неизменную поддержку справедливой борьбы народов «прифронтовых» государств против агрессивного курса режима апартеида, их усилий в поисках политического решения вопроса [331, 28.11.1987]. Укрепление и развитие замбийско-советского политического сотрудничества объективно способствовали упрочению позиции Замбии на международной арене.

Правовая база под советско-замбийские экономические отношения была подведена заключением 26 мая 1967 г. межправительственного соглашения, а торговые отношения — заключением 17 декабря 1971 г. межправительственного соглашения. В целом торговля между СССР и Замбией носит ограниченный характер. О разностороннем развитии связей и контактов свидетельствует серия других соглашений, заключенных между СССР и Замбией. К ним следует отнести протокол о взаимном признании дипломов и ученых степеней (1973 г.), соглашение об обмене информацией между ТАСС и Замбийским агентством новостей — ЗАНА (1974 г.), соглашение о прямом воздушном сообщении между Москвой и Лусакой (1977 г.), соглашение о принципах спортивного сотрудничества (1979 г.); соглашение о сотрудничестве в области телевидения и радио (1981 г., не ратифицировано).

Советско-замбийские культурные связи развивались в соответствии с подписанным 25 августа 1966 г. межправительственным соглашением о культурном сотрудничестве с двухгодичной программой культурного обмена. Эти документы открыли путь к регулярному обмену культурными ценностями, к взаимному ознакомлению с достижениями национальных культур.

Между Советским Союзом и Замбией осуществлялся обмен художественными и спортивными коллективами. В Лусаке и других городах Замбии состоялись фестивали советских фильмов, фото- и книжные выставки. Почти 20 лет осуществляются дружеские связи, обмен делегациями между породненными городами: Лусаки с Душанбе, Алмалыка с Китве, Махачкалы с Ндолой. В октябре 1987 г. в Замбии торжественно прошли Дни СССР, посвященные 70-летию Великого Октября.

Важным направлением советско-замбийского сотрудничества является участие Советского Союза в подготовке национальных кадров. Для работы на медицинском и инженерном факультетах Университета Замбии направлены опытные профессорско-преподавательские кадры; построено и оборудовано профтехническое училище на 2 тыс. учащихся. Все годы независимого развития Замбии в высших и средних учебных заведе-

ниях работали по контрактам советские преподаватели, а в медицинских учреждениях — врачи. Несколько сот человек из числа замбийской молодежи закончили советские высшие и средние учебные заведения, многие продолжают учебу в СССР.

Новый импульс развитию замбийско-советских отношений дали визит в СССР президента Замбии, президента ЮНИП К. Каунды, состоявшийся 26—28 ноября 1987 г., его переговоры с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Стороны высказались за дальнейшее расширение и углубление сотрудничества. Были рассмотрены предложения и проскты по оказанию Советским Союзом содействия Замбии в разведке и добыче полезных ископаемых, в строительстве промышленных предприятий на базе некоторых месторождений. Особое внимание обращалось на необходимость проведения геологической разведки некоторых важных минералов. Речь шла также о создании предприятий, в том числе совместных, по выращиванию и переработке традиционных для Замбии сельскохозяйственных культур; все виды сотрудничества имелось в виду развивать на компенсационной основе.

Стороны договорились также о расширении товарооборота, об увеличении поставок советских машин и оборудования с использованием различных форм расчетов. Предусматривались дальнейшее развитие культурных и научных связей, обмен делегациями, организация более частых деловых контактов, в первую очередь между политическими деятелями, включая членов парламентов двух стран.

Стороны выразили удовлетворение тем, что Замбия и Советский Союз сделали значительный шаг вперед в укреплении двусторонних отношений [331, 28.11.1987].

Таким образом, принципиальной основой советско-замбийского сотрудничества является активная антиимпериалистическая направленность внешнеполитического курса Замбии, вытекающая из наличия объективных противоречий внутри мировой капиталистической системы. Общедемократические, общегуманные начала в политике — это тот фундамент, на котором развиваются наши отношения с Замбией. Именно здесь соприкасается новое политическое мышление во внутренней и внешней политике КПСС и Советского правительства, принципы гуманизма К. Каунды и ЮНИП, создавая своего рода идейную платформу двусторонних отношений. Именно в этом состоит смысл равноправного и взаимовыгодного сотрудничества и политического взаимодействия, в том числе на африканской и международной аренах.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЗАМБИИ

Политика колонизаторов в области культуры

В последней четверти XIX в. народы, населявшие территорию современной Замбии, стали объектом пристального внимания миссионеров и путешественников, а в первые годы колонизации — и английских чиновников. Проведение различных исследований диктовалось в первую очередь интересами метрополии.

В Северной Родезии, которую Англия стремилась превратить в поселенческую колонию, белому населению с самого начала принадлежали ключевые позиции в экономической и общественной жизни. Белая община была почти точным слепком с общества метрополии. Естественно, что колониальные круги Великобритании проявляли к Северной Родезии такое же внимание, как и к другим поселенческим колониям. Туда переводились средства на развитие образования белого населения, на проведение научных исследований, посылались специалисты для участия в полевых экспедиционных работах и для преподавательской деятельности в школах, создавались исследовательские и учебные центры. На смену исследователям-миссионерам, таким, как Р. и Дж. Моффаты, Д. Ливингстон, приходили профессиональные этнографы, историки, лингвисты, социологи.

В период между двумя мировыми войнами в Северной Родезии был собран богатый полевой этнографический материал. На его основе были написаны и опубликованы серьезные монографии и теоретические статьи, которые можно, с определенными оговорками, рассматривать как этапные в комплексном исследовании региона (в том числе Северной и Южной Родезии) и Африки в целом. Среди них работы М. Глакмена, М. Тривел, Н. Джонса, Т. Уилсон и М. Хантер (см. [228, 229, 311]). Классикой африканской этнографии стали труды этнографов-любителей Дж. Моффата Томсона, Э. У. Смита и А. М. Дейла (см. [266, 302]). Первым профессиональным этнографическим исследованием о Северной Родезии была монография А. Ричардса (см. [288]). В 30-е годы фундаментальные лингвистические исследования среди народов обеих Родезий провел крупнейший южноафриканский ученый К. М. Док. На их основе сложилась южноафриканская, в том числе родезийская, школа изучения народов банту (см. [209; 210; 211; 212]).

Общеизвестно, что научные изыскания в колониях концентрировались в основном на тех направлениях, которые позволяли либо лучше эксплуатировать их природные богатства, либо разрабатывать эффективные методы управления и закабаления покоренных народов. Вот почему местные власти и метрополия уделяли так много внимания исследованиям в области африканских языков, религии, этнографии. Нередко были случаи, когда чиновники занимались этнографическими исследованиями, а этнографы становились служащими колониальной администрации.

Развитие этнологических исследований почти целиком определялось европейскими (главным образом английскими) учеными и работавшими с ними в одном русле исследователями — выходцами из белых общин Родезий, Южной Африки. Слабости и недостатки методологических принципов, на которые опирались многие этнологи, порочность их философской и социальной позиций неоднократно уже анализировались и оценивались советскими африканистами.

После второй мировой войны, в конце 40-х — начале 50-х годов, когда, с одной стороны, в африканских странах начало набирать силу национально-освободительное движение, а с другой — после потери азиатских владений для Великобритании возросло значение африканских колоний, в Северной Родезии расширились объем и тематика научных исследований, особенно в области социально-экономических и гуманитарных наук. В этот период заметно активизировали работу ранее основанные научные центры, были созданы новые научные учреждения и публичные библиотеки.

В 1934 г. в Северной Родезии был основан мемориальный музей Д. Ливингстона (в 1951 г. переименован в музей Родса — Ливингстона; с 1964 г. — Национальный музей Замбии), один из первых музеев Африки. Он создавался как историко-краеведческий центр. Богат интересными, редкими и уникальными экспонатами. Мировую известность музею принесли документы, связанные с путешествиями Д. Ливингстона по Африке, его личные вещи и письма, а также древние и средневековые карты Африканского континента, археологические находки, относящиеся к доисторическим временам. В основных залах музея (древней и естественной истории, этнографии и искусства, географии и геологии) размещены экспозиции, охватывающие весь период жизни человека на территории современной Замбии от древнейших эпох до наших дней. В годы независимости была сформирована экспозиция, посвященная борьбе народов Замбии за национальное освобождение.

Музей не только средоточие историко-этнографических материалов, он изначально являлся научным центром. В 1938 г. стал составной частью Института Родса — Ливингстона (существовали совместно до 1941 г.). С 1948 г. музей расширяет свои научные функции: издает серийные издания и ежегодники «Occasional Papers», «Zambia Museum Journal», «Rhodes-Livingstone

Papers», Rhodes-Livingstone Communications», «Rhodes-Livingstone Journal», формирует специализированную по его тематике научную библиотеку. С этого же года при музее действует Комиссия по охране естественных и исторических памятников и ценностей, а с 1961 г. — исследовательская лаборатория [19, с. 231—232].

Центрами хранения ценнейших документов XIX—XX вв. — официальных материалов колониального периода, трудов европейских путешественников, миссионеров и исследователей — стали архивы и библиотеки, которые в годы независимости превратились в крупные культурно-просветительные учреждения.

С 1908 г. в Ливингстоне начала работать платная публичная библиотека, имелось несколько небольших собраний книг при клубах. В 1947 г. в Ливингстоне был учрежден первый архив в стране, причем наиболее ранние архивные документы датируются 1895 г. [19, с. 230—231].

Широкое развитие этнологических исследований в Северной Родезии привело к созданию научных центров и учреждений, способствовавших углубленному изучению обычаев, языков, религии, социальных институтов и африканских народов. В 1937 г. в Ливингстоне был основан Институт Родса — Ливингстона — крупнейший научно-исследовательский центр Африки, приобретший мировую известность. Вплоть до 1950 г. институт проводил исключительно этнографические и социологические исследования в нем были сосредоточены лучшие научные силы Северной и Южной Родезий, в качестве научных сотрудников привлечены африканисты Великобритании, Южной Африки и ряда стран. В числе его сотрудников были М. Глакмен (в 1941—1947 г. — директор института), Э. Колсон, М. Гелфенд, М. Хантер, У. Брелсфорд, Дж. Холман и В. Тернер. В 1941 г. институт был переведен в Лусаку. Итоги полевых исследований, проводившихся под его эгидой, теоретические работы сотрудников публиковались в выходившем с 1944 г. журнале института «Human Problems in British Central Africa» (в 1938—1980 гг. институт опубликовал свыше 80 монографий и других исследований, 40 докладов, 68 выпусков журнала, который с 1966 г. называется «African Social Research»). Сотрудники проводили большую работу по сбору устной традиции, по подготовке к изданию произведений африканского фольклора. Интерес к традиционному искусству и ремеслу африканских народов возрастал. Поэтому в конце 50-х — начале 60-х годов все чаще организуются выставки этнографических коллекций и произведений африканского искусства. С 1960 г. в Ливингстоне начал действовать Культурный центр Марамба — этнографический музей под открытым небом, представляющий собой модель африканской деревни, где представлены различные типы хижин с их внутренним убранством, характерным для многих районов Северной Родезии; африканские ремесленники, певцы и танцоры демонстрируют в музее свое искусство [19, с. 232].

В колониальный период большинство исследований было поставлено на службу колониальным властям Северной Родезии и поселенцам. Научные изыскания ученых-европейцев были сосредоточены в основном на проблемах традиционной религии, медицины и искусства, этногенеза и исторической этнографии, семейно-брачных отношений, обычного права. Вопросы, касающиеся особенностей социальной структуры и классового расщепления африканского общества, привлекали меньшее внимание.

Выполняя социальный заказ колониальных кругов, многие ученые — представители европейских научных центров или представители белой общины создавали свои работы в рамках функционально-структуралистского подхода к африканской действительности, следовали основным принципам и методам школы британской социальной антропологии. По установкам этой школы африканские народы рассматривались как «внеисторические», «без прошлого и практически без будущего, точнее говоря, их будущее предполагалось как неизменное настоящее, функционирующее под контролем европейских колонизаторов» [133, с. 204]. Такой антиисторический подход в исследованиях приводил к тому, что большинство публикаций 20—40-х годов в научных журналах, сборниках представляло собой либо бесстрастный, сухой набор фактов без попытки показать динамику их развития и сделать научные выводы, либо тенденциозные материалы, в которых проводились расистские теории о «примитивности» традиционной жизни и культуры, об их несовместимости с культурой европейской и давались рекомендации о целесообразности мероприятий по консервации традиционных институтов, что должно было способствовать поддержанию «равновесия» в колониальном обществе и укреплению режима угнетения.

В то же время, признавая значение традиционной культуры как отражения национального самосознания, колониальные власти пытались представить ее примитивной, противоречащей христианской религии и морали, стремились внедрить свое влияние (а с ним и европейскую систему ценностей) в различные ее сферы. Часто отдельные черты европейской идеологии и культуры получали выгодное колонизаторам преломление в отдельных сюжетах национальной литературы и настенной живописи (элементы христианской иконографии), в некоторых формах музыкальных произведений и ремесленных изделий.

Проникновению подобного влияния противодействовали богатые и многообразные культурные традиции, уходящие корнями в глубокое прошлое. Так, зарождение изобразительного искусства на территории Замбии относится ко II тысячелетию до н. э. Именно в тот период, по мнению ученых, появились первые наскальные росписи, петроглифы и скульптурные изображения [140; 207; 230; 287]. В доколониальный период среди более чем 70 этнических групп страны широкое распростране-

ние и развитие получили различные виды ремесел и народного искусства: изготовление ритуальных масок и скульптурных изображений, мебели, утвари и других деревянных поделок; производство гончарных изделий, богато орнаментированных циновок и разнообразных музыкальных инструментов; многокрасочная живопись, покрывающая стены жилых домов. Для коренных жителей Северной Родезии были характерны большая музыкальность, разнообразие песенных жанров и танцевальных стилей, виртуозность и высокий эстетический уровень исполнительского мастерства танцоров, певцов и музыкантов. И в период колониального господства африканская музыкальная культура сумела сохранить автохтонный характер, народную первооснову, традиционные жанры и музыкальные инструменты. То же самое можно сказать об устном народном творчестве, традиции которого складывались веками. В эпических сказаниях и преданиях воссоздавались история народа, подвиги героев и вождей; в сказках, пословицах и поговорках из поколения в поколение передавались морально-этические, религиозные и правовые нормы, регулирующие взаимоотношения индивидов в общине. Издавна сказители пользовались глубоким уважением как хранители народной мудрости; при дворах верховных вождей у лози, лунда и других племен содержались целые штаты подобных рассказчиков.

Доктрины западных ученых о «примитивности» африканской традиционной культуры вписывались в общую схему политики колониальной администрации, создавшей в переселенческих колониях два противостоящих друг другу сектора, которые охватывали как область экономики и политики, так и сферу социально-культурной жизни. В результате коренные жители Северной Родезии на десятилетия были почти полностью исключены из общественной деятельности. Колониальная система образования была построена таким образом, чтобы из представителей белой общины формировались высококвалифицированные кадры, а из африканцев — неквалифицированные рабочие и домашняя прислуга. Поэтому вплоть до 50-х годов среди ученых Северной Родезии не было представителей коренного населения.

Правда, в изданиях 20—30-х годов изредка появлялись африканские имена, принадлежавшие, по-видимому, воспитанникам и членам христианских миссий. В их статьях содержался главным образом полевой материал о традиционных верованиях. Не допуская африканцев к серьезным занятиям, колонизаторы разрешали некоторым из них собирать фактические сведения об образе жизни, религии и народной медицине.

В эти же годы прогрессивные представители народной интеллигенции создавали в различных районах страны «общества благосостояния», или «добровольные туземные ассоциации». Возникшие как дискуссионные, общественные, спортивные и танцевальные клубы, ассоциации проводили также культурно-

просветительную работу среди африканцев-горожан. Созданные позднее политические партии сохранили это направление в своей деятельности. Так, в феврале 1959 г. Африканский национальный конгресс представил колониальным властям проект конституционной реформы, предусматривающий создание национального совета вождей, в обязанности которого вменялась, в частности, защита африканских традиций, культуры и норм обычного права. Неоднократно в политических программах подчеркивалась необходимость «содействовать прогрессу африканского населения в области просвещения» [40, с. 285]. Немногочисленная интеллигенция также пыталась возродить традиционное искусство, сохранить и развить устное и музыкальное народное творчество. Ее усилия привели к созданию в 1939 г. первого в стране ансамбля, исполняющего песни на местных языках. Поддержке национальной литературы позднее, в 40—50-е годы, в немалой степени способствовала деятельность Бюро публикаций Северной Родезии и Ньясаленда, которое издавало произведения молодых писателей, пишущих на местных языках, а также учебники для изучения этих языков.

Представители интеллигенции сделали немало в процессе сбора предметов народного искусства и материальной культуры, музыкальных инструментов, записи исторических текстов, песен, хвалебных гимнов, поэм и сказок различных народов страны. Среди них были северородезийские африканские прозаики — С. Мпаши, П. Мушундо, У. Чимимба, Ф. Муликита, А. Читаука и др.

Деятельность национальных прогрессивных сил Северной Родезии в области культуры всегда носила ярко выраженный социальный и антиимпериалистический характер, была тесно связана с освободительным движением. Это особенно проявилось в 50—60-е годы, когда значительная часть национальной интеллигенции вошла в состав африканских политических партий. В эти же годы получила развитие научно-популярная и публицистическая литература, пронизанная идеями антиколониальной борьбы и сыгравшая большую роль в деле пропаганды освободительных идей среди населения. Начиная издаваться на местных языках партийные газеты и журналы, появляются политические статьи и памфлеты таких партийных и профсоюзных лидеров, как К. Каунда, Г. Нкумбула, Ф. Муликита и др. В стороне от политической жизни не стояли и деятели искусства.

В 50—60-е годы британские ученые и представители поселенцев все чаще обращались к таким проблемам, как происхождение и состав белой общины, ее социально-политические и этнопсихологические особенности, межрасовые конфликты и сотрудничество (см. [185; 260; 288]). Интерес к подобным темам был обусловлен ростом национально-освободительного движения, стремлением найти причины происходивших процессов, возможностью выйти из трудностей на путях межрасового сотрудничества и партнерства.

Этот период характеризовался дальнейшей активизацией различных африканских общественных организаций, просветительской деятельностью прогрессивных деятелей науки и культуры из европейцев и отдельных миссионеров. Как следствие этого, в Северной Родезии увеличилось количество школ для африканцев, а также число представителей коренного населения, получивших высшее образование в Федерации Родезии и Ньясенда или за рубежом. Среди представителей африканской интеллигенции значительный процент составляли специалисты в области истории, социологии и этнографии (см. [81]).

Культурное строительство

Еще в годы национально-освободительной борьбы К. Каунда и другие лидеры Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) начали разрабатывать основные принципы культурного строительства. Позже эти принципы получили свое выражение в первой (1964 г.) и второй (1973 г.) конституциях Замбии, в основных партийных и правительственных документах. В них отмечалась необходимость гарантировать соблюдение «принципов равных возможностей для всех жителей во всех аспектах жизни», «создавать условия для устранения предрасудков, порожденных прежней политической системой, неравенством в социальном положении и образовании», «поддерживать и развивать замбийские традиции и культуру» [15, с. 70; 32, с. 5; 44, с. 47—48]. Ныне действующая конституция гарантирует свободу слова и печати.

В документе правящей партии ЮНИП «Национальная политика на следующее десятилетие. 1974—1984 гг.» определены цели и характер деятельности партии в области культуры [90, с. 63—64]. Подчеркивая исключительно важное место культуры в замбийском обществе, ее разнообразие и богатое содержание, партия считает необходимым развивать культуру таким образом, чтобы она стала единым источником, из которого народ будет продолжать черпать патриотизм, силу, характер; сохранить богатое национальное наследие, чтобы оно переходило из поколения в поколение. Для осуществления этого ЮНИП призывает: усилить развитие замбийской культуры и восстановить ее положение как культуры, достойной уважения внутри страны и за ее пределами; обеспечить сохранность того лучшего, что есть в национальной культуре, и ввести, где необходимо, соответствующие изменения или улучшения, направленные на максимальное приобщение народа к культуре; совершенствовать и расширять сеть учреждений, призванных сохранять, развивать и обогащать культуру; укреплять и расширять масштабы культурного воспитания населения, особенно молодежи, чтобы культура стала частью их существования, и, наоборот, бороться с традициями, тормозящими культурное развитие; со-

вершенствовать программы культурного обмена между Замбией и другими странами, с тем чтобы замбийский образ жизни оказывал свое влияние на другие народы и, в свою очередь, впитывал в себя все то ценное, что есть в культуре других стран.

Культурному строительству отводится важное место в философской и социально-экономической концепции партии и государства — «замбийском гуманизме». Сохранение традиций и наследия рассматривается К. Каундой — творцом этой концепции — не только как важнейший культурный фактор, но и прежде всего как решающая предпосылка для построения нового «социально справедливого общества», которое должно сочетать в себе лучшие черты традиционного образа жизни («гармония межличностных отношений», «прогрессивность и гуманность») с научными и техническими достижениями современной цивилизации. Поскольку свыше 70% сельского населения занято в натуральном традиционном хозяйстве, в «замбийском гуманизме» значительное внимание уделяется традиционным институтам. Им отводится особое место в социальном переустройстве всего общества [44, с. 25; 54, с. 22; 126, с. 119, 121—134].

Одной из важнейших задач теоретической и практической деятельности ЮНИП является задача сформирования этнополитической общности — замбийского народа. В соответствии с конституцией 1972 г., Замбия провозглашена «единым и неделимым суверенным государством», чей девиз «Одна Замбия — один народ» [32, с. 207]. Руководящие деятели Замбии полагают, что непременным условием успешного решения этой задачи является политическая и идеологическая зрелость, единство прогрессивных сил и народа. Как писал К. Каунда, это важно еще и потому, что «Африке суждено быть одним из обширнейших, если не самым обширным полем идеологических битв этого столетия» [44, с. 2—3].

Конституция провозгласила отмену расовой, этнической, религиозной сегрегации и дискриминации, запретила пропаганду трайбализма и сепаратизма [32, с. 221, 223]. Все этнические группы пользуются равными правами и возможностями. В практическом претворении в жизнь этих прав и возможностей большое внимание отводится системе образования. Партия стремится к расширению и совершенствованию системы обучения, чтобы все замбийцы могли достигнуть «полного понимания письменного и устного языка». В документе ЮНИП «Национальная политика на следующее десятилетие. 1974—1984 гг.» подчеркивалось, что «образование является основой национального развития», что оно — «решающий фактор в развитии личности и неоценимый социальный вклад, обеспечивающий рост производительных сил общества», а также «необходимое условие для создания жизнеспособности демократической системы». Что касается системы образования, то она рассматривается партией и государством «как источник подготовки высококвалифицирован-

ных кадров, способных успешно проводить в жизнь задачи революции» [90, с. 42, 51].

В год достижения независимости в Замбии насчитывалось 960 специалистов с университетскими дипломами, 1,5 тыс. человек с законченным и 6 тыс. с незаконченным средним образованием. Лишь 1% населения имел полное начальное образование, 66% мужчин старше 21 года и 80% женщин были неграмотными. Таким образом, Замбии предстояло ликвидировать массовую неграмотность, расширить во много раз сеть общеобразовательных школ, организовать профессионально-техническую подготовку, создать систему высшего образования.

За годы независимости Замбия достигла заметных успехов. Понимая, что развитие системы народного образования — одна из важнейших предпосылок выхода из политической, социальной, экономической и культурной отсталости, правительство Замбии последовательно и целенаправленно укрепляло государственную систему образования, а через нее обеспечивало повышение общего культурного уровня населения, решало проблему подготовки национальных кадров.

До 1966 г. развитие общеобразовательной школы осуществлялось в соответствии с принятыми еще до независимости двумя законодательными актами — «Декретом об африканском образовании» для бесплатных школ и «Законом об образовании, 1956» для платных школ. 2 сентября 1966 г. вступил в силу новый «Закон об образовании», отменивший прежнее колониальное законодательство. Он учредил единую систему управления и организации народного просвещения. Усилив начатый еще в январе 1964 г. процесс ликвидации любых видов сегрегации в области образования, закон запрещал отказывать в приеме в школы по причинам расовой или религиозной принадлежности.

В соответствии с законом 1966 г., все школы в стране подразделяются на три группы: государственные, находящиеся под непосредственным контролем правительства (в них обучение обязательное и с 1971 г. бесплатное), субсидируемые бесплатные, функционирующие за счет государственных ассигнований, но управляемые миссиями и религиозными общинами; частные школы. Соотношение между группами как по числу школ, так и по количеству учащихся быстро менялось в пользу государственных школ. Если накануне независимости около 68% начальных школ принадлежали церкви, то к началу 80-х годов уже 99% таких школ стали государственными. Такого же характера изменения произошли и в среднем образовании. Преподавание велось и ведется как на английском, так и на местных языках, особенно в сельской местности. Выпускники, прошедшие курс обучения языков тонга, лози, бемба и ньянджа, имеют право на получение специального сертификата.

Национальная система образования состоит из полного цикла — начальной, средней и высшей школы. Ее основным звеном

является начальная школа, хотя и средняя уже перестала быть привилегированной, доступной лишь немногим. Благодаря росту охвата детей начальным и средним обучением (число учащихся увеличилось соответственно в 3,1 и 8,2 раза в 1963—1983 гг.) [59, 1985, № 4—5, с. 53], а также довольно широкому распространению сети школ для обучения взрослого населения значительно снизился уровень неграмотности населения — с 52,7% в 1969 г. до 24,3% в 1985 г. [23, с. 1113]. В среднем бюджетные ассигнования на нужды образования составляют около 8—9% ежегодно. Однако капитальные затраты незначительны, они заметно варьируются (например, в 1980 г. — 1,1%, 1983 г. — 8% [59, 1985, № 4—5, с. 26—27]) и в абсолютном выражении весьма незначительны.

В 1982 г. 1 млн. 122 тыс. учащихся обучались в 2894 начальных и 105 тыс. — в 142 средних школах [23, с. 1107]. Закон 1966 г. закреплял следующую структуру: курс обучения в начальной школе делится на нижнюю (4-годичную) и верхнюю (3-годичную) ступени, в средней — на младшую (3-годичную) и старшую (2-годичную).

Таким образом, согласно закону 1966 г., школьное образование продолжалось 12 лет и было сопряжено с большими трудностями для учащихся. Многоступенчатая структура обязывала их при переходе из школы одной ступени в другую сдавать не только выпускные экзамены, но и приемные при поступлении в среднюю школу. Немногим удавалось преодолеть подобные барьеры. К ним следует добавить и другие трудности: слабое здоровье детей, низкий уровень культурного развития, слабую подготовку из-за недостаточной квалификации и перегрузки учителей, нехватки и даже отсутствия учебников, отдаленности школ от мест проживания учащихся, негодности школьных помещений и т. д. Приведем некоторые данные. В конце 70-х годов начальную школу оканчивали в среднем 65% сельских и 90% городских учащихся; в среднюю школу поступало приблизительно 17—20% выпускников начальной школы, около половины из них переходили в старшую ступень и только 62% успешно сдавали выпускные экзамены [19, с. 223—225]. В 80-е годы это положение мало изменилось.

Школьная реформа 1979 г. предусматривала переход общеобразовательной школы на 9-летнее обучение, которое осуществлялось в два этапа: на первом дети школьного возраста обязаны были поступать в школу и, как минимум, проучиться 7 лет; на втором — учеба школьников продолжается еще 2 года. Предусматривались также изменения в учебном процессе, выпуск новых учебных пособий. На промежуточной стадии осуществления реформы в 1983 г. выпускные экзамены за первые 7 лет обучения (по-старому за начальную школу) были отменены. Отныне экзамены будут сдаваться после 9 лет обучения в средней школе. Учащиеся, выдержавшие экзамены и отобранные для продолжения учебы в средней школе, смогут обу-

чаться еще три года. После 10-летнего обучения учащиеся могут сдать выпускные экзамены и получить сертификат, позволяющий поступать в высшие учебные заведения Замбии, а после 12-летнего обучения — в высшую школу за рубежом.

Ведущее место в подготовке специалистов со средним образованием занимают специальные учебные заведения. Во всех крупных городах Замбии имеются учительские колледжи, которые полностью обеспечивают потребность в учителях начальной школы. Высшие учебные заведения готовят учителей более высокой квалификации, определенная же часть по-прежнему набирается за рубежом.

В колониальный период специальные средние учебные заведения в основном представляли собой училища и курсы при иностранных компаниях. В настоящее время 14 учебных заведений такого типа находятся в ведении государства и готовят специалистов для различных отраслей хозяйства.

В 1982 г. в Замбии имелось 14 технических и торговых колледжей и школ, в которых обучалось 4,9 тыс. учащихся (в 1964 г. — 806). Самым крупным техническим средним учебным заведением является Технологический институт (создан в 1970 г., его основные базы в Китве и Луаншье). Подготовкой административных кадров занимается колледж им. Э. Хоун в Лусаке (1220 студентов, 1978 г.). Имеется также несколько сельскохозяйственных учебных заведений. За годы независимости расширилась подготовка врачей и среднего медицинского персонала.

Решение о создании национального университета было принято в феврале 1964 г. Учебные занятия начались в марте 1966 г., первый выпуск состоялся в 1968 г. — это было 27 специалистов различного профиля, пришедших в университет с незаконченным высшим образованием. В последующие годы количество выпускников возросло. Всего до 1976 г. в университете было подготовлено более 1700 специалистов. Кроме того, университет закончили 16 аспирантов, им были присвоены ученые степени. В 1982 г. в университете обучался 3621 студент. В его штатах свыше 650 преподавателей, в том числе много иностранцев (1975 г. — 37%). Возглавляет университет канцлер, с 1965 г. — президент Замбии, почетный доктор наук К. Д. Каунда.

Академическая структура университета включает 8 факультетов: гуманитарных и социальных наук, естественных наук, педагогический, юридический, медицинский, инженерный, сельскохозяйственный и горный. В состав университета входят также факультет повышения квалификации и отделения университета в городах Касама, Китве, Ливингстон, Монгу, Солвези и Чипата, а также учебный госпиталь. Структура университета время от времени меняется. Так, созданы филиал в г. Ндоле, научно-исследовательский институт при горном факультете. Филиал в Ндоле включает несколько факультетов: изучение и

охрана окружающей среды, управление промышленностью, фармацевтический и бизнеса. Наибольшее количество выпускников готовят гуманитарные факультеты; наименьшее — инженерный, сельскохозяйственный и горный, в то время как именно эти отрасли хозяйства нуждаются не просто в кадрах, а в национальных высококвалифицированных специалистах.

Одной из важнейших задач, стоящих перед системой образования, правительство считает повышение качества обучения. В первые годы республики преподавание в школах велось по старым английским учебникам. В них даже история и культура народов Замбии трактовалась с колониальных позиций. В школьных программах упор делался в основном на изучение гуманитарных дисциплин.

Для исправления такого положения были предприняты определенные шаги. В 70—80-е годы был создан Центр совершенствования школьных программ, подготовлен «Улучшенный курс для начальных школ», изданы новые учебники, карты, словари, книги для чтения, стал выходить журнал для учащихся «Орбита», растет число образовательных радио- и телепередач [76, с. 19; 90, с. 52; 284, с. 21]. Многие учителя начальной школы проходят переподготовку на специальных курсах повышения квалификации, что значительно сокращает количество преподавателей, не имеющих специального образования.

Партия и правительство страны проводят политику замбианизации экономического и социального секторов, в том числе кадров в области образования. В ближайшие годы предполагается значительное увеличение национальных кадров преподавателей для средней и высшей школы за счет выпускников университета и замбийцев, получивших подготовку за границей. Уже в настоящее время административное управление университета осуществляется только замбийцами. Большое внимание уделяется сейчас изучению технических дисциплин в средней школе и в университете, в частности, с целью увеличения национальных кадров для горнорудной промышленности.

Одним из мероприятий правительства, способствующих подготовке высококвалифицированных специалистов, является создание в стране развитой сети библиотек, что свидетельствует о повышении культурного уровня населения. В 1980 г. насчитывалось 1010 библиотечных центров. В их числе публичные библиотеки (например, фонд городской публичной библиотеки в Лусаке насчитывает 133 тыс. названий, в том числе 51 тыс. книг), научные библиотеки при университете, в исследовательских и государственных учреждениях, небольшие библиотеки в городах и провинциях, в школах и сельских клубах. Публичные библиотеки бесплатные, они доступны всем желающим.

Руководство Замбии уделяет большое внимание становлению национальной науки, расширению сети научных учреждений, хотя и не располагает большими средствами — на эти цели расходуется около 0,2% валового национального продукта [83,

с. 524—525]. В первую очередь оно преобразовало научные центры, созданные еще в колониальное время. В 1964 г. Институт Родса — Ливингстона стал составной частью созданного в Замбии университета под новым названием — Институт социальных исследований университета Замбии. В 1967 г. также при университете был создан Центр африканских исследований. В 1971 г. эти учреждения были слиты в единый научно-исследовательский комплекс — Институт африканских исследований.

Тематика исследований и публикаций этого крупнейшего научного центра страны посвящена истории, этнографии, лингвистике, социологии, экономике и политике Замбии и соседних стран Центральной Африки. Он координирует деятельность не только научных работников, но и творческой интеллигенции. Его сотрудники, совершая регулярные поездки по стране, собирают фольклор, выявляют народные таланты, создают фольклорные коллективы.

В 80-е годы в Замбии действовало 11 научно-исследовательских учреждений. Их работу координирует Национальный совет по научным исследованиям. В стране имеются институты по проблемам использования природных ресурсов, сельского хозяйства, искусства, музыки и др. Большую исследовательскую работу ведут преподаватели и профессора университета, других учебных заведений, работники музеев, выполняющие культурно-просветительские задачи. Работники Национального архива и Библиотечной ассоциации издают «Национальную библиографию Замбии», библиографические указатели по фондам рукописных документов и важнейших источников, «Журнал Библиотечной ассоциации Замбии», на страницах которого регулярно публикуются статьи видных замбийских ученых и библиографов, а также подробные отчеты и информация о национальных, региональных и международных библиотечных конгрессах, симпозиумах и т. д. В университетских изданиях и специальных выпусках публикуются материалы полевых изысканий.

Научные учреждения Замбии ведут совместную работу не только с институтами других африканских государств, чему способствует специально созданный при ОАЕ Комитет по вопросам культуры и науки, но и с исследовательскими лабораториями Великобритании и других европейских стран. В частности, в области этнографических исследований осуществляется тесное сотрудничество со специалистами Манчестерского университета, в котором работали бывшие сотрудники Института Родса — Ливингстона М. Глакмен и Т. Рейнджер. Ученые Замбии — активные члены Ассоциации специалистов Содружества в области социальной антропологии. Особенно прочны их традиционные связи с Ассоциацией социологов Южной Африки, объединяющей социологов, этнографов и культурологов. На середину 70-х годов общее число научно-технических и научных работников составляло свыше 21 тыс. человек [83, с. 451—457].

Важную роль в воспитании у населения чувств патриотиз-

ма, гражданственности, интернациональной солидарности руководство Замбии отводит средствам массовой информации, различным культурно-просветительным учреждениям, которые являются «национальным орудием народа, партии и правительства» [90, с. 66].

Уже в первые годы независимости была проведена перестройка информационных служб, подверглась пересмотру деятельность радио, печати, телевидения и кинотеатров, находящихся в ведении министерства информации и радиовещания. В середине 70-х годов усилилось стремление ЮНИП и правительства расширить и усилить свой контроль в области идеологии и пропаганды. В июне 1975 г. президент К. Каунда выдвинул задачу укрепления позиций ЮНИП в области идеологии и пропаганды. Под контроль партии перешли центральные газеты «Таймс оф Замбия» и «Санди таймс оф Замбия», правительство установило контроль над кинотеатрами.

Центральными газетами, публикующими главным образом официальные материалы о важнейших событиях внутренней и международной жизни, являются органы ЮНИП «Таймс оф Замбия» (выходит с 1943 г.) и правительственная «Замбия дейли мейл» (основана в 1960 г.). Обе эти газеты ежедневные, выходят на английском языке. Их тематика разнообразна. Однако если «Таймс» широко освещает международные проблемы, то «Замбия дейли мейл» — внутреннюю жизнь страны. Тиражи газет — соответственно 70 тыс. и 45 тыс. экз. С 1911 г. на английском языке издается еженедельная «Замбия гавернмент газетт» («Замбийская правительственная газета»), в которой публикуются законы, правительственные постановления и парламентские отчеты.

В стране выходит также несколько провинциальных газет и журналов, редактирование и издание которых осуществляется силами как центрального аппарата, так и местных отделений министерства информации и радиовещания. В большинстве своем они выходили в свет еще в колониальные времена, но теперь публикуются под другими названиями. Обычно эти издания небольшого формата, печатаются на 8—12—16 страницах и предназначаются для распространения в тех районах, куда центральные газеты практически не доходят. Для этих изданий информационная служба специально подбирает материалы, публикуемые на местных языках. Большая их часть посвящена локальным и сельскохозяйственным проблемам, а также спорту. Тиражи газет и журналов на языках бемба, тонга, лози, ленже, лунда, каонде и лувале колеблются от 6 до 20 тыс. экз.

В стране выходит большое число различных журналов. В подавляющем большинстве случаев это официальные издания, органы различных министерств, государственных компаний, профсоюзных и молодежных организаций, научных обществ и университета. Несколько журналов издают религиозные общества и частные компании.

Контроль над печатными изданиями, а также за поступлением и распространением внутренней и зарубежной информации осуществляет созданное 1 января 1969 г. Информационное агентство «Замбия ньюс эйдженси» (ЗАНА). Накануне его создания К. Каунда заявил, что ЗАНА необходимо как «авторитетный источник правительственной политики», который будет иметь приоритет в поставке информации о Замбии.

С января 1966 г. радио и телевидение находятся в ведении государственной радиовещательной службы. Центральное радиовещание имеет три канала: главный ведет передачи на английском, а также на языках чибемба и чиньянджа, внутренний — на семи основных африканских языках, внешний осуществляет вещание с 1973 г. Действуют также специальная радио- и телеслужба, ведущие учебные передачи для школьников и студентов.

Значительную интернациональную подготовку оказывала Замбия патриотам Зимбабве: в 1973—1980 гг. на Родезию велось специальное радиовещание.

Хотя замбийский кинематограф делает только первые шаги, он уже внес немалый вклад в пропаганду идей «гуманизма» и партийных решений. Основное направление его развития — документальный жанр. Многие фильмы повествуют об истории страны, жизни трудящихся города и деревни. В 1972 г. советские и зарубежные зрители Ташкентского фестиваля кинематографистов стран Азии и Африки познакомились с популярной в Замбии лентой «Гуманизм в Замбии», которая раскрывает основные идеи К. Каунды, изложенные в одноименном философском труде.

Историческому прошлому народа и его национально-освободительной борьбе посвящены экспозиции в различных музеях страны. Большую воспитательную роль играет открывшийся в 1968 г. мемориальный дом-музей в пригороде Лусаки — Чиленже, являющийся своеобразным памятником истории возникновения ЮНИП, антиколониального движения, деятельности К. Каунды.

Прогрессивные преобразования, проводимые ЮНИП и правительством, стимулировали развитие замбийской литературы, появление новых жанров. После долгих дискуссий писатели и литературоведы пришли к выводу, что духовным потребностям африканца наиболее соответствует жанр романа с острой социальной проблематикой, который получил свое рождение лишь в годы независимости [138, с. 200; 151, с. 71, 72]. В среде литераторов, как и вообще интеллигенции, до сих пор не прекращаются споры о путях развития страны. В них сталкиваются и наивные упования на то, что у Африки свой особый, «третий» путь, и осознание того факта, что этот путь либо красивая мечта, либо заблуждение [138, с. 202].

Современная африканская литература Замбии — накануне и в годы независимости — выросла на традиции устного народно-

го творчества. Первые литераторы начали свою деятельность с записей исторических текстов, песен, хвалебных гимнов, поэм и сказок различных народов страны. Сборники публиковались на языках оригиналов. Особенно большой вклад внес Дж. Чивале, опубликовавший работу «Исторические тексты центральных банту. Значение и исторические события» (1962 г.). Появление этой и подобных публикаций побудило крупные издательства Северной Родезии и Лондонского университета выпустить в свет ряд произведений молодых африканских писателей на языках некоторых народов, а также учебники для изучения этих языков. Дух патриотизма, стремление разрушить миф колонизаторов о духовной и культурной неполноценности африканцев характерны для лучших произведений национальной литературы Северной Родезии: Н. Камитондо «Баротселенд — наша родина» (1956 г.), А. Читаука «Обычаи наших предков» (1961 г.) и др. В них ярко показано губительное воздействие колониализма на африканское общество.

В прозаических, драматургических и поэтических произведениях замбийских литераторов преобладают сюжеты, связанные с жизнью народа и потребностями общества. Среди них автобиографические и исторические повествования; описания традиционных обычаев, обрядов, поверья, прославления патриархального образа жизни; показ социально-экономического обновления африканского города и деревни, борьбы старого и нового; раскрытие острых общественных и классовых конфликтов; постановка актуальных морально-нравственных и бытовых проблем; размышления о положении женщин, роли молодежи, о судьбах национальной интеллигенции и ее взаимоотношениях с народными массами; изучение психологических аспектов африканского мышления и т. д.

Год от года уровень профессионального мастерства замбийских писателей и поэтов повышается. Они получили признание не только на родине, но и в Европе, Азии, Америке и в СССР, где все чаще публикуются произведения этих авторов. Особую известность приобрели поэты и прозаики Ч. Вьяс, У. Саиди, Д. Мулайшо, Ф. Муликита и др.

Наибольшее распространение и известность в Африке и за ее пределами получили замбийские произведения публицистического жанра. На его развитие огромное влияние оказал президент К. Каунда, который, развивая философию «гуманизма» применительно к африканской культуре, утверждал ее значение и ценность для мировой цивилизации («Я буду стараться», 1965 г.; «Гуманист в Африке», 1966 г.; «Джингала», 1969 г. и др.).

В последние годы в Замбии появилось много способных молодых литераторов, лучшие произведения которых печатаются в журналах либо выходят отдельными сборниками (например, «Голоса Замбии»). Среди талантливых писателей и поэтов есть выходцы из рабочих (З. Читамба). О большом общественном

значении национальной литературы свидетельствует факт включения ее произведений в учебные программы школ.

Наряду с произведениями художественной литературы на языках народов страны большинство авторов пишут романы, повести, рассказы также на английском языке. Некоторые писатели, получив образование за границей и долго прожив там, по образу мыслей и следованию литературным традициям тесно связаны с европейской культурой. Такие настроения ярко выразил поэт М. Лисимба в стихотворении «Письмо матери» [327, 1973, № 9, с. 128—129]:

«Милая мама,
Прости меня, жертву чужой культуры,
Блудного сына.

.....
Мы не отбросим книгу и не сломаем перо,
Чтобы вернуться домой».

Некоторые авторы, опасаясь быть непонятыми своим народом, нередко отрываются от него и обращаются в основном к европейскому читателю. Вот почему ЮНИП, признав, что «положительная сторона западной жизни оказала определенное влияние на африканское общество», вместе с тем выступает против «вестернизации», угрожающей «распадом культурных ценностей» [44, с. 45].

Деятели национальной литературы объединены в творческие союзы и организации, способствующие их идейно-художественному росту. В 1964 г. ведущие литераторы образовали «Группу новых писателей», которая основала первый литературно-художественный журнал «Литература Замбии». Эта и подобные ей ассоциации ставят целью координировать работу своих коллег, выявлять народные таланты, развивать культурные контакты со странами мира. Студенты и выпускники замбийского университета создали «Творческое общество Мфала». Оно выпускает журнал «Жемчужина Африки», в котором публикуются критические статьи, эпические народные произведения на африканских языках с параллельным их переводом на английский. Издают замбийскую художественную литературу национальное государственное издательство НЕКЗАМ, а также зарубежные издательства.

Драматургия и национальный современный театр получили свое рождение лишь в период независимости, хотя традиции африканских народных театрализованных представлений издревле живут в народе в виде свадебных церемоний и обрядов инициации, религиозных мистерий и бытовых коллективных танцев.

В стране существуют организации, координирующие деятельность работников культуры и помогающие им организационно и материально: департамент культурной службы, театральная ассоциация, Институт африканских исследований. В течение нескольких лет среди деятелей культуры шли дискуссии о пу-

тях развития замбийского искусства, о его функциональной общественной роли. Драматурги и актеры, поддерживающие их государственные и творческие организации понимают, что первоочередная задача театральных и музыкальных коллективов состоит в том, чтобы способствовать просвещению, художественному и политическому воспитанию, пропаганде идей и политики ЮНИП.

В годы независимости в столице и некоторых городах возникли профессиональные и любительские театры, клубы и школьные драматические кружки. Многие из них гастролируют по стране. Большую помощь им оказывает созданное при университете драматическое общество УНЗАДРАМС. В репертуар театров входят драмы и комедии западных и русских драматургов (в частности, А. П. Чехова), адаптации тем, заимствованных у античных авторов и классиков мировой литературы. В последние годы появились интересные драматургические произведения замбийских писателей «Чака Зулу» Ф. Муликиты, пьесы К. Касемы, А. Масийе.

Одна из характерных особенностей замбийского театра — широкое использование фольклора, синтеза драмы, песен и танцев, что повышает художественную ценность представлений, делает их понятными широкой зрительской аудитории.

В стране проводятся конкурсы драматургов и танцевальных ансамблей, фестивали. Лучшие коллективы выезжают на меж-африканские фестивали, в зарубежные гастроли. Среди актеров, певцов, танцоров и музыкантов имеются мастера, получившие международное признание, в том числе в СССР. Среди них — Д. Мазука, П. Мадди и др.

Много делается для музыкального воспитания подрастающего поколения с целью привить ему эстетический вкус, а также сохранить наследие африканского традиционного песенного и танцевального искусства. Уроки музыки — обязательный предмет в программах школ и высших учебных заведений. Институт африканских исследований издает специальные учебники и пособия, его сотрудники ездят по стране, выявляют народные таланты, создают музыкальные коллективы. Ансамбль «Замбия малимба», включивший в свой репертуар старинные и современные танцы, регулярно дает концерты на телевидении, в этнографическом культурном центре Марамба и в Национальном музее Замбии, пропагандирует народное искусство в США, Европе, СССР, Японии [326, 14.08.1980].

Население ряда провинций Замбии сохранило традиционные ремесла (изготовление скульптур, настенная живопись). Однако очагов традиционного изобразительного искусства сохраняется все меньше. Они локализованы в основном на крайнем северо-западе страны. Отмечается также исчезновение некоторых его видов, появление новой трактовки традиционных сюжетов, стилизация форм, уклон в сторону декоративности. Все это следствие колониальной политики, разрушившей в деревнях родо-

племенные связи и не создавшей новой устойчивой социально-экономической структуры.

В настоящее время в масштабах государства предпринимаются попытки использовать старые художественные традиции для возрождения местного искусства на новом уровне. Однако связь между старой и современной культурой все еще хрупка. На смену народному искусству пришли художественные промыслы, которые являются промежуточным направлением между традиционным и профессиональным творчеством. Необычайно быстрое развитие и распространение промыслов обусловлено несколькими причинами. Во-первых, они не требуют больших капиталовложений, во-вторых, занятие ими не предполагает длительной специальной подготовки, в-третьих, их продукция, особенно резные маски и деревянная скульптура, пользуется большим спросом на внутреннем и внешнем рынках [19, с. 247—249]. Официальным центром кустарной промышленности является «деревня ремесленников» в этнографическом музее Марамба. И хотя при изготовлении сувениров используются традиционные сюжеты, все чаще появляются изделия, выполненные в псевдоафриканском стиле [28, с. 175—178].

Правительство Замбии не в состоянии выделить достаточно средств для удовлетворения нужд культурного строительства, особенно в области искусства. Правительство Замбии понимает, что одним из важнейших факторов социального и культурного и научного прогресса страны является укрепление и всестороннее развитие межгосударственных связей. Поэтому его деятельность осуществляется в полном соответствии с решениями XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 1978 г. и Уставом ООН (см. [16]). Большое внимание оно уделяет межафриканским контактам, чему способствует созданный при ОАЕ Комитет по вопросам культуры и науки.

Ежегодно деятели науки, просвещения, культуры, искусства и кино Замбии выступают на конкурсах, фестивалях африканского искусства, выезжают на гастроли в соседние страны и принимают из них своих коллег, участвуют в региональных и международных научных и библиотечных конгрессах и симпозиумах.

Расширение подобных связей способствует культурному взаимовлиянию и взаимообогащению. Так, в Восточной и Южной Африке, в Намибии большой популярностью пользуются замбийская оркестровая музыка, танцевальные стили и ритмы. В свою очередь, в Замбии получили распространение танцы из Анголы, Заира, ЮАР, там же были заимствованы некоторые песни.

Замбия накопила немалый опыт культурного сотрудничества с странами социалистического содружества, девиз которого — равноправие, взаимная выгода и уважение друг к другу. В августе 1966 г. в Москве было подписано соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Замбией. В этом документе говорится, что, стремясь к расширению культурных

связей в интересах дальнейшего развития дружественных отношений и укрепления взаимопонимания между советским народом и народом Замбии в рамках законов, действующих в каждой стране, на основании принципов уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга и равенства, правительства СССР и Замбии обязуются в рамках своих возможностей и потребностей способствовать обмену опытом и достижениями в области высшего образования и народного просвещения, здравоохранения, искусства, литературы, кино, радиовещания и телевидения, печати, спорта, туризма, поощрять контакты между научными учреждениями, библиотеками.

В развитие этого соглашения стороны неоднократно принимали программы культурного и научного сотрудничества, в которые включались конкретные мероприятия в области культурного сотрудничества. Так, программа на 1985—1987 гг., подписанная в Лусаке в августе 1986 г., предусматривает: предоставление советских стипендий для подготовки высококвалифицированных замбийских специалистов в высших и средних учебных заведениях СССР, в том числе через аспирантуру и научно-педагогическую стажировку; командирование в Замбию советских преподавателей общеобразовательных дисциплин для средней школы и русского языка для вузов Замбии; дальнейшее сотрудничество между Московским горным институтом и горным факультетом университета в Лусаке; обмен образцами учебников и учебно-методической литературой; обмен учеными по линии АН СССР и Национальным советом по научным исследованиям Замбии; участие замбийской делегации кинематографистов в Московских международных кинофестивалях 1985 и 1987 гг., в IX Ташкентском кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки в 1986 г.; проведение недели советских фильмов в Замбии в 1987 г. и т. п.

Развитию отношений в области образования и подготовки кадров способствует подписанный в марте 1973 г. советско-замбийский протокол о взаимном признании дипломов об образовании и присвоении ученых степеней.

Углублению процесса взаимопонимания, расширению объема информации о Советском Союзе способствует действующее с ноября 1974 г. соглашение между ТАСС и информационным агентством ЗАНА [19, с. 94—97], в соответствии с которым в июле 1975 г. оно начало прием оперативной информации ТАСС, предназначенной для публикации в местных газетах, передач по радио и телевидению. Налаживаются связи между научными центрами обеих стран.

Подготовка национальных кадров — один из основных аспектов двустороннего советско-замбийского сотрудничества. Советские учителя, врачи, преподаватели вузов и другие специалисты работают в Замбии, передавая свой опыт. Замбийские студенты обучаются в советских университетах и учебных заведениях. Крупнейшие библиотеки Замбии поддерживают связи

с библиотеками СССР по линии международного книгообмена.

Более частыми и разносторонними становятся контакты между деятелями культуры. В октябре 1967 г. состоялись первые гастроли советских артистов в Замбии, с успехом выступавших в рамках национального фестиваля искусств. С тех пор советские артисты не раз посещали страну. Трижды в СССР гастролировал национальный ансамбль танца Замбии. Расширяются связи в области культуры и спорта. Идет обмен художественными коллективами, фильмами. Происходят постоянные встречи деятелей культуры и кинематографии на конференциях писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате и на кинофестивалях этих стран в Ташкенте.

К торжественным датам в истории СССР на экранах замбийских городов демонстрируются советские фильмы по историко-революционной и современной тематике. Особенно большой резонанс получили в местной печати, на радио и телевидении материалы XXVII съезда КПСС. В Лусаке, Ндоле и других городах с большим успехом прошла выставка-продажа советских книг, посвященных этому событию, а также художественной и технической литературы.

Несомненно, что экономические и политические трудности, некоторые другие факторы тормозят осуществление намеченных руководством Замбии преобразований в сфере культуры. Однако общее направление политики в этой области свидетельствуют о большом внимании ЮНИП и правительства к решению проблем культурного развития как одной из важных составных частей общественного развития страны.

Классики марксизма-ленинизма *. Документы и материалы КПСС и международного коммунистического и рабочего движения

1. *Энгельс Ф.* Дополнение к третьему тому «Капитала». — Т. 25. Ч. II.
2. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. — Т. 27.
3. *Ленин В. И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. — Т. 44
4. *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988.
5. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.
6. XIX Всесоюзная конференция КПСС. 28 июня — 1 июля 1988 г. Стенографический отчет. М., 1988.

Архивные материалы

Public Record Office. L:

7. PRO, CO 537/5120 Colonial Newspapers. Soviet Propaganda Colonial Reports 1948—49.
8. PRO, CO 879/157 Communist Prospects in East and Central Africa, by W. H. Ingrams CMG. O. B. E. (African Confidential № 1180, 1953/CO 879/157).
9. Survey of the Communism in Africa. 121—122 PRO, CO 537/5263 Communist Influence in the African Continent. 1950.

Документы и материалы, статистические и справочные издания

10. Африка. Энциклопедический справочник. М., 1985.
11. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. М., 1966, 1983.
12. Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984.
13. Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979.
14. Исследования в области народонаселения. ООН. Нью-Йорк, 1970.
15. Конституции государств Африки. М., 1968, т. 2.
16. Организация Объединенных Наций. Сборник документов, относящихся к созданию и деятельности. М., 1956.
17. Приветствия Коммунистической партии Советского Союза в связи с 60-летием Великого Октября. М., 1978.
18. Профсоюзы стран Центральной и Южной Африки. М., 1964.
19. Республика Замбия. Справочник. М., 1982.
20. Советско-африканские отношения. Справочник. М., 1982.
21. Шестдесят лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1978.
22. Шестидесятилетие образования СССР. Зарубежные приветствия. М., 1983.
23. Africa South of the Sahara. L., 1987.
24. Africa Review 1988. L., 1987.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

339. African Research Bulletin. Political, Social and Cultural Series. Exeter.
340. African Social Research. Lusaka.
341. African Studies. Johannesburg.
342. Bulawayo Chronicle. Bulawayo.
343. Cape Argus. Johannesburg.
344. Central African Mail. Salisbury.
345. Central African Post. Salisbury.
346. Daily News. Dar-es-Salam.
347. Daily Telegraph. L.
348. East Africa and Rhodesia. L.
349. Eastern Economist. L.
350. Economist. L.
351. Financial Times. L.
352. Guardian (Manchester Guardian). L.
353. Herald. Harare.
354. Hindustan Times. Delhi.
355. History. L.
356. Jeune Afrique. P.
357. Journal of African History. L.
358. International Herald Tribune. N. Y.
359. Kenya Weekly News. Nakuru.
360. Manchester Guardian. Manchester.
361. Northern News. Lusaka.
362. Northern Rhodesia Journal. Lusaka.
363. Observer. L.
364. Review of African Political Economy. L.
365. Rhodesia Herald. Salisbury.
366. Scandinavian Institute of African Studies. Research Report Uppsala.
367. Scotsman. Glasgo.
368. Shihata News Bulletin. Dar-es-Salam.
369. South Africa Journal of Economics. L.
370. Southern Africa. Johannesburg.
371. Standard Chartered Review. L.
372. Sunday Times of Zambia. Lusaka.
373. Survey of British and Commonwealth Affairs. L.
374. Times. L.
375. Times of Zambia. Ndola.
376. Washington Post. Wash.
377. «Z». Lusaka.
378. Zambia Daily Mail. Lusaka.

СОКРАЩЕНИЯ

АНК Замбия	— Африканский национальный конгресс Замбии
АНК СР (или АНК)	— Африканский национальный конгресс Северной Родезии (или Африканский национальный конгресс)
БСАК	— Британская южноафриканская компания
ВВП	— Валовой внутренний продукт
ВВС	— Военно-воздушные силы
ВОЗ	— Всемирная организация здравоохранения
ЕЭС	— Европейское экономическое сообщество
ЗАНА	— Информационное агентство Замбии
ЗАПУ	— Союз африканского народа Зимбабве
ЗЕСКО	— Корпорация Замбии по производству и распространению электроэнергии
ЗИМКО	— Корпорация промышленности и горного дела.
ЗНЕК	— Национальная энергетическая корпорация Замбии
ИНДЕКО	— Корпорация промышленного развития
КАП	— Конгресс африканских профсоюзов Северной Родезии
КПЗ	— Конгресс профсоюзов Замбии
МБРР	— Международный банк реконструкции и развития
МВФ	— Международный валютный фонд
МЕМАКО	— Корпорация по сбыту металлов
МИНДЕКО	— Корпорация развития горнодобывающей промышленности
МПЛА	— Народное движение за освобождение Анголы
НАМБорд	— Национальное сельскохозяйственное закупочно-сбытовое у- правление
НАТКО	— Национальная транспортная корпорация
НЕКЗАМ	— Национальная компания Замбии по изданию педагогической литературы
НИЕК	— Национальная импортно-экспортная корпорация
НККМ	— «Нчанга консолидейтед коппер майнз» (горнорудная ком- пания)
НПП	— Национальная прогрессивная партия
ОАЕ	— Организация африканского единства
ОКП	— Объединенный конгресс профсоюзов
ОФП	— Объединенная федеральная партия
ПАФМЕКСА	— Панафриканское движение Восточной, Центральной и Юж- ной Африки
ПРООН	— Программа развития ООН
РДК	— Корпорация сельскохозяйственного развития
РКМ	— «Роан консолидейтед майнз» (горнорудная компания)
СДР	— Специальные права заимствования
СВАПО	— Народная организация Юго-Западной Африки
СИПЕК	— Межправительственный комитет стран — экспортеров меди
ТАЗАРА	— Управление железной дорогой Танзания — Замбия
ТАНЗАМ	— Железная дорога Танзания — Замбия
или ТАЗАР	
ФАО	— Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН
ФИНДЕКО	— Финансовая корпорация развития
ЭКА	— Экономическая комиссия ООН для Африки
ЮНИП	— Объединенная партия национальной независимости
ЮПП	— Объединенная прогрессивная партия

**УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

- Аберкорн 50, 70, 71
Аберкорн, дистрикт 61
Азия 77, 82, 211, 234, 265, 269, 270
амбо (камбонсенга), этн. 6, 39
Америка Латинская 208, 234, 269
Америка Центральная 209, 247
англичане 53, 78
Англия (см. Великобритания)
ангоны (нгони, мазиту, мангвангара), этн. 5, 22
Ангола 5, 6, 11, 22, 25, 27, 28, 30, 31, 38—41, 111, 150, 152, 210, 214—222, 225, 226, 247, 268
анчоли, этн. 61
АРЕ 51, 82
арабы 38
Аргентина 223
Атлантический океан 5, 40, 42
ауши (вауши), этн. 6, 29
Афганистан 210, 221
Африка 5, 8, 11, 14, 17, 18, 39, 40, 42, 43
 Восточная 6, 16, 17, 30, 41, 42, 44, 77, 83, 84, 146, 219, 232, 234, 268
 Северная 77
 Тропическая 7, 18, 23, 31, 79, 160, 163, 180, 188, 194, 236
 Центральная 6, 22, 30, 31, 34, 40, 42, 83, 84, 91, 99, 114, 115, 146, 219, 262
 Юго-Восточная 18, 44, 45, 47
 Южная 5, 6, 16, 17, 22, 30, 41, 53, 86, 146, 164, 223, 247, 251, 252, 262, 268
Африка Британская Центральная 5, 83, 99, 106, 107, 109, 112
Африка Португальская Восточная 38, 50, 51
ачева, этн. 36, 61
балози (лози, баротсе, луйяна) 30
Балуба, ист. 35
балуба, этн. 27
балунда, этн. 27
Бангвеулу, бол. 39
Бангвеулу, оз. 5, 36, 43
банкойя, этн. 18
банту, этн. 5, 17, 18, 250
Баротселенд (Баротсе), ист. 6, 9, 20, 30, 34, 41, 46, 48, 54, 71, 85, 106, 112, 117, 119, 120, 122, 130—132, 217, 265
Баротсе, провинция 129, 135
басубия, этн. 5
басуто, этн. 32, 33
батва, этн. 18
Батока, плато 19—21
бахурутсе, этн. 33
бвиле, этн. 6
бвиллили, этн. 28, 29
Бейра 150, 154
Бельгия 41, 226
бемба, этн. 5, 6, 20, 27, 29, 35—38, 43, 47, 110, 118—120, 129, 130, 132—136, 258, 263
Бенгела 5, 40
бечуаны, этн. 32, 46
Биафра 217
Бие, плато 40
биса, этн. 6, 20, 27, 28, 36, 39, 40
Ближний Восток 77, 208, 209
Болгария 51, 227
Ботсвана 5, 12, 210, 214, 216, 239
Браззавиль 216
Брокен-Хилл 15, 51, 71, 74, 86, 104
Буганда 31, 32
Бурунди 19
бушмены, этн. 17, 18
Бэнкрофт 86
Вашингтон 209, 217, 221, 224, 225, 247
ве, этн. 6
Великобритания (Англия) 5, 40, 41, 43, 44, 45—48, 53, 54, 61, 78, 82—84, 86, 89—91, 96, 98, 104, 108, 109, 114—116, 120—122, 125, 161, 172, 173, 190, 208, 212, 215, 219, 223, 225, 226, 234, 236—239, 244, 250—252
Виктория, вдп. 5, 31, 42, 143
Виктория-Фолс 15, 33, 89, 90, 116
Виктория-Фолс, ГЭС 90
Восточная провинция 119, 123, 142, 166
Габороне 222
Гавана 211
Гамбия 5, 50
Германия 41, 44, 50, 77

- Гвинея-Бисау 219
ГДР 146, 227, 242
гова, этн. 6
- Дания 226, 240
Дар-эс-Салам 51, 151, 196, 211, 218,
227, 237
Дели 211, 246
Диего-Гарсия 208
Драконовы горы 16
- Европа 77, 95, 232, 265, 267
Египет 51, 82
- Заир 5, 6, 19—21, 25, 27, 28, 122, 150,
215, 268
Замбези, р. 5, 7, 20, 21, 28, 30, 33,
34, 38—42, 44—46, 48, 50
Занзибар 43, 227
Западная провинция 142
Зимбабве 5, 6, 11, 16, 18, 19, 31, 47,
172, 210, 213, 214, 216, 218, 222,
232, 234, 247, 264
Золотой Берег 50
зулусы, этн. 32
Зумбо 38, 39
- Израиль 208, 209
ила, этн. 6, 22, 34, 40
имилангу, этн. 30
Ингомбе Иледе, ист. 21
Индийский океан 5, 7, 20, 21, 24, 28,
39, 40, 211
Индия 50, 82, 165, 212, 226, 232, 246
Инскип, ист. 18
Исаму Пати, ист. 20
Исока, 122
Италия 189, 190, 226, 238
- Кабве 7, 15, 119, 148, 175
Кабомпо, р. 30
кавенди (венакавенди), этн. 6
Казембе, ист. 27, 28, 30, 39, 40, 43, 45
Каламбо, ист. 17, 31
Каламбо-Фолс 15, 19
Калахари, пустыня 18, 19, 31
Каломо 18—20
Калунду 19, 20
Камангоза, ист. 20
Камлучия 210
Канада 212, 226, 237
каонде, этн. 6, 23, 263
Капвиримбве 19
Каприри-Мпоши 151, 196
Каприви 222
Кариба ГЭС 10, 223, 237
Кариба, оз. 95, 96
Карибское вдхр. 5
Касама 36, 51, 122, 142, 260
Катаंगा 16, 46, 64, 111
Кафуэ, р. 5, 18, 21, 95, 96, 219, 227
Кафуэ, бол. 6, 72, 175, 195, 237, 239
- Кафуэ ГЭС 195, 233, 237
квангва, этн. 34
Кения 51, 85, 86, 208, 214
кинга, этн. 6
Киншаса 215
Кисали, оз. 20
Китве 75, 248, 260
Китве-Нкана 7
КНР 224, 227, 228, 231, 234
Коломбо 211
Конго 64, 68, 96, 107, 123, 215
Конго, р. 6, 8, 17, 22, 30, 39, 42, 50
Конго, этн. 5
Конпербелт (Медный пояс) 7, 20, 81,
87
Конпербелт, провинция 7, 12, 55, 64,
66, 71, 72, 74, 76, 80, 83, 86, 89,
90, 94, 96, 98, 101, 119, 123, 129,
131, 135, 136, 139, 142, 155, 157,
172, 175, 176, 182, 200
Куба 209, 217, 223
Кубанго, р. 41
- лала, этн. 6, 20, 22, 23, 36, 39, 43
ламба, этн. 6, 20, 39, 40, 46
Леалуи, ист. 35, 46
лендже (ленги), этн. 6, 39, 263
Лесото 214, 216
лея, этн. 6
Ливингстон, г. 7, 71, 72, 74, 94, 119,
142, 175, 222, 252, 260
лима, этн. 6
Линьянти, ист. 33
Лиссабон 40, 41, 220
лиува, этн. 30
Лобито 150
Лови, ист. 30, 38, 40, 46, 118
лози (болози, ротсе, баротсе), этн. 5,
6, 22, 30, 31, 33—35, 120, 129,
130, 132—134, 254, 258, 263
Ломе 215
Лондон 10, 42, 48, 53, 83, 84, 91, 100,
108, 109, 212, 217, 226, 229
Лоренсу-Маркиш 150
Луалаба, р. 28
Луангва, р. 5, 22, 38, 39
Луанда 42, 216, 217
луано (алуи), этн. 6
Луаншья 7, 71, 72, 75, 86, 260
Луапула, провинция 89, 118, 119, 133,
142, 176, 215
Луапула, р. 27, 29, 43, 110
Луба (Заир), ист. 21, 25
луба, этн. 5, 25
лувале, этн. 23, 118, 263
луйи, этн. 6, 30—35, 40, 42
луимбе, этн. 5, 6
Луканга, бол. 31
Луканга, оз. 18, 31
лумбу (нанзела), этн. 6
лунда, этн. 5, 6, 22, 25, 27, 29, 30, 34,
39, 46, 110, 254, 263

Лунда (Муата—Ямво) 24, 25, 27,
28—31, 39, 40
Лундази 122
лундве, этн. 6
лунгу, этн. 20, 36
Лусака 7, 13, 18, 71, 72, 96, 100, 114,
119, 150, 152, 206, 207, 209—212,
214—216, 219—222, 224, 226, 227,
246—248, 252, 260, 261, 269
Лусака, провинция 142, 166
луунда, этн. 6
луэна, этн. 5

Мазабука 21, 72
макололо, этн. 22, 32, 33, 40, 42
макомо, этн. 6, 30
Малави 5, 6, 9, 22, 33, 47, 122, 150,
214, 216, 234
малави (марави), этн. 5, 22
Мальвины (о-ва) 223
мамбве, этн. 20, 23, 36
Мано, ист. 24
Манса 142
Малуту 221
Марави, ист. 22, 24
матабеле, этн. 22, 33
Мачили, ист. 19
маши, этн. 6
машона, этн. 22
Мбала 50
мбове, этн. 6, 30
мбунду, этн. 5, 6
мбукуши, этн. 31
Мбуэла 5
Мвензо 70, 72
Мверу, оз. 5, 27, 28, 36, 45
мканда этн. 24
Мозамбик 5, 6, 16, 22, 28, 38—41, 47,
51, 111, 150, 151, 207, 210, 214,
216, 218,—222, 247
Монгу 142, 260
Мономотапа 7, 21
Москва 67, 217, 247, 248, 268
Млика 37
Муата-Ямво (см. Лунда)
муеньи, этн. 30
мукулу, этн. 6, 29
Мулунгуши 131
Мумбва, пещера 16, 17
Муфулира 7, 74, 86, 119, 195
Мучинга 39
Налоло, ист. 32, 35
Намибия 16, 90, 207, 211, 213, 218,
222, 223, 226, 247
нгони, этн. 20, 36, 47
нгумбу, этн. 6
Ндола 7, 66, 71, 72, 86, 94, 142, 166,
237, 248, 260
ндундулу, этн. 6, 30
Нзалу 16
Нигерия 50, 217

Никарагуа 221, 223
Нкана, шахта 74, 75, 78, 86
нкойя, этн. 5, 34
Нкомати 221
Норвегия 226, 237, 240
нсенга, этн. 20, 24, 27
Нчанга, шахта 75
ньенго, этн. 6, 30
Нью-Йорк 223
ньякьюса, этн. 6
ньянджа, этн. 22, 120, 133, 258
Ньяса, оз. 22, 36, 50
Ньясаленд 24, 52, 68, 82, 83—85, 89—
93, 99, 101, 108, 109, 115, 169,
255

Пекин 227, 228
Перу 150
Пири 24
Польша 223, 227
Португалия 40, 41, 44, 207, 220
португальцы 38, 41
Претория 10, 40, 215, 216, 221—223

Родезия

Северная 9, 10, 48—62, 64, 66—
70, 72—74, 76—102, 104—124,
145, 164, 166, 168, 169, 173, 215,
228, 244, 250—256, 265
Северо-Восточная 48, 121
Северо-Западная 48, 121
Южная 9, 10, 52, 58, 64, 68, 82—
87, 89—99, 101, 111, 115, 129,
131, 139, 169, 172, 196, 198,
239, 244, 250, 252

Саби, р. 46
сала, этн. 6
Санги 20
Сахара, пустыня 17
Свазиленд 214, 216
свака, этн. 6
Себандзи Хил 21
сева, этн. 6
Северная провинция 22, 89, 110, 118,
123, 133, 136, 142, 176
Северо-Западная провинция 176
сенга, этн. 6, 20
Сенегал 50, 214
Сенегал, р. 214
Серенджа 16
сибийя, этн. 31
симаа, этн. 6, 30
Симбузенга, ист. 20
СССР 82, 85, 146, 208, 217, 242, 244—
249, 265, 267—270
Солвези 16, 142, 260
соли (соди), этн. 6, 20, 22, 23, 120
Солсбери 92, 216
Сомали 208
Средиземное море 51
суахили, этн. 5, 61

субиа, этн. 5, 6
Судан 51, 83
сукума, этн. 36
США 69, 146, 189, 208—211, 220—225,
234, 236, 237, 239, 242, 246, 247,
267
Сьерра-Леоне 50

таба, этн. 6, 36, 43, 44
Танганьика, оз. 5, 6, 21, 36, 51, 70
Танганьика 50, 52, 68, 85, 111
Танзания 5, 6, 12, 150, 151, 210, 214,
218, 219, 227
Ташкент 270
тва, этн. 6
Твикенхэм-роуд 19
Тель-Авив 208
Тета, ист. 28, 38—40
тока, этн. 6, 31, 33
тонга, этн. 5, 6, 22, 31, 33, 34, 38, 39,
46, 61, 118—120, 130, 131, 133—
135, 258, 263
тотела, этн. 6, 31
Трансвааль Северный 18
тумбука, этн. 6, 20, 22

Уганда 85, 214
унга, этн. 6

Файф 70
фве, этн. 31
ФРГ 223, 226, 227, 236, 237, 239, 240
Федерация Родезии и Ньясаленда 82,
85, 88, 108, 145, 173, 256
Фейра 38, 39
Финляндия 226, 240
фипа, этн. 5, 6

Форт-Джеймсон 33, 47, 61
Франция 152, 190, 213, 223, 226, 234

Хараре 210—212, 222, 223

Центральная провинция 17, 22, 119,
120, 129, 142, 168, 177

Чамбешу 20, 39
чева, этн. 22, 24, 33, 43
Чибулума 86
Чиланга 94, 239
Чили 146, 150
Чингола 7
Чинсали 70, 71, 122
Чипата 16, 142, 260
Чифубва, пещера 16
чншинга, этн. 6, 29
Чобе, р. 33

Шаба, провинция 6, 25
шаньо, этн. 6, 31
Швеция 226, 236, 237, 240
шила, этн. 6, 29
Шире, р. 22
шона (машона), этн. 31

Южная провинция 89, 119, 120, 129—
131, 142, 168, 177
ЮАР 10, 11, 19, 32, 130, 131, 136,
152, 165, 173—198, 205, 209—211,
214—223, 225, 226, 232, 234, 238,
244
ЮАС 9, 64, 74, 83, 85, 86, 98

яо, этн. 28
Япония 183, 234, 238—240, 267

- Амин И. 214
- Балл Т. (Маннги М.) 13, 30, 31
- Банда Х. 90
- Баптиста П. Ж. 40
- Батлер Р. 114, 117
- Баттен Т. 59
- Беверидж А. 13
- Болдвин М. 13
- Бота П. 221, 222
- Березин В. И. 14
- Брагинский М. И. 180
- Брелсфорд У. 252
- Бфагавана М. 13
- Буш Дж. 225
- Бэйтс А. 13
- Бюровой М. 13
- Ве Г. 46
- Веленский Р. 90, 92
- Визнер Ф. 221
- Вина А. 134
- Виктория (королева) 45
- Вогель Дж. 18, 20
- Вьяс Ч. 265
- Гамитту А. С. П. 40
- Ганди М. 145
- Ганди Р. 212
- Гарви М. 72
- Гатти А. 16
- Гелфенд М. 252
- Глакмен М. 250, 252, 262
- Гома Л. 215
- Гондве И. 69
- Гончаров Л. В. 14
- Горбачев М. С. 228, 246, 247, 249
- Гранде Н. де 16
- Гринфилд Дж. 109
- Гуд У. 69
- Гудэлл 16
- Гупта А. 13
- Дарт Р. 16
- Дейл А. М. 250
- Джонс Н. 250
- Диксон К. 13
- Диуф А. 214
- Док К. М. 250
- Жозе 40
- Звангендаба 33
- Зимба Н. 155
- Зукас С. 86
- Зулу Г. 246
- Иванов Ю. М. 14
- Ивенш Р. 41
- Илларнонов Н. С. 14
- Инграмс В. 85
- Кавоза Иссекия 70
- Казембе II (Чинджанга) 28
- Казембе III 28
- Казембе IV (Келека) 28, 40
- Калонга 24
- Калува Ж. 74
- Калулу С. 131
- Камитондо Н. 265
- Капвелве С. 73, 106, 134—137, 139, 153
- Капеллу Б. К. ди Бриту 41
- Картер Дж. 221
- Касема К. 267
- Касоколо Г. 82
- Катилунга Л. 108, 109
- Каунда К. Д. 10, 12, 71, 73, 103—106, 109—114, 116—121, 123, 125—129, 131, 132, 134—138, 143—147, 151—155, 157—159, 173, 186—189, 192, 200, 202, 204, 205, 207, 209—227, 229, 234, 240, 243, 244, 246—249, 255—257, 261, 263—265
- Кашоки М. 13
- Кеннеди Э. 221
- Кинг К. 225
- Кинг М. Л. 225
- Кингсли Ф. 13
- Киссинджер Г. 221
- Кларк Дж. 16, 18
- Кобишанов Ю. М. 160
- Коилар Ф. 30
- Колсон Э. 14, 252
- Конкола Диксон 101, 106, 107
- Кориндон 46
- Крокер Ч. 221
- Куайяр Ф. 43, 46
- Кузнецова С. И. 14
- Кук Дж. 16
- Кхама 46
- Ласерда-и-Алмейда Ф. Ж. ди 39, 40
- Леваника Годвин 85, 99
- Леваника I 34, 41, 43, 46, 48

Леншина А. 122, 123
Ленин В. И. 45, 56
Леттов-Форбек О. 50—52
Ливингстон Д. 25, 41—43, 250, 251
Линч Дж. 145
Лисимба М. 266
Локнер Ф. 46
Ломбард С. 13
Лусака П. 207

Мадди П. 267
Мазука Д. 267
Маинга Матумба (Т. Балл) 13, 30, 31
Маинта М. 13
Маклеод 106, 109
Макмиллан Г. 109
Макумба 47
Макунго Дж. 13
Маидела Н. 222
Мартин А. 13
Массийе А. 267
Маттако Ж. 72
Мбанга 32
Мбуйу 31
Мванза Х. 13
Мвамба 31
Мвуунга М. 13
Мнибело Г. 13
Милнер А. 148
Милombo Е. 74
Мириманов В. Б. 16
Митчелл Ж. К. 80
Мичелло Дж. 118
Мобуту С. С. 215
Мокалала У. 69
Монкур Р. 79
Монтейру Ж. М. К. 40
Моррис К. 127
Моселекатсе 33
Моффат Дж. 110, 250
Моффат Р. 110, 250
Моффат Томсон Дж. 107, 250
Мпаши С. 255
Мпезени 33
Мпезени III 47
Мсири 46
Муато Ямво 27—30
Муденде Э. 131, 153
Мулайшо Д. 265
Муламбва 32, 33
Мулемба Х. 245
Мулемва Д. 69
Муликита Ф. 255, 265, 267
Мулонда К. 106
Мумба Л. 69
Мундиа Н. 131, 139
Мусокатве К. 215
Мутанда Джембейбе 27
Мушундо П. 255
Мэттьюс Т. 14
Мюллер Х. 218

Набульято Р. 85
Налуманго Н. 13, 82
Нганда Билонга 28
Нгомбала 32
Ндуло М. 13
Неру Дж. 146
Нето А. 216, 217
Нкумбула Г. 73, 93, 94, 103, 104, 109,
111, 113, 114, 117, 131, 153, 255
Норт Э. 51
Нсангу (Нсунгу) 47
Нуйома С. 220
Ньерере Дж. 218, 219
Ньямбе 31
Ньярена Т. 69

Обертолл А. 13
Оджукву Ч. 215
Оливер Р. 17, 19
Оллава П. 13, 144
Орлова А. С. 25

Палмберг М. 13
Перышкин Е. Б. 14
Пинту Франсишку Жуан 39
Пирейра Мануэл Гаэтану 39
Пула Р. 88
Пэсседж Д. 221

Расмуссен Т. 134
Рейган Р. 209, 225, 246
Рейнджер Т. 14, 262
Рейнолдс Б. 14
Ричардс А. 250
Робертс А. 39
Робертс Дж. 118
Робертсон Р. 86
Родс, Сесиль Джон 45
Рокфеллер Д. 225

Саиди У. 265
Сангамбо Мозе Капутунга 13
Сванидзе И. А. 14, 168
Себитуане 33, 42
Секслету 33, 42
Серпа Пинту 40, 41
Сибакве Дж. 69
Сивала Д. 70
Силва Порто (Антонио Франсишку
да Силва) 40
Синдано Х. 69, 70
Синкала П. 71
Сипопа 33
Скляр Р. 13
Скотт М. 90
Смит Э. У. 250
Смит Я. 150, 213, 219
Смэтс 51
Соко Ш. Дж. 67
Солсбери лорд 109, 115
Сорменкуна Ф. 13
Стенли Х. 53

Тамбо О. 220
Тембо Л. 13
Тернер В. 252
Томпсон Дж. 45, 46
Тринидад Педро ди 39
Троувел М. 250
Турок Бен 13

Уилсон Т. 250
Унди I 24
Уоддис Дж. 81
Уогсон 80

Фабер М. 95
Филипсон 18, 20
Френкел Г. 206
Френкел С. 58
Фэган Б. 17—19

Хаггинс Г. (лорд Мальверн) 92, 93
Хантер М. 250, 252
Хелен Дж. 13
Хендерсон И. 75
Холл Р. 12, 51
Холман Дж. 252
Хоун Э. 260
Хэйлер Дж. 13
Хюльстаерт Г. 23

Чака 32
Чакулия В. 123
Чаполоко Дж. 137

Черкасов Ю. Н. 94
Чехов А. П. 267
Чивале Дж. 217, 265
Чивунга Дж. 123
Чилембве Дж. 53
Чилуба Ф. 155
Чимба Дж. 137
Чисата Дж. 123
Читамба З. 265
Чнтамбо 43
Читапанкве 43
Читаука А. 255, 265
Читимукулу 36, 47
Чишимба У. 255
Чомбе М. 111
Чона М. 105, 106, 115, 131, 135, 138,
153

Шаревская Б. И. 68
Шарп А. 45, 46
Шеу Т. 217
Шила 28
Шульц Д. 225

Эган Дж. 20
Эдуард VII 46
Энгельс Ф. 45

Яблочков Л. Д. 14, 35
Ямба Д. 97
Янг Р. 221

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. Доколониальная история (Н. А. Ксенофонтова)	15
Древнейшее население. Складывание традиционного общества (до середины II тысячелетия н. э.)	15
Особенности социально-экономического развития народов. Формирование политических объединений и раннеклассовых обществ (XVI—середина XIX в.)	23
Проникновение европейцев и начало колониальной эксплуатации коренных жителей	38
Глава вторая. Колониальный режим в Северной Родезии (1914—1945 г.) (С. С. Новиков)	50
Система колониального управления. Экономика страны в 10—30-е годы	50
Зарождение национально-освободительного движения	67
Глава третья. Изменение методов колониальной эксплуатации и рост национально-освободительного движения народов Замбии (1945—1963)	77
Экономическое и социальное развитие страны в конце 40-х — начале 50-х годов (С. С. Новиков)	77
Становление новых социальных сил и усиление антиколониального движения (С. С. Новиков)	82
Федерация Родезии и Ньясаленда и подъем национально-освободительной борьбы (Л. А. Демкина)	91
Глава четвертая. Достижение независимости и политическое развитие Республики Замбии (М. А. Чуваева)	114
Выход Северной Родезии из федерации. Статус самоуправляющегося протектората	114
Провозглашение независимости. Политическое развитие в период Первой республики	124
Подготовка и установление однопартийной системы	138
Особенности политической системы Второй республики	143
70-е годы — начало экономических и политических трудностей	149
Социально-политическое положение в 80-е годы	153
Глава пятая. Социальное и экономическое развитие независимой Замбии (М. А. Чуваева)	160
Социально-экономическое положение накануне независимости	160
Современное замбийское общество: социально-экономическая структура	172
Экономическая политика правительства	187
Тенденции экономического развития	194
Глава шестая. Замбия в системе международных отношений	204
Внешняя политика (С. А. Слипченко)	204
Внешнеэкономические связи (М. А. Чуваева)	228
Советско-замбийские отношения (С. А. Слипченко)	243

Глава седьмая. Культура народов Замбии (Н. А. Ксенофонтова, М. А. Чуваева)	250
Политика колонизаторов в области культуры	250
Культурное строительство	256
Список использованной литературы	271
Сокращения	281
Указатель географических и этнических названий	282
Указатель имен	286
Summary	289